

SLAVICA REVALENSIA

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И. З. Белобровцева (Таллинн)

Н. А. Богомолов (Москва)

Майкл Вахтель (Принстон)

С. И. Гиндин (Москва)

А. А. Гиппиус (Москва)

Петер Гржибек (Грац)

Димитр Кенанов (Велико-Тырново)

И. П. Кюльмоя (Тарту)

Г. А. Левинтон (С.-Петербург)

М. Ю. Лотман (Таллинн / Тарту)

Н. Г. Охотин (С.-Петербург)

Е. А. Погосян (Эдмонтон)

Ф. Б. Поляков (Вена)

Эндрю Рейнольдс (Мэдисон)

Е. Н. Ремчукова (Москва)

Т. В. Скулачева (Москва)

Л. С. Флейшман (Стэнфорд)

Т. В. Цивьян (Москва)

Таллиннский университет

SLAVICA REVALENSIA

VII

Издательство Таллиннского университета
Таллинн 2020

PERIODICA Universitatis Tallinnensis

Slavica Revalensia. Vol. VII

Редактор: Григорий Утгоф

Корректоры: Дарья Дорвинг, Дэниел Уоррен, Анне Хульч

В оформлении обложки использована акварель Сусанны Чернобровой
«Официанты в зимнем лесу» (2019). Иерусалим. Частное собрание

Авторское право © Авторы статей, 2020

Авторское право © Издательство Таллиннского университета, 2020

ISSN 2346-5824 (print)

ISSN 2504-7531 (online)

TLÜ Kirjastus

Narva mnt 25

10120 Tallinn

www.tlupress.ee

Отпечатано в типографии Grano Digital

СОДЕРЖАНИЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

I

- А. С. Пахомова** (Тарту). Поэтика и контекст оды
Михаила Кузмина «Враждебное море» (1917) 9
- Alexander Dolinin** (Madison / St. Petersburg). On Some
Contexts and Subtexts of Nabokov's *Podvig*..... 37

II

- М. Ю. Коренева, Е. О. Ларионова** (С.-Петербург).
«Воспоминания о Шлёцере» А. С. Кайсарова 55
- Л. И. Соболев** (Москва). Два письма П. А. Вяземского 74
- М. Г. Сальман** (С.-Петербург). Б. М. Эйхенбаум.
Письма к Ю. А. Никольскому 87
- Айя Сакова** (Таллинн / Тарту). Письма Ивара Иваска
Б. Л. Пастернаку 204

III

- М. В. Безродный** (Гейдельберг). Из комментария
к «Пиковой даме»: 5–6 233
- Р. Д. Тименчик** (Иерусалим). Из Именного указателя
к «Записным книжкам» Ахматовой 240

IN MEMORIAM

Олег Анатольевич Коростелев (11.01.1959–20.03.2020)	289
<i>И. З. Белобровцева (Таллинн), О. Р. Демидова (С.-Петербург)</i>	
James Bailey (September 28, 1929 – July 20, 2020)	296
<i>Grigori Utgof (Tallinn)</i>	
Elena Vladimirovna Dushechkina	300
(May 1, 1941 – September 21, 2020)	
<i>Henryk Baran (Albany, NY)</i>	
Николай Алексеевич Богомолов (16.12.1950–20.11.2020)	310
<i>А. Л. Соболев (Москва)</i>	
Abstracts.....	315
Kokkuvõtted	321
Авторы этого выпуска.....	327
Авторам будущих выпусков	332

ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

I

ПОЭТИКА И КОНТЕКСТ ОДЫ МИХАИЛА КУЗМИНА «ВРАЖДЕБНОЕ МОРЕ» (1917)

А. С. Пахомова
(Тарту)

Памяти Николая Алексеевича Богомолова

Враждебное море

Ода

В. В. Маяковскому

Чей мертвящий, помертвелый лик
в косматых горбах из плоской вздыбившихся седины
вижу?

Горгона, Горгона,
смерти дева,
ты движенья на дне бесцельного вод жива!

Посинелый язык
из пустой глубины
лижет, лижет
(всплески – трепет, топот плеч утопленников!),
лижет слова

на столбах опрокинутого, потонувшего,
почти уже безымянного трона.

Бесформенный призрак свободы,
болотно лживый, как белоглазые люди,
ты разделяешь народы,
бормоча о небывшем чуде.

И вот,
как ристалищный конь,
ринешься взрывом вод,
взъяришься, храпишь, мечешь
мокрый огонь
на белое небо, рушась и руша,

сверливой воронкой буравя
свои же недра!

Оттуда несется глухо,
ветра глуше:
– Корабельщики-братья, взроем
хмурое брюхо,
где урчит прибой и отбой!
Разобьем замкнутый замок!
Проклятье героям,
изобретшим для мяса и самок
первый под солнцем бой!

Плачет всё хмурей:
– Менелай, о Менелай!
не знать бы тебе Елены,
рыжей жены!

(Слышишь неистовых фурий
неумолимо охрипший лай?)
Всё равно Парис белоногий
грядущие все тревоги
вонзят тебе в сердце: плены,
деревни, что сожжены,
трупы, что в поле забыты,
юношей, что убиты, –
несчастный царь, неси
на порфирных своих плечах!

На красных мечях
раскинулась опочивальня!..
В Елене – все женщины: в ней
Леда, Даная и Пенелопа,
словно любви наковальня
в одну сковала тем пламенней и нежней.

Ждет.
Раззолотили подушку косы...
(Братья,

впервые)
– Париса руку чует уже у точеной выи...
 (впервые
 Азия и Европа
 встретились в этом объятьи!!)
Подымается мерно живот,
круглый, как небо!
Губы, сосцы и ногти чуть розовеют...
Прилети сейчас осы, –
в смятеньи завьются: где бы
лучше найти амброзийную пищу,
которая меда достойного дать не смеет?

Входит Парис-ратоборец,
белые ноги блестят,
взгляд –
азиатские сумерки круглых, что груди, холмов.
Елена подьмет темные веки...
 (Навеки
 миг этот будет, как вечность, долог!)

Задернут затканый полог...
 (Первая встреча! Первый бой!
 Азия и Европа! Европа и Азия!!
 И тяжелая от мяса фантазия
 медленно, как пищеварение, грезит о вечной народов битве,
 рыжая жена Менелая, тобой,
 царевич троянский, тобой
 уязвленная!
 Какие легкие утром молитвы
 сдернут призрачный сон,
 и все увидят, что встреча вселенной
 не ковром пестра,
 не как меч остра,
 а лежат, красотой утомленные,
 брат и сестра,
 детски обняв друг друга?)

Испуга
ненужного вечная мать,
ты научила проливать
кровь брата
на северном, плоском камне.
Ты – далека и близка мне,
ненавистная, как древняя совесть,
дикая повесть
о неистово-девственной деве!..
Дуй, ветер! Вей, рей
до пустынь безлюдных Гипербореев.
Служанка буйного гения,
жрица Дианина гнева,
вещающая дева,
ты, Ифигения,
наточила кремневый нож,
красною тряпкой отерла,
среди криков
и барабанного воя скифов
братское горло
закинула
 (Братское, братское, помни!
 Диана, ты видишь, легко мне!)
и вдруг,
как странный недуг,
мужественных душ услада
под ножом родилась
 (Гибни, отцовский дом,
 плачьте, вдовы девы, руки ломая!
 Бесплодная роза нездешнего мая,
 безуханный, пылай, Содом!)
сквозь кровь,
чрез века незабытая,
любовь
Ореста и его Пилада!

Море, морево, мать,
сама себя жрущая,
что от заемного блеска месяца
маткой больною бесится,
полно тебе терзать
бедных детей,
бесполезность рваных сетей
и сплетенье бездонной рвани
называя геройством!
Воинственной девы безличье,
зовущее
к призрачной брани...
но кровь настоящая
льется в пустое геройство!
Геройство!
А стоны-то?
А вопли-то?
Прóклято, прóклято!
Точило холодное жмет
живой виноград,
жница бесцельная жнет
за рядом ряд.
И побледневший от жатвы ущербный серп
валится
в бездну, которую безумный Ксеркс
велел бичами высечь
(цепи – плохая подпруга)
и увидя которую десять тысяч
оборвануных греков, обнимая друг друга,
крича, заплакали: «Θάλασσα»!

1917. Апрель.¹

¹ Цит. по: Кузмин 2000: 332–336. Деление на строфы и строки уточнено по: Кузмин 1918: 71–76. Далее в тексте стихотворение цитируется по этим источникам.

Большое стихотворение М. А. Кузмина «Враждебное море», снабженное авторским жанровым определением «Ода», впервые вышло в свет в сборнике «Тринадцать поэтов» во второй половине 1917 г. Единой платформы у сборника не было, что подчеркивало его нарочито беспрограммное название; дополнение, объясняющее прагматику выхода книги – «Отклики поэтов на войну и революцию» было напечатано не на самой обложке, а на издательской манжетке. Впоследствии автор включил свое произведение в состав сборника «Вожатый» (1918), где ода обрела еще и посвящение – «В. В. Маяковскому».

Хотя «Враждебное море» не принадлежит к числу хорошо изученных текстов Кузмина, к настоящему моменту проделана большая работа по комментированию и выявлению его подтекстов, к чему располагает этот предельно усложненный, пронизанный множеством аллюзий текст. На особое положение оды в творчестве автора впервые обратил внимание В. Ф. Марков, отметив, что «...поэма – водораздел для поэта. Она как бы символизирует появление нового, “трудного” Кузмина» (Марков 1977: 368). В комментариях к первому собранию стихотворений поэта Дж. Э. Малмстад и В. Ф. Марков выделили основные мифологические и исторические сюжеты оды (см.: Марков, Малмстад 1977: 654). Работу по комментированию продолжил Н. А. Богомолов, опубликовавший сохранившийся план стихотворения (см.: Кузмин 2000: 734), а также вписавший его в контекст творчества Кузмина 1917 г., показав взаимодействие в нем политических и эротических мотивов (см.: Богомолов 1999: 542). Как образец гностической темы, к которой Кузмин обратился в конце 1917 г., «Враждебное море» было рассмотрено Л. Г. Пановой, ею также были предприняты попытки очертить сюжет стихотворения и выявить источники, которыми мог пользоваться Кузмин при его создании (см.: Панова 2006: 462–468).

Проделанная нашими предшественниками работа не исчерпывает всех смыслов, наполняющих это сложное герметичное произведение. Среди прочих подходов к тексту «Враждебного моря», нам представляется наиболее интересным тот, что связан с общественно-политическим контекстом и отношением Кузмина

к революционным событиям. Кузмин пишет «Враждебное море» именно в 1917 году и, значит, имеет смысл проследить, какие интересы автора как в области политики, так и в области поэтики, характерные для этого времени, отразились в тексте. Вследствие почти полного отсутствия документальных свидетельств жизни автора до 13 октября 1917 г. (когда начинаются записи в дошедшей до нас части Дневника)², позицию Кузмина невозможно реконструировать иначе, чем обратившись к созданным им в начале 1917 г. немногочисленным текстам.

Согласно авторской датировке, а также авторскому списку произведений³, ода была написана в апреле 1917 г. Ее созданию предшествовало несколько событий, демонстрирующих вовлеченность Кузмина в пореволюционное культурное строительство. В марте 1917 г. он примкнул к группе писателей и художников «Свобода искусству», занявшей крайне левую позицию по отношению к положению искусства в пореволюционной России (группа выступала за полное исключение искусства из сферы ведения государства) (см.: Марцадури 1990: 33–108). Вместе с Кузминым в «Свободу искусству» вступили В. В. Маяковский, Н. Н. Пунин, Н. И. Альтман и др. Вскоре после этого Кузмин стал членом «Союза деятелей искусств» – первой крупной организации интеллигенции пореволюционного Петрограда⁴, где также сблизился с левым крылом: Н. Ф. Лапшиным, В. В. Маяковским, Н. И. Альтманом, В. Э. Мейерхольдом, В. Е. Татлиным и др. (см.: Крусанов 2003: 19).

Вовлечение в групповую деятельность сопровождалось восторженным отношением Кузмина к революции. В апреле–мае 1917 г. он опубликовал несколько прославляющих ее стихотворений: «Русская революция» (Нива. 1917. № 15), «Волынский полк»

² РГАЛИ. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 57. Дневник VIII: 13 октября 1917 – 27 июля 1919. Тетрадь VII, в которой содержались записи интересующего нас периода, а также предшествующие ему (с 29 октября 1915 по 12 октября 1917), была утеряна, по мнению С. В. Шумихина, уже к моменту продажи Кузминым своего дневника в Государственный литературный музей в ноябре 1933 года (см.: Шумихин 1990: 140).

³ РГАЛИ. Ф. 232. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 11об., л. 15. См. также беловой автограф: ОР РНБ. Ф. 400. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 12 – 15об.

⁴ О нем подробнее см.: Перхин 2002: 47–124; Крусанов 2003: 8–29.

(Русская воля. 1917. 16 апр. Утр. вып.), «Майский день» (Русская воля. 1917. 18 апреля. Утр. вып.), «Не знаю, душа ли, тело ли...» (Русская воля. 1917. 17 мая. Утр. вып.). По времени написания «Враждебное море» примыкает к этим текстам, однако отличается от них, в числе прочего, видимым отсутствием революционной темы. Н. А. Богомолов объяснил это обстоятельство тем, что «революционные» стихотворения по-разному отразили личную заинтересованность автора в происходящем: «Майский день» представляет собой «заказ редакции», «Русской революции» «придано живое движение, определяемое ... топографией описываемого» – упоминанием значимых для Кузмина мест Петрограда, «Враждебное море» является примером «глубоко личных» стихотворений, в которых «просматриваются политические мотивы» (Богомолов 1999: 541–542).

В ряду революционных стихотворений «Враждебное море» выделяется, помимо всего прочего, и формально: особенности текста сигнализируют о том, что Кузмин использовал в нем элементы иной, не встречавшейся у него ранее, поэтики. Разрыв особенно ощутим на фоне сложившейся репутации Кузмина, «визитной карточкой» которого было обращение к древности. Прославивший его цикл «Александрийские песни» (1906) привел к формированию у поэта репутации «ожившей мумии»⁵, «александрийца», «чьей-то волей заброшенного к нам в современность»⁶. Особенностью поэтики Кузмина рецензенты называли живое, детальное изображение ушедшей эпохи: в его стихах «...перед нами снова оживает древняя Александрия» (Дикс 1909: 385). Эта репутация оставалась живой и актуальной моделью восприятия на протяжении 1910 – начала 1920-х гг.: «Я не верю (искренне и упорно), что М. А. родился в Ярославле <...> Он родился в Египте, между Средиземным морем и озером Мареотие, на роде Эвклида, Оригена и Филона, в солнечной Александрии, во времена Птолемея. Он родился сыном эллина и

⁵ Волошин М. А. «Александрийские песни» Кузмина – Русь. 1906. № 83. 22 декабря. С. 3.

⁶ Митрохин Д. Среди волн поэзии: (Сборник «Корабли»). – Утро. 1907. № 75. 18 марта. С. 1. Подробнее о формировании этого образа см.: Панова 2006: 325–423.

египтянки <...> он любил Александрию и вот – не в силах разлюбить ее на берегах Невы» (Голлербах 1922: 43).

«Враждебное море» не наследует поэтике и сложившемуся образу автора «Александрийских песен». Прозаизмы ранней кузминской лирики, призванные объемнее воссоздать ушедшую эпоху («...люди видят чаек над морем / и женщин на плоских крышах, / люди видят воинов в латах / и на площади продавцов с пирожками» («Любовь»). – Кузмин 2000: 113), сменились в оде вкраплениями грубой лексики, контрастирующей с мифологическими и историческими сюжетами: «Проклятье героям, / изобретшим для мяса и самок / первый под солнцем бой!». Синтаксис, в противовес лиричной разговорной интонации «Александрийских песен», демонстративно архаизирован и затруднен, в том числе посредством развернутых сравнений: «И тяжелая от мяса фантазия / медленно, как пищеварение, грезит о вечной народов битве». На фонетическом уровне текст характеризует обилие аллитераций на звуки [р], [г], [б], не только воссоздающих гул и рокот моря, но и создающих впечатление грубой, агрессивной речи: «Горгона, Горгона, смерти дева». Неожиданной оказывается и метрическая организация оды на фоне абсолютно преобладающего у Кузмина к этому времени четырех- и пятистопного ямба и более «плавного» верлибра «Александрийских песен»⁷ – ода написана свободным акцентным стихом, который кажется еще более неурегулированным за счет разносложности и подвижной рифмы (см.: Марков 1977: 369), что дополнительно усложняет восприятие стихотворения. В отдельных местах имитируются строки гекзаметра: «Горгона, Горгона, / смерти дева, / ты движенья на дне бесцельного вод жива!». Все это позволяет говорить о том, что «Враждебное море» – уникальный текст, «древность» в котором представлена наиболее непривычным для Кузмина способом.

Истоки новой поэтики отчасти связаны с жанровой принадлежностью текста: Кузмин называет свое произведение «одой».

⁷ См. данные метрического справочника к стихотворениям Кузмина 1914–1920 гг.: Гик 2015: 235–241.

Это единственная ода в его творчестве: несмотря на обилие в кузминской поэзии сложных строфических форм (газелла, сонет, спенсерова строфа), одической строфой поэт никогда не пользовался. Меж тем, наличие жанрового определения было для Кузмина обязывающим фактором: помещая его в название или подзаголовок текста, поэт сигнализировал, что стихотворение будет строго выдержано в рамках выбранной формы («Тринадцать сонетов», 1903; «Венок весен. Газэлы», 1908). За этим стояла осознанная творческая позиция: художественная форма диктовала свои законы, должны быть незыблемыми для поэта.

Пристальнее вглядываясь в форму кузминской «оды», можно обнаружить средоточие характерных одических приемов. Напряженная интонация, разрешающаяся восклицаниями, обилие мифологических имен и сюжетов, длинные распространённые периоды с многочисленными эпитетами и определениями и главное – ощутимая хоровая природа (в оде можно видеть выделенные графически вставки отрезков текста в скобках, выполняющие функцию хора) свидетельствуют о том, что Кузмин в 1917 г. пишет оду пиндарического типа, которая с момента своего появления в русской поэзии в начале XVIII в. «на всех своих уровнях требовала шума, звона, напряжения и экстаза» (Алексеева 2005: 95).

Поверх традиции «пиндарической оды», сложившейся в русской поэзии, Кузмин, сохраняя хоровую организацию и фрагментарную композицию текста, обращается к более древней форме эпипикиев, в которых связность сюжета уступает ассоциативному построению, рассчитанному на соучастие слушателя (см.: Гаспаров 1980: 371). Во «Враждебном море» Кузмин аналогичным образом не последовательно разворачивает определенные мифологические сюжеты, а словно «выхватывает» из мифа наиболее яркий и репрезентативный эпизод. Так, сюжет о причинах Троянской войны редуцирован до двух фрагментов: обращение к Менелая и встреча Елены и Париса. Сама война только подразумевается, о ней пророчат звучащие из недр моря слова: «Все равно Парис белоногий / грядущие все тревоги / вонзят тебе в сердце: плены, /

деревни, что сожжены, / трупы, что в поле забыты, / юношей, что убиты...». Схожим образом вводятся сюжеты об Ифигении, Оресте и Пиладе, походе Ксеркса.

В центре образной системы кузминской оды – «враждебное море», слепая, ненаправленная стихия (два раза в тексте при ее описании повторяется слово «бесцельный»):

И вот,
как ристалищный конь,
ринешься взрывом вод,
взъяришься, хранишь, мечешь
мокрый огонь
на белое небо, рушась и руша,
сверливой воронкой буравя
свои же недра!

Строки «Бесформенной призрак свободы, / <...> ты разделяешь народы, / бормоча о небывшем чуде» и «Воинственной девы безличье, / зовущее / к призрачной брани...», а также аллюзии на Троянскую войну и битву при Кунаксе выявляют, что образ моря является метафорой войны. С войной сравнивается и соитие Елены и Париса («Первая встреча! Первый бой!»), ставшее причиной разрушения Трои. Осознанно или нет, Кузмин продуцирует другую античную метафору: море любви Париса и Елены, перепаханное мечом (войной)⁸, откуда, вероятно и взят образ меча в сцене соития («На красных мечях / раскинулась опочивальня!..», «...встреча вселенной / не ковром пестра, / не как меч остра...»).

С другой стороны, море уподобляется «неистово-девственной» деде: со стихией последовательно отождествляются Горгона («Горгона, Горгона, / смерти дева, / ты движенья на дне бесцельного вод жива!»), Елена (в которой «все женщины: в ней / Леда, Даная

⁸ См. анализ О. М. Фрейденберг: «В одной из метафор Эсхила (ее древность засвидетельствована аллитерациями) говорится: “Да не испытаем мы то, из-за чего – великие страдания, ради чего – великое море пропахано мечом”. <...> Великое море, пропаханное мечом, – это то море, по которому отплыл Парис с Еленой в Трою, море любви, вызвавшее войну народов» (Фрейденберг 1998: 244).

и Пенелопа»), Ифигения, Диана. Соединение двух метафор мотивировано двумя значениями слова «лоно» – это и недра воды, и чрево женщины. В финале текста «море» и «мать» сближаются при помощи аллитерации: *«Море, марево, мать, / сама себя жрущая, / что от заемного блеска месяца / маткой больною бесится, / Полно тебе терзать / бедных детей, / бесполезность рваных сетей / и сплетенье бездонной рвани / называя геройством!»*. В море–стихии подчеркивается порождающее, женское начало, инверсивно переосмысленное: море беременно своим собственным гневом, оно рождает детей для того, чтобы самому их убить. Этот сюжет развивают голоса корабельщиков, звучащие из «брюха» моря, а также готовность Ифигении убить своего единокровного брата Ореста: *«Испуга / ненужного вечная мать, / ты научила проливать / кровь брата / на северном плоском камне»*.

Главным событием, определяющим сюжет и логику развития художественного мира «Враждебного моря» становится война. Она воспринимается Кузминым в мифологическом ключе. Основные сюжетные элементы оды можно перечислить следующим образом: убийство Персеем Медузы Горгоны; похищение Елены Парисом и начало троянской войны; сюжет об Ифигении в Тавриде и ее намерении убить собственного брата Ореста; любовь Ореста и Пилада; события 480 года до н. э., когда персидский царь Ксеркс I при переправе через Геллеспонт (Дарданеллы) приказал высечь море, разметавшее наведенные через него переправы; возглас греков, достигших моря, из «Анабасиса» Ксенофонта (события битвы при Кунаксе 401 г. до н. э.). В каждом упомянутом событии в той или иной форме упоминается противоборство Европы и Азии, что особенно ярко представлено в сцене сексуального акта Париса (троянского царевича, символизирующего Азию) и Елены (Греция): *«(впервые / Азия и Европа / встретились в этом объятьи!!)»*. О том, что именно столкновение Европы и Азии было центральным сюжетом оды Кузмина, свидетельствует ее сохранившийся план, опубликованный Н. А. Богомоловым: «Море. Война. Менелай. Фурии. Впервые встреча Азии и Европы. Брат и сестра. Ифигения. Орест и Пилад. Ксеркс» (Кузмин 2000: 734).

Выделенные в оде сюжеты выстраивают хронологически прямую перспективу, ведущую от древности (Персей и убийство Горгоны) через полулегендарную Троянскую войну к событиям, описанным древними историками. На лексическом уровне подчеркивается повторяемость конфликта человека и моря-войны: «Проклятье героям, / изобретшим для мяса и самок / *первый под солнцем бой!*», «грезит о / вечной / *народов битве*», «*чрез века незабытая, / любовь*». «Враждебное» море – стихия, пронизывающая как каждый конкретный сюжет, так и весь исторический процесс: одна картина в прямом смысле *перетекает* в другую. Потенциально эта хронологическая цепочка ведет к современности – о чем говорит место публикации оды, актуализирующее ситуацию, прямо не названную в тексте: Первую мировую войну.

Отношение Кузмина к Первой мировой войне развивалось по типичной для писателя-модерниста начала XX в. траектории: восторженный патриотизм и вера в победу русского оружия сменились сначала настороженным, а затем – резко негативным отношением к затянувшемуся военному положению (см.: Богомолов, Малмстад 2013: 231–234). 27 июля 1917 г. Кузмин вписал стихотворение в альбом коллекционера Л. И. Жевержеева⁹, указав под датировкой «В ужасные дни ненавистой войны». Эмоциональная запись отражает реакцию Кузмина на события войны: к концу июля 1917 г. стало очевидно, что русская армия потерпела серьезное поражение в ходе наступления на Юго-Западном фронте, что усиливало неутрахающее беспокойство писателя.

«Враждебное море» пишется в конце апреля 1917 г. в атмосфере Апрельского кризиса, политического события весны революционного года, когда намерение Временного правительства продолжать войну и выполнять все данные союзникам обещания встретило сопротивление как со стороны Петроградского совета, так и среди уставшего от войны народа. Антивоенную позицию разделили некоторые «левые», к которым Кузмин примкнул в

⁹ Историю присылки альбома Кузмину см.: Дмитриев 2000: 677–678.

составе Союза деятелей искусств, – Маяковский, Хлебников, Анненков и др. В мае 1917 г. они выступили против «займа свободы» (сбора Временным правительством средств для продолжения войны) и отказались поддерживать организованные в день пропаганды займа шествия и торжества, противопоставив им свои антивоенные лозунги (см.: Крусанов 2003: 23–24). Последовательный антимилитаризм Кузмина сближал его, как и во взглядах на положение искусства в пореволюционной стране, с представителями «левого» крыла Союза деятелей искусств.

Первостепенным для понимания пафоса «Враждебного моря» становится то отношение к войне, которое Кузмин выразил в дневниковой записи от 23 декабря 1914 г.: «...были в кинемо. Снят бой. Как умирают. Это непоправимо, и всякого любит кто-нибудь» (Кузмин 2005: 504). Эта идея повторится в записи от 27 октября 1917 г.: «Действительно, все в их <т. е. большевиков. – А. П.> руках, но все от них отступились и они одиноки ужасно. Власти они не удержат, в городе паника. Противные буржуи и интеллигенты все припишут себе, а их – даже не повесят. <...> Опять не исполнится надежда простых, милых, молодых солдатских и рабочих лиц»¹⁰. Сходные по настроению строки присутствуют в описании войны во «Враждебном море», где специально выделен образ «убитых юношей»: «...трупы, что в поле забыты, / *юношей, что убиты*, – / несчастный царь, неси / на порфирных своих плечах!». Война представлялась Кузмину разрушительной, так как всегда несла с собой убийство людей, созданных для любви и радости.

Поэтому во «Враждебном море» появляется другая стихия, противостоящая губительной силе войны – любовь. Сюжетным и эмоциональным центром оды становится соединение Елены и Париса как экспликация идеи о всепобеждающей силе любви: «...и все увидят, что встреча вселенной / не ковром пестра, / не как меч остра, / а лежат, красотой утомленные, / брат и сестра, / детски

¹⁰ Я искренне благодарна Н. А. Богомолу за предоставленную возможность работать с подготовленными им к печати неопубликованными дневниками Кузмина за 1917–1920, 1922 гг. Здесь и далее дневниковые записи 1917 г. цитируются по этим материалам.

обняв друг друга». Однако нельзя не заметить, что при описании их отношений появляются слова «брат и сестра». По мере развития сюжета оды именно «братские» чувства выходят на первый план: Ифигения не может убить Ореста, поскольку узнает в нем своего брата. Таким образом, именно братские отношения противостоят убийству и разрушению.

Если обратиться к другим стихотворениям Кузмина второй половины 1910-х гг., то можно увидеть, как мотив «братства» постепенно усиливается, выдвигаясь на первый план. В стихотворениях военных лет в духе патриотической риторики «братьями» называются русские солдаты: «Мы знаем весть о старом чуде / И верим: братьев не возьмет / Вращающийся пулемет / И град губительных орудий. / Свеча любви, гори, гори!» («Оставшиеся», лето 1914. – Кузмин 2006: 64). Кузмин публикует это стихотворение в паре с текстом «Ушедшие» (1914), в котором раздумье о мобилизованных вызывает глубокое сочувствие и соучастие в их судьбе: «Шаги ваши чутко ловит / Сердце, победы моля» (Кузмин 2006: 64). Другое значение мотива «братства», встречающее в патриотических текстах Кузмина, – братание народов, способное победить войну: «Наступайте, идите, братья, / Перед Богом склоняйтесь ниц! / И пусть победят объятия / Насильственность вражьих границ...» («Отчего не убраны нивы...», <1915>. – Кузмин 2006: 69).

Оба значения этого мотива переходят и в революционную лирику поэта. В стихотворении «Майский день» мотив выражен революционной формулой, наследующей «братству народов» военной риторики: «Но не устану повторять я: / Кровавую развея тень, / Протрубит красный майский день, / Что все народы мира – братья!» (Кузмин 2006: 73). В других стихотворениях «братство» приобретает иное измерение: его доминирующим смыслом становится единение людей, разрушающее сословные и статусные границы. Так, в основу сюжета стихотворения «Русская революция» ложится отказ солдат враждующих сторон стрелять друг в друга: «Двинулись казаки. / “Они отказались... стрелять не будут!...” – / Шипят с поднятыми воротниками шпики» (Кузмин 2000: 630). В финальных строках автор подчеркивает братскую связь русской

и Французской революций: «Русская революция – юношеская, целомудренная, благая – / Не повторяет, только брата видит в французе» (Кузмин 2000: 631). Единение народа – центральное, по мнению автора, событие февральской революции: ему посвящено стихотворение «Волынский полк» (Кузмин 2000: 632). О всеобщем братании идет речь в стихотворении «Не знаю, душа ли, тело ли...»: «Не удивляйтесь, что скромно сияние / В глазах таких родных и ежедневных...» (Кузмин 2000: 632).

Динамика мотива показывает, как конкретизируется понимание «братства» в лирике Кузмина. На наш взгляд, именно это обстоятельство позволяет уточнить отношение поэта к событиям 1917 г.: февральскую революцию Кузмин воспринимает как воплощение чаемого «братства», которое может приблизить единство народов и прекратить разрушительную войну. С одной стороны, такая трактовка Кузминым «братства» укладывается в сложившуюся в России революционную риторику. В лирике 1917 г. «братство», третья часть лозунга Французской революции, превратилось в формулу. К примеру, это один из центральных образов «Рабочей Марсельезы»: «И взойдёт за кровавой зарёю / Солнце правды и братской любви...», в котором воплотились надежды на лучшее будущее, лишённое сословных различий и военных конфликтов (см.: Колоницкий 2012: 296–297). Мотив широко представлен в революционной лирике разных поэтов: «...сброшен насилия гнет... / Да здравствуют братства объятия! / Да здравствует вольный народ!...» (Я. П. Бердников, «Свершилось...», март 1917. – Революционная поэзия 1959: 451), «Свобода и Равенство, Братства венец – / Живительный выгон для ярых сердец» (Н. А. Клюев, «Песнь солнценосца», <1917>. – Клюев 1999: 365).

С другой стороны, «братство» Кузмина шире риторических штампов, поскольку вбирает в себя еще одну традицию – предшествовавшего творчества поэта. В этом контексте «братская любовь» выступает почти постоянным эквивалентом любви гомосексуальной: «Умывались, одевались, / После ночи целовались, <...> Будто с гостем, *будто с братом*, / Пили чай, не снявши маск» (из цикла «Любовь этого лета», июнь–август 1906 г. – Кузмин

2000: 61), «Дороже сына, *роднее брата* / Ты стал навеки душе моей» (из цикла «Холм вдали», май–октябрь 1912 г. – Кузмин 2000: 241) и т. д. Любовь, противостоящая стихии во «Враждебном море», а также явные отсылки к любви Ореста и Пилада¹¹ показывают, что Кузмин интегрировал в текст и это значение. «Братская любовь» Кузмина смыкалась с «братством» революционной риторики, что придавало мотиву дополнительное эмоциональное, чувственное измерение: «братство» представлялось моментом единения, восстановления полноты мира, уничтожением разрушительной стихии. Симпатии Кузмина к февральским событиям в этом свете выглядят органичным продолжением его мировоззрения, а появление «Враждебного моря» – прямым следствием развития освоенных ранее мотивов.

Рецепция стихотворения в прижизненной критике, однако, показывает, что для читателя 1917 г. существовала более актуальная, чем одическая (и тем более – личная кузминская) традиция. В рецензии на сборник «Тринадцать поэтов» Иннокентий Оксенов назвал оду «классически-крепкой и скульптурной», узнав античный субстрат. Однако более значимым для него оказывается другой контекст – предвосхищая посвящение (неизвестное ему), критик пишет, что ода «имеет общее с поэмами “футуриста” Маяковского (ритм, неожиданные образы, первобытная, здоровая грубость)»¹². Грубая метафорика, яркие аллитерации, изломанный ритм акцентного стиха актуализировали иную поэтику – авангардную: впоследствии Кузмин сам обозначит ее, посвятив стихотворение Маяковскому.

Смысл посвящения становится более ясным, если обратить внимание на центральную тему «Враждебного моря» – противостояние человека войне-стихии. Текст на схожую тему находится у Маяковского – это поэма «Война и мир». Несмотря на то, что она

¹¹ См. также замечание Н. А. Богомолова: «...Кузмин еще в “Крыльях” провозгласил устами учителя греческого языка Даниила Ивановича, что “в XV-м веке у итальянцев уже прочно установился взгляд на дружбу Ахилла с Патроклом и Ореста с Пиладом как на содомскую любовь...”» (Богомолов 1999: 542).

¹² Оксенов Инн. Отклики поэтов. – Знамя труда. 1918. № 151. 8 марта (23 февр.). С. 4.

была создана раньше кузминской оды (1915–1916 гг.), именно в 1917 г. автор сделал ее достоянием широкого круга читателей: на протяжении этого года она была неоднократно (не менее четырех раз) прочитана автором в кругах литераторов (см.: Катанян 1985: 124, 127, 129, 133). В печати «Война и мир» появлялась по частям на протяжении всего 1917 г.; отдельным изданием она вышла в декабре 1917 г. (см.: Там же: 136–137). На период создания и публикации оды (1915–1917 гг.) приходится частые контакты Кузмина с домом Маяковского-Бриков, как это установил Л. Селезнев (см.: Селезнев 1989: 69–71). В дневниковой записи, сделанной 26 октября 1917 г., Кузмин отмечает: «...пошли к Брикам. Тепло и хорошо. Маяковский читал стихи». По всей видимости, посвящение выступило знаком тесного взаимодействия двух поэтов.

Впервые тематическую близость и общий антивоенный пафос «Враждебного моря» и «Войны и мира» отметил также Л. Селезнев (см.: Селезнев 1989: 79), объяснив это общими антивоенными настроениями поэтов. Нам представляется, что связь двух произведений выходит за тематические рамки, хотя бы потому, что при внимательном сопоставительном чтении «Враждебного моря» и «Войны и мира» можно обнаружить множественные текстовые пересечения, что говорит не просто о знакомстве Кузмина с поэмой Маяковского, но и о явной ориентации на него. Отметим наиболее яркие:

- образ моря является одним из центральных в поэме Маяковского, к нему близка кузминская трактовка: море символизирует войну, которая, в свою очередь, предстает как слепая стихия, безразличная к человеку. Мотив слепоты стихии объединяет тексты Маяковского («Седоволосые океаны / вышли из берегов, / впились в арену *мутными глазами*». – Маяковский 1955: 221) и Кузмина («Бесформенной призрак свободы, / болотно лживый, как *белоглазые люди*, / ты разделяешь народы, / бормоча о *небывшем чуде*»);
- бой и у Маяковского, и у Кузмина представлен как поток бурных морских волн. У Кузмина: «И вот, / как ристалищный конь, / ринешься взрывом вод, / *взъяришься, хранишь*,

мечешь / мокрый огонь / на белое небо, рушась и руша, / сверливой воронкой буравя / свои же недра!». У Маяковского:

Вдруг –
секунда вдребезги.
Рухнула арена дыму в дыру.
В небе – ни зги.
Секунды быстрились и быстрились –
взрывали,
ревели,
рвали.
Пеной выстрел на выстреле
огнел в кровавом вале.

(Маяковский 1955: 222)

- оба поэта вводят временное измерение, своего рода «точку отсчета» человеческой истории – первый бой. Кузмин: «Проклятье героям, / изобретшим для мяса и самок / первый под солнцем бой!», Маяковский: «Никому не ведомо, / дни ли, / годы ли, / с тех пор как на поле / первую кровь войне отдали, / в чашу земли сцедив по капле» (Маяковский 1955: 225);
- характерно, что и Кузмин, и Маяковский, подразумевая современные события, обращаются к античной истории. В начале третьей части «Войны и мира» появляются Нерон («*Нерон! / Здравствуй! / Хочешь? / Зрелище величайшего театра*»), легенды о великих походах («Куда легендам о *бойнях Цезарей / перед былью, / которая теперь была!*») и битвы гладиаторов («...сегодня / мир / весь – Колизей, / и волны всех морей / по нем изостлались бархатом») (Маяковский 1955: 220). Так конструируется универсальность описываемого противостояния;
- начало «Враждебного моря» и образ поднимающихся со дна утопленников («Посинелый язык / из пустой глубины / лижет, лижет / *(всплески – трепет, топот плеч утопленников!)*»), перекликается с фрагментом из пятой части

«Войны и мира»: «С днищ океанов и морей, / на реях, / *оживших утопших выплыли залежи*» (Маяковский 1955: 236);

- оба поэта используют эротические метафоры военного конфликта.

У Маяковского:

К началу кровавых игр,
напряженный, как совокупление,
не дыша остановился миг.
(Маяковский 1955: 222)

У Кузмина:

Елена подьмлет темные веки...
(Навеки
миг этот будет, как вечность, долог!)
Задернут затканый полог... (Первая встреча! Первый бой!...)

- финал стихотворения Кузмина («...десять тысяч / оборванных греков, обнимая друг друга, / крича, заплакали: [*Море!*]») созвучен фрагменту поэмы Маяковского: «По обрывкам народов, / по банде рассеянной / эхом раскатилось / растерянное / «А-ах!..»» (Маяковский 1955: 237).

Примеры можно множить, однако мы хотим заострить внимание на причинах сходства двух текстов. Прагматику обращения Кузмина к более раннему тексту Маяковского, на наш взгляд, можно рассматривать с двух точек зрения. Во-первых, в диалоге с младшим современником рельефнее выступает позиция старшего. И у Кузмина, и у Маяковского война – это битва народов, Европы и Азии, соединение которых видится единственным возможным выходом из войны и прекращением разгула стихии. Примечательно, что Маяковский также использует водные образы для демонстрации порыва единения: «Это Рейн / размокшими губами лижет / иссеченную миноносцами голову Дуная» (Маяковский 1955: 235), а появившийся в финале «Войны и мира» образ «с Каином / играющего в шашки Христа» (Там же: 241) выступает своеобразным инвариантом кузминского «братства».

Однако если у Маяковского прекращение войны – акт понимания и раскаяния («Когда-нибудь да выстеклится мыслей омут, / когда-нибудь да увидит, как хлещет из тел алá. / Над вздыбленными волосами руки заломит, / выстонет: / «Господи, / что я сделала!»». – Маяковский 1955: 234), то Кузмин видит преодоление стихии в любви. Сексуальный акт, который у Маяковского – метафора похоти и разложения довоенного мира («Нажрут, / а после, / в ночной слепоте, / вывалясь мясами в пухе и вате, / сползутся друг на друге потеть, / города содрогая скрипом кроватей». – Маяковский 1955: 216), Кузмин полемично помещает в центр собственной историософии. Любовь и влечение, по мнению старшего поэта, не принадлежность буржуазного мира, а некая вечная гармонизирующая сила, противостоящая разрушению. Наивысшим проявлением любви становится «братская», мужская любовь: если любовь мужчины и женщины стихийна и вызывает войну (Елена и Парис), то мужская любовь («братство») – созидательна.

В отличие от гуманистического пафоса Маяковского, настроение оды Кузмина окрашено фатализмом – его человек не всемогущ, как герой Маяковского (ни лирический герой, берущий на себя ответственность за мировую бойню, ни чаемый герой нового времени, появляющийся в конце поэмы). Герой Кузмина – один из «корабельщиков-братьев»: внеисторичный человек, борющийся с такой же внеисторичной, бесконечно возвращающейся стихией. Античный пласт, вскрываемый в тексте, и прагматическая направленность оды на события сегодняшнего дня несут с собой идею неотвратимого рока и бессилия человека перед стихией: «Слышишь неистовых фурий / неумолимо охрипший лай?». Ярче всего эту идею выделяет вставной сюжет из VII книги «Истории» Геродота (§ 35): персидский царь Ксеркс, разъяренный неудачным переходом своей армии через Геллеспонт, повелел высечь море. Царя, дерзнувшего напасть на неподвластную ему стихию, Кузмин называет «безумным».

Во-вторых, для старшего поэта, наряду с антивоенным пафосом, были важны способы его выражения – Кузмин пишет собственную «Войну и мир», используя приемы и поэтику Маяковского. Это

обстоятельство уже вызывало недоумение исследователей: по мнению Селезнева, причиной обращения к поэтике авангарда была полемика Кузмина «на поле соперника» с «нигилистическими теориями по отношению к культурному наследию» (Селезнев 1989: 77). Эта интерпретация представляется нам, вслед за Н. А. Богомоловым (см. его комментарий в издании: Кузмин 2000: 734), спорной, так как ни отношение Кузмина к Маяковскому, ни его интерес к авангарду не направлены на их дискредитацию. Напротив, Кузмин широко пользуется завоеваниями «футуризма» в своей революционной лирике (см.: Пахомова 2020: 204–219).

Участившиеся контакты Кузмина с представителями авангардного искусства и солидарность с ними в некоторых принципиальных вопросах (отношение к войне и к положению искусства в России) очевидно затрагивают поэтическую манеру автора, который еще в 1914 г. отмечал «заслуги акмеизма и футуризма (освобождение слова)»¹³. Революция и война требуют не только нового отношения, но и нового языка для его выражения: более живого, грубого, экспрессивного. Такими для Кузмина становятся язык и поэтические приемы авангарда. Отметим вслед за Инн. Оксеновым, что кульминационный момент «Враждебного моря» (где сопрягаются метафоры «море-война» и «море-дева», а также звучит осуждающий голос поэта, призывающего прекратить бессмысленную бойню) отличается скоплением «авангардных» приемов – аллитераций, прозаизмов, корневых повторов и усложненного синтаксиса: «...Море, марево, мать, / сама себя жрущая, / что от заемного блеска месяца / маткой больною бесится, / Полно тебе терзать / бедных детей...».

Воссоздавая события мифологической и исторической древности во «Враждебном море» через поэтический язык «футуризма» и обращаясь к Маяковскому, Кузмин приближает описываемое к настоящему времени, актуализирует сюжет оды в современности. Поэт отстаивает право говорить о мифе и истории на новом языке: его «футуризм» не отвергает прошлое, а устанавливает с

¹³ Кузмин М. А. Как я читал доклад в «Бродячей собаке». – Синий журнал. 1914. № 18. С. 6.

ним преемственную связь, что подчеркивает сплав одической и авангардной традиций. «Враждебное море», будучи, вероятно, наиболее радикальным экспериментом Кузмина в авангардной поэтике, показывает, как писатель воспринимает саму такую поэтику: для него это язык нового мира, наиболее подходящий для отображения свершившихся катаклизмов.

Разговор о позиции Кузмина будет неполным, если не упомянуть еще один виток истории «Враждебного моря». Сборник «Вожатый» вышел в 1918 г., когда антивоенный и революционный пафос уже не были актуальны: схлынули события Февральской и Октябрьской революций, заключен Брестский мир. Кузмин к этому времени отошел от революционных стихов и создал такие им противоположные вещи, как гностический цикл «София. Гностические стихотворения» и эротический – «Занавешенные картинки». Однако публикация «Враждебного моря» с подзаголовком, посвящением и датировкой все-таки состоялась, хотя автор существенно изменил прагматику этого текста. В сборнике «Тринадцать поэтов. Отклики поэтов на войну и революцию» «Враждебное море» было актуальным общественно-политическим высказыванием Кузмина, в книге стихов «Вожатый» ода стала финальной частью раздела «Виденья».

Тематика этого раздела опрокидывала оду в область фикционального. В основе лирического сюжета каждого из шести стихотворений лежит логика фантазии, алогизма. В первом стихотворении («Виденье мною овладело...», 1916) это мотивировано «виденьем», во втором («Серая реет птица...», 1916) – сном, в третьем («Колдовство», май 1917) – магией, в четвертом («Пейзаж Гогена», 1916) экфрасис настолько вовлекает лирического героя, что тот переносится за раму картины. Предшествующий «Враждебному морю» и тематически близкий ему «Римский отрывок» (июнь 1917) представляет собой монолог солдата из армии римского императора Адриана, грезящего о родном городе перед боем. «Враждебное море» на фоне раздела является кульминацией логики фантазии: в нем сочетаются разные мифы и исторические события, образы перетекают друг в друга, ни время действия, ни общий сюжет не

определены. Дополнительно автор нивелирует революционные смыслы, лишая заостренности дату «1917. Апрель»: аполитичное «Колдовство» датировано маем, а «Римский отрывок» – июнем 1917 года. Создается впечатление, что во время восстаний автор вовсе не был ими заинтересован, – что не является правдой.

В «Вожатом» Кузмин словно пытается перечеркнуть свою позицию 1917 г. и революционный энтузиазм, возвратившись к образу «вожатого» – одной из центральных мифологем своего раннего творчества (см. одноименный цикл 1908 г.). В этом образе объединились религиозные, эротические и эстетические смыслы – «вожатым» называется некая надмирная сущность, духовный поводырь приземленного, нечуткого героя (об этом см.: Марков 1977: 332–333). Возвращение к этой мифологеме поясняет сам автор, выбрав в качестве названия и предисловия к сборнику строки из одного из стихотворений, вошедших в него: «Случится все, что предназначено, / Вожатый нас ведет» («Находит странное молчание...» (1913). – Кузмин 2000: 311). В нем отчетливо проговаривается одна из центральных идей «Враждебного моря», перешедшая впоследствии в пореволюционную лирику Кузмина: человеческая судьба предрешена, мир управляется роком и неподвластными человеку силами. Смыслы «Враждебного моря» актуализируются – теперь в новом контексте, полемически направленном по отношению к предшествующему.

Анализ оды Кузмина помогает приблизиться к пониманию того, как писатель, сформировавшийся и достигший известности в начале XX в. и долгое время не ассоциировавшийся с политикой и актуальными общественными проблемами, воспринял события войны и революции. Разговор о Кузмине-свидетеле и современнике Первой мировой войны и 1917 г. по необходимости приходится вести осторожно, тщательно верифицируя немногочисленные тексты и документальные свидетельства. Однако подобная работа позволяет исследователям увидеть за сложившимся образом Кузмина – эстета, певца «мелочей прелестных и воздушных», «древнего александрийца» – актуального поэта, чуткого, подобно Блоку, к «музыке революции».

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алексеева Н. Ю. 2005. Русская ода: Развитие одической формы в XVII–XVIII веках. СПб.: Наука.
- Богомолов Н. А. 1999. О Михаиле Кузмине. 3. Неизданный Кузмин из частного архива. – Богомолов Н. А. Русская литература первой трети XX века: Портреты. Проблемы. Разыскания. Томск: Водолей. С. 533–547.
- Богомолов Н. А., Малмстад Дж. Э. 2013. Михаил Кузмин. М.: Молодая гвардия.
- Гаспаров М. Л. 1980. Поэзия Пиндара. – Пиндар. Вакхилид. Оды. Фрагменты. М.: Наука. С. 361–383.
- Гик А. В. 2015. Конкорданс к стихотворениям М. А. Кузмина: [В 4-х тт.]. Т. 4. М.: Языки славянской культуры.
- Голлербах Э. Ф. 1922. Радостный путник: (О творчестве М. А. Кузмина). – Книга и революция. № 3 (15). С. 42–45.
- Дикс Б. 1909. Михаил Кузмин. – Брюсов В., Гофман М., Дикс Б., Попов Ан., Пяст Вл. Книга о русских поэтах последнего десятилетия: Критические очерки / Под ред. М. Гофмана. СПб.; М.: Издание Т-ва М. О. Вольф. С. 385–391.
- Дмитриев П. В. 2000. Две записи М. Кузмина в альбоме Л. И. Жевержеева. – Поэзия и живопись: Сборник трудов памяти Н. И. Харджиева / Сост. и общая ред. М. Б. Мейлаха и Д. В. Сарабьянова. М.: Языки русской культуры. С. 677–679.
- Катанян В. А. 1985. Маяковский: Хроника жизни и деятельности. Изд. 5-е, доп. М.: Советский писатель.
- Клюев Н. А. 1999. Сердце единорога: Стихотворения и поэмы. СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института.
- Колоницкий Б. И. 2012. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 г. СПб.: Лики России.
- Крусанов А. В. 2003. Русский авангард 1907–1932: Исторический обзор: В 3-х тт. Т. 2. Кн. 1. М.: Новое литературное обозрение.
- Кузмин М. А. 1918. Вожатый. Пг.: Прометей.
- Кузмин М. А. 2000. Стихотворения. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект».

- Кузмин М. А. 2005. Дневник 1908–1915 / Предисловие, подготовка текста и комментарии Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха.
- Кузмин М. А. 2006. Стихотворения. Из переписки / Сост., подготовка текста и примечания. Н. А. Богомолова. М.: Прогресс-Плеяда.
- Малмстад Дж. Э., Марков В. Ф. 1977. Примечания. – Кузмин М. А. Собрание стихов: [В 3-х тт.]. Т. 3. С. 617–741. München: Wilhelm Fink Verlag.
- Марков В. Ф. 1977. Поэзия Михаила Кузмина. – Кузмин М. А. Собрание стихов: [В 3-х тт.]. Т. 3. С. 321–426. München: Wilhelm Fink Verlag.
- Марцадури М. 1990. Письма О. И. Лешковой к И. М. Зданевичу / Предисловие, публикация и примечания М. Марцадури. – Русский литературный авангард: Материалы и исследования. Trento: Università di Trento, Dipartimento di Storia della Civiltà Europea. С. 33–108.
- Маяковский В. В. 1955. Полн. собр. соч.: В 13-ти тт. Т. 1. М.: Государственное издательство художественной литературы.
- Панова Л. Г. 2006. Русский Египет: Александрийская поэтика Михаила Кузмина: В 2-х кн. Кн. 1. М.: Водолей Publishers; Прогресс-Плеяда.
- Пахомова А. С. 2020. Поэтика и риторика «революционных» стихов Михаила Кузмина. – Русская филология. № 31. С. 204–219.
- Перхин В. В. 2002. Союз деятелей искусства и его литературная курия (1917–1918 гг.): Из хроники событий. – Из истории литературных объединений Петрограда-Ленинграда 1910–1930-х годов: Исследования и материалы: [В 2-х кн.] / Отв. ред. В. П. Муромский. Кн. 1. С. 47–124. СПб.: Наука.
- Революционная поэзия 1959. Революционная поэзия (1890–1917) / Вступительная ст., подготовка текста и примечания А. Л. Дымшица. Л.: Советский писатель.
- Селезнев Л. 1989. Михаил Кузмин и Владимир Маяковский. – Вопросы литературы. № 11. С. 66–87.
- Фрейденберг О. М. 1998. Миф и литература древности. 2-е изд., исправленное и дополненное. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН.
- Шумихин С. В. 1990. Дневник Михаила Кузмина: Архивная предыстория. – Михаил Кузмин и русская культура XX века: Тезисы и материалы конференции 15–17 мая 1990 г. / Сост. и ред. Г. А. Морев. Л.: Совет по истории мировой культуры АН СССР; Музей Анны Ахматовой в Фонтанном доме. С. 139–145.

REFERENCES

- Alekseeva, N. Iu. *Russkaya oda: Razvitie odicheskoi formy v 17–18 vekakh*. Saint-Petersburg: Nauka, 2005.
- Bogomolov, N. A. “O Mikhaile Kuzmine. 3. Neizdannyi Kuzmin iz chastnogo arkhiva.” In *Russkaia literatura pervoi treti 20 veka: Portrety. Problemy. Razyskaniia*, 533–47. Tomsk: Vodolei, 1999.
- Bogomolov, N. A. and Malmstad, J. E. *Mikhail Kuzmin*. Moscow: Molodaia gvardiia, 2013.
- Diks, B. “Mikhail Kuzmin.” In *Kniga o russkikh poetakh poslednego desiatiletiia: Kriticheskie ocherki*. Edited by M. Gofman, 385–91. Saint-Petersburg and Moscow: Izdanie T-va M. O. Vol’f, 1909.
- Dmitriev, P. V. “Dve zapisi M. Kuzmina v al’bome L. I. Zheverzheeva.” In *Poeziia i zhivopis’: Sbornik trudov pamyati N. I. Khardzhieva*. Edited by Michael Meylac and D. V. Sarab’ianov, 677–79. Moscow: Iazyki russkoi kul’tury, 2000.
- Freidenberg, O. M. *Mif i literatura drevnosti*. 2nd ed. Moscow: Izdatel’skaya firma “Vostochnaya literatura” RAN, 1998.
- Gasparov, M. L. “Poeziya Pindara.” In *Vakhhilid. Ody. Fragmenty*, by Pindar, 361–83. Moscow: Nauka, 1980.
- Gik, A. V. *Konkordans k stikhotvoreniiam M. A. Kuzmina*. 4 vols. Vol. 4. Moscow: Iazyki slavyanskoi kul’tury, 2015.
- Gollerbakh, E. F. “Radostnyi putnik: (O tvorchestve M. A. Kuzmina).” *Kniga i revoliutsiia* 15, no. 3 (1922): 42–45.
- Katanian, V. A. *Maiakovskii: Khronika zhizni i deiatel’nosti*. 5th ed. Moscow: Sovetskii pisatel’, 1985.
- Kliuev, N. A. *Serdtshe edinoroga: Stikhotvoreniia i poemy*. Saint-Petersburg: Izdatel’stvo Russkogo Khristianskogo gumanitarnogo instituta, 1999.
- Kolonitskii, B. I. *Simvol’ vlasti i bor’ba za vlast’: K izucheniiu politicheskoi kul’tury rossiiskoi revoliutsii 1917 g.* Saint-Petersburg: Liki Rossii, 2012.
- Krusanov, A. V. *Russkij avangard 1907–1932: Istoricheskii obzor*. 3 vols. Vol. 2, bk. 1. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2003.
- Kuzmin, M. A. *Dnevnik 1908–1915*. Edited by N. A. Bogomolov and S. V. Shumikhin. Saint-Petersburg: Izdatel’stvo Ivana Limbakha, 2005.
- . *Vozhatyi*. Petrograd: Prometei, 1918.
- . *Stikhotvoreniia*. Edited by N. A. Bogomolov. Saint-Petersburg: Gumanitarnoe agentstvo “Akademicheskii proekt,” 2000.

- . *Stikhotvoreniya. Iz perepiski*. Edited by N. A. Bogomolov. Moscow: Progress-Pleyada, 2006.
- Maiakovsky, V. V. *Polnoe sobranie sochinenii*. 13 vols. Vol. 1. Moscow: Gosudarstvennoe izdatl'stvo khudozhestvennoi literatury, 1955.
- Malmstad, J. E. and Markov, V. F. "Primechaniya." *Sobranie stikhov*, by M. A. Kuzmin. 3 vols. Vol. 3, 617–741. Munich: Wilhelm Fink Verlag, 1977.
- Markov, V. F. "Poeziia Mikhaila Kuzmina." In *Sobranie stikhov*, by M. A. Kuzmin. 3 vols. Vol. 3, 321–426. Munich: Wilhelm Fink Verlag, 1977.
- Marzaduri, M. "Pis'ma O. I. Leshkovoi k I. M. Zdanevichu." In *Russkii literaturnyi avangard: Materialy i issledovaniia*, 33–108. Trento: Università di Trento, Dipartimento di Storia della Civiltà Europea, 1990.
- Pakhomova, A. S. "Poetika i ritorika 'revoliutsionnykh' stikhov Mikhaila Kuzmina." *Russkaia filologiya* 31 (2020): 204–19.
- Panova, L. G. *Russkii Egipet: Aleksandriiskaia poetika Mikhaila Kuzmina*. 2 vols. Vol. 1. Moscow: Vodolei Publishers & Progress-Pleiada, 2006.
- Perkhin, V. V. "Soiuz deiatelei iskusstva i ego literaturnaia kuriia (1917–1918 gg.): Iz khroniki sobytii." In *Iz istorii literaturnykh ob"edinenii Petrograda-Leningrada 1910–1930-kh godov: Issledovaniia i materialy*. Edited by V. P. Muromskii. 2 vols. Vol. 1, 47–124. Saint-Petersburg: Nauka, 2002.
- Revolutsionnaya poeziya (1890–1917)*. Edited by A. L. Dymshits. Leningrad: Sovetskii pisatel', 1959.
- Seleznev, L. "Mikhail Kuzmin i Vladimir Maiakovskii." *Voprosy literatury* 11 (1989): 66–87.
- Shumikhin, S. V. "Dnevnik Mikhaila Kuzmina: Arkhivnaia predystoriia." In *Mikhail Kuzmin i russkaia kul'tura 20 veka: Tezisy i materialy konferentsii 15–17 maia 1990 g.* Edited by G. A. Morev, 139–45. Leningrad: Sovet po istorii mirovoi kul'tury AN SSSR & Muzei Anny Akhmatovoi v Fontannom dome, 1990.

ON SOME CONTEXTS AND SUBTEXTS OF NABOKOV'S *PODVIG*

Alexander Dolinin

(Madison / St. Petersburg)

Google conservat omnia. С его помощью я с немалым удивлением (неужели это было так давно!) узнал, что доклад о «Подвиге», положенный в основу предлагаемой ниже статьи, я сделал 10 сентября 1998 года на утреннем заседании весьма представительной набоковской конференции в Корнельском университете. Несколько месяцев спустя я начал переделывать этот доклад в статью, предназначавшуюся для сборника “Nabokov at Cornell”, благополучно вышедшего в свет в 2003 году. Однако в процессе подготовки рукописи к печати мне не понравилась манера редактора книги, и я, навсегда зарекившись иметь с ним дело, статью в сборник не послал. Некоторые соображения из нее были использованы в нашем с Г. М. Утгофом комментарии к «Подвигу» в третьем томе собрания сочинений Набокова, вышедшего в издательстве «Симпозиум» (см.: Набоков 2000: 714–742), в моем предисловии к тому же тому (Там же: 17–28) и в моей статье «Клио смеется последней: Набоков в споре с историзмом» (см.: Dolinin 1999: 197–215; Долинин 2004: 177–198; Долинин 2019: 231–259). Больше я к статье не возвращался, дискеты (floppy disks), на которых она хранилась, вероятно, выбросил за ненадобностью, все распечатки давно потерялись, и я был уверен, что она канула в специальную Лету для впустую написанных работ. Каково же было мое изумление, когда Г. М. Утгоф сообщил мне, что статья нашлась в его архиве, и предложил напечатать ее в „Slavica Revalensia”.

Перечитав статью 20 лет спустя как полу-незнакомый текст, я не без колебаний преодолел искушение все переписать заново и решил напечатать ее в первозданном виде, без существенных изменений и дополнений. Поэтому читатель не найдет в ней ссылок на работы о «Подвиге», которые появились после 2000 года, но, к счастью для

меня, не перекрыли мои наблюдения. Я лишь исправил замеченные погрешности в английском языке и уточнил библиографию.

1 ноября 2020, Мэдисон

On Some Contexts and Subtexts of Nabokov's *Podvig*

...i v nash zhestokii vek nam, pravo, ne pristalo
skulit' i kuksit'sia. Poidem, kremnistyi put'
vse tak zhe svetel...

Timur Kibirov

Glory (*Podvig*) has always been a somewhat neglected and undervalued novel, the black sheep of Nabokov's critical canon. Critics usually read the book as a piece of straightforward lyrical prose overlaid with nostalgic autobiographical details and, at best, reinforced by narrative patterning (limited mostly to the well-known winding path of Martin's picture and the finale of the novel) and dim metaphysical overtones.

Of course, there are a few exceptions, and first of all, I should give credit to Edythe Haber's pioneering article "Nabokov's *Glory* and the Fairy Tale" (see: Haber 1977: 214–24), as well as to insightful book chapters by Leona Toker, Pekka Tammi, and Nora Buhks (see: Toker 1989: 88–106; Tammi 1995: 169–78; Buhks 1998: 57–86). Taking the path established by them, I would argue that *Glory* needs reconsideration as neither its sources and contexts (other than autobiography) nor a large part of its subtexts, have ever been sufficiently studied.

First, let me briefly address the problem of the genre. In my view, *Podvig* incorporates some features of the so-called *roman à thèse* and should be reinterpreted in the context of contemporary debates concerning the meaning of the post-war period in European history. The core of the novel is Nabokov's double-edged critique (initially formulated in his essay "On Generalities") of the historicist belief that it is possible to give a definition to one's epoch from within and predict its outcome. As is often the case with Nabokov's early writings his polemic has two superimposed targets. These include, first, the contemporary Soviet literature with its central theme of self-sacrificial exploits for the sake of an historically-

justified common cause (Nabokov wrote about it in his essay of 1930, “The Triumph of Virtue”) and, second, the eschatological ideas foretelling the imminent catastrophic end of the Western culture popular with Russian émigrés in the 1920’s, especially Oswald Spengler’s concept of “the decline of the West,” Andrei Bely apocalyptic prophecies of the period (Nabokov ridiculed them in his programmatic early story “A Letter that Never Reached Russia”) and Nikolai Berdiaev’s theory of the approaching “new Middle Ages” (which Nabokov disputed in “On Generalities”).

Nabokov’s own concept of modernity as a new “Romantic Age” (the initial title of the novel) denies and defies the tenet of historical necessity underlying both historicist models; the Soviet optimistic one and its Western pessimistic counterpart. In order to discredit the “decline of the West” clichés, Nabokov puts them into the mouth of a laughable, discredited character, Martin’s Uncle Henry. It is this shallow Swiss bourgeois who

...spoke with horror and revulsion about the twilight of Europe,¹ about postwar fatigue, about our practical age, about the invasion of inanimate machines; in his imagination there existed some diabolical connection between the fox-trot and skyscrapers on one side and women’s fashions and cocktails on the other (Nabokov 1991: 127).

Contrary to his uncle, the hero of the novel has no qualms concerning the century in which he lives:

No other epoch had had such brilliance, such daring, such projects. Everything that had glimmered in previous ages – the passion for exploration of unknown lands, the audacious experiments, the glorious exploits of disinterested curiosity, the scientists who went blind or were blown to bits, the heroic conspiracies, the struggle of one against many – now emerged with unprecedented force. The cool suicide of a man after having lost millions on the stock market struck Martin’s imagination as much as, for instance, the death of a Roman general falling on his sword (Nabokov 1991: 126–27).

¹ In the original Nabokov used here the Russian title of Spengler’s book *Zakat Evropy* (literally *The Sunset of Europe*).

It is significant that Nabokov alludes here to the death of Cato who committed suicide on learning that his cause was lost. As the legend goes, he spent his last night reading Plato's *Phaedo* on the immortality of the soul and the death of Socrates and then fell upon his own sword – the heroic suicide that became the symbol of the old Roman ideal of honor and integrity confronting death unflinchingly and inspired at least two Russian heroic suicides: Aleksandr Radishchev and Mikhail Sushkov (see: Lotman 1992: 263–68).² For Martin, the heroic potential of the contemporary “romantic age” involves the concept of heroic suicide as the ultimate test of courage for the sake of immortal glory, which foreshadows his suicidal expedition to Russia and connects it to its historical antecedents.

Nabokov's obstinate and, from the historical perspective, somewhat short-sighted apologia for the present echoes the ideas of Grigorii Landau, the émigré philosopher and aphorist whom Nabokov personally knew and held in high regard.³ Disputing the popular deterministic theories of the dying European culture, Landau redefined modernity as the heroic epoch of intensive creativity and self-reliance. In his book *The Twilight of Europe* (*Sumerki Evropy*) he predicted that future generations would admire the

² For Radishchev, writes Lotman, “ideia gotovnosti k samoubiistvu–lish' variant temy podviga. A etot poslednii svyazyvaetsia s veroi v bessmertie dushi” (Lotman 1992: 265).

³ In the early 1920s Grigorii Landau (1877–1941) worked together with Nabokov's father Vladimir Dmitrievich at the editorial board of the Berlin newspaper *Rul'*. After the assassination of his friend and colleague, he published a moving necrological essay in which he stated that the integrity and candor of V. D. Nabokov were akin to Pushkin's “simplicity” (*prostota*) defined as “the merging of culture and nature into the second nature.” In the Russian culture, argued Landau, Pushkin's legacy has been overshadowed by the “underground problematics” of Dostoevsky and Rozanov, the “subtle deformities of modernism,” Tolstoy's anarchic return to “simple life,” and the hollow simplism of Chernyshevsky and his disciples: “caught among the oversimplifications and simplisms, among the problematics and deformities, the light of Pushkin is dimming; and Nabokov's simplicity – personal and social, political and spiritual – might have been one of its rare last gleams” (Grigorii Landau, “Pokhoronnoe,” *Rul'*, no. 423, April 6, 1922). This characterization might have prompted to Nabokov the identification of Pushkin with Fyodor's father as two interrelated parental figures in *The Gift*. Landau's tribute to Nabokov's father as a source for *The Gift* gives additional support to Gabriel Shapiro's recent suggestion that he could be a prototype of two fictitious sages with similar names mentioned in the novel: Hermann Lande and Delalande (see: Shapiro 1996: 53–55). As late as 1957 Nabokov quoted an aphorism of Grigorii Landau, calling him a “subtle philosopher” (*tonkii filosof*) and mentioning his tragic death in the Soviet prison (see: Nabokov 1957: 45).

chronicles of our age representing the spiritual drive of the generation that dared to rely upon itself in the baseless environment – both spiritually and materially. The heroic epoch of the new self-assertion is not in negation or rebellion against God and truth, but in a constructive activity in which daring intentions create deeds and life rather than incorporeal images and thoughts (see: Landau 1923: 56). Landau sees the heroic essence of the modern age in its “passion for constructing, overcoming, and fulfillment” as embodied by discoveries in technology and science, setting records in sports, mountain climbing, polar expeditions and other free acts of “pure will.” Such modern exploits involving incredible effort and self-sacrifice are undertaken, in his view, not for the sake of gain or even glory, but out of a spiritual urge to self-realization and creativity. “It is a pure desire to prevail, a heroism of categorical imperative, of freely-set goals” (Landau 1923: 334–35, 354–61).

Following Landau, Nabokov regards the modern age, not as the kingdom of materialism, but as a well-set arena for demonstrating the moral and spiritual energies of an individual. The protagonist of *Glory* – a sportsman, a mountain climber, a traveller is moved by that heroic “craving for the faraway” (*alkanie dalei*) in which Landau saw the meaning of the epoch (see: Landau 1923: 336).⁴ The “high deed” (*podvig*) of Martin is not only the “solitary and courageous expedition” across the Soviet border or the sacrificial journey to “the night of Zoorland” where “plump children are tortured in the dark, and a smell of burning and of putrefaction permeates the air” (Nabokov 1991: 150), but also his whole inner life, the pilgrimage of his soul towards the ultimate self-realization. Through the plot of *Glory*, Nabokov redefines the very notion of the “exploit,” resurrecting the original, antiquated meaning of the word “podvig” as “path,” “way,” “journey,” “movement” cited, as Nora Buhks has already indicated, in Dahl’s *Explanatory Dictionary of the Russian Language*. At the same time, he is playing upon the archaic expression “sovershit’ podvig” (to live one’s life)⁵ and thereby places the three basic concepts of the

⁴ Cf. Fyodor’s declaration in *The Gift*: “I keep straining for the faraway” (Nabokov 1991b: 329).

⁵ Among the possible subtexts of *Glory* there are poems by Lermontov and Baratynsky (two poets mentioned in the novel) in which this expression is used. Lermontov’s early “Uzhasnaia

novel – *podvig* / *put'* / *zhizn'* – in relation to reciprocal referentiality to each other. As in Russian hagiography, *podvig* here means *put'* / *put'* means *life* / *life* means *podvig*. Throughout the novel he transforms the physical movements of the hero with all the variety of spatial imagery involved (linear path / winding path; border / passage; forward / backward; ascension / descent; enclosures / openings; locomotion / halt; and so forth) into interconnected subtle metaphors of his spiritual emergence. The key words of the text the Russian “*tropa*” and “*tropinka*,” or “*path*” (used more than fifteen times in the book with obvious resonance to the Greek *τρόπος* or turn, direction, way), indicate the device. The paths Martin takes are at the same time the tropes that reinterpret his short life. At a revelatory moment in Chapter 37, the hero redescribes his life in terms of a comfortable train voyage to a certain destination; a turning point from which he has to move on his own.

He reflected what a strange, strange life had fallen to his lot. It seemed as if he had never left a fast train, had merely wandered from car to car <...>
“And then I’ll continue on foot, on foot,” muttered Martin excitedly – a forest, a winding path – what huge trees! (Nabokov 1991: 157)

Martin’s final departure for Russia (and presumably for martyrdom) represents the outwardly senseless act of “pure will” equivalent to an immortal poetic utterance and redeems his whole life, retrospectively investing it with order and meaning. According to Nabokov, the real “high deed” has nothing to do with either the historical determinism or with the Romantic / Symbolist theatricalization of one’s biography. Martin doesn’t need admiring spectators nor does he seek any outside justification for his solitary acts. He, like Baudelaire’s ideal voyager, “departs for the sake of

sud’ba ottsa i syna...” (“The terrible fate of father and son,” 1831) laments the death of the poet’s father who, like the father of Martin, was separated from his son and finished his life (“...svershil svoi podvig...” – Lermontov 1958: 243) as an outcast. In Baratynsky’s elegiac “*Otryvki iz poemy Vospominanie*” (“The Recollection: Fragments of a Long Poem,” 1819) the lyrical persona dreams of a return to “the sweet sacred country” of his youth and foresees his death in obscurity at the end of the “unknown path” of his life (“Tak, pereshedshi zhizn’ neznaemoi **tropoiu**, / Svoi **podvig** sovershiv, ustaloiu glavoiu / Sklonius’ ia nakonets ko smertnomu odru...” – Baratynsky 1982: 316). Nabokov used the expression “sovershit’ podvig” in his sonnet that circles Fyodor’s biography of Chernyshevsky in *The Gift*.

departing”⁶ but straining his will, moral spirit and aesthetic consciousness to the utmost. Heedless of individuality, he “embodies” the eternal creative force and thereby earns the immortal glory of the hero.

Historically invisible and unrecognized, Martin’s quest turns into a heroic “podvig” only on a meta-historical or trans-historical level when understood as an “artifice of eternity”; encoded through the complex system of intra-textual patterning on one hand, and concealed within inter-textual correspondences on the other. This point of my argument parallels the dichotomy of “biographical” versus “mythological” proposed by Nora Buhks in her stimulating reading of *Podvig* as a novel with two superimposed plots and systems of signification; a biography related to a set of underlying myths and hence acquiring double meaning. However, Professor Buhks’s idea that Nabokov constructed the text as a consistent projection of Vergilius’s *Aeneid* doesn’t seem convincing to me, if only for the reason that Nabokov would later list Virgil as an “overrated [author of] stale imitations” (Eugene Onegin 1975, 2: 322; cf. also a jibe on 2, 55: “insipid Virgil and his pale pederasts”). I think that Nabokov in contrast, for instance, to Joyce, T. S. Eliot or Faulkner, never pins his plots and characters to certain mythological or literary prototypes providing a single code (or a set of fixed codes) for interpreting “now and here” as avatars of “ever and everywhere.” His technique of inter-textual “cross-referring” that I would call *soft multiple encoding* is different. He plays upon several prototypes at once and upon clusters of subtexts, but neither of them is allowed a status of a clue (or clues), implying a tentative, open, ambiguous correspondence rather than a rigid one. In *Podvig* the numerous allusions to mythology, folklore and literature include, of course, some classical myths. Alongside the death of Cato I would also pay attention to Labors of Hercules as in Russian they are called “podvigi”; cf. in Chapter 45: “As he drove over the bridge Martin recognized Hercules’ stone lion...” – Nabokov 1991: 185); but would first and foremost refer to Martin’s Russian cultural background, revealing

⁶ Cf.: « Mais les vrai voyageurs sont ceux-là seuls qui partent / Pour partir; coeurs légers, semblables aux ballons, / De leur fatalité jamais ils ne s’écarternt, / Et, sans savoir pourquoi, disent toujours: Allons! » (Baudelaire 1964: 151).

his kinship with a carefully selected lineage of his multiple prototypes from the mythological Indrik the Beast, the Master of Water Springs, the fairy-tale soldier Martin, and Egorii the Brave, the son of Sofia the Wise (cf. the name of Martin's mother) who in religious folk verses sets on an expedition to Russia in order to liberate the country from the evil ruler, and to Pushkin's Ruslan or to the lyrical personae of Russian poets such as Pushkin, Lermontov, Baratynsky, Blok, and Gumilev.⁷

To illustrate my point, let me discuss just one of the most important subtexts of the novel; that of Lermontov's "Vykhozhu odin ia na dorogu," written in summer of 1841 (the last summer of Lermontov's short life) and, in Nabokov's definition, his "greatest lyrical poem" (Nabokov 1991: 163). Its first stanza is actually paraphrased in Chapter 39 (40) of *Podvig* when Martin suddenly recognizes Lermontov's lines in an obscure English poem signed A. Jameson (in Russian spelled "A. Dzhemson" which looks like a bilingual pun – a gem+son (dream) = a gem dream, or a dream gem).

Kak-to v Kembridzhe on nashel v nomere mestnogo zhurnala
shestidesiatykh godov stikhotvorenie, khladnokrovno podpisannoe
A. Dzhemson: "Ia idu po doroge odin, moi kamenisty put' prostiraetsia
daleko, tikha noch' i kholoden kamen', i vedetsia razgovor mezhd
zvezdoi i zvezdoi" (Sirin 1932: 187).

In *Glory* the paraphrase translates:

I walk along the road alone
My stony path spreads far
Still is the night and cold the stone
And star talks unto star.

(Nabokov 1991: 162–63)⁸

⁷ Some of the Russian fairy tales and religious folk verses as important subtexts of *Glory* were indicated and discussed in Edythe C. Haber's insightful article "Nabokov's *Glory* and the Fairy Tale" (see: Haber 1977: 214–24). Yet many intertextual parallels significant for understanding the novel have never been identified.

⁸ "Still is the night" in the third line of the paraphrase repeats the beginning of Heine's „Der Doppelgänger" (cf. „Still ist die Nacht, es ruhen die Gassen..." – Heine 1961: 115) that Nabokov translated into Russian in 1918 (see: Shvabrin 2013: 383).

The central image of the stanza that has had a tremendous impact upon Russian poetry; that of “kremnistyi put,” or literally a “flinty road / path” (the paraphrase of Jameson calls it a “stony road / path”), corresponds to the central theme of Nabokov’s novel, *podvig* as a spiritual path or journey (*put’*, *puteshestvie*), and gives a concise metaphoric definition of his life-path. What is most important is that the paraphrase of Lermontov’s poem is placed immediately after the climactic moment of the novel; that is, Martin’s revelation when he understands (and, as in the case of Lermontov, it is presumably the last summer of his short life) that his life has been a journey (“Moi put’,” the formulation he uses in the conversation with a Frenchman). There are also several other, not so obvious, echoes of Lermontov’s “kremnistyi put” in the novel.

It is hardly a coincidence that in the ending of the most important Chapter 3, that introduces the Lermontov / Baratynsky theme of the dead father and contains the prophetic (*veshchii*) dream of the hero, Nabokov uses the combination “skvoz’ tuman” (“through the mist” – Sirin 1932: 18; Nabokov 1991: 11) repeating the beginning of Lermontov’s second line: “Skvoz’ tuman kremnistyi put’ blestit” (Lermontov 1958: 543).

Chapter 4 again anticipates the hero’s death when Martin meets a drunken stranger with a gun “noch’iu <...> na povorote uzko **kremnistoi** dorogi” (“at a turn of a flinty path” – Sirin 1932: 21; Nabokov 1991: 14). Martin’s favorite path in Switzerland is “kamenistaia stezhka” (Sirin 1932: 55) rendered in English as a “stony path” (Nabokov 1991: 44) exactly as in the paraphrase of the Lermontov’s poem.

When Martin is dreaming of future journeys, the very word “puteshestvie” immediately brings to his mind the Lermontovian images of “tuman” and “zvezda”:

“Puteshestvie”, – vpolgolosa proiznes Martyn i dolgo povtorial eto slovo, poka iz nego ne vyzhal vsiakii smysl, i togda on otlozhil dlinnuiu, pushistuiu slovesnuiu shkurku, i gliad’, – cherez minutu slovo bylo opiat’ zhivoe. “Zvezda. Tuman. Barkhat, bar-khat”, – otchetlivo proiznosil on i vse udivlialsia, kak neprochno smysl derzhitsia v slove (Sirin 1932: 59).⁹

⁹ The simile comparing a starry sky and velvet echoes a Russian folklore riddle: “Napisana gramotka / Po sinemu barkhatu; / Ne prochest’ etoi gramotki / Ni popam, ni d’iakam, / Ni umnym muzhikam” (Afanas’ev 1865: 52).

“Travel,” said Martin softly, and he repeated this word for a long time, until he had squeezed all meaning out of it, upon which he set aside the long, silky skin it had shed – and next moment the word had returned to life. “Star. Mist. Velvet. Travelvet,” he would articulate carefully and marvel every time how tenuously the sense endures in the sound (Nabokov 1991: 48–49).

At last, the motive of “kremnistyi / kamenistyi put” resurfaces in the scene of Martin’s heroic rock climbing: when he took his dangerous path for the second time, by his free will and choice, “Martyn vskarabkalsia po **kamenistoi** krutizne” (“climbed up the stony steepness” – Sirin 1932: 194; Nabokov 1991: 169).¹⁰

These echoes of “Vykhozhu odin ia na dorogu” are supported by a number of allusions to other poems of Lermontov. For example, in the final chapter of the novel, when Darwin recognizes there is something new and extraordinary about Martin and, among other things, mentions his “strannye temnye rechi” (“the bizarre dark utterances” – Sirin 1932: 231; Nabokov 1991: 201), this hints at the first stanza of Lermontov’s poem:

Est’ rechi, znachen’e
 Temno il’ nichtozhno,
 No im bez volnen’ia
 Vnimat’ nevozmozhno.

(Lermontov 1958: 474)

The very name of Gruzinov – Martin’s mythological tempter and mentor who presents him with a walking stick smelling of Russia (cf. Pushkin’s “Tam russkii dukh... tam Rus’iu pakhnet!” Pushkin 1962–1966, 4: 12), an important symbol of pilgrimage, and offers him “rumianye iablochki” that in Russian folklore can be life-giving fruit of immortality (with the same function as *zhivaia voda*) or magical poison like in Pushkin’s fairy tale “Sleeping Princess and Seven Knights” – is taken from Lermontov’s

¹⁰ “Krutizna” most probably comes from Mandelshtam’s poems. Cf. “V khristal’nom omute kakaia krutizna!” (Mandel’shtam 1997: 148) and especially a line of “Grifel’naia oda” (a poem that overtly alludes to “kremnistyi put”) – “Na izumlennoi krutizne” (Mandel’shtam 1997: 177).

poetry. There is a poem entitled “K Gruzinovu” and dedicated to a friend by that name. On the other hand, it is equally important that two English girls “called Gruzinov’s name with the first syllable accented instead of the second” (Nabokov 1991: 177), which hints at its semantic connection to the adjective “grúznyi” (hard, difficult, heavy) and refers us again to the path motif; since there is the Russian expression “gruznyi put” that is “a difficult, torturous path,” the very meaning that Lermontov’s “kremnistyi put,” of course, implies.

However, “Vykhozhu odin ia na dorogu...” although the most obvious, is not the only subtext behind VN’s treatment of the “stony path” theme. On the one hand, one should not miss Pushkin’s aborted poem “Tazit” in which the hero – a dreamer, an outcast, an exile – like Martin loves “vnimat’ volnam, gliadet’ na zvezdy” (to listen to the waves, to look at the stars; Pushkin 1962–1966, 4: 319) and “...po krutym skalam / Skol’zit’, polzti tropoi kremnistoi...” (to climb up the steep rocks, sliding and crawling along the flinty path; Pushkin 1962–1966, 4: 316). On the other hand, VN couldn’t but take into account a long poetic tradition of capitalizing upon Lermontov’s “stony / flinty path” theme, including the tradition that runs through Mandelshtam (“Grifel’naia oda”) and Georgy Ivanov (“I Lermontov odin vykhodit na dorogu, / Serebrianyimi shporami zvenia” – Ivanov 1994: 377), right up to the contemporary poets (Gorbanevskaiia, Kibirov). The theme culminated in Alexander Blok’s poetry centered on the road or path.¹¹ According to Blok, the very paradigmatic biography of the modern poet is “the road to the high deed (*put’ k podvigu*) required by our devotion” (Blok 1960–1963, 5: 436). Following Pushkin and probably actualizing the meaning of Greek “πόρος κρημνός” (see: Levinton 1975: 72–73), in his early poem “Vkhozhu naverkh tropoi kremnistoi...” or “I climb up a flinty path...”), Blok encodes “kremnistyi put” as a path in the steep rocks above the “alluring abyss” and the “white waterfall” (“Vniz vlechet s bezliudnykh skal...” – Blok 1960–1963, 1: 389; cf. in *Podvig* “[Martin], vowing to himself that he would pay no attention to the invitation of the abyss” and the “white

¹¹ On the subject see: Maksimov 1972: 87–92.

hotel” in the valley below; see Nabokov 1991: 86) rather than Lermontov’s journey in a desert.

In his long poem “Solov’inyi sad” (“The Nightingale Garden”) the theme of “kremnistyi put’” – the path of toil and self-sacrifice – once more combines with the image of rocks. Moreover, “The Nightingale Garden”, like *Podvig*, synonymizes Lermontov’s adjective “kremnistyi” (flinty) and semantically close “kamenistyi” (stony). The path of the lyrical persona is first characterized as a “stony” one:

I znakomyi, pustoi, kamenistyi,
No segodnia – tainstvennyi put’...
(Blok 1960–1963, 3: 242)

and again

Ia zabyl o puti kamenistom...
(Blok 1960–1963, 3: 243)

But, in the final chapter, directly refers to the Lermontovian prototype:

Put’ znakomyi i prezhe nedlinnyi
V eto utro kremnist i tiazhel...
(Blok 1960–1963, 3: 244)

In a similar way, Blok substitutes “kamennyi” (stony) for “kremnistyi” (flinty) in his poem “Osenniaia volia” (both “The Freedom of Autumn” or “The Will of Autumn”) overtly modelled upon Lermontov’s “Vykhozhu odin ia na dorogu” (cf. its first line: “Vykhozhu ia v put’, otkrytyi vzoram...”):

Kto vzmanil menia na put’ znakomyi,
Usmekhnulsia mne v okno tiur’mu?
Ili – kamennym putem vlekomyi
Nishchii, raspevaiushchii psalmy.
(Blok 1960–1963, 2: 75)

The pilgrim of this poem takes a “stony path” that leads him to a re-discovery of his love for Russia and, at the same time, threatens imminent death.

Mnogo nas – svobodnykh, iunykh, statnykh –

Umiraet, ne liubia...

Priuti ty v daliakh neob'iatnykh!

Kak i zhit' i plakat' bez tebia!

(Blok 1960–1963, 2: 76)

Studying the motive of “kremnistyi put” in connection to Blok and Mandel'shtam's “Grifel'naia oda,” Georgii Levinton argued that in the final analysis “kremnistyi put” refers to “ternistyi put” or the thorny path (see: Levinton 1975: 72–73). Omri Ronen, who disputed this reading, suggested that the expression might hint at “krestnyi put” – the Road to Calvary – anagrammed within it (see: Ronen 1983: 219–20). At any rate, it is clear that “kremnistyi put” entails suffering, death, and resurrection and can be associated with the last journey of Christ bearing the cross to Golgotha. Mandel'shtam's allusion to St. John (20:25–27) – equating Lermontov's flinty path with the wounds on the crucified body of Christ (“I ia khochu vlozhit' persty / V kremnistyi put' iz staroi pesni...” – Mandel'shtam 1997: 178) – brings this implied association into the open. Because of that, Nabokov's encoding Martin's life as a “kremnistyi put” automatically evokes certain parallels to the sacred prototype. I don't mean to say that the hero of *Podvig* should be regarded as a modernist mock *imitatio Christi*. What Nabokov's “soft encoding” hints at is that Martin's life and final exit are not as senseless as they seem on a historical level and that they conceal some inner meaning relating them to the paradigmatic path of the Russian poet-cum-martyr and, by implication, to the ascent to Calvary. And if we look at it more closely, Martin's self-sacrificial “podvig” (exploit) does bear fruit. After all, it wakes up Sonia, the Sleeping Beauty of the novel, and pushes Darwin off his “smoothly paved road” (Nabokov 1991: 201), sending him to “the dark path” with its “picturesque and mysterious windings” (Nabokov 1991: 205). That is why in the final paragraph of the novel Martin is granted resurrection – when, to quote Nabokov's foreword to *Glory*, “nothing much happens at the very end – just a bird perching on a wicker in the grayness of a wet day” (Nabokov 1991: xiv).

This is the only scene in the novel that has no viewer but the omniscient author. He knows, of course, why the wicker¹² – a gate in the wall separating two worlds of *Glory* – would not close, and from where the bird comes. It is a titmouse (*sinitsa* from Pushkin¹³ and Russian folklore¹⁴) and it utters something. I don't think I have to translate what it sings. Let me just quote Socrates before his heroic death, quoted by Plato in *Phaedo* and read by Cato before his suicide to which Nabokov alludes:

“No bird sings when it is hungry or cold or feels any sort of pain” (Plato 1955: 95).

¹² A possible subtext of this image is Blok's essay “Devushka rozovoi kalitki i murav'inyi tsar',” in which a tiny wicker (*kroshechnaia kalitochka*) is a symbolic entrance (*kalitka raspakhnulas'*) into a “new country” of European lore, legend and dreams contrasted to the linear historical temporality (see: Blok 1960–1963, 5: 83–94).

¹³ In the very beginning of the novel Martin's mother makes fun of Pushkin's “famous nanny,” saying that “the poet himself had invented her, together with her fairy tales, knitting needles, and heartache” (Nabokov 1991: 4). Moreover, she excludes “the Russian knight-errant Ruslan” (Ibid.) from Martin's reading list. The appearance of “sinitsa” near her house in Switzerland is a subtle reproof of this dismissive treatment of Pushkin as the bird is mentioned in the two works she rejected: “Zimnii vecher” (“Spoi mne pesniu, kak sinitsa / Tikho za morem zhila...” – Pushkin 1962–1966, 2: 288) and *Ruslan i Liudmila* (“Polet sinitsy, ropot vod / Ego brosal i v zhar i pot” – Pushkin 1962–1966, 4: 33). The irony is that after Martin's disappearance his mother finds herself in the position of Pushkin's famous nanny. Cf. his “Niane”: “Gliadish' v zabytie voroty / Na chernyi otdalennyi put'; / Toska, predchuvstviia, zaboty / Tesniat tvoiu vsechasno grud'. To chuditsia tebe...” (Pushkin 1962–1966, 2: 352).

¹⁴ Among numerous Russian proverbs and beliefs concerning a titmouse, the most important ones, like the song of Pushkin's nanny, connect it to a realm situated over the sea that symbolises the other world, Hades invisible to mortals (cf.: “Za morem i sinitsa ptitsa”). According to a recent interpretation of the titmouse motif in folklore, the bird flies over the ocean, to the kingdom of the dead, for the keys to unlock spring and let it from the underground (see: Nadel'-Chervinskaia, Chervinski 1996, 1: 382). In Russian “sinitsa” derives from the adjective “sinii” (*blue*), the color that, to quote *The Penguin Dictionary of Symbols*, traditionally “evokes the idea of eternity, calm, lofty, superhuman, inhuman even” (Chevalier, Gheerbrant 1996: 103); literally it is a “blue bird” – a symbol of the flight of the liberated soul towards God and immortality. The importance of *sinitsa* is enhanced in the English translation of *Podvig* as Nabokov added the sounds of the bird's song: “tsi-tsi-tsi and incha-inchu” (Nabokov 1991: 205) which anagram the Russian name of a titmouse (*si-ni-ts-a*), its color (*si-nia-ia*) and point at its small size (cf. *inch* and *inchling*).

REFERENCES

- Afanas'ev, A. *Poeticheskie vozzreniia slavian na prirodu. Opyt sravnitel'nogo izucheniia slavianskikh predanii i verovanii, v sviazi s mificheskimi skazaniiami drugikh rodstvennykh narodov*. Vol. 1. Moscow: Izdanie K. Soldatenkova, 1865.
- Baratynsky, E. A. *Stikhotvoreniia. Poemy*. Edited by L. G. Frizman. Moscow: Izdatel'stvo "Nauka," 1982.
- Baudelaire, Ch. *Les fleurs du mal et autres poèmes*. Paris: Garnier-Flammarion, 1964.
- Blok, A. A. *Sobranie sochinenii*. 8 vols. Moscow and Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1960–1963.
- Buhks, N. *Eshafot v khrustal'nom dvortse: O russkikh romanakh Vladimira Nabokova*. Moscow: Novoe literaturnoe obozreniie, 1998.
- Chevalier, J. and Gheerbrant, A. *A Dictionary of Symbols*. Translated from the French by John Buchanan-Brown. Harmondsworth: Penguin Books, 1996.
- Dolinin, A. "Clio Laughs Last: Nabokov's Answer to Historicism." In *Nabokov and His Fiction: New Perspectives*. Edited by Julian W. Connolly. Cambridge: Cambridge University Press, 1999: 197–215.
- . *Istinnaia zhizn' pisatel'ia Sirina. Raboty o Nabokove*. Saint-Petersburg: Akademicheskii proekt, 2004.
- . *Istinnaia zhizn' pisatel'ia Sirina. Raboty o Nabokove*. 2nd edition. Saint-Petersburg: Symposium, 2019.
- Eugene Onegin: A Novel in Verse by Alexander Pushkin*. Translated from the Russian, with a commentary, by Vladimir Nabokov. Vol. 2. Princeton: Princeton University Press, 1975.
- Heine, H. *Werke und Briefe*. 10 vols. Vol. 1. Berlin and Weimar: Aufbau-Verlag, 1961.
- Ivanov, G. *Sobranie sochinenii*. 3 vols. Vol. 1. Moscow: Soglasie, 1994.
- Landau, G. *Sumerki Evropy*. Berlin: Knigoizdatel'stvo "Slovo," 1923.
- Lermontov, M. Iu. *Sobranie sochinenii*. 4 vols. Vol. 1. Moscow and Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1958.
- Levinton, G. A. "Dve zametki o Bloke." In *Tezisy I (III) Vsesoiuznoi konferentsii "Tvorchestvo A. A. Bloka i russkaia kul'tura 20 veka,"* 69–73. Tartu: [Tartu Ülikooli Kirjastus], 1975.
- Lotman, Iu. M. "Poetika bytovogo povedeniia v russkoi kul'ture 18 veka." In *Izbrannye stat'i*. Vol. 1, 248–68. Tallinn: Aleksandra, 1992.

- Maksimov, D. E. "Ideia puti v poeticheskom soznanii Al. Bloka." In *Blokovskii sbornik*. Vol. 2, 25–121. Tartu: [Tartu Ülikooli Kirjastus], 1972.
- Mandel'shtam, O. E. *Polnoe sobranie stikhotvorenii*. Saint-Petersburg: Gumanitarnoe agentstvo "Akademicheskii proekt," 1997.
- Nabokov, V. *The Gift: A Novel*. Translated from the Russian by Michael Scammell in collaboration with Vladimir Nabokov. New York: Vintage Books, 1991.
- . *Glory*. Translated from the Russian by Dmitri Nabokov in collaboration with the author. New York: Vintage Books, 1991.
- Nabokov (Sirin), V. *Sobranie sochinenii russkogo perioda*. 5 vols. Vol. 3. Saint-Petersburg: Symposium, 2000.
- Nabokov-Sirin, V. "Zametki perevodchika." *Opyty* 8 (1957): 36–49.
- Nadel'-Chervinskaia, M. and Chervinskii, P. *Entsiklopedicheskii mir Vladimira Dalia. Kniga pervaiia: Ptitsy*. Rostov-on-Don: Phoenix, 1996.
- Plato's Phaedo*. Translated with an Introduction and a Commentary by R. Hackforth, F. B. A., formerly Emeritus Professor of Ancient Philosophy in the University of Cambridge. Cambridge: Cambridge University Press, 1955.
- Pushkin, A. S. *Polnoe sobranie sochinenii*. 10 vols. 3rd edition. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1962–1966.
- Ronen, O. *An Approach to Mandel'shtam*. Jerusalem: Magnes Press, 1983.
- Shapiro, G. "Hermann Lande's Possible Prototypes in *The Gift*." *The Nabokovian* 37 (Fall 1996): 53–55.
- Shvabrin, S. "Nabokov and Heine." *Russian Literature* 74, nos. 3–4 (2013): 363–416.
- Sirin, V. *Podvig: Roman*. Paris: Sovremennye Zapiski, 1932.
- Tammi, P. "Glory." In *The Garland Companion to Vladimir Nabokov*. Edited by Vladimir E. Alexandrov, 169–78. New York and London: Garland Publishing, Inc., 1995.
- Toker, L. *Nabokov: The Mystery of Literary Structures*. Ithaca and London: Cornell University Press, 1989.

«ВОСПОМИНАНИЕ О ШЛЁЦЕРЕ»

А. С. КАЙСАРОВА

Публикация, вступительная статья и примечания

М. Ю. Кореновой (С.-Петербург) и Е. О. Ларионовой (С.-Петербург)

Публикуемый ниже текст сохранился в составе архива братьев Тургеневых в Пушкинском Доме (ИРЛИ. Ф. 309. № 1084 (старый шифр: № 1216). Л. 3–6)¹. При разборе архива в 1900-е гг. рукопись «Воспоминания» была атрибутирована Александру Ивановичу Тургеневу (1884–1845). Эта атрибуция, утвержденная авторитетом В. М. Истрина, первого публикатора бумаг А. И. Тургенева (см.: Истрин 1910: 129), казалась вполне согласной с биографией Тургенева, где знаменитый историк Август Людвиг Шлёцер (August Ludwig Schlözer, 1735–1809) занимал важное место как главный его наставник в Гёттингенском университете, с которым Тургенев поддерживал связь и после отъезда из Гёттингена в 1804 г.² Эта атрибуция продержалась до недавнего времени (см.: Siegel 2001: 144–147), когда сотрудник Пушкинского Дома Н. А. Хохлова в ходе начатой ей с 2012 г. архивной работы по ревизии материалов фонда и составлению его новой описи определила, что «Воспоминание», как и входящая в ту же единицу хранения (л. 1–2) незавершенная заметка «Несколько слов о Тайной», также отнесенная Истриным к текстам А. И. Тургенева (Истрин 1910: 135–137; Истрин 1911: 491), написаны рукой Андрея Сергеевича Кайсарова (1782–1813).

А. С. Кайсаров, друг и соученик А. И. Тургенева по Гёттингену, тоже учился у Шлёцера и в той же степени мог считать Шлёцера своим учителем. Вообще, по словам В. М. Истрина, «говорить о занятиях и об образе жизни русских студентов в Гёттингене – это

¹ Рукопись беловая с поправками на двух сложенных пополам листах большого формата.

² Отношения А. И. Тургенева со Шлёцером подробно охарактеризованы в указанной статье В. М. Истрина.

значит, главным образом, говорить о том влиянии, которое имел на них Шлёцер» (Истрин 1910: 122). В письме Шлёцеру от июля 1804 г. из Вены Кайсаров прямо называет его «законодателем славянской истории» („Gesetzgeber der slavischen Geschichte“) (Кайсаров 1915: 96), отдавая дань научным заслугам Шлёцера и тому влиянию, которое гёттингенский профессор оказал на формирование его собственных научных интересов. Саму формулировку Кайсаров тогда заимствовал, судя по всему, из уведомления о новом журнале „Slawenka“, который был задуман моравским историком И. Г. А. Ханке фон Ханкенштейном (Johann Nepomuk Aloys Hanke von Hankenstein, 1751–1806) и который был посвящен Шлёцеру, о чем Кайсаров, отвечая в письме от 12 / 24 сентября 1804 г. на вопрос Шлёцера об этом новом издании, счел необходимым сообщить ему, приведя в дополнение полный текст программы журнала со всеми комплиментами в адрес немецкого историка (Там же: 96–97)³. При всей «этикетности» словосочетания оно в полной мере отражало признание авторитета Шлёцера в деле изучения древней российской истории и было, во всяком случае, естественным в устах его ближайшего ученика, хотя он, усвоив шлёцеровский метод «критической истории», с самых первых своих шагов на историческом поприще, отнюдь не во всем соглашался с почтенным автором, как об этом можно судить даже по его студенческим заметкам, относящимся к 1804 г. (Там же: 78, 79; см. также: Лотман 1958: 143–144). После совместного с Тургеневым путешествия по славянским землям в 1804 г. Кайсаров вернулся в Гёттинген, в 1806 г. защитил там диссертацию и, в отличие от своего друга, по возвращении в Россию решил посвятить свою жизнь ученым занятиям: 25 августа 1810 г. он был избран на должность ординарного профессора русской литературы в Дерптском университете и с начала 1811 г. приступил к преподаванию (см.: Лотман 1958: 128–129).

³ Объявление с программой журнала см. также: Zeitschrift von und für Ungern zur Beförderung der vaterländischen Geschichte, Erdkunde und Literatur. Pesth, 1804. Bd. 5. H. 5 (без пар.).

«Воспоминание» было написано в связи с кончиной Шлёцера, который умер 28 августа / 9 сентября 1809 г. В России в кругу А. И. Тургенева о смерти Шлёцера узнали даже раньше того, как об этом сообщили немецкие газеты⁴. Н. М. Карамзин уже 15 октября 1809 г. пишет А. И. Тургеневу, откликаясь на полученное от него известие, которое тот, в свою очередь, получил от находившегося тогда в Гёттингене Н. И. Тургенева (см.: Тургенев Н. 1911: 375): «Искренно пожалел я о Шлёцере, не только по отношению к наукам, но и собственно ко мне или к труду моему: он так усердно занимался русской историею» (Карамзин 1899: 229). Традиция некрологов в России в эти годы еще только-только начинала складываться, и первопроходцем в освоении этого жанра стал, как считается, журнал «Вестник Европы» (см.: Рейтблат 2014: 195), в иностранных сотрудниках которого числился и А. Шлёцер, привлеченный В. А. Жуковским, начавшим редактировать журнал в 1808 г. Именно здесь, казалось бы, должен был появиться и некролог Шлёцеру. Первоначально Жуковский обратился к сыну Шлёцера – Кристиану фон Шлёцеру (Christian von Schlözer, 1774–1831), профессору Московского университета, с просьбой написать небольшой биографический очерк, что тот и сделал, предоставив в распоряжение журнала текст на немецком языке. Этот текст Жуковский передал А. С. Кайсарову, надеясь, что тот его не только переведет, но и дополнит своими суждениями научного или мемуарного свойства – публиковать просто перевод записок Шлёцера-младшего Жуковскому, вероятно, не хотелось, поскольку такой приватный отклик явно не соотносился бы с масштабом личности покойного и был бы несоразмерен его очевидным научным заслугам. Сам Жуковский как раз в это время начинает с энтузиазмом штудировать труды А. Шлёцера, которого в письме к А. И. Тургеневу от 12 сентября 1810 г. восторженно называет «Лессингом, Лагарпом истории», особо отмечая его слог, приятный «не искусством писателя, но тою твердою логикою

⁴ „Allgemeine Literatur-Zeitung“, к примеру, опубликовала некролог лишь 19 октября 1809 г. (№ 286. Sp. 384).

и тою экономической краткостью, благодаря которым мысли его представляются вдруг, ярко и в связи рассудку читателя» (Жуковский 2019, 15: 90). Этот энтузиазм Жуковского-читателя явно определил градус досады Жуковского-редактора, который, видя, что дело с некрологом Шлёцеру затягивается, писал А. И. Тургеневу 4 декабря 1810 г.: «...выручи у Андрея Сергеевича Шлёцеров манускрипт: “Записки о жизни его отца”. Он взялся было перевести его в “Вестник” с дополнением; но и меня лишил этого перевода, и сам ничего не сделал. А Шлёцер, который написал этот отрывок по моей просьбе, досадует на меня и требует, чтобы я возвратил ему манускрипт. А мне досадно на Андрея Сергеевича: взяться за такое дело, которого исполнение могло бы быть для него очень приятно, не исполнить его и меня ввести в нареkanie – это не совсем в порядке вещей» (Там же: 121).

Трудно сказать, насколько в действительности А. С. Кайсарову было приятно исполнение возложенного на него дела. Едва ли он мог отказать Жуковскому, тем более что речь шла о его учителе, но, согласившись, он вынужден был бы дать компиляцию из перевода Шлёцера-сына и своего собственного текста, не имея при этом практически никаких образцов такого рода кратких «литературных» некрологов, на которые он мог бы опереться. За подобающую же случаю развернутую характеристику трудов А. Шлёцера Кайсаров, в тот момент вряд ли мог бы взяться: живя в Саратове, он был поглощен своими собственными научными штудиями, а с августа уже был занят подготовкой к переезду в Дерпт и к новой службе. К моменту приезда в декабре 1810 г. в Петербург он ознакомился с «Записками» Шлёцера-сына, но ничего своего еще не написал.

Отвечая на письмо Жуковского от 4 декабря 1810 г., А. И. Тургенев писал ему 22 декабря: «...Сию минуту узнаю о приезде сюда Андрея Серг<еевича> и уведомлю тебя о Шлец<еровой> биографии; я бы желал видеть ее и сказать тебе о ней свое мнение. Ich habe Schlötzers Leben vielleicht mehr als seine Schriften studiert <Я изучил Шлецерову жизнь, может быть, лучше его трудов. – нем.>; но из благодарности за его ко мне благорасположение и за услуги, оказанные им русской истории и людям, не позволю себе открывать

его недостатки, о которых нельзя умолчать в его биографии, ибо они занимают в ней значительное место. *Nomo est!* <Ведь он человек! – лат.>», а в конце этого же письма, уже после встречи с Кайсаровым, добавлял: «Андрей Серг<еевич> пришлет тебе то, что Шлец<ер>-сын написал об отце; но я просмотрю прежде; а свои замечания напишет он в Дерпте и пришлет оттуда»⁵. Говоря о «недостатках» Шлёцера, Тургенев имел в виду дискуссию, которая развернулась в 1810 г. вокруг его имени и, вероятно, косвенно сказалась на судьбе дописанного в Дерпте кайсаровского «Воспоминания».

В 1809 г., незадолго до смерти, Шлёцер выпустил в свет пятую и ставшую последней часть своего «Нестора» („Nestor. Russische Annalen in ihrer slawonischen Grundsprache“), которую с нетерпением ждали в России. Печатался этот том на личные средства автора, отдельными листами. В сентябре 1808 г. А. И. Тургенев получил от Шлецера отпечатанную часть (128 страниц) книги (см.: Тургенев А. 1911b: 369, 379) и настойчиво просил брата Николая, находившегося в этот момент в Гёттингене, доставить следующие листы. Шлёцер, однако, не готов был исполнить пожелание своего бывшего ученика. «Я просил его об этом, – сообщал Н. И. Тургенев А. И. Тургеневу в письме от 27 марта / 8 апреля 1809 г., – но он, изъявив свое сожаление, сказал, что не может послать их, потому что еще предисловие к книге не готово; однако ж обещал мне, как скоро оное выдет и если встретится случай, послать к вам всю часть» (Тургенев Н. 1911: 357). О том же Н. И. Тургенев писал и 15 / 27 апреля 1809 г., извещая брата, что «Нестор совсем напечатан, кроме предисловия», без которого Шлёцер «не согласился послать <...> его, но как скоро совсем будет готов, то он пошлет» (Там же: 361). Незадолго до смерти Шлецер все же отправил Тургеневу свой труд⁶. В конце октября 1809 г., уже после кончины Шлёцера, Н. И. Тургенев, воспользовавшись оказией, переслал брату переданный ему Шлёцером «пакет». Он вручил его бывшему

⁵ РГАЛИ. Ф. 198. Оп. 1 № 115. Л. 109, 110 об.

⁶ 12 / 24 августа 1809 г. Н. И. Тургенев писал брату: «Вчера прислал ко мне Шлецер пакет, который просил при случае послать к вам. Я думаю, это листы его “Нестора”» (Тургенев Н. 1911: 374).

соученику А. И. Тургенева по Гёттингену А. М. Гусятникову (см.: Тургенев Н. 1911: 379), который так и не доехал до Санкт-Петербурга, застряв сначала в Лейпциге, а затем перебравшись во Францию. «Это безбожно! – не получив долгожданной посылки, возмущался А. И. Тургенев в письме к брату от 20 декабря 1809 г. – Неужели он пожалел почтовых денег! Напрасно ты не сказал ему, что для меня Шлецеров подарок, последний и перед кончиною его сделанный, дороже нескольких рублей, которые бы я заплатил за посылку» (Тургенев А. 1911b: 405). Так и не дождавшись книги, А. И. Тургенев смог, однако, в начале января 1810 г. ознакомиться с предисловием к ней, присланным кем-то отдельно в Санкт-Петербург (Там же: 409), – тем самым предисловием, над которым Шлёцер так усердно работал в последнее время, придавая ему, судя по всему, крайне важное значение. Предисловие это включало в себя отдельную статью «Выдумщик хазар, редкой самонадеянности. Доказательства a priori и posteriori того, что варяги не есть хазары» („Der Chasaren-Dichter, ein Selbstvertraurer seltner Art. Beweise a priori und posteriori, dass Waräger keine Chasaren sind“; см.: Schlözer 1809: XVI–XXXV). Статья была посвящена выпускнику Гёттингенского университета Густаву Эверсу (Johann Philipp Gustav Ewers, 1781–1830) и его работе «О происхождении русского государства» („Vom Ursprunge des russischen Staats. Ein Versuch, die Geschichte desselben aus den Quellen zu erforschen“. Riga; Leipzig, 1808), в которой он, опровергая «норманскую теорию» Шлёцера, выдвинул предположение о хазарском происхождении «руси», имевшей, по мнению Эверса, свою государственность до призвания варягов. Книга эта была с интересом встречена в России, и ожидалось, что Шлёцер напишет на нее рецензию (см.: Тургенев А. 1911b: 369), но Шлёцер предпочел разделаться со своим оппонентом иначе: вместо научной полемики он перешел на личности, обвинил Эверса в плагиате, приведя в подтверждение выдержки из своей переписки с ним, упрекнул в незнании источников и отсутствии всякого представления о предмете. На А. И. Тургенева это «посмертное» выступление Шлёцера произвело по своему тону крайне неприятное впечатление – оно никак не вязалось с той научной беспристрастностью

и «любовью к истине», которую он так ценил в учителе еще в студенческие годы (см.: Тургенев А. 1911a: 229).

Не обнаружив в шлёцеровском памфлете никакой «любви к истине», А. И. Тургенев с горечью писал Н. И. Тургеневу 12 января 1810 г.: «... как зло и нещадно он <Шлёцер. – М. К., Е. Л.> его <Эверса. – М. К., Е. Л.> ругает. Вечное пятно и Шлёцеру, и Эверсу» (Тургенев А. 1911b: 409). На защиту Эверса поспешили встать немецкие историки, среди которых были и те, которые не разделяли в полной мере точку зрения Эверса, – Фридрих Рюс (Friedrich Rühs, 1781–1820), считавшийся учеником Шлёцера, и Филипп Круг (Philipp Krug, 1764–1844), труды которого сам Шлёцер, состоявший с ним в длительной переписке, высоко ценил. Стараниями последнего Эверс уже в 1809 г. стал членом-корреспондентом Императорской Академии наук, а в 1810 г. получил место профессора географии, статистики и истории в Дерптском университете (см. подробнее: Kunik 1848: CL). Еще более широкий размах скандал приобрел после того, как Г. Эверс опубликовал в июне 1810 г. свои «Неприятные воспоминания об Августе Людвиге Шлёцере» („Unangenehme Erinnerungen an August Ludwig Schlözer von G. E.“. Dorpat, 1810), в которых он, назвав уже на первой странице сочинение Шлёцера «пасквилем», последовательно ответил на все «пункты обвинения» покойного историка, приводя в доказательство в том числе и фрагменты своей переписки с профессором. На это «оправдание» последовали один за другим отклики в немецкой печати, в полемику включился и Шлёцер-младший, подвергнувший резкой критике всех «самонадеянных» любителей славянской древности вместе взятых (см.: „Der Thracierdichter, abermals ein Selbstvertrauter seltener Art, oder freimüthige Bemerkungen über zwei Aufsätze in der 28sten und 29sten Beilage zum Jahrgange 1810 des Zuschauers vom Hrn D. Merkel“. Königsberg, 1811). «Оправдание» Эверса было прочитано и А. И. Тургеневым, который писал Н. И. Тургеневу 23 сентября 1810 г.: «Жаль, что покойный мой благодетельный так замарал себя бранью и клеветою на Эверса. Оправдание сего последнего служит совершенным обвинением Шлёцера. Этого пятна он не смоет с своей памяти» (Тургенев А. 1911b: С 427).

Если Кайсаров до своего приезда в Санкт-Петербург и не знал о разгоревшемся скандале, то уже в Санкт-Петербурге он был, вероятнее всего, введен в курс дела А. И. Тургеневым, которого эта история определенно взволновала. Новая ситуация меняла контекст задуманной мемуарной записки о Шлёцере и снижала ее пафос, уместный в некрологе, но плохо сочетавшийся с неблагоприятным предсмертным выступлением учителя. Вероятно, именно поэтому Кайсаров, завершив свое «Воспоминание», выдержанное сообразно жанру в сдержанно-почтительном тоне, принялся за другое, своего рода научное «воспоминание» о Шлёцере – заметку «Несколько слов о Тайной», в которой он, без видимого повода, вспоминает о полемической статье Н. М. Карамзина, напечатанной в 1803 г. в «Вестнике Европы» (Ч. 8. № 6. С. 122–131) за подписью «У. Ё.», где Карамзин опровергал мнение ряда историков – В. Н. Татищева (1686–1750), П.-Ш. Левека (Pierre-Charles Levesque, 1736–1812) и Шлёцера, – приписывавших создание Тайной канцелярии царю Алексею Михайловичу.

Несколько слов о Тайной

Покойный Шлецер, мой почтеннейший наставник, говорит в своем «Несторе»⁷, что учреждение *Тайной* при царе Алексее Михайловиче устрало всех летописцев и что с тех пор они умоляли. Имея вообще весьма малое число печатных летописей, а менее еще из времен сего государя, сверх того не имея доступа к государственным архивам, я не могу утвердительно сказать, чтоб *Тайная* причинила *сие* зло. Но существовала ли в самом деле *Тайная* при сем царе? Вот вопрос, который стараются опровергнуть. В «Вестнике Европы»⁸ есть отрывок, в котором последним решительным судом заключается, что *Тайной* при Алексее Михайловиче не было и быть не могло. Шлецер, который был не только искусный критик и страстный любитель нашей истории (как его называет сочинитель отрывка), но который между всеми, до сих пор существовавшими, писателями о русской

⁷ Шлец<ер>. «Нест<ор>». <Т.> I. <С.> 22. – Примеч. А. С. Кайсарова.

⁸ «Вест<ник> Евр<опы>». 1803. Март. Стр. 122. – Примеч. А. С. Кайсарова.

истории может назваться законодателем⁹, который не только славен своею словесною критикою, но коего философическая критика видна во всех его произведениях и сделала эпоху в ученом свете, Шлецер, говоря, взял это обстоятельство не с ветра, но утверждает, основываясь на Татищеве¹⁰. Напротив того г<осподин> сочинитель отрывка старается доказать, что и Татищев заблуждается. Повторяю, что я не могу точно сказать, точно ли Тайная была причиною молчания летописателей, не могу сказать, есть ли летописи из того времени. Если они есть, непростительно грешат те, которые их имеют и не обнаруживают. От сего зависит успех нашей истории, которая до сих пор была очень безуспешна именно оттого, что частные люди не имели способов ею заняться. Но дело не в том, спрашивается только: справедливо ли думал Татищев и Шлецер?

Не имея чести быть знаем почтенному сочинителю отрывка и не зная, отгадал ли его Шлецер¹¹, одним словом, безо всяких личностей скажу, что со всем его пламенным рвением к отечественной истории, со всеми достоинствами,¹²

В этой оборванной буквально на полуслове заметке очевидно тем не менее намерение автора выступить «в защиту» Шлёцера и косвенно восстановить его репутацию. Кайсаров обращается

⁹ Schlozerus mel et delicias meas, in Slavicis historiis princeps. Так говорит о нем Коллар в своих «Amenitt». I. 81, который, кажется, был не из последних исторических критиков последнего века. – *Примеч. А. С. Кайсарова*. Кайсаров ссылается здесь на высказывание известного словацкого ученого, историка и этнографа, Адама Франтишка Коллара (Adam František Kollár, 1718–1783) в его труде „Historiae jurisque publici regni Ungariae amoenitates” (Vienne, 1783. Vol. 1–2).

¹⁰ Тат<ищев>. «Ист<ория>». Ч. I, ст<р>. 59. – *Примеч. А. С. Кайсарова*. Кайсаров ссылается на первый том «Истории Российской с древнейших времен» (М., 1768) В. Н. Татищева.

¹¹ Шлец<ер>. «Нес<тор>». Ч. IV. Ст<р>. V. – *Примеч. А. С. Кайсарова*. Кайсаров ссылается на место, где Шлёцер отмечает публикацию «Вестника Европы» с указанием на его ошибку.

¹² Рукопись на сложенном вдвое листе большого формата. Характер рукописи позволяет предположить, что текст перебежался с первоначального черновика. Цитата («Шлецер, который был не только искусный критик ~ основываясь на Татищеве») приведена В. М. Истриным (см.: Истрин 1910: 137; Истрин 1911: 491).

к давнему эпизоду научной полемики, когда Шлёцер безусловным признанием своей ошибки очередной раз явил русским гёттингенцам свою научную добросовестность и беспристрастие ученого-историка. «...Я все обращаюсь по-прежнему на Шлецера, – записал в июне 1803 г. в дневнике А. И. Тургенев. – Разговаривая с ним сегодня о том, что в “Вестнике” ему противоречат, увидел я в нем истинно беспристрастного человека, такого, каким бы всем ученым по-настоящему и для пользы наук быть должно. Он видит основательное опровержение своего мнения и признает его, любя одну только истину и зная, что она есть лучшее украшение историка и истории. Он оправдывает себя только тем, что он не из иностранного писателя <...> заимствовал и утверждал свое мнение о начале Тайной канцелярии в России, но – из первого русского же историка, из Татищева. Прибавя при том, что русские справедливо делают, что не хотят верить и полагаться на иностранных в их отечественной истории» (Тургенев А. 1911а: 229).

«Оправдание» Шлёцера так и осталось незавершенным, но и «Воспоминание» не увидело свет. Какую позицию Кайсаров занял по вопросу полемики Шлёцера с Эверсом, неизвестно, однако можно предположить, что публикации текста помешала двойственность положения, в котором он оказался: с одной стороны, он чтит память своего гёттингенского учителя, с другой – хорошо знал и ценил труды Эверса, своего нового коллеги по университету, и к тому же сам склонялся скорее к «антинорманистам» (Лотман 1958: 134, 143). Возможно, Кайсаров ощущал, что на фоне «Неприятных воспоминаний» Эверса и развернувшейся дискуссии его заметка выглядит слишком благостно-декоративной и несвоевременной, и в этом с ним был согласен, наверное, и А. И. Тургенев, мнение которого в данном случае могло сыграть не последнюю роль. Как бы то ни было, до печати «Воспоминание» так и не дошло, хотя оно вполне достойно внимания уже потому, что пополняет список литературных трудов профессора Дерптского университета А. С. Кайсарова.

Воспоминание о Шлёцере

К числу многих нерешенных еще дел перед общим судом человечества, без сомнения, можно отнести и вопрос о том, кого точно должно называть великим человеком. Кажется, что люди в сем случае так же своенравны, как в определении красоты. Точно так, как одному нравится продолговатое, другому круглое лицо, как один пленяется голубыми, другой черными глазами, точно так один находит великость в том, кто более всех разорил городов, кто целые народы лишил свободы, кто следы свои озаменовал смертью и разрушением, другой боготворит человека, претерпевшего жесточайшие мучения для того только, чтоб не переменить своего образа мыслей. Иной, будучи заключен в ограниченном кругу, почитает великим того, кто очистил клочок земли и сделал его плодородным. Наконец были и есть люди, которые самоубийц великими называли. Нетрудно искать доказательств сему в истории. Не желая здесь определять, что есть, по моему мнению, истинное величие, скажу, что человек, который во всю свою жизнь шел одним путем, который, защищая права человечества, не страшился подвергнуться опасности¹³, который слишком полвека провел

¹³ В своих лекциях по общему государственному праву, которые Шлёцер среди прочих читал в Гёттингенском университете, он нередко касался острых политических аспектов государственного устройства. См., например, запись в дневнике А. И. Тургенева от 11 / 22 июля 1803 г.: «Мне кажется, что, несмотря что он такие страшные истины для тиранов проповедует с своей кафедры, и самим им должно бояться его, но вместе и протезировать. После того как он предписывал права и обязанности как государю, так и подданным; после того как он допускал самые бунты, в случае если тиранство обнаружится, позволял даже народу наказывать за вину – казнить своего государя; после всего этого, основываясь на практической мудрости, следуя везде за светильником истории, успокоил он кротких из своих слушателей, сказав, что, хотя страждущие от тиранства подданные имеют право на революцию и право ссадить своего тирана, но что действие сие сопряжено всегда с такою опасностью, что лучше оставить и терпеть до тех пор, пока Провидение само захочет осво<бо>дить народ от железного скипетра» (Тургенев А. 1911а: 240). См. также характеристику, данную Шлёцеру в некрологе, в котором особо отмечалась его роль как издателя „Staats-Anzeigen“: «... гроза всех мелких султанов, бесстрашный сокрушитель укоренившихся безобразий, <...> в годы наивысшего расцвета своих сил в 1776–1792 гг. он без усталости направлял свой дух на то, чтобы распространить по всей Европе британский Habeas Corpus

в непрерывной деятельности, наконец, который пожертвовал семейственными удовольствиями, мирскими наслаждениями, отличиями изысканию истины, – такой человек может быть назван по крайней мере необыкновенным, особенно в таком веке, когда более стремятся за наружностью, пренебрегая существенное. Таков был Август Лудвиг Шлецер, о котором воспоминание будет для меня всегда и приятно, и поучительно.

Он родился 5 июля 1735 года в Гагстаде, небольшом городке княжества Гогенлое-Кирхбергского, находившегося прежде сего во Франконском округе¹⁴. Отец и предки его были в духовном звании¹⁵. Известно, что в Германии и других землях протестантского исповедания из сего сословия выходили самые ученые люди. Оттого пользуется оно там особенным уважением. Шлецер лишился отца своего очень рано, получив от него небольшое наследство. Учиться начал он в гимназии, бывшей в Лангенбурге, также маленьком городке того же княжества. Здесь уже оказалось его прилежание к наукам, здесь употребил он все свои силы на изучение древних языков. Чтоб показать, как неутомимо было его прилежание в самых молодых летах, приведу один пример. По уставу гимназии в назначенный час должно было гасить свечи, это ничуть не уменьшило рвения в молодом Шлецере – в ясные ночи занимался он своими классиками при лунном свете. Успех соответствовал его старанию: на семнадцатом годе его возраста ректор лангенбургской гимназии сказал, что Шлецер не может более ничему у него выучиться и советовал ему перейти в университет. В такие лета редко и теперь вступают в университет, а тогда, может быть, немного бывало и примеров. Виттембергский университет был тогда в славе, особенно для наук, нужных богослову; в нем учил некогда сам Лутер.

Асте, чтобы покончить с крепостной зависимостью и положить конец всякой подлости и инквизиции, под какой бы личиной они не скрывались» (Archiv für Geographie, Historie, Staats-und Kriegskunst. 1810. No 3. S. 162).

¹⁴ Княжество Гогенлое-Кирхбергское перешло в 1806 г. в процессе медиатизации Баварскому королевству.

¹⁵ Отец Шлёцера Иоганн Георг Фридрих (Johann Georg Friedrich, 1689–1740) был протестантским священником; всего в роду у Шлёцера, как следует из его родословной, доходящей до XV в., было 18 священников (см.: Peters 2005: 35).

Шлецер готовил себя к духовному званию. В молодости своей он не желал ничего более, как быть деревенским проповедником; того же желали его родственники. Но судьба берегла его для других занятий и для русской истории. В Виттемберге занимался он богословием и древними языками, особенно же восточными. В 1754 году перешел он в Гёттингенский университет¹⁶. Академия сия была тогда во всем своем блеске. Благотворное английское правительство собрало туда ученийших мужей Германии¹⁷. Между ими был и славный по своим знаниям в восточных древностях и языках Михаелис¹⁸. Шлецер познакомился с ним и был им уважаем. Пример Михаелиса еще более пристрастил его к восточным языкам и истории. В сие время родилось в нем желание посетить Восток, посетить колыбель первобытного человечества, увидеть ту землю, которой бытия описаны в Священном писании. – В 1755 году поехал он в Швецию. Почти все время своего пребывания в Швеции провел он в Стокгольме и Упсале, прославлявшейся тогда Линнеем. Любители северной истории вообще, и русской особенно, сей именно поездке должны быть обязаны за все услуги, оказанные им Шлецером по сей части. Здесь познакомился он со многими известными учеными, занимавшимися северною историе<й>, – между прочими с Ире – и пристрастился к ней; здесь занялся он изучением северных языков¹⁹. Здесь написал он первую свою книгу – «История торговли древних народов»^{20, 21}.

¹⁶ В Гёттингенском университете Шлёцер изучал востоковедение и филологию.

¹⁷ Гёттингенский университет был основан в 1734 г. королем Великобритании Георгом II (George II, 1683–1760), который одновременно являлся курфюрстом Ганновера.

¹⁸ Иоганн Давид Михаелис (Johann David Michaelis, 1717–1791) – теолог и востоковед, автор многочисленных трудов, посвященных Ветхому завету, в том числе фундаментальной работы о ветхозаветном праве; с 1745 г. – профессор Гёттингенского университета.

¹⁹ Иоганн Ире (Johann Ihre, 1707–1780) – шведский филолог-скандинавист, в доме которого Шлёцер поселился летом 1756 г. после переезда из Стокгольма в Упсалу; Ире давал Шлёцеру уроки лапландского и финского языков.

²⁰ Спустя пятьдесят лет несколько шведов и я праздновали вместе с ним тот год, в который Шлецер для защищения человечества и для наук сделался писателем. – *Примеч. А. С. Кайсарова*.

²¹ Речь идет о первой опубликованной работе А. Л. Шлёцера «Опыт всеобщей истории мореходства и торговли» ("Försök til en Allmän Historia om Handel och Sjöfart uti the

Мечтая о своем путешествии к Востоку, возвратился он 1759 года в Гёттинген и упражнялся в лечебной и естественных науках, он знал, что науки сии в таком путешествии и для него, и для ученого света будут полезны. Здесь коротко познакомился он с славным Палласом²², который в то время там учился.

В то время, когда Шлецер преподавал свои уроки, стечение его слушателей бывало невероятно. В молодых его летах он принужден бывал читать в большой университетской аудитории, чего ни до него, ни после его в Гёттингене не бывало. В старости его я видел, что иногда принуждены бывали выставлять в комнате, в которой он учил, окна и двери и ставить на дворе скамейки²³. Так занимательны были его уроки, так любили его слушать. Врачи, богословы, законоискусники, воины, князья, графы – всё шло слушать Шлецера; не знаю, наставнику или слушателям должно более приписать чести. Между его учениками были три сына короля англий-

äldsta tider”), изданной в Стокгольме в 1758 г. на шведском языке. В 1761 г. она вышла в свет на немецком языке в переводе историка Томаса Генриха Гадебуша (Thomas Heinrich Gadebusch, 1736–1804) под названием «Опыт всеобщей истории торговли» („Versuch einer Allgemeinen Geschichte des Handels“). Именно к этому немецкому изданию обращались все, интересовавшиеся данным вопросом. Большинство первых рецензий на книгу были отрицательными, рецензенты отмечали ее компилятивный характер и несоответствие заглавия рассматриваемому материалу, который имел отношение не столько к всеобщей истории торговли, сколько к истории торговли у финикийцев (см. подробнее: Peters 2005: 47). Празднование пятидесятилетнего «юбилея» книги, о котором А. С. Кайсаров пишет в примечании, должно было состояться, таким образом, в 1808 г. Кайсаров выехал из Гёттингена в мае 1806 г. и через Данию направился в Англию. Его присутствие на празднике свидетельствует, что Кайсаров заезжал в Гёттинген в 1808 г., на обратном пути в Россию после пребывания в Англии, Шотландии и Париже.

²² Петер Симон Паллас (Peter Simon Pallas, 1741–1811) – немецкий естествоиспытатель, географ и путешественник; с 1767 г. – действительный член Императорской Академии наук и художеств в Санкт-Петербурге и профессор естественной истории; руководил научными экспедициями по Уралу и Сибири (1768–1774) и самостоятельно обследовал южные губернии Российской империи (1793–1794).

²³ Ср. в письме А. И. Тургенева к родителям от 20 июня 1803 г.: «Новая публичная коллегия Шлецерова, о которой я также доносил уже вам, весьма охотно посещается; так что, хотя он и принужден уже был разломать свою аудиторию, то все еще она недостаточна для помещения всех слушателей; так что комната бывает полна набита нами, и он взял для этой лекции уже два дни в неделю» (Тургенев А. 1911с: 89).

ского²⁴ и нынешний наследник короля Баварского²⁵. Присутствие таких особ нимало не препятствовало Шлецеру говорить правду. Я был свидетелем, когда Баварский наследник плакал, в то время как почтенный старец учил его управлять своими подданными и делать их счастливыми²⁶. Хвала высоким родителям, заставляющим детей своих учиться вместе с подданными! Они чувствуют, что просвещение во всяком звании необходимо. Пусть пример венчанных научит наше дворянство оставлять пустые предрассудки, научит их воспитывать детей своих для их собственной и отечества пользы, а не для одной наружности.

Большую часть своей жизни употребил Шлецер на объяснение северной, особенно же русской, истории. Его «Всеобщая северная история»²⁷ объяснила множество темных мест в истории народов и многих приохотила к дальнейшим исследованиям. Его «Оскольд и Дир»²⁸, «История немцев в седмиградской области»²⁹, «Рассуждение

²⁴ Имеются в виду сыновья английского короля Георга III (George III, 1738–1820) – Эрнст Август, герцог Камберлендский (Ernest Augustus Duke of Cumberland, 1771–1851) (с 1837 г. – король Ганновера), Август Фредерик, герцог Сассекский (Augustus Frederick Duke of Sussex, 1773–1843), Адольф Фредерик, герцог Кембриджский (Adolphus Frederick Duke of Cambridge, 1774–1850), которые были зачислены в Гёттингенский университет 10 июля 1786 г. и провели здесь несколько лет (до 1791 г.).

²⁵ Имеется в виду Людвиг, принц баварский, будущий король Баварский Людвиг I (с 1825 г.) (Ludwig von Bayern, 1786–1868).

²⁶ См. также в письме А. И. Тургенева к родителям от 14 ноября 1803 г.: «...сюда приехал Баварский наследный принц учиться; я слушаю с ним три коллегии вместе, и между прочими у Шлецера *Государственное право*, который с тою же непринужденностью и свободою и с тою же силою в выражениях определяет отношения государя к подданному и, наоборот, предписывает должности тому и другому и так же, как и прежде, приводит худые и добрые примеры из истории даже самого Баварского курфюрства. Но что всего более делает честь самому принцу, есть то, что он с приметным удовольствием слушает сии часто неприятные истины и сверх того взял еще у Шлецера *privatissime* другую лекцию. Это же самое рекомендует и отца его, который послал сына учиться в Геттинген и – у кого же? У Шлецера, у того, кто весь век свой был, так сказать, бичом князей немецких» (Тургенев А. 1911с: 123–124).

²⁷ Имеется в виду труд А. Л. Шлёцера „Allgemeine nordische Geschichte“ (1771), содержащий среди прочего сравнительный анализ северных языков.

²⁸ Имеется в виду труд А. Л. Шлёцера „Oskold und Dir, eine russische Geschichte“ (1773).

²⁹ Имеется в виду труд А. Л. Шлёцера „Kritische Sammlungen zur Geschichte der Deutschen in Siebenbürgen“ (1795).

о коренных законах русского государства»³⁰ и другие сочинения должны быть знакомы всем, занимающимся нашею историею. Но последний труд его увенчал все его ученые подвиги. «Нестор»³¹ будет вечным памятником Шлецеру. В книге сей не знаешь, глубокому ли проницанию или богатству знаний более удивляться должно. Смело можно назвать его неисчерпаемым хранилищем учености. Будущий русский историк с благодарностию должен произносить имя Шлецера; и он, конечно, покажет русским, чем мы ему обязаны.

<1811>

БИБЛИОГРАФИЯ

- Жуковский В. А. 2019. Полн. собр. соч. и писем: В 20-ти тт. Т. 15: Письма 1795–1817-х годов. М.: Издательский Дом ЯСК.
- Истрин В. М. 1910. Русские студенты в Геттингене в 1802–1804 гг.: (По материалам архива братьев Тургеневых). – Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 28. № 7. С. 80–144, 2-я паг.
- Истрин В. М. 1911. Примечания. – Архив братьев Тургеневых. Вып. 2: Письма и дневник Александра Ивановича Тургенева геттингенского периода (1802–1804 гг.) / С введением и примечаниями В. М. Истрина. СПб.: Типография Императорской Академии Наук. С. 453–498, 2-я паг.
- Кайсаров А. С. 1915. Заметки и письма. – Архив братьев Тургеневых. Вып. 4: Путешествие А. С. Тургенева и А. С. Кайсарова по славянским землям в 1804 году / Под ред. В. М. Истрина. Пг.: Типография Императорской Академии Наук. С. 67–100.
- Карамзин Н. М. 1899. Письма к А. И. Тургеневу. (1806–1826). – Русская старина. № 1. С. 211–238.
- Лотман Ю. М. 1958. Андрей Сергеевич Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени. Тарту: [Tartu Ülikooli Kirjastus] (Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 63).

³⁰ Имеется в виду труд А. Л. Шлёцера „Historische Untersuchung über Russlands Reichsgrundgesetze“ (1777).

³¹ Имеется в виду издание летописного текста – „Nestor. Russische Annalen in ihrer slavonischen Grundsprache“ (1802–1809), – переведенного на немецкий язык А. Л. Шлёцером, с его развернутыми пояснениями.

- Рейтблат А. И. 2014. Некролог как биографический жанр. – Рейтблат А. И. Писать поперек: Статьи по биографике, социологии и истории литературы. М.: Новое литературное обозрение. С. 195–202.
- Тургенев А. И. 1911a. Геттингенский дневник. – Архив братьев Тургеневых. Вып. 2: Письма и дневник Александра Ивановича Тургенева геттингенского периода (1802–1804 гг.) / С введением и примечаниями В. М. Истрина. СПб.: Типография Императорской Академии Наук. С. 175–260, 2-я паг.
- Тургенев А. И. 1911b. Письма к Николаю Ивановичу Тургеневу в Геттинген. 1808–1810. – Архив братьев Тургеневых. Вып. 2: Письма и дневник Александра Ивановича Тургенева геттингенского периода (1802–1804 гг.) / С введением и примечаниями В. М. Истрина. СПб.: Типография Императорской Академии Наук. С. 357–440, 2-я паг.
- Тургенев А. И. 1911c. Письма к родителям. – Архив братьев Тургеневых. Вып. 2: Письма и дневник Александра Ивановича Тургенева геттингенского периода (1802–1804 гг.) / С введением и примечаниями В. М. Истрина. СПб.: Типография Императорской Академии Наук. С. 1–174, 2-я паг.
- Тургенев Н. И. 1911. Письма к брату А. И. Тургеневу и к матери Е. С. Тургеневой. – Архив братьев Тургеневых. Вып. 1: Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1806–1811 года. (I том) / Под редакцией и с примечаниями Е. И. Тарасова. СПб.: Типография Императорской Академии Наук. С. 309–407.
- Kunik, E. E. 1848. Einleitung. – Krug, J. Ph. Forschungen in der älteren Geschichte Russlands. Bd. 1. St. Petersburg: Eggers und Comp. S. I–CCLVI.
- Peters, M. 2005. Altes Reich und Europa: der Historiker, Statistiker und Publizist August Ludwig (v.) Schlözer (1735–1809). Münster: Lit Verlag Münster.
- Schlözer, A. L. 1809. Nestor. Russische Annalen in ihrer slavonischen Grundsprache: verglichen, von Schreib-Felern und Interpolationen möglichst gereinigt, erklärt, und übersetzt, von August Ludwig von Schlözer. Th. 5. Göttingen: Bei Heinrich Dieterich.
- Siegel, H. 2001. Aleksandr Ivanovič Turgenev (1784–1845): Ein russischer Aufklärer. Köln; Weimar; Wien: Böhlau.

REFERENCES

- Istrin, V. M. "Russkie studenty v Gettingene v 1802–1804 gg.: (Po materialam arkhiva brat'ev Turgenevykh)." *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia* 28, no. 7 (1910): 80–144, 2nd pag.
- . "Primechaniia." In *Arkhiv brat'ev Turgenevykh*. Vol. 2, *Pis'ma i dnevniki Aleksandra Ivanovicha Turgeneva gettingenskogo perioda (1802–1804)*. Edited and annotated by V. M. Istrin, 453–98, 2nd pag. Saint-Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi Akademii Nauk, 1911.
- Kaisarov, A. S. "Zametki i pis'ma." In *Arkhiv brat'ev Turgenevykh*. Vol. 4, *Puteshestvie A. S. Turgeneva i A. S. Kaisarova po slavianskim zemliam v 1804 godu*. Edited by V. M. Istrin, 67–100. Petrograd: Tipografiia Imperatorskoi Akademii Nauk, 1915.
- Karamzin, N. M. "Pis'ma k A. I. Turgenevu. (1806–1826)." *Russkaia starina* 1 (1899): 211–38.
- Kunik, E. E. "Einleitung." In *Forschungen in der älteren Geschichte Russlands von Philipp Krug*. Bd. 1, I–CCLVI. Saint-Petersburg: Eggers und Comp., 1848.
- Lotman, Iu. M. *Andrei Sergeevich Kaisarov i literaturno-obshchestvennaia bor'ba ego vremeni*. Tartu: [Tartu Riiklik Ülikool], 1958.
- Peters, M. *Altes Reich und Europa: der Historiker, Statistiker und Publizist August Ludwig (v.) Schlözer (1735–1809)*. Münster: Lit Verlag Münster, 2005.
- Reitblat, A. I. *Pisat' poperek: Stat'i po biografike, sotsiologii i istorii literatury*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014.
- Schlözer, A. L. *Nestor. Russische Annalen in ihrer slavonischen Grundsprache: verglichen, von Schreib-Felern und Interpolationen möglichst gereinigt, erklärt, und übersetzt, von August Ludwig von Schlözer*. Vol. 5. Göttingen: Bei Heinrich Dieterich, 1809.
- Siegel, H. *Aleksandr Ivanovič Turgenev (1784–1845): Ein russischer Aufklärer*. Cologne, Weimar and Vienna: Böhlau, 2001.
- Turgenev, A. I. "Gettingenskii dnevnik." In *Arkhiv brat'ev Turgenevykh*. Vol. 2, *Pis'ma i dnevniki Aleksandra Ivanovicha Turgeneva gettingenskogo perioda (1802–1804)*. Edited and annotated by V. M. Istrin, 175–260, 2nd pag. Saint-Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi Akademii Nauk, 1911.
- . "Pis'ma k Nikolaiu Ivanovichu Turgenevu v Gettingen (1808–1810)." In *Arkhiv brat'ev Turgenevykh*. Vol. 2, *Pis'ma i dnevniki Aleksandra Ivanovicha Turgeneva gettingenskogo perioda (1802–1804)*. Edited and annotated by

- V. M. Istrin, 357–440, 2nd pag. Saint-Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi Akademii Nauk, 1911.
- . “Pis'ma k roditel'am.” In *Arkhiv brat'ev Turgenevykh*. Vol. 2, *Pis'ma i dnevnik Aleksandra Ivanovicha Turgeneva gettingenskogo perioda (1802–1804)*. Edited and annotated by V. M. Istrin, 1–174, 2nd pag. Saint-Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi Akademii Nauk, 1911.
- Turgenev, N. I. “Pis'ma k bratu A. I. Turgenevu i k materi E. S. Turgenevoi”. In *Arkhiv brat'ev Turgenevykh*. Vol. 1, *Dnevniki i pis'ma Nikolaia Ivanovicha Turgeneva za 1806–1811 goda. (I tom)*. Edited and annotated by E. I. Tarasova, 309–407. Saint-Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi Akademii Nauk, 1911.
- Zhukovskii, V. A. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem*. 20 vols. Vol. 15, *Pis'ma (1795–1817)*. Moscow: Izdatel'skii Dom IaSK, 2019.

ДВА ПИСЬМА П. А. ВЯЗЕМСКОГО

Подготовил Л. И. Соболев (Москва)

В прошлом выпуске „Slavica Revalensia” было опубликовано письмо П. А. Вяземского к П. И. Бартеневу, издателю «Русского архива», многолетнему корреспонденту поэта (см.: Соболев 2019: 121–135). Их переписка, сохранившаяся, к сожалению, не полностью, весьма любопытна: Бартнев с его страстью к публикации воспоминаний, документов и писем прошлых десятилетий, видел в Вяземском воплощение дорогого для него пушкинского времени; Вяземский, переживший «многое и многих», в журнале Бартенева мог публиковать свои воспоминания и письма своих корреспондентов, явно или неявно противопоставляя золотой век русской словесности наступившему ее упадку, как он неоднократно говорил.

Вяземский был придирчивым читателем РА и откликался на всё, что читал в журнале Бартенева. Это видно и в двух публикуемых письмах сентября 1868 года.

Полностью переписка поэта и издателя готовится для «Литературного наследства».

Печатаем по современной орфографии и пунктуации с сохранением некоторых особенностей орфографии Вяземского.

I. Царское Село, 19 сент<ября> 1868¹.

Зачем озаглавили Вы статью мою: «Воспоминание о Булгаковых»², когда дело шло об одном, а только речь зашла о другом брате? Теперь не имеет значения и оправдания оговорка моя (стр. 1440): «собираясь говорить об одном брате, я разговорился о другом...» и т. д.

¹ РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 153. Л. 21–22об., 100–103об. Почерк секретаря.

² РА. 1868. № 9. Стб. 1436–1445. Вяземский вспоминал об Александре Яковлевиче Булгакове. Отд. изд. (М., 1868) называлось так же, как и в журнале; это же заглавие сохранилось в ПСС (VII, 183–190).

А пуще всего, зачем напечатали Вы безобразную «Записку о крамолах врагов России», исполненную крамол против здравого смысла и правды?³ Подобной статье место в «Христианском чтении»⁴, «Православном обозрении»⁵ и т. п. сборнике. А отнюдь не в «Русском архиве». Во всяком случае, если Вы её уже приняли, то следовало Вам оговориться и сказать, что печатаете её как любопытное знамение времени и доказательство, до какой степени

³ «Записка о крамолах врагов России». – № 9. Стб. 1329–1391; публикация и примечания священника М. Морошкина; по его мнению, записка принадлежит князю Шихматову (стб. 1333); имеется в виду Платон Александрович Ширинский-Шихматов (1790–1853), министр народного просвещения (1850–1853), академик Императорской академии наук (1841), писатель; см. о нем: Материалы для истории русской богословской мысли тридцатых годов текущего столетия. Из переписки братьев князей Шириных-Шихматовых. Священника Василия Жмакина. СПб., 1890. С 1820 по 1824 г. Ширинский-Шихматов служил начальником II отделения Инженерного департамента; в 1824 г. получил приглашение возглавить Казанский университет, но А. С. Шишков, ставший министром просвещения, уговорил Шихматова занять должность директора канцелярии министерства народного просвещения. О дальнейшей карьере Ширино-Шихматова см.: Елагин 1855. Михаил Яковлевич Морошкин (1820–1870) – историк, священник, автор книги «Иезуиты в России с царствования Екатерины II и до нашего времени» (СПб., 1867–70); в РА (1868. № 6. Стб. 940–951) напечатаны (под заглавием «К истории библейских обществ») письма митрополита Серафима, епископа Иннокентия, архимандрита Фотия и Аракчеева по поводу Библейского общества. Вяземский одобрительно отозвался о разборе первой части книги Морошкина П. К. Щебальским (см.: РВ. 1868. № 4) в письме от 31 мая 1868 г. О публикации «Записки...» М. П. МIRONENKO заметила: «<...> Вяземский отнесся к ней не как к историческому источнику, а как к злободневному материалу, исходящему из реакционно-церковных кругов, к “диким воплям грубого православия”, как он писал» (МIRONENKO 1987: 53). 17 октября 1817 г. высочайшим манифестом объявлено соединение министерства народного просвещения с делами всех вероисповеданий в составе министерства духовных дел и народного просвещения; министром стал А. Н. Голицын; директором департамента духовных дел – А. И. Тургенев; (см. подробнее: Чистович 1894: 173–188). В начале 1820-х годов набирала силу противная А. Н. Голицыну партия: Аракчеев, Серафим (петербургский митрополит) и Фотий; позднее к ним примкнул Магницкий. Под их влиянием Александр запретил тайные общества, масонские ложи, выслал масона Лабзина. 15 мая 1824 г. министром народного просвещения был назначен А. С. Шишков; князь Голицын остался главноуправляющим почтовою частью и членом Государственного совета. А. И. Тургенев сохранил звание камергера и считался в отпуску (см.: Чистович 1894: 214–257; 281–311; см. также Пыпин 1868: 639–712; 281–297; 223–285; 708–768).

⁴ «Христианское чтение» – журнал, издание С.-Петербургской духовной академии.

⁵ «Православное обозрение» – московский ежемесячный журнал.

может быть увлечён в крайность ум человеческий в ту или другую сторону, т. е. в мистическую – отклоняющуюся от простоты и истины православия, как то делали мистики, – или в православную, сбивающуюся на предубеждения и буквальное понимание истин религии, как то делают раскольники и сочинитель «Записки о крамолах». Читая её, не мог я воздержаться от заметок карандашом – чего обыкновенно не делаю – почти на каждой странице. Вот Вам некоторые из этих заметок.

Стр. 1334 «...был наказан шелепами за измену вере... и далее» (Хорош долг и хороша душеспасительная справедливость, изъясняющиеся шелепами)⁶.

Стр. 1337... «софисты нечестия спешили наводнить Россию книгами нечестивыми... и пр.» (Почему же они спешили? Книгопродавцы выписывали эти книги и продавали их. Вот и всё. Никакого заговора и крамолы тут не было. Вольтер и энциклопедисты ничего общего с масонами не имели)⁷.

Стр. 1339... «Коварство врагов России...» (Неужели и расколы распространяются у нас среди крестьян «коварством западных врагов России»? Что за смесь и за противоречие в понятиях и указаниях!)⁸.

Стр. 1343 и 1344 – Странное средство к ослаблению уважения к Библии открыть всем и каждому удобность иметь и читать ее.

⁶ Ср.: «Так в 1736 году дворянин Ладыженский, поступивший из православных в Езуитский орден, был наказан шелепами за измену вере. Не по духу нетерпимости к разноверию так поступали наши государи, но по долгу справедливости и по мудрой заботливости о благе своих подданных».

⁷ Ср.: «В то время, как *масоны* старались умножить в России издания книг мнимодуховных и назидательных, *софисты нечестия* спешили наводнить Россию книгами нечестивыми, безбожными, безнравственными, которые во Франции были издаваемы Вольтером и его сообщниками и которые в России были распространяемы частью на французском языке, частью в переводах русских, печатанных с одобрения то кварталных надзирателей, то низших присутственных мест».

⁸ Ср.: «Враги гражданского и церковного благосостояния России, встретив сильное себе противление в учреждении цензуры, не оставили своих злобных замыслов. Они начали тайным образом поддерживать заблуждения и суеверия русских раскольников, и особенно беспоповщинской секты, как наиболее близкой к их духу возмущения против веры, церкви и гражданской власти и порядка».

Разве Библия хороша и душеспасительна только издали, а вблизи она книга вредная? Что за чепуха?!⁹

Стр. 1349 и 1350. Что за сумбур в обвинении, что богатый купец, молодой офицер называли в ложе братом вельможу и своего командира. Разумеется, тут означает братство духовное, признанное и внушенное Евангелием; а вовсе не гражданское, до которого Церкви дела нет¹⁰.

Стр. 1350. Враги России завели в ней тайные общества. Какие враги? Выходит на проверку – русские. В тайных обществах, разразившихся 14 декабря, мало было чужеземцев – да едва ли и было – мало было даже иностранных имен¹¹.

Стр. 1351. Библию можно было купить за 5 р. асс<игнациями>, а «Победная повесть» продавалась по 25 руб¹². Что за дурак этот господин? для распространения вредных книг враги непомерно возвышают на них цену, следовательно, делают их малодоступными; а чтобы уронить Библию, продают ее впятеро дешевле. То есть понижают цену на хлеб, чтобы заставить бедный и голодный народ покупать и есть конфеты.

Стр. 1359. Воззвание к человекам и т. д. Революционеры очень имели время и охоту читать подобные духовные книги! Что ни слово, то глупость¹³.

⁹ Ср.: «<...> [В]раги России старались ввести, усилить и распространить дух нечестия и вольномыслия в университетах и в других высших учебных заведениях; а в народе распустить сколько можно более экземпляров Библии, продавая их за самую малую цену <...>».

¹⁰ Ср.: «Богатый купец, молодой офицер называя в ложе братом вельможу и своего командира, очевидно, терял уважение к его званию и власти и вне ложи, даже на службе. От этого стали часто появляться дерзости и неповиновение по делам службы, которые дотоле очень редки были в России».

¹¹ Ср.: «Вслед за масонскими ложами стали умножаться в России *тайные общества*. Эти ужасные мины под фундамент русской крепости стали подводить враги России, которые к погибели ее употребляли все меры».

¹² Имеется в виду сочинение немецкого мистика И. Г. Юнга-Штиллинга «Победная повесть, или Торжество веры христианской»; пер. с нем., прим. А. Ф. Лабзина. СПб., 1815. После начавшегося в 1822 г. гонения на масонство книга была запрещена.

¹³ Упомянутая книгу «Воззвание к человекам о последовании внутреннему влечению духа Христова» (издана анонимно, пер. с фр. И. И. Ястребцова. СПб., 1820), автор «Записки» сообщает, что эту книгу Комиссия духовных училищ за свой счет разослала

Стр. 1361. Инстинкт или врожденная животной жизни сила и т. д. Может быть, слово «инстинкт» употреблено здесь неуместно. Но, по всему содержанию, видно, что автор подразумевает под этим словом вовсе не животную силу, а совершенно духовную и возвышенную¹⁴. Всё это писано, вероятно, Шишковым, или Шихматовым под его наитием: та же тупость в понятиях, та же староверческая ловля слов.

Стр. 1364, 65, 66. Автор статьи забывает, что сказано Христом о фарисее и об отправлении одних обрядов; так же и то, что сказал Он: «Горе вам, книжники и фарисеи!» Всё, что критик критикует, ничто иное, как комментарии самого Евангелия¹⁵.

Стр. 1370. Звезда и сплотничание неба и земли – вовсе не кощунство, а ошибки против вкуса, литературного приличия и тому подобного, ошибки, каких много найдешь и в лучших наших проповедниках¹⁶.

во все училищные библиотеки, но Шишков отправил книгу для отзыва митрополиту Серафиму, и книга была запрещена. Морошкин сочувственно приводит отзыв священника – рецензента этой книги: «Во второй раз издана она в Париже, в самое бурное время, за два года до революции, и нет сомнения, что она много содействовала успехам революции. <...> Сочинитель этой книги имеет единственную целию то, чтобы истребить веру христианскую и <...> произвести повсеместную революцию». Современная версия истории книги изложена в: Сводный каталог 2000: 249–250.

¹⁴ Прочитывая из «Воззвания к человекам...» фразу: «Только чрез Божественный инстинкт можно понимать Св. Писание», – автор «Записки...» возмущенно продолжает: «Какое богохульное смешение понятий врожденной животной силы и внутреннего чувства человеческого с понятием о Боге, о Христе, о Слове Бога, о Духе Божиим!».

¹⁵ На указанных страницах автор «Записки...» с возмущением цитирует из «Воззвания к человекам...» места, в которых осуждаются церковные обряды.

¹⁶ Начиная с стб. 1368 в статье рассматривается книга немецкого проповедника Иоганна Госснера «Дух жизни и учения Иисуса Христа в Новом Завете. Евангелие от Матфея». Как сообщает Морошкин, на русский язык книгу «перевел генерал-майор Брискорн, <...> перевод пересматривал и во многих местах поправлял Попов, директор департамента министерства народного просвещения. Она руками полиции схвачена в типографии прежде окончания печатанием и, наконец, по решению комитета министров, высочайше утвержденному, сожжена, а сочинитель выслан за границу в 1824 году» (стб. 1368). Как пишет Ю. Е. Кондаков в книге «Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России первой четверти XIX века», дело Госснера «явилось одним из самых ярких событий последних лет царствования Александра I и стало причиной отставки министра духовных дел и народного просвещения

Стр. 1374. Наши фарисеи радуются и пр. Всё это нравственные lieux communs¹⁷, которые сто раз были высказаны несколько столетий до Госнера.

Стр. 1375 и далее. Не всё ли то же наши православники говорят о папе и римском духовенстве?¹⁸

Стр. 1381. Экземпляры библии можно было видеть и в лавках книгопродавцев и пр. и пр. и под банками ваксы и под сальными подсвечниками. Дурак, дурак! Сам ты сальный подсвечник и банка ваксы!

Стр. 1382. И то время, когда будет один пастырь и едино стадо и т. д. Опять дурак, дурак! Что же ты порочишь эти слова? Не того ли хотел и проповедовал Христос?¹⁹

Стр. 1384 и 1385. Пенза лучше Уфы. Где же тут мщение и преследование?²⁰

А. Н. Голицына, расформирования Соединенного министерства и прекращения работ Российского библейского общества» (Кондаков 2005: 261). Вяземский цитирует статью Ширинского-Шихматова: «Госнер говорит о Христе, что Он сплотничал небо и землю. Подобные кощунства рассыпаны по многим местам его толкования Евангелия от Матфея».

¹⁷ Общие места (*фр.*).

¹⁸ По-видимому, имеется в виду следующее место из книги Госнера: «Во внешней церкви всё сделалось продажным. – Всё продается за деньги, даже и сам Христос. Удивляться не должно, что нынешние служители церкви столь мало дают даром: ибо даром дать может только тот, кто даром и получил. Они же купили мудрость свою на торжище училищном, а многие заплатили большую цену за свои места; посему и хотят вознаградить за свои убытки» (Госнер 1824: 361).

¹⁹ Автор «Записки...» говорит, что подлинное намерение «распространителей библейских обществ в России» раскрывается в прибавлении к отчету Библейского общества за 1818 г. и цитирует: «Небесный союз веры и любви, учрежденный посредством библейских обществ, в великом христианском семействе открывает прекрасную зарю брачного дня христиан и то время, когда будет один пастырь и едино стадо, т. е. когда будет одна божественная христианская религия во всех, различного образования, христианских исповеданиях, которые вначале различествовали между собою в нестроении, но ныне в сем духе и могут, и будут оставаться при своих различиях».

²⁰ В примечании публикатора к одной фразе статьи (о распространении книг, направленных против церкви и правительства) сказано: «Здесь намекается на преследование, которому подвергались от кн. Голицына ректор Петербургской семинарии Иннокентий и автор книги «Беседа на гробу младенца о бессмертии души» Станевич. <...> Иннокентия нужно было удалить из Петербурга, – и вот его больного назначают в Уфу епископом, а потом вдруг переменяют это назначение и посылают в Пензу <...>».

Стр. 1387 и далее. Со святым дерзновением древних пророков. – Древних пророков не сажали насильно в карету. Хорошо же представлен и описан Морошкиным этот просветитель церкви, который боялся и Голицына, и Аракчеева; которого насильно заперли в карету и велели везти куда хотели, а не куда он хотел, ибо три раза выходил из кареты, оставляя свое намерение²¹. Вообще редко случалось мне читать более нелепую, более возбуждающую негодование статью, как эти крамолы. Да и Вы немножко покривили душой. Как-то двусмысленно отозвались о Куницыне. Не мог же он, преподаватель естественного права, ограничиваться одним русским правом и указаниями на законы самодержавного правительства²².

Я, разумеется, не охотник ни до мистических книг, ни даже до библейских обществ; хотя, в некотором отношении, признаю пользу, которую они могут приносить. В самый разгар библейских обществ смеялся я над Тургеневым²³ и писал американцу Толстому:

²¹ Речь идет о митрополите Серафиме, который «сняв с головы своей белый клобук, положил его к ногам императора и с твердостью сказал: не приму его, доколе не услышу из уст вашего величества царского слова, что министерство духовных дел уничтожится и святейшему синоду возвратятся прежние права его, и что министром народного просвещения поставлен будет другой, а вредные книги истребятся». В примечаниях (стб. 1390) сказано: «Покойный Павлов рассказывал, что митрополит три раза садился в карету, чтобы ехать во дворец, и три раза выходил из неё, оставляя свое намерение. Наконец в третий раз до кареты провожали его Павлов, Фотий и Орлов и своими руками усадили его в нее; Павлов захлопнул дверцы кареты, сказал кучеру, чтобы он не останавливался до Зимнего дворца, крикнул: пошел! – и карета помчалась от Невской Лавры к Зимнему дворцу».

²² В статье о Куницыне сказано: «Особенно гибельно для юных умов и опасно для отечества нашего было преподавание естественного права профессором Куницыным, который, впрочем, за напечатание оного получил орден св. Анны 2-й степени с бриллиантами» (стб. 1379). К этому месту Бартенев сделал примечание: «“Куницыну дань сердца и вина! / Он создал нас, он воспитал наш пламень, / Поставлен им краеугольный камень, / Им чистая лампада зажжена!” Так вспоминал Пушкин этого профессора, коего явные указания на необходимость представительного правления одобрялись и непосредственным, и высшим начальством. П. Б.»

²³ Над Александром Ивановичем, возглавлявшим департамент духовных дел министерства духовных дел А. Н. Голицына. 21 мая 1824 г. А. И. Тургенев писал Вяземскому: «Я – жертва лжи и клеветы самой гнусной, почти невероятной. Тебе признался бы я во всем; но говорю искренно, что и тени правды нет во всех обвинениях, митрополитом формально, лично государю, на меня особенно принесенных. Я уверен, что истина восторжествует, и, может быть, очень скоро. Наши иезуиты неискусны и, в радости

Я не прошу от благодати
Втереть меня к библейской знати
И по кресту вести к крестам²⁴.

Но, со всем тем, все мистические и библейские затеи и заблуждения гораздо сноснее, гораздо сочувственнее, нежели эти дикие вопли грубого православия, которые более вредят религии, нежели все Штиллины²⁵ и Госнеры²⁶.

В посмертном завещании предоставляю книжку «Русского архива» с моими отметками Чертковской библиотеке²⁷.

торжества своего, забывают и самые обыкновенные правила интриги» (Остафьевский архив 1899: 46).

²⁴ Из стихотворения «Толстому» (1818); в сборнике «В дороге и дома» – первые одна-дцать строк; полностью – ПСС, III. На своем экземпляре сборника 1862 г. Вяземский написал: «Эти стихи были написаны в самый разгар Библейского общества. Библию обратили в орудие подлости и чиновнического честолюбия. Даже Сперанский в изгнании промышлял ею» (РГБ. МК. XII. А. 7/8. С. 339).

²⁵ Иоганн Генрих Юнг-Штилинг (Jung-Stilling; 1740–1817) – немецкий писатель, мистик и теософ, врач по образованию; одно из главных его сочинений, «Тоска по отчизне» („Das Heimweh“; 1794) – было переведено на русский язык в 1807 году Ф. П. Лубяновским, но по распоряжению Александра I было уничтожено; впоследствии, когда император познакомился с Юнг-Штилингом в Карлсруэ, у герцога Баденского (10 июля 1814 г., н. ст.), запрет был снят; перевод «Тоски по отчизне» вышел целиком (1818, 5 ч.), а сочинителю была назначена пенсия.

²⁶ Иоганн Евангелиста Госснер (Gosner; 1773–1858) – немецкий религиозный писатель и поэт, проповедник и миссионер В 1820 году приехал в Санкт-Петербург, был принят в совет директоров Библейского общества и получил возможность проповедовать в римско-католической церкви. Его книга «Дух жизни и учения Иисуса Христа, в размышлениях и замечаниях о всем Новом Завете» была пропущена цензурой в мае 1823 года. В ней он высмеивал обряды православной церкви, объявлял их греховными, критиковал духовенство. Архимандрит Фотий пытался доказать царю, что мистики и Госснер не только занимают антицерковную позицию, но и вынашивают планы революции, которая призвана уничтожить царский престол. Госснер был выслан из Петербурга. Рассмотрение книги Госснера было поручено президенту Российской академии А. С. Шишкову. Госснер в 1824 г. выслан за границу. В РА (1868. № 10. Стб. 1405–1413) был напечатан отрывок из «Записок» Н. И. Греча под заглавием «О пасторе Госнере».

²⁷ Номер РА с отметками Вяземского разыскать не удалось; в Исторической библиотеке (наследовавшей Чертковской) пять экземпляров журнала, но ни одного с пометами поэта.

Стр. 1403. Иначе как чисто внешними способами²⁸ и не может устроиться никакое общество. На всё нужны деньги. Никакой сбор, никакая подписка на какое бы то ни было дело без внешних способов обойтись не может. Почему же пробуждаться тут чувству негодования? Духовная цель библейского общества была распространение Библии, и, следовательно, принятые меры совершенно соответствовали этой цели. Хорошо или худо библейское общ<ество> содействовало грамотности и просвещению, закрытие его содействовало какому-то староверческому тупоумию и невежеству.

II. Царское Село, 27 сент<ября>. 1868²⁹.

Намедни не успел я докончить моего жёлчного и чернильного извержения по поводу крамол и отправил Вам сгоряча то, что у меня накопилось. Уж по крайней мере пощадили бы Вы князя Голицына³⁰ хоть за отзыв, сделанный о нём Жуковским в той же книжке, в одном из писем к Булгакову³¹. Всё же эта натура, со

²⁸ В том же номере РА было напечатано «Дело по отношению Смоленского гражданского губернатора об открываемом в Смоленске отделении Библейского общества» (стб. 1395–1403); в примечании издателя сказано: «<...> [М]ы поместили это дело для показания того, какими чисто внешними способами устроивались отделения Общества в русских городах. Не одни Фотии, но и вообще люди трезвого благочестия имели право относиться с улыбкою недоверия, а иногда и с чувством негодования к некоторым действиям так называемых библеистов, напр., к речам князя А. Н. Голицына; тем не менее горько вспомнить, что из-за частных злоупотреблений положены были преграды распространению Слова Божия. Приведем на память читателям, что членом Библейского общества был сам император Александр Павлович. П. Б.»

²⁹ РГАЛИ. Ф. 46. Оп. 1. Ед. хр. 153. Л. 19–20; почерк секретаря.

³⁰ Александр Николаевич Голицын (1773–1844) – обер-прокурор Св. Синода (1803–1816), главноуправляющий иностранными вероисповеданиями (1810), министр народного просвещения (1816–1824); в статье о крамолах отдельный раздел посвящен библейским обществам, президентом которых был Голицын. См. подробнее: Стеллецкий 1901.

³¹ В письме к А. Я. Булгакову от 11/23 января 1845 г. Жуковский писал о Голицыне: «И для меня сердечная потеря кончина нашего доброго князя. Он основатель моего благосостояния; он всегда мне делал добро по сердцу, и через него всегда было делать добро другим. Во многих отношениях редкий человек. С ним исчез век Екатерины;

своими слабостями, была выше и чище натуры Фотия³². Можно печатать всякие исторические и биографические документы, но чувства и склонность издателя в ту или другую сторону должна проглядывать.

Статья Греча, за некоторыми исключениями, гораздо правдивее и дельнее³³. Стихи Пушкина, обыкновенно приписываемые к моему портрету, стали мне известны только в печати³⁴. Но никогда о них ни я ему, ни он мне не говорил. Ближе к делу можно применить ко мне стихи его в «Онегине»: «У скучной тётки Таню встреть, К ней как-то В.... подсел» и пр.

Далее проглядывает тут и парик Дмитриева³⁵. Это полный и живой *tableau de genre*³⁶. Как можно Вам было съездить в Остафьево только на несколько часов? Так в подмосковные не ездят. Норов (кажется) обещал статью свою «Инвалиду»³⁷. Впрочем, переговорю с ним. А моя переписывается набело³⁸. Скажите Соболевскому, что я его книжечки ещё не получал³⁹. Благодарю за

он был оставленный боярин, царедворец в хорошем смысле и приятный собеседник» (стб. 1450–1451).

³² Архимандрит Фотий (в миру Пётр Никитич Спасский; 1792–1838) – противник А. Н. Голицына и библейских обществ, мистических движений в России начала XIX в. и масонства.

³³ О пасторе Госнере (из «Записок» Н. И. Греча). – РА. 1868. Вып. 9. Стб. 1403–1413.

³⁴ Очевидно, речь идет о стихотворении «К портрету В.» (1820): «Судьба свои дары явить желала в нем, / В счастливом баловне соединив ошибкой / Богатство, знатный род – с возвышенным умом / И простодушие – с язвительной улыбкой». Впервые – «Надпись к портрету» (Полярная звезда на 1824 г. СПб., 1824. С. 319). Адресат раскрыт П. В. Анненковым во втором томе «Сочинений Пушкина» (СПб., 1855); фрагмент письма Вяземского опубликован в кн.: Бартенев. 1992: 407. Вероятно, Вяземский отвечает на не дошедшее до нас письмо Бартенева.

³⁵ «Евгений Онегин», глава седьмая, строфа XLIX: после процитированных строк следует: «И, близ него ее заметя, / Об ней, поправя свой парик, / Осведомляется старик».

³⁶ Жанровая картина (*фр.*).

³⁷ Имеется в виду статья А. С. Норова «Война и мир (1805–1812). С исторической точки зрения и по воспоминаниям современника. (По поводу сочинения графа Л. Н. Толстого «Война и мир»)». СПб., 1868; впервые – «Военный сборник» 1868 года, № 11.

³⁸ Речь идет о статье Вяземского «Воспоминания о 1812 годе» (РА. 1869. № 1).

³⁹ Очевидно, имеется в виду книга С. А. Соболевского «Юрнaлы и камер-фурьерские журналы 1695–1774 годов» (М., 1867; приложение к РА 1867, № 12).

Баратынского⁴⁰ и Муравьёва⁴¹. В Баратынском начал я уже купаться. Муравьёва перелистывал и нашёл в нём много занимательного. Мы наслаждаемся здесь прекрасною осенью и пользуясь ею для прогулок своих.

<почерк Вяземского>: Желаю и Вам того же. Совершенно Вам преданный Вяземский

СОКРАЩЕНИЯ

РГБ МК – Музей книги Российской государственной библиотеки.

ПСС – Полн. собр. соч. князя П. А. Вяземского. Т. I–XII. СПб.: Издание графа С. Д. Шереметева, 1878–1896 (в скобках указываются том и страницы).

РА – журнал «Русский архив».

РВ – журнал «Русский вестник».

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства.

БИБЛИОГРАФИЯ

Бартенев П. И. 1992. О Пушкине: Страницы жизни поэта. Воспоминания современников. М.: Советская Россия.

Госснер И. Э. 1824. [Дух жизни и учения Иисуса Христа в Новом Завете. Евангелие от Матфея]. СПб.: Печатана у Греча.

Елагин Н. В. 1855. Очерк жизни князя Платона Александровича Ширинского-Шихматова. СПб.: В Типографии Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии.

Жмакин В. 1890. Материалы для истории русской богословской мысли тридцатых годов текущего столетия: Из переписки братьев князей Ширинских-Шихматовых. СПб.: Типография А. Катанского и К°.

Кондаков Ю. Е. 2005. Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России первой четверти XIX века. СПб.: Издательство Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.

⁴⁰ Вероятно, Бартенев прислал Вяземскому издание «Сочинения Е. А. Баратынского» (М., 1868).

⁴¹ Неясно, о каком Муравьёве и о какой его книге идет речь; возможно, «Русские на Босфоре в 1833 году» Н. Н. Муравьева (издание Чертковской библиотеки); на титульном листе стоит год выхода 1869, но уже в октябрьском номере РА за 1868 г. обещано появление этой книги «в непродолжительном времени».

- Мироненко М. П. 1987. Из истории русской исторической журналистики (Переписка П. А. Вяземского и П. И. Бартенева). – Памятники культуры: Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1985. М.: Наука. С. 48–58.
- Остафьевский архив 1899. Остафьевский архив князей Вяземских. [Т.] III: Переписка князя П. А. Вяземского с А. И. Тургеневым: 1824–1836. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича.
- Пыпин А. Н. 1868. Российское библейское общество. – Вестник Европы. Кн. 8 (август); Кн. 9 (сентябрь); Кн. 11 (ноябрь); Кн. 12 (декабрь). С. 639–712; 281–297; 223–285; 708–768.
- Сводный каталог 2000. Сводный каталог русской книги: 1801–1825. Т. 1: А–Д. М.: Российская государственная библиотека.
- Соболев Л. И. 2019. Одно письмо П. А. Вяземского. – *Slavica Revalensia*. Vol. VI. С. 121–135.
- Стеллецкий Н. 1901. Князь А. Н. Голицын и его церковно-государственная деятельность. Киев: Типография И. И. Горбунова.
- Чистович И. А. 1894. Руководящие деятели духовного просвещения в России в первой половине текущего столетия. СПб.: Синодальная типография.

REFERENCES

- Bartenev, P. I. *O Pushkine: Stranitsy zhizni poeta. Vospominaniia sovremennikov*. Moscow: Sovetskaia Rossiia, 1992.
- Chistovich, I. A. *Rukovodiashchie deiateli dukhovnogo prosveshcheniia v Rossii v pervoi polovine tekushchego stoletii*. Saint-Petersburg: Sinodal'naia tipografiia, 1894.
- Elagin, N. V. *Ocherk zhizni kniazia Platona Aleksandrovicha Shirinskogo-Shikhmatova*. Saint-Petersburg: V Tipografii Vtorogo Otdeleniia Sostavnoi E. I. V. Kantseliarii, 1855.
- Goßner, J. E. [Dukh zhizni i ucheniia Iisusa Khrista v Novom Zavete. Evangelie ot Matfeia]. Saint-Petersburg: Pechatana u Grecha, 1824.
- Kondakov, Iu. E. *Liberal'noe i konservativnoe napravleniia v religioznykh dvizheniiakh v Rossii pervoi chetverti 19 veka*. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena, 2005.
- Mironenko, M. P. "Iz istorii russkoi istoricheskoi zhurnalistiki (Perepiska P. A. Viazemskogo i P. I. Barteneva)." In *Pamiatniki kul'tury: Novye otkry-*

- tiia. Pis'mennost'. Iskusstvo. Arkheologiia. Ezhegodnik* 1985, 48–58. Moscow: Nauka, 1987.
- Ostaf'evskii arkhiv kniazei Viazemskikh*. Vol. 3, *Perepiska kniazia P. A. Viazemskogo s A. I. Turgenevym: 1824–1836*. Saint-Petersburg: Tipografiia M. M. Stasiulevicha, 1899.
- Pypin, A. N. “Rossiiskoe bibleiskoe obshchestvo.” *Vestnik Evropy* 8, 9, 11, 12 (August, September, November, December 1868): 639–712, 281–297, 223–285, 708–768.
- Sobolev, L. I. “Oдно pis'mo P. A. Viazemskogo.” *Slavica Revalensia* 6 (2019): 121–135.
- Stellets'kii, N. *Kniaz' A. N. Golitsyn i ego tserkovno-gosudarstvennaia deiatel'nost'*. Kyiv: Tipografiia I. I. Gorbunova, 1901.
- Svodnyi katalog russkoi knigi: 1801–1825*. Vol. 1, A–D. Moscow: Rossiiskaia gosudarstvennaia biblioteka, 2000.
- Zhmakin, V. *Materialy dlia istorii russkoi bogoslovskoi mysli tridsatykh godov tekushchego stoletii: Iz perepiski brat'ev kniazei Shirinskikh-Shikhmatovykh*. Saint-Petersburg: Tipografiia A. Katanskogo i K^o, 1890.

Б. М. ЭЙХЕНБАУМ. ПИСЬМА К Ю. А. НИКОЛЬСКОМУ¹

М. Г. Сальман
(С.-Петербург)

Памяти моего отца Григория Яковлевича Сальмана.

Настоящий эпистолярный охватывает 1915–1917 и продолжает публикации юношеских писем Эйхенбаума: к родителям² и брату³, к В. М. Жирмунскому⁴, А. С. Долинину⁵, М. К. Лемке⁶, А. А. Шахматову⁷.

Об Эйхенбауме как литературном критике писали немало⁸. М. О. Чудакова и Е. А. Тоддес подчеркивали, что у «Эйхенбаума этих лет нет *своих* тем, нет очерченного круга историко-литературных интересов» (Эйхенбаум 1987: 5), А. В. Лавров замечал, что «концептуальные идеи, нашедшие свое развернутое истолкование в больших работах Эйхенбаума, предварительно фиксировались в беглой или тезисной форме на страницах его журнальных и газетных отзывов о литературных новинках <...>» (Лавров 2010: 202).

Письма молодого филолога позволяют увидеть, как и в связи с чем зарождались эти идеи, как беседа с другом или прочитанная

¹ Письма печатаются по современной орфографии (при сохранении написания прописных и строчных букв и подчеркиваний) по автографам, хранящимся в ОР РНБ. Ф. 1160. Ед. хр. 1426. В письмах к другу, в отличие от официальных писем к профессорам, Эйхенбаум писал без «еров» на конце существительных. Зачеркнутые слова приводятся в квадратных скобках. Общеизвестные имена не комментируются.

² См.: Эйхенбаум 1984: 117–138; Eichenbaum Ol'ga 1985: 11–25; в составе книги: Кертис 2004: 243–298. Публикации не тождественны.

³ См.: Эйхенбаум 1997а: 191–230.

⁴ См.: Эйхенбаум 1988: 256–329.

⁵ См.: Эйхенбаум 1996: 176–189.

⁶ См.: Сальман 2014b: 617–623.

⁷ См.: Робинсон, Сазонова 2014: 22–25.

⁸ См.: Чудакова, Тоддес 1987: 128–140; сокращенный вариант см.: Эйхенбаум 1987: 5–14 и комментарий. Также см.: Львов 2016: 48–65; Орлова 2012: 57–66; Орлова 2020: 115–122.

книга давали толчок мысли и суждению, которые воплощались в регулярном журнальном труде.

Вступительная статья концентрируется на биографическом аспекте. Чтобы не отвлекать внимание читателя бытовым комментарием от литературных и философских вопросов, которые обсуждаются в письмах, большая часть информации об упомянутых в них лицах, часто малоизвестных или совсем неизвестных, но входящих в круг общения двух начинающих филологов, приводится здесь.

Прежде всего напомним несколько фактов из жизни Эйхенбаума 1912–1917. В феврале 1912 Эйхенбаум – студент С.-Петербургского императорского университета (далее – СПбИУ), он записался на лекции весеннего семестра, но из-за второго ареста вынужден был по требованию ректора получить выпускное свидетельство, которое он забрал из канцелярии 4.04.1912⁹. О подготовке к государственным экзаменам после двух арестов и спешного окончания университета речи не шло¹⁰, хотя «удостоверение о поведении», необходимое для сдачи этих экзаменов, он получил 12.04.1912¹¹. В это время супруги Эйхенбаум ждали ребенка¹², а постоянная работа у мужа была только одна: разбор архива

⁹ См.: Сальман 2014а: 451.

¹⁰ Подробнее см.: Там же: 450–452. О своих арестах Эйхенбаум сообщал в автобиографии от 30.05.1936: «В студенческие годы (1911–1912) был два раза арестован по подозрению в участии в студенческих беспорядках» (СПФ АРАН. Ф. 150. Оп. 002. Ед. хр. 775. Л. 12 об.).

¹¹ См.: Сальман 2014а: 453.

¹² Бракосочетание Эйхенбаума с Раисой Борисовной Броуде (1889–1946) состоялось 17.04.1911, в свидетельстве сказано: «повенчан первым браком с мещанкой дев<ицей> гор. Кронштадта СПб губ. Раисой Броуде 21 года, православного вероисповедания. Спасо-Преображенской Колтовской гор<ода> СПб церкви» (Там же: 480). Ольга Борисовна Эйхенбаум (1912–1999) родилась 27 сентября. Все даты до 1918 в статье приводятся по старому стилю. В упомянутой автобиографии 1936 Эйхенбаум писал: «Женат с 1910 г. – на Раисе Борисовне Броуде, происходящей из мещанской семьи; отец жены занимался комиссионерскими делами. Жена училась в Вольной высшей школе Лесгафта и служила чертежницей на заводе» (СПФ АРАН. Ф. 150. Оп. 002. Ед. хр. 775. Л. 13). Дату рождения указываем в согласии с анкетой, которую Эйхенбаум заполнил 8.07.1925 и где сообщил, что его жене 36 лет (см.: Там же. Ф. 302. Оп. 2. Ед. хр. 302. Л. 13, дата на л. 17).

М. М. Стасюлевича¹³, хранившегося у М. К. Лемке, кузена Эйхенбаума. За переписку от руки архивных документов, которые Лемке собирался публиковать, за переводы некоторых из них с французского¹⁴ и немецкого¹⁵, составление именных указателей к томам¹⁶ Эйхенбаум получал от кузена 80 рублей в месяц, работая по пять часов в день¹⁷. Эта работа его не удовлетворяла, он писал родителям¹⁸ 21.10.1911: «<...> ступаю по пескам Архива, точно в пустыне – без звуков, без движений, без цветов. <...> Почти не удастся читать для души, хотя на полке лежит роман Флобера “Madame Bovary”, часть которого я прочел и очень увлекся как содержанием, так и самой манерой письма» (Кертис 2004: 287).

Время от времени появлялись уроки, но их, разумеется, не хватало. Эйхенбаум ищет журнальную работу.

2.09.1912 он предложил редакции критико-биографического еженедельного журнала «Запросы жизни» статью об А. А. Аракчееве¹⁹, но получил отказ. В октябре он обратился к редактору журнала «Современник» Е. А. Ляцкому, с которым работал еще в 1907²⁰:

¹³ Михаил Матвеевич Стасюлевич (1826–1911) – историк, публицист, многолетний редактор-издатель «Вестника Европы» (подробнее см.: Русские писатели 1989–2019, 6: С. 51–54).

¹⁴ В частности, тексты А. И. Герцена, см.: Сальман 2014b: 621.

¹⁵ Например, письма писателя Фридриха Шпильгагена (1829–1911) к Стасюлевичу, см.: Там же: 620; Стасюлевич 1911, 3: 542–591, в книге имя переводчика не указано.

¹⁶ Эйхенбаум писал Лемке 10.12.1911: «Указатель составляем – можем выслать, как только будет нужен. Все недоразумения по Указателю изложу в записке» (Сальман 2014b: 620). В работе ему помогала жена.

¹⁷ См.: Сальман 2014а: 475. Подробнее о работе у Лемке и отношениях с ним см.: Сальман 2014b: 617–623.

¹⁸ Отец – Михаил (урожд. Моисей) Яковлевич Эйхенбаум (24.11.1853 – 3.02.1917) – врач. Настоящее имя отца и дату рождения приводим по: Акиншин 2014: 14. Мать – Надежда Дормидонтовна Эйхенбаум (урожд. Глотова; 3.07.1858 – 3.06.1914) – врач-гинеколог, дату рождения см.: Там же.

¹⁹ См.: Кертис 2004: 288. Письмо к родителям от 3.09.1912. Статья, по-видимому, была отчасти написана по материалам, находившимся в архиве Стасюлевича-Лемке, см. ниже упоминание о неопубликованных письмах «разных лиц к Аракчееву».

²⁰ «Завтра утром буду у Ляцкого – получил записку о переписке, чего давно ждал. Немного заработаю» (Кертис 2004: 269, письмо к родителям от 18.01.1907). Евгений

13 Окт<ября> 1912 г. Спб.

Милостивый Государь
Евгений Александрович!

Сегодня вечером я отправлю к Вам под бандеролью свою маленькую статейку об Аракчееве, написанную под впечатлением читанных мною разных материалов о его жизни. Может быть, Вы найдете возможным напечатать ее в «Современнике» или поможете устроить ее в другом журнале – чересчур уж большой подвиг ходить в наше время по редакциям! А мне хочется напечатать ее, помимо прочих соображений, потому, что в ней есть мои искренние мысли, которые могут, мне кажется, заинтересовать и других. Надо же, в самом деле, разбираться в людях, а не просто ругать их. Кизеветтер («Русск<ая> Мысль» 1910, кн<иги> 11 и 12)²¹ применяет в своей характеристике Аракчеева самый грубый и совсем не психологический прием – простое расчленение, сопровождаемое демонстрациями. Я пробую сделать иначе.

Тому уже больше 5 лет, как я работал у Вас по переизданию биографии Белинского²². Теперь я работаю у Лемке по архиву Стасюлевича, но в заработке очень нуждаюсь и особенно ищу переводов с немецкого, франц<узского>, итальянск<ого> и английского²³. Может быть, у Вас окажется какая-нибудь под-

Александрович Ляцкий (1868–1942, в эмиграции) – историк литературы, этнограф и литературный критик, зять А. Н. Пыпина.

²¹ См.: Кизеветтер 1910. Кн. 11: 42–72, 2-я паг. Кн. 12: 1–31, 2-я паг. Александр Александрович Кизеветтер (1866–1933) – историк, мемуарист, преподавал в Московском университете, член ЦК партии кадетов. С 1919 заведовал Центральным архивом ВСНХ, арестовывался в 1918, 1920 и 1922, в этом же году выслан за границу (подробнее см: Высылка 2005: 248–252).

²² См.: Пыпин 1908.

²³ Итальянским и английским Эйхенбаум занимался в университете (см.: Сальман 2014а: 455). В письме к родителям от 13.11.1909 он писал: «Для итал. яз. я купил словарь (italien-français) за 2 руб. (большой!), Dante Vita nuova (“Обновленная жизнь”<...>), которую мы переводим в Ун-ете каждый четверг; я занялся немного итал. грамматикой» (Кертис 2004: 285). Много лет спустя, отвечая на вопрос личного листка по учету кадров, на каких иностранных языках он читает, Эйхенбаум назвал «французский, немецкий, английский»; на вопрос, где изучал языки, написал: «франц<узский> и нем<ецкий> дома, англ<ийский> – в Университете» (СПФ АРАН. Ф. 150. Оп. 002. Ед. хр. 775. Л. 62 об.).

ходящая для меня работа. Мне необходимо нужно еще 40–50 р. в месяц, чтобы обеспечить существование и работать спокойно.

Привет Вере Александровне²⁴ – не так давно мы виделись с ней в трамвае, и она сетовала на мой почерк, чем глубоко меня огорчила.

Теперь ей приходится иметь дело с почерком жены – она ведет переписку Пыпина со Стас<юлевич>ем.

Жду ответа.

Уважающий Вас

Б. Эйхенбаум.

Адрес. Вас<ильевский> Ос<тров>, 13 лин<ия>, д. 32, кв. 21.

Борису Михайловичу Эйхенбаум.

По телефону от 11–4 по № 419-37.

19 Октября 1912 г.

Спб.

Многоуважаемый

Евгений Александрович.

Вашу открытку, за которую очень Вас благодарю, я получил только вчера, 18-го, хотя написана она была 16-го, во вторник. Вы приглашаете меня прийти в среду, т. е. 17-го, но открытка получилась слишком поздно. Поэтому я воспользуюсь Вашим приглашением в будущую среду и около 4-х часов приду в редакцию.

Жалко, что статейка моя не подходит. У меня есть, в копиях, не-напечатанные письма разных лиц к Аракчееву, которые и побудили меня заняться им вообще. Но я не хочу печатать их без такой предварительной принципиальной работы, а где ее поместить – не знаю. Для газеты – велика, а для большого журнала – мала и, вероятно, не соответствует направлениям.

Буду очень рад, если для меня найдется у Вас работа.

²⁴ Вера Александровна Ляцкая (урожд. Пыпина; 1864–1930) – жена Ляцкого, автор книги о Н. Г. Чернышевском, выпущенной под девичьей фамилией (см.: Пыпина 1923). «В 1915–1916, 1926 и 1929 передала в Пушкинский Дом значительную часть архива своего отца и впоследствии занималась его предварительной разборкой и комментариями к документам» (Пушкинский Дом 2005: 70).

Ваш Бор. Эйх.

Вас<ильевский> Ос<тров>, 13 лин<ия>, д. 32, кв. 21²⁵.

В декабре 1912 Эйхенбаумы жили уже на Крестовском острове: Морской пр., 13, кв. 8²⁶. В конце 1912 у Эйхенбаума вышло несколько рецензий в «Запросах жизни»²⁷, затем журнал закрылся, но в 1913, после знакомства с Л. Я. Гуревич²⁸, он стал сотрудничать в газетах «Русская молва»²⁹, «Новости иностранной литературы», в журналах «Северные записки», «Заветы» и «Русская мысль»³⁰.

Июнь-июль 1913 семья провела в Лебяжьем³¹, где Эйхенбаум продолжал как работу для Лемке³², так, по-видимому, и подготовку

²⁵ РО ИРЛИ. Ф. 163. Оп. 2. Ед. хр. 570. Л. 1–4. Рукопись «Приятели и почитатели Аракчеева (по неизданным материалам)» сохранилась в архиве журнала «Голос минувшего» (см.: АРАН. Ф. 646. Оп. 1. Д. 272). Архивистами рукопись не датирована.

²⁶ См.: Эйхенбаум 1996: 179, письмо к Долинину от 12.12.1912. Номер квартиры в 1913 был 2, см. ниже письмо к С. А. Венгерову. 4.07.1913 он спрашивал Долинина: «Не хотите ли взять у нас комнату – мы будем одну сдавать» (Там же). В 1915, работая в двух гимназиях и переехав на 8-ю Рождественскую ул., 21, кв. 17, Эйхенбаум опять вынужден сдавать комнату: «Квартира будет стоить немного дешевле – у нас будет жить мальчик – беженец из Вильны, брат одной петербургской моей знакомой. Это немного стеснит, но не очень» (Кертис 2004: 293–294, письмо отцу от 13.09.1915).

²⁷ О сотрудничестве в этом издании см.: Орлова 2020: 115–122. К сожалению, автору осталась неизвестна работа А. Л. Осповата, в которой дан подробный и точный анализ эйхенбаумовской рецензии на издание Тютчева, опубликованной в «Запросах жизни» (см.: Осповат 2012: 268–273).

²⁸ Любовь Яковлевна Гуревич (1866–1940) – литературный и театальный критик, прозаик, переводчица, с 1913 возглавляла критический, а затем и беллетристический отделы журнала «Русская мысль», была рецензентом и заведовала театральным отделом газеты «Речь». Корреспондентка Блока (см. ее мемуары (1921) о поэте: Гуревич 1982: 839–849). Тетка И. Л. Андроникова. Постоянная корреспондентка Эйхенбаума в 1910-е гг., в письмах и дневнике фигурирует как Л. Я. О первой встрече с ней см. в письме к родителям от 11.01.1913 (Эйхенбаум 1988: 268). Подробнее см.: Гречишкин 1978: 3–29; Русские писатели 1989–2019, 2: 58–59.

²⁹ Биредктором был университетский приват-доцент по кафедре русской словесности и профессор Женского педагогического института Сергей Александрович Адрианов (1871–1942, в блокаду), завсегда «Бродячей собаки» (см.: Парнис, Тименчик 1985: 249). Осенью 1907 Эйхенбаум записывался на его лекции о Лермонтове (см.: Сальман 2014а: 454).

³⁰ О «Русской мысли» см.: Гапоненков 2004.

³¹ Деревня неподалеку от Ораниенбаума (ныне Ломоносов) по Балтийской железной дороге, ставшая популярным дачным местом в начале XX в.

³² См.: Сальман 2014b: 621.

к государственным экзаменам. Осенью ему пришлось занимать деньги, чтобы сосредоточиться на экзаменах³³.

14.10.1913³⁴ Эйхенбаум оканчивает университет с дипломом I степени³⁵; за пять дней перед тем он писал Жирмунскому о «борьбе за существование, которой именно теперь приходится уделять массу сил» (Эйхенбаум 1988: 273).

Спустя две недели, 27.10.1913, он поделился с Жирмунским новостью: профессор А. К. Бороздин³⁶ предложил ему остаться при

³³ См. письмо к родителям, написанное уже после сдачи экзаменов, 29.10.1913 (Кертис 2004: 293).

³⁴ См.: Эйхенбаум 1996: 181.

³⁵ «Экзамены я выдержал блистательно – все “весьма”» (Эйхенбаум 1988: 274, письмо к Жирмунскому от 27.10.1913).

³⁶ Александр Корнилович Бороздин (1863–1918; используемое иногда написание «Корнильевич» (см., например, комментарий В. В. Нехотина: Эйхенбаум 1993: 26 и с неверной датой смерти) противоречит и послужному списку, и паспортной книжке (см.: РО ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. Ед. хр. 267. Л. 7 об. Л. 14 об., Л. 267), в 1885 окончил университет со степенью кандидата, определен на службу по министерству государственных имуществ, занимался в архиве Горного департамента (см.: Там же. Л. 7 об.). В 1891–1894 преподавал историю и литературу в тифлисском закрытом женском учебном заведении св. Нины, в 1898 защитил магистерскую диссертацию «Протопоп Аввакум», дважды вышедшую книгой (см. также современное издание: Бороздин 1998), в следующем году женился на дворянке Тифлисской губернии Елене Виссарионовне Абеловой, 33 лет (см.: РО ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. Ед. хр. 267. Л. 8. Л. 9 об. Л. 10 об. Л. 271 об.). В 1900-е – инспектор классов Павловского института; с 1.09.1901 – экстраординарный профессор Историко-филологического института (см.: Там же. Л. 10 об., Л. 12 об., дата на л. 13). Член попечительного совета Тенишевского училища в 1900–1904 (см.: ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 1. Д. 68. Л. 3). С 13.06.1903 назначен министерством финансов исполнять обязанности директора частного женского коммерческого училища Э. Ф. Грюнталь, с 1902 – приват-доцент СПбИУ (см.: РО ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. Ед. хр. 267. Л. 14 об.). У него был внебрачный сын Александр, родившийся в 1903 от Надежды Михайловны Самсоновой и усыновленный отцом по суду в 1913, т. е. когда пришло время отдавать ребенка в школу (см.: Там же. Л. 236. Л. 283). В 1915 хлопотал о предоставлении сыну прав потомственного дворянства (см.: Там же. Л. 352). Возможно, сочувствовал социал-демократам: у него (по меньшей мере, однажды) в 1907 состоялось совещание социал-демократической фракции II Государственной думы (см.: Рокитянский, Мюллер 1996: 34). По утверждению В. И. Старцева, с 1907 Бороздин являлся членом русской масонской ложи «Возрождение» (см.: Старцев 2004: 53, 54). В личном деле Бороздина сохранилось письмо министра народного просвещения А. Н. Шварца к директору Историко-филологического института от 18.06.1909: «Из представленной Вашим Превосходительством ведомости о количестве лекций, пропущенных профессорами и преподавателями вверенного Вам института в истекшем 1908/1909 учебном году,

университете для подготовки к магистерским экзаменам³⁷. Эйхенбаум посещал семинарий Бороздина³⁸, «писал у него рефераты в первые годы университетской жизни» (Эйхенбаум 1988: 274), в осенний семестр 1908 – о Тютчеве: «Понемногу занимаюсь Тютчевым – реферат буду читать в начале декабря» (Кертис 2004: 282; письмо родителям от 18.09.1908). Зачетное сочинение «Поэзия Тютчева в русской критике» Эйхенбаум защитил у Бороздина 9.03.1912³⁹.

Однако мнения одного Бороздина было недостаточно. В письме к Жирмунскому от 12.11.1913 Эйхенбаум рассказывал о своем посещении декана Ф. А. Брауна⁴⁰: «Самое оставление еще не вполне решено – Шляпкин⁴¹ должен предложить меня факультету, причем

усматривается, что профессором Бороздиным пропущено 130 лекций, что составляет 64,85% всего числа лекций, которое ему надлежало прочесть за указанный период времени. Так как столь значительное количество часов, пропущенных профессором Бороздиным, не может не отразиться крайне неблагоприятным образом на познаниях студентов по истории русской словесности, и, сверх того, неаккуратность в посещении лекций замечалась за названным профессором и в предшествующие годы, прошу Вас обратить внимание на необходимость поставить преподавание означенного важного предмета в такие условия, при которых надлежащее усвоение его студентами не страдало бы от постоянных манкировок профессора» (РО ИРЛИ. Ф. 568. Оп. 1. Ед. хр. 267. Л. 96-96 об.). Автор сборника статей о различных течениях в сектантстве, см.: Бороздин 1907. См. также прим. 274.

³⁷ См.: Эйхенбаум 1988: 274.

³⁸ Занятия обычно проходили дома у преподавателя, подробнее о семинарии и его участниках см.: Сальман 2014а: 478.

³⁹ См.: Там же: 474, 481–482.

⁴⁰ Федор Александрович Браун (1862–1942, в эмиграции) – германист, декан историко-филологического факультета, исполняющий должность ординарного профессора по кафедре романо-германской филологии (см.: Отчет 1914: 3, 3-я паг.). После принятого 14.09.1906 советом министров положения «Об упразднении инспекции и об избрании проректоров» стал первым выборным проректором СПбИУ (см.: Егоров 1982: 200). В 1920 уехал из России, в 1922–1932 преподавал в Лейпцигском университете.

⁴¹ Илья Александрович Шляпкин (1858–1918) окончил в 1877 «казеннокоштным пенсионером» (Соловьев 1918: 1) 3-ю петербургскую гимназию, в 1881 – университет и был оставлен при кафедре русского языка и словесности О. Ф. Миллером. В 1879 женился на дочери псковского священника (см.: Буш 1920: 5), слушательнице математического отделения Бестужевских курсов М. И. Смирновой, с которой развёхался в 1887 (см.: Соловьев 1918: 11). С 1883 преподавал «в Николаевском кадетском корпусе, в старших классах Александровского лицея (8 лет), в женских гимназиях Гедда (9 лет), Стеблин-Каменской, Таганцевой <...>» (Там же: 10). С 1888 – приват-доцент, магистерскую

Ф. А. будет поддерживать, а произойдет это недели через две» (Эйхенбаум 1988: 277).

Здесь следует сказать несколько слов об особенностях организации академической жизни того времени. Совет профессоров, возглавлявший факультет, принимал «все основные решения, касавшиеся факультетской жизни (выборы преподавателей, “оставление” при университете, распределение учебных курсов, присвоение ученых степеней и т. п.). Надо учитывать, что количество профессоров факультета до 1917 г. было неизменно и определялось

диссертацию «Св. Димитрий Ростовский и его время (1651–1709)» защитил в 1891. С этого же года читал лекции на Бестужевских курсах, в Археологическом институте (с 1903), Военно-юридической академии и с 1906 в Женском педагогическом институте (см.: Там же). Доктор русского языка и словесности, ординарный профессор по кафедре русского словесности (см.: Отчет 1914: 11, 3-я паг.). Чл.-корр. АН (1907). Начиная с гимназических лет, он собирал книги и «вещественные предметы истекших столетий» (Соловьев 1918: 3), его библиотека в доме в Белоострове насчитывала «до 40000 томов» (Там же). В. В. Буш (см. о нем прим. 51) пишет о 20000 томов (см.: Буш 1920: 14). «Его гостиная представляла собою комнату XVIII века с клавесином, старинной люстрой с восковыми свечами <...> стиль комнаты несколько нарушал небольшой шкаф, на полках которого стояли “Весы” и произведения новейших поэтов. <...> в углусводчатострельчатой комнаты, заваленной старинным оружием, стоял шкаф, где хранилась богатая коллекция весьма редких книг по демонологии, алхимии и магии XVII и XVIII веков» (Соловьев 1918: 4). «Едва ли не самой характерной чертой лекций Шляпкина было отсутствие строгой программности и склонность профессора к обобщениям. Читая курс о ветхозаветных апокрифах, он, увлекаясь, отклонялся от первоначальной темы, рассказывал интереснейшие сведения о первоначальной редакции гетевского Фауста и давал блестящий анализ флюберовского романа «Искушение св. Антония», тогда еще запрещенного в России. <...> Занятия в его просеминарии и семинарии носили особый характер. Каждому из занимавшихся в них была предоставлена полная свобода выбора темы. <...> Иногда молодой и неопытный студент предлагал тему, явно не подходившую для ученой работы. И. А. весьма тактично отводил тему и студент, намеревавшийся писать “диссертацию” <т. е. исследование для зачета просеминария. – М. С.> о чеховских трех сестрах, после непродолжительного разговора со старым профессором, спокойно и с гордым сознанием будущего ученого шел в Публичную библиотеку работать над сочинениями Посошкова и над его взглядами на народное образование» (Там же: 9). О лекциях Шляпкина вспоминал М. К. Азадовский в письме к Ю. Г. Оксману от 29.07.1952: «Считал же наш с Вами общий учитель, покойный Илья Александрович, что “Горе от ума” не принадлежит Грибоедову, главным образом опираясь на последующие его произведения» (Азадовский 1998: 273). См. о нем: Дружинин 1923: 97–106; Востриков, Лейбова, Лейбов 1995: 398–413; Николаев 2014: 445–456.

штатным расписанием: для историко-филологического факультета оно составляло максимум (при полном штате) 17 человек (12 ординарных и 5 экстраординарных профессоров)» (Ростовцев 2013: 33). Ординарный профессор⁴² исполнял обязанности заведующего кафедрой, и «по установившейся традиции судьба окончившего университетский курс зависела от решения ординарного профессора по соответствующей кафедре» (Лурье 1990: 37).

На кафедре русской словесности ординарными профессорами были только Шляпкин и А. А. Шахматов (сверх штата). Остальные преподаватели находились в ранге приват-доцентов, включая Бороздина и Венгерова⁴³.

К последнему Эйхенбаум обращается за помощью:

10 Ноября 1913 г. Спб.

Глубокоуважаемый

Семен Афанасьевич.

Посоветовавшись с А. К. Бороздиным, я решил обратиться к Вам со следующей просьбой. Этой осенью я выдержал госуд<арственные> экз<амены> по слав<яно>-русс<кому> отд<елен>ию. А. К. Бороздин, у которого я работал в семинариях, предложил мне остаться при унив<ерсит>ете, и теперь я, при его помощи, хлопочу об этом. Одновременно с слав<яно>-русс<ким> я занимался и на романо-герм<анском> отд<елении>, т<ак> ч<то> меня хорошо знает Ф. А. Браун, который очень одобряет мое намерение. Все затруднение в том, что я никогда не работал у И. А. Шляпкина⁴⁴, и он не имеет

⁴² «Должность ординарного профессора присваивалась после пребывания (не менее двух лет) в должности экстраординарного (при освобождении штатной вакансии ординарного профессора)» (Ростовцев 2009: 218).

⁴³ См.: Обзорение 1913: 11. Степень доктора, которая требовалась для занятия профессорской должности в СПбИУ, Венгеров получил еще в 1909 в Харьковском университете (см.: Венгеров 1920: 4), но в СПбИУ он оставался в должности приват-доцента. Бороздин занимал должность профессора в Историко-филологическом институте, а в университете – приват-доцента.

⁴⁴ Эйхенбаум не работал в семинариях Шляпкина, но записывался осенью 1908 и весной 1909 на его лекции по юго-западной литературе XVI и XVII веков, по литературе московской Руси XVII в., Петровской эпохи, времени Елизаветы Петровны и Екатерины II (см.: Сальман 2014а: 454, 487, 488).

обо мне никакого представления. Сегодня А. К. Бороздин написал ему письмо с просьбой предложить меня Факультету, но было бы важно присоединить к этой просьбе Ваш голос. Я, к сожалению, не имел времени для работы в вашем семинарии, но был частым слушателем. Мои близкие друзья – Арк<адий> Сем<енович> Искоз⁴⁵ и Вен<иамин> Аполл<онович> Краснов⁴⁶ – ваши ученики. Хорошо знает меня Люб<овь> Яковл<евна> Гуревич. Последние годы я помогаю М. К. Лемке в изд<ании> архива Стасюлевича и редак<ировании> полн<ого> собр<ания> соч<инений> Герцена. Вот нити, по которым Вы можете навести обо мне справки. В этом году я стал работать в журналах – в «Заветах», в «Северн<ых> Записках» (посылаю бандеролью свою последнюю работу, а в апрельской кн<иге> была статья «Достоевский в иностранной критике»⁴⁷) и в «Русской Мысли». – Я очень хотел бы лично по-видаться с Вами, но боюсь отнимать у Вас время. Если не помешаю – назначьте мне день и час. Если же Вы сейчас очень заняты, то я попрошу Вас написать И. А. Шляпкину записку, в которой сказать, что Вы присоединяетесь к просьбе А. К. Бороздина.

Простите за некоторую дерзость, но надо сделать все, чтобы подействовать на И. А. Шляпкина.

Искренне уважающий Вас

Б. Эйхенбаум

⁴⁵ А. С. Долинин.

⁴⁶ Вениамин Аполлонович. Краснов (1888 – декабрь 1941, в блокаду, см.: [URL: <http://vizz.nlr.ru/blockade/40>]) – сын полковника, окончив с золотой медалью петербургскую гимназию К. И. Мая, в 1906 поступил на славяно-русское отделение историко-филологического факультета, закончил его в 1910, диплом защитил в 1913 (см.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 46769. Л. 1, Л. 9, Л. 28), в дальнейшем преподавал литературу в своей родной школе, в 1920-е был ее директором. См. также прим. 281. Тесное общение с ним Эйхенбаум поддерживал не позднее, чем с осени 1908, он писал родителям 18.09.1908: «Сегодня я получил урок – и, можно сказать, “знаменитый”! Идет он через Н. Н. Кутлер, кот., если помните, был в Думе; Кутлер сказал Краснову, а он мне. <...> Урок будет отнимать у меня время от 5 до 9 (с дорогой) <...> Сегодня вечером пойду к Краснову, поблагодарю его за хлопоты» (Кертис 2004: 281, 282). Николай Николаевич Кутлер (1859 – 1924) – кадет, был членом II-й и III-й Государственной думы, избран членом Учредительного собрания, четырежды арестовывался после 1917, работал в Народном банке РСФСР, один из организаторов денежной реформы 1924 (см.: Яковлев s. a.: s. p.).

⁴⁷ См.: Эйхенбаум 1913а: 123–130.

Адрес: Крестовский остр<ов>, Крестовский просп<ект>, д. № 13, кв. 2. Борис Михайлович Эйхенбаум⁴⁸.

Шляпкин систематически пропускал заседания Совета профессоров⁴⁹, и «оставление при университете» затянулось. Эйхенбаум полагал, что затруднение коренится в отношении к нему Шляпкина⁵⁰. Спустя много лет, в письме к А. А. Фадееву, написанному в ноябре 1949, он прямо назвал Шляпкина членом «Союза русского народа»:

В другом месте <«Моего современника». – М. С.> я рассказываю об Историко-филологическом факультете Петербургского университета и о его «славяно-русском отделении», которое возглавлял член «Союза русского народа» проф[ессор] И. А. Шляпкин и на котором тогда (1908–1909 гг.) господствовал реакционный, «черносотенный дух». Этот дух был мне противен – и я перешел на «романо-германское отделение» (Дружинин 2012, 2: 449).

В автобиографии 1907 Шляпкин назвал себя «эпикурейцем по привычкам, мистиком по созерцанию, антикваром и коллекционером по склонностям, старым народником-черносотенцем в политическом отношении» (цит. по: Берков 1967: 277). Учившийся у Шляпкина Буш⁵¹ так отозвался в некрологе о его взглядах: «Общественной и политической деятельности И. А. был чужд. <...> ни к какой определенной партии он не принадлежал, потому что “правизна” его – не столько теория, сколько органически присущая черта

⁴⁸ РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 4. Ед. хр. 2542. Л. 1–2 об. Письмо частично цитировалось, см.: Сальман 2014а: 449.

⁴⁹ См.: Эйхенбаум 1988: 279, письмо к Жирмунскому от 30.12.1913.

⁵⁰ «По нашему времени здесь может оказаться и препятствие», – писал он отцу 21 ноября 1913 г., называя как препятствующего проф. И. А. Шляпкина» (Чудакова, Тоддес 1984: 98). Эйхенбаум подразумевал реакцию черносотенной печати на оправдание Менделя Бейлиса 28.10.1913.

⁵¹ Владимир Владимирович Буш (1888–1934) – окончил СПбИУ в 1911, приват-доцент (1915), в 1917–1920 – сотрудник Книжной палаты, преподавал в Ташкенте и Саратове, занимался народнической литературой 1860-х – 1880-х. В 1931–1934 работал в ИРЛИ. Арестовывался в 1917 и в 1919.

характера. <...> В сборнике, посвященном борьбе с “внутренней Германией”, поместил статью под заглавием “Немецкое зло”⁵² <...> не ошибусь, если скажу, что политическое и религиозное мироощущение И. А-вича окутано дымкой былого раннего славянофильства» (Буш 1920: 15).

Была и еще одна трудность: из-за арестов Эйхенбаум долго не мог получить свидетельство о благонадежности для оставления при университете, и лишь 2.08.1914 он был «оставлен при кафедре русского языка и словесности на два года, считая срок с 1 февраля 1914» (Сальман 2014а: 453).

Сюжет со Шляпкиным, однако, на этом не завершился. Осенью 1915 Эйхенбаум обратился к нему с просьбой:

6 Окт<ября> 1915 г.

Глубокоуважаемый

Илья Александрович.

В феврале прошлого года факультет, по Вашему любезному предложению, постановил ходатайствовать об оставлении меня при Университете по кафедре русского яз<ы>ка и словесности; утверждение состоялось в августе того же года. Теперь, по прошествии года систематической работы, я вижу, что без помощи стипендии дальнейшая моя работа не может идти нормально, так как уроки в средних учебн<ых> зав<едениях> отнимают у меня слишком много времени и сил. Сейчас у меня – 24 урока в неделю, и то заработка этого не хватает на семью, так что приходится

⁵² Приведем из нее фрагмент: «Правда, нас побила такая ничтожная национальность, как наши нынешние союзники – японцы, но ведь с тех пор много воды утекло; ведь не так уж мы бессильны, ведь у нас есть блестящее прошлое, создавшее великую державу при неустанной борьбе с враждебными соседями, ведь мы, может быть, опустившийся, но, во всяком случае, даровитый и сильный народ <...> Предательство и подлость масс немцев, среди нас живших и евших наш хлеб, иногда даже и называвшихся русскими подданными, с одной стороны; высокомерие, наглость и бессердечная жестокость воюющих немцев и их общая лживость <...> с другой, – все это сократило силу немецкого влияния на нас. <...> нам предстоит еще более упорная борьба с широко разросшимся внутренним немецким засильем, с гипнозом немецкого склада нашей жизни и нашей мысли. Немец умен, хитер: он обезьяну выдумал – но именно обезьяну: это похоже на человека, а не человек» (Шляпкин 1915: s. p.).

искать еще прибавочных занятий. Насколько хорошо шла работа летом, когда я был свободен, настолько теперь она тормозится на каждом шагу. Единственный выход из такого положения для меня – ходатайствовать о стипендии, так как при достаточном количестве времени работа моя, наверно, не будет бесплодной.

Посоветовавшись относительно этого вопроса с деканом нашего факультета, Ф. А. Брауном, я решил обратиться к Вам с просьбой – назначить мне в ближайшие дни время и место для свидания с Вами, так как, по словам Ф. А. Брауна, вопрос о стипендиях будет обсуждаться уже 17-го Октября. Если Вам это будет удобно – я могу приехать в Белоостров, если нет – можем увидеться в Университете. Я хотел бы рассказать Вам о плане своей работы и посоветоваться относительно стипендии. Отчет о моей работе за год и список моих печатных статей – готовы, так что я мог бы их передать Вам при свидании.

Буду ждать от Вас ответа и надеюсь, что Вы не задержите его ввиду спешности самого дела.

Искренно уважающий Вас

Б. Эйхенбаум.

Адрес: Петербург, 8-ая Рождественская ул., д. № 21, кв. 17. Борису Михайловичу Эйхенбауму⁵³.

По-видимому, Шляпкин на письмо не ответил. Браун посоветовал магистранту написать А. А. Шахматову, что Эйхенбаум и сделал 15.12.1915:

Глубокоуважаемый Алексей Александрович. <...>

Занятия языком – и не только синтаксисом, но и фонетикой – очень важны для углубления в стиль поэта. Ведь стиль создается именно чувством этой «внутренней формы» в каждом слове. Поэтому для поэта слово – не знак, а знание. Историк литературы должен быть филологом в прямом смысле – иначе он не сумеет подойти к самому материалу. Вот почему меня так заботит вопрос о том, как соединить работу историко-литературную

⁵³ РО ИРЛИ. Ф. 341. Оп. 1. Ед. хр. 2333. Л. 1–2 об.

с чисто филологической. Сейчас это мне почти не удастся по недостатку времени. У меня 24 урока в школе, да еще приходится брать частную работу – и то трудно в такое время. Если бы дали стипендию, я мог бы устроиться иначе.

Очень благодарю Вас за участие и надеюсь весной окончательно побеседовать с Вами о вопросах для магистерского экзамена. Федору Александровичу я позвоню и скажу, что написал Вам – он будет ждать письма от Вас, как было условлено.

Искренно благодарный Вам,

Б. Эйхенбаум (цит. по: Робинсон, Сазонова 2014: 24).

На обороте полученного письма Шахматов оставил черновики писем к Брауну и Шляпкину, последнему он писал: «<...> меня радует, что нашелся наконец человек, заинтересовавшийся научным синтаксисом. <...> В силу этого я в ф<акультете> подам голос за Эйхенбаума и очень Вас прошу поддержать ход<атайство> в ф<акульте>те о наз<начении> ему стипендии» (Там же: 24, 25).

Однако и Шахматов не смог убедить Шляпкина, и стипендии пришлось ждать долго. Спустя полгода, 26.04.1916, Эйхенбаум писал отцу: «Вопрос о стипендии, как слышно, должен разрешиться в конце этого месяца, или в самом начале мая» (Кертис 2004: 296). Однако лишь 9.07.1916 он смог сообщить Жирмунскому:

«В конце июня я получил радостное известие от Федора Александровича: мне назначена стипендия на год. Произошло это помимо Шляпкина – Игнатьев⁵⁴, после разговора с Ф. А., сделал на моем деле надпись – “выдать”. Можешь себе представить мою

⁵⁴ Павел Николаевич Игнатьев (1870–1945, в эмиграции) – министр народного просвещения в 1915–1916. Под его руководством был составлен проект реформы средней школы, в котором говорилось, что школа должна быть национальной, самодовлеющей, т. е. не имеющей цели подготовить к поступлению в высшее учебное заведение, семилетней (см.: Материалы 1915: 4). Вместо реальных училищ и гимназий создавался один тип семиклассных гимназий, с 5-го класса появлялись три отделения, которые соответствовали курсу классического, реального или коммерческого образования. Гимназия с восьмилетним курсом обучения и с двумя древними языками могла быть открыта только с разрешения министра просвещения (см.: Речь. 1916. 5 ноября. № 305. С. 7). Предполагалось изучение лишь одного нового иностранного языка (с 4-го класса), причем с меньшим количеством часов, чем прежде.

радость!» (Эйхенбаум 1988: 283)⁵⁵. На это событие в письме к Е. Р. Малкиной⁵⁶ от 11.08.1916 отозвался с любящей иронией Никольский:

⁵⁵ Вероятно, благодаря появившимся деньгам, жена Эйхенбаума смогла пойти учиться. В том же письме к Жирмунскому он сообщал: «На днях она пошлет прошение на Бестужевские курсы» (Эйхенбаум 1988: 284), а 23.09.1916 писал отцу: «Рая тоже работает – это совсем новое и необыкновенно хорошее чувство. Готовит реферат о письмах Пушкина, читает по философии» (Кертис 2004: 298). Реферат она готовила для выступления не на Курсах, а в университетском Историко-литературном студенческом кружке им. Пушкина (иначе – Пушкинский кружок, с 1918 – Пушкинское общество), см. о нем: Пушкинист 1918: VI–X.

⁵⁶ «Катя Малкина» упоминается в письмах Эйхенбаума к Никольскому, который, вероятно, их и познакомил в 1916. Между собой Никольский и Малкина называли Эйхенбаума «Баум», см. ниже. Екатерина Романовна Малкина (30.10.1898 – декабрь 1944?/январь 1945?). Дату и год рождения приводим по копии метрики (см.: ЦГИА СПб. Ф. 113. Оп. 7. Д. 828. Л. 12); не позднее 1921 она стала указывать в документах дату и год рождения 11.11.1899 (см.: ОР РНБ. Ф. 1160. Ед. хр. 1315. Л. 3), чем ввела в заблуждение мемуаристов и комментаторов, см. ниже ссылки на Е. Ф. Пуриц, Л. К. Чуковскую, М. Д. Эльзона. Дочь инженера-механика, окончившего Рижский политехникум, Романа (Рахмиеля) Семеновича Малкина (? – март 1917, а не апрель, как ошибочно указывает Эльзон, см.: Эльзон 2006: 230) и Анны Яковлевны Малкиной (урожд. Острогорской, сестры директора Тенишевского училища А. Я. Острогорского; публиковалась под именем Малкина-Острогорская; 1862?/1863? – 1928). Дату ее смерти приводим по автобиографии сына Николая Романовича Малкина (24.11.1899 – 1970, который отнюдь не был близнецом Екатерины, как сообщает Эльзон, см.: Там же), написанной 9.12.1940 (см.: Сальман 2013а: 170), и по свидетельству дочери Е. Р. Малкиной, заполнившей личный листок по учету кадров 18.01.1938 (см.: СПФ АРАН Ф. 150. Оп. 2. Ед. хр. 563. Л. 6, дата на л. 7 об.). Год смерти 1941, указанный на сайте [URL: <http://visz.nlr.ru/blockade>], ошибочен). Подробнее о А. Я. Малкиной см. прим. 118. В 1909 Катя поступила в 3-й класс Выборгского восьмиклассного коммерческого училища совместного обучения (далее – ВВКУ, оно находилось в Финском переулке, 5, на Выборгской стороне, потому и называлось «Выборгским») и в 1915 окончила его с золотой медалью. В том же году поступила на физико-математический факультет (по группе «астрономия») Бестужевских курсов, в апреле и мае 1916 выдержала отлично испытание по латинскому языку в объеме курса мужских гимназий и осенью 1916 перевелась на историко-филологический факультет (см.: ЦГИА СПб. Ф. 113. Оп. 7. Д. 828. Л. 1. Л. 2. Л. 5 об. Л. 8. Л. 12. Л. 22. Копия. Л. 32. Копия). Посещала Пушкинский кружок. Летом 1915 работала в лазарете (см.: ОР РНБ. Ф. 1160. Ед. хр. 1281. Л. 15). 4.12.1920 окончила филологическое отделение факультета общественных наук Петроградского университета, выполнив все требования индивидуального плана (зачтено восемь семинариев: два по стилистике, два по античному искусству, по римской литературе, древней истории, греческому и латинскому автору) (см.: ЦГИА СПб. Ф. 113. Оп. 7. Д. 828. Л. 21. Копия). Была членом студии перевода М. Л. Лозинского при «Всемирной литературе» (см.: Оношкович-Яцына 1993, по указателю),

перевела пьесу Ф. Грильпарцера «Горе лжецу» (см.: Грильпарцер 1923); о ее романе с Н. С. Гумилевым см.: Пуриц 1996: 162–163; Эльзон 1996: 215–218. См. инскрипт Гумилева ей на «Фарфоровом павильоне» (1918) (Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана 1989: 82) и на оттиске пьесы «Дитя Аллаха» из «Аполлона» (Сеславинский 2011: 15; автор ошибочно называет Е. Р. Малкину внучкой Острогорского и утверждает, что она училась в ГИИИ). С 1919 по 1930 работала в ГАИМК вначале регистратором, потом научным сотрудником; в 1922–1930 работала в Эрмитаже ассистентом, помощником хранителя, уволилась 6.01.1931 (см.: ОР РНБ. Ф. 1160. Ед. хр. 1315. Л. 7 об. Л. 8 об.). Незадолго до этого, в сентябре 1930, арестовали близкого ей человека, хранителя скифской коллекции Эрмитажа, Г. И. Боровко (1894–1941); он получил десять лет лагерей, освобожден в 1940, был вновь взят в 1941 и расстрелян, см.: [URL: <https://base.memo.ru/person/show/373307>]; [URL: <https://base.memo.ru/person/show/2777544>]. В 1931–1932 Малкина работала редактором в словарно-справочном отделе Леногиза, где прошла чистку советского аппарата (см.: СПФ АРАН Ф. 150. Оп. 2. Ед. хр. 563. Л. 7 об.). С октября 1932 – в Русском музее сотрудником политпросветительской секции и руководителем музейной массовой работы. С декабря 1933 – литредактор в ЛО издательства Союза художников. В феврале 1935 уволена, т. к. должность литредактора упразднили, до мая 1935 работала по трудовым договорам (см.: ОР РНБ. Ф. 1160. Ед. хр. 1315. Л. 9 об. Л. 10 об. Л. 11). В 1934–1937 аспирантка Государственной академии искусствознания, с 1.09.1937 в звании доцента преподает латынь в 1-м Пединституте новых западных языков, в 1938 защитила при ЛГУ кандидатскую диссертацию «Александр Блок в первые годы реакции» (см.: СПФ АРАН. Ф. 150. Оп. 2. Ед. хр. 563. Л. 2 об.). С 15.09.1939 зачислена в докторантуру ПД (см.: Там же. Л. 11). Одновременно читала курс русской литературы XX в. на заочном отделении ЛГУ и на Высших библиотечных курсах (см.: Там же. Л. 2 об.). Публиковала статьи и рецензии в «Звезде», «Литературном современнике», «Литературной учебе». Ее научный руководитель – Эйхенбаум, тема докторской диссертации – «Литературная эволюция Блока» (см.: Эльзон 2006: 235). Эйхенбаум привлек ее к комментированию «Смерти поэта» Лермонтова (см.: СПФ АРАН. Ф. 150. Оп. 2. Ед. хр. 563. Л. 10; Лермонтов 1936: 162). Малкина выступала на заседании созданной в 1940 в ПД Блоковской комиссии (см.: Лощинская 1982: 35), тема ее диссертации сменилась, теперь она была посвящена блоковской драматургии (см.: Эльзон 2006: 235). Летом 1941 погиб под Ленинградом ее близкий друг, научный сотрудник ПД, В. З. Голубев (о нем см.: Пушкинский Дом 2005: 426–427); см. ее письмо к нему на фронт (Эльзон 2003: 191–192). В самом начале войны Малкина вступила в ВКП(б) (см.: Там же. 191). В заявлении заместителю директора ПД Л. А. Плоткину от 15.11.1941 она писала: «Условиями работы, в которые я поставлена в Институте Литературы (суточные пожарные дежурства и разные другие мелкие работы)<, я лишена возможности работать над диссертацией, о чем я неоднократно и доводила до Вашего сведения. Между тем я продолжаю числиться докторантом и получать докторантскую стипендию. Я считаю свое положение ложным, докторантура моя превратилась в фикцию, ибо я лишена возможности выполнять свои докторантские обязательства. В связи со сказанным прошу Вас на время войны или на то время, что мне не может быть предоставлена возможность работы над диссертацией, освободить меня временно от докторантуры, перевести на другую должность, соответствующую той работе, которую я выполняю<, и с соответственно пониженным окладом» (СПФ

Боренька непрерывно поэзит (от стипендии<,> очевидно).
Боюсь<,> не зазнался бы⁵⁷.

27.09.1916 Эйхенбаум писал Шахматову: «<...> Еще раз спасибо за Вашу помощь мне в деле стипендии. Я теперь гораздо свободнее и не устаю» (цит. по: Робинсон, Сазонова 2014: 25).

20.10.1917⁵⁸ Эйхенбаум сдал магистерский экзамен А. П. Кадлубовскому⁵⁹ и Шляпкину, о чем в нескольких словах рассказал Жирмунскому 24.11.1917:

У Кадлубовского экзамен мой прошел совсем хорошо – участвовал и Шляпкин, но вел себя очень дружелюбно, а после экзамена

АРАН. Ф. 150. Оп. 2. Ед. хр. 563. Л. 37). Ей дали отпуск без сохранения содержания с 29.11. по 28.12.1941, а 8.02.1942 отчислили из ПД в связи с эвакуацией (см.: Там же. Л. 38. Л. 41). 9.02.1942 ей выдали удостоверение: «Тов. Малкина для продолжения своей работы направляется в г. Ташкент в Институт Мировой Литературы Академии Наук СССР» (ОР РНБ. Ф. 1160. Ед. хр. 1315. Л. 4). В указе Президиума Верховного совета от 22.12.1942 говорится о награждении Малкиной медалью № Г 11751 за оборону Ленинграда (см.: Там же. Л. 14; медалью вначале награждали работавших в городе зимой 1941–1942). М. Д. Эльзон утверждал, что Малкина всю войну провела в Ленинграде (см.: Эльзон 2003: 190), позднее он изменил свое мнение и писал, что она эвакуировалась в 1943 «как член Союза писателей» (Эльзон 2006: 235). Вернулась она в Ленинград в 1944. Незадолго до защиты диссертации, в самом конце декабря 1944 или начале января 1945 ее убили дома при ограблении (см. разные варианты события: Пуриц 1996: 163; Чуковская 1997: 319; Эльзон 2006: 237). В некрологе, напечатанном в «Ленинградской правде», сообщалось, что всю блокаду она прожила в Ленинграде, работая в Союзе писателей, в радиокомитете и читая лекции в госпиталях. Под ним стояли подписи А. А. Ахматовой, М. Л. Лозинского, Эйхенбаума, Л. Я. Гинзбург, О. Д. Форш, О. Ф. Берггольц, Д. Е. Максимова и др. (см.: Эльзон 2006: 235, 236).

⁵⁷ ОР РНБ. Ф. 1160. Ед. хр. 1401. Л. 40 об., дата на л. 40.

⁵⁸ Дата вычисляется по письму А. А. Смирнова к Жирмунскому от 24.10.1917: «В субботу я был на заседании нашего факультета в Университете <...> Эйхенбаум в этом заседании сдал экзамен у Кадлубовского <...>» (Жирмунский 2013: 358). 20 октября было субботой.

⁵⁹ Арсений Петрович Кадлубовский (1867–1921, в эмиграции) – специалист по древнерусской агиографической литературе. В письме к отцу от 26.04.1916 Эйхенбаум упомянул о нем: «<...> на Пасхальной неделе у меня был сам проф. Кадлубовский (который вместо Шляпкина – я при нем оставлен) – очень расположен ко мне. Дейтельный старичок, очень простой и приятный. Разговор шел, правда, не очень легко, но я был смущен таким неожиданным почетным визитом» (Кертис 2004: 296). «Старичку» Кадлубовскому было 49 лет.

даже говорил комплименты. «Я, говорит, вижу теперь, что вы основательно работаете». Я ответил ехидно – это, мол, мне стипендия помогла (Эйхенбаум 1988: 295)⁶⁰.

Вернемся в 1913. В конце ноября Лемке разорвал отношения с Эйхенбаумом⁶¹, спустя месяц тот сдержанно поделился с Жирмунским: «Я долго молчал, п. ч. очень сейчас тяжелы мои обстоятельства, и много душевной энергии уходит на поддержание в себе бодрости. <...> У Лемке я больше не служу, т. ч. и материально трудно – у меня нет ничего, кроме журнальной работы» (Эйхенбаум 1988: 279).

В середине марта 1914 он начал преподавать в гимназии Я. Г. Гуревича, куда его пригласил директор Я. Я. Гуревич, брат Л. Я. Гуревич⁶². Взяли его не штатным преподавателем, а по найму; в письме к Долинину от 14.07.1914 он жаловался: «А меня все преследуют, Аркаша! Представьте – не хотят утверждать учителем в гимназии Гуревича из-за тех арестов!» (Эйхенбаум 1996: 185). И лишь спустя год с лишним, 22.09.1915, он смог сообщить отцу: «На днях должно совершиться утверждение меня штатным у Гуревича» (Кертис 2004: 294).

20.08.1914 Эйхенбаум записывал в дневнике:

Замечательное «стечение обстоятельств» – семейных и исторических: война, отец заперт в Париже без денег, брат⁶³ лишается

⁶⁰ См. также упоминание об экзамене в письме Жирмунскому от 25-28.10.1917 (Эйхенбаум 1988: 292).

⁶¹ См.: Сальман 2014b: 622.

⁶² См.: Эйхенбаум 1987: 10. Прощение директору датировано 13.03.1914, см.: Тоддес, Чудаков 1983: 170. Я благодарю Г. М. Утгофа, приславшего мне сканы этой статьи. Частная петербургская гимназия и реальное училище после смерти своего директора Я. Г. Гуревича, историка, редактора журнала «Русская школа», продолжала носить его имя. Его сын Яков Яковлевич Гуревич (1869–1942, в блокаду, см.: [URL: <http://vizz.nl.ru/blockade/show/1136448>]) после смерти отца возглавил и школу и журнал. Он автор нескольких сборников рассказов, писал также пьесы. Публиковался под псевдонимом Я. Крюковской. Его имя отсутствует в: Русские писатели 1989–2019.

⁶³ Всеволод Михайлович Эйхенбаум (партийный и литературный псевдоним Волин; 11.08.1882 – 18.09.1945, Париж) окончил с серебряной медалью 1-ю воронежскую гимназию, поступил в 1901 на юридический факультет СПбИУ, но 10.12.1903 подал

прошение об увольнении из числа студентов и, найдя, вероятно, с помощью кузена, службу в столице (см. его письмо к Лемке от 3.12.1903: РО ИРЛИ. Ф. 661. Ед. хр. 1262. Л. 1), занялся «культурно-просветительной работой в среде рабочих Санкт-Петербурга» (Волин 2005: 63), т. е. социалистической пропагандой. Уже из Парижа он писал Лемке 8.04.1908 о своих слушателях «в пропагандистских школах» в России (РО ИРЛИ. Ф. 661. Ед. хр. 1262. Л. 4 об.). В конце декабря 1904 Всеволод познакомился с Г. А. Гапоном и принял участие в шествии 9.01.1905 (см.: Волин 2005: 63, 66). В конце 1905 вступил в партию эсеров (см.: [URL: <http://socialist.memo.ru/lists/bio/index.html>]) и уже 9.12.1905 был арестован (в письме к родителям от 9.05.1906 Эйхенбаум писал: «Сегодня – ровно 5 месяцев со дня ареста» (Кертис 2004: 257). Отсидев в тюрьме полтора года, он был сослан в 1907 в Сибирь, бежал оттуда и в декабре 1907 был в Париже, см. письмо к Лемке от 29(16).05.1908: «<...> на днях, в день полугодия моего пребывания здесь, приступаю полным ходом к моей парижской работе» (РО ИРЛИ Ф. 661. Ед. хр. 1262. Л. 10, дата на л. 9). В Париже занимался репетиторством, писал стихи, с которыми выступал на вечерах политэмигрантов, просил Лемке «пристроить их куда-нибудь», а на ответ кузена, что «Современный Мир» их не принял, заметил: «Ведь он – “заядло” – марксистского направления; а отсюда – два следствия: первое – он, при всем благорасположении к стихам, не может печатать на своих страницах “известного” с.-р.-а; второе – я и сам был бы в довольно смешном положении, печатаясь у них. Втайне я думал, что ты обратишься в “Рус<ское> Бог<атство>” <...>. Не дождавшись помощи от кузена, Волин стал действовать сам: «Со стихами моими дело уже сделано: я отправил все их, и еще несколько новых, в “Рус<ское> Бог<атство>” <...>. Жду ответа. Если “Современный мир” не знал, чьи это стихи, то причина отказа мне непонятна: тот же “Современный” Мир” печатает такую дребедень, что читать дико» (Там же. Л. 14. Л. 23. Л. 25). Утверждение А. Н. Акиньшина, что во Франции Волин «продолжил образование, занимался научной и творческой деятельностью» (Акиньшин 2014: 15), не находит себе подтверждения. Через несколько лет Волин сделался анархистом. Материально ему помогали родители, но в июле 1910 он обратился за помощью к Лемке: «Отец, конечно, всегда с величайшей охотой помогал мне, но теперь он с крайним огорчением пишет, что вследствие болезни матери и необходимости крупных затрат на ее лечение, он не может ничего поделать: денег в обрез» (РО ИРЛИ. Ф. 661. Ед. хр. 1262. Л. 27), подчеркнуто Волиным. С августа 1914 он вел антивоенную пропаганду среди французских рабочих, был арестован, заключен в концлагерь. В 1915 бежал и эмигрировал в США, см.: [URL: <http://socialist.memo.ru/lists/bio/index.html>]. Вернувшись в Петроград не ранее конца июня 1917, сотрудничал в анархистской газете «Голос труда», выступал на митингах, с августа по декабрь 1919 служил в культурно-просветительном отделе армии Махно. При разгроме Конфедерации анархических организаций Украины “Набат” был арестован «в январе 1920 года командованием 45 советской стрелковой дивизии по обвинению “в руководстве махновщиной” и направлен в распоряжение особого отдела при реввоенсовете 14 Армии Юго-Западного фронта. <...> 18 февраля 1920 года Волин направлен в особый отдел ВЧК для предания его суду Военного Трибунала и по распоряжению Дзержинского Ф. Э. содержался во Внутренней тюрьме. Согласно распоряжения Ягоды Г. Г. Волин освобожден из тюрьмы 1 октября 1920 года под подписку о невыезде из г. Москвы и не ведении работы против советской власти. <...> Вторично арестован 26 ноября 1920 года в г. Харькове

места, п[отому] ч[то] бюро закрывается, меня не утверждают учителем из-за студенческих арестов, у Раи – вторая грудница⁶⁴. И это все после смерти матери (Эйхенбаум 1997b: 237).

Осенью 1914 Эйхенбауму удалось устроиться в частную женскую гимназию. 3.09.1914 он подает прошение А. Ф. Мушниковой⁶⁵, начальнице гимназии Е. М. Гедда (гимназия продолжала носить имя прежней директрисы), в котором просит допустить его «к преподаванию истории русской литературы в VIII классе <...>»⁶⁶, разумеется, тоже по найму⁶⁷. Эйхенбауму было назначено жалование 300 рублей в год⁶⁸. «В женской гимназии я прямо лекции читаю – сейчас о Тургеневе. Прекрасное упражнение» (Кертис 2004: 298, письмо отцу от 23.09.1916). Именно в этой гимназии 21.11.1916 Эйхенбаум прочел «актовую речь о Карамзине» (Эйхенбаум 1988: 326).

«Состав учениц здесь был очень культурный, многие из семей артистов и музыкантов соседней консерватории и Мариинского

по обвинению “в организации вооруженного восстания, направленного на свержение власти Советов и существующего рабочего-крестьянского правительства, а также в агитации и пропаганде, выражающихся в призыве к этим преступлениям” <...> и направлен в г. Москву в ВЧК, где находился в заключении в Таганской тюрьме» (из архивного следственного дела, см.: [URL: <http://arch.iofe.center/showObject/62314674>]) вместе с другими анархистами. Освобождены из тюрьмы (на условиях высылки из России) они были благодаря своей голодовке и хлопотам заграничных анархо-синдикалистов, приехавших в июле 1921 делегатами на учредительный съезд Профинтерна. Высылка состоялась 3.01.1922, их отправили с эшеленом гражданских пленников Чехословакии, см.: Максимов (Гр. Лапотъ) 1922: 14, 16, 27–28. Больше братья не увиделись. В автобиографии от 30.05.1936 ученый написал: «С 1928 г. не имею от него никаких вестей и не знаю, где он в настоящее время» (СПФ АРАН. Ф. 150. Оп. 002. Ед. хр. 775. Л. 12). В 1927 в Париже Волин выпустил книжку стихов, как вспоминала О. Б. Эйхенбаум, ее отец «его разгромил – совершенно. Всеволод написал: “Ну что же ты, брат, от меня мокрое место осталось. Неужели ни одно стихотворение тебе не пришлось по душе?”» (Эйхенбаум 2001: 615). В 1930-е был редактором мемуаров Махно, снабдив второй том своими комментариями и предисловием (см.: Волин 2005: 9).

⁶⁴ После рождения сына Виктора (1914–1919).

⁶⁵ Анна Филипповна Мушникова (1876 – не ранее 1940) – дочь купца, преподавала в гимназии русский язык. Участница кружка А. А. Мейера, арестована в 1929, выслана на три года в Северный край, освобождена в 1932 (см.: Дело А. А. Мейера 2006).

⁶⁶ ЦГИА СПб. Ф. 348. Оп. 1. Д. 226. Л. 14 об. Л. 17.

⁶⁷ См.: Там же. Л. 13 об.

⁶⁸ См.: Там же. Л. 18. Л. 13 об.

театра», – вспоминал Б. Е. Райков, преподававший в гимназии Е. М. Гедда естествознание (Райков 2011, 1: 442). В средних классах (в V и VI) уроки русской словесности с 1912 вела А. М. Астахова⁶⁹. Еще одним коллегой Эйхенбаума был преподаватель законоведения в VIII классе П. Г. Стуккей⁷⁰, отец Ирины Стуккей, ставшей в 1927 второй женой поэта В. А. Рождественского.

Той же осенью 1914 Эйхенбаум нашел уроки в реальном училище А. И. Гельда⁷¹, где за тринадцать часов в неделю получал 930 рублей в год⁷². Проработал он один год; как сообщал попечитель учебного округа директору училища 7.10.1915: «Вследствие представления от 24 истекшего сентября, за № 679, уведомляю Вас, Милостивый Государь, для зависящих распоряжений, что Борис Эйхенбаум освобождается от преподавания русского языка во вверенном Вам училище»⁷³.

Эйхенбаум надеялся, что благодаря работе в школах, он сможет отказаться от репетиторства. Устроившись в гимназию Гедда, он спустя два дня, 5.09.1914, писал Долинину:

⁶⁹ См.: Там же. Л. 8. Анна Михайловна Астахова (1886–1971) – фольклористка, впоследствии сотрудник ГИИИ.

⁷⁰ Павел-Николай-Вильгельм Генрихович Стуккей (1877–1924) окончил юридический факультет СПБИУ, был старшим делопроизводителем Крестьянского поземельного банка и в 1906–1911 преподавал законоведение в реальном училище при Приюте принца Ольденбургского. В гимназии работал с осени 1912 до сентября 1919 (см.: ЦГИА СПб. Ф. 348. Оп. 1. Д. 226. Л. 1. Л. 2. Л. 7. Копия).

⁷¹ Училище, основанное в 1903, находилось на Бассейной ул. (ныне ул. Некрасова), 23. Эйхенбауму было удобно его местоположение, так как гимназия Гуревича располагалась на углу Бассейной, 43 и Лиговского пр.

⁷² См.: ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 14331. Л. 3 об. В училище, состоявшем из приготовительного, шести основных классов и дополнительного седьмого, было на 1.01.1915 сто девяносто учеников. Окончило курс седьмого класса в 1915 двадцать два ученика. Поступили в университет – один, в Политехнический институт – один, в Лесной институт – один, в Харьковский Технологический институт – один и в военные училища – восемь (см.: Там же. Л. 4). В фундаментальной библиотеке училища на 1.01.1915 было менее 1000 томов (452 названия), ученической библиотеки не было вовсе (см.: Там же. Л. 6 об.). Известны темы выпускного сочинения в 1914: «Почему учение Митрофанушки медленно подвигается вперед?» и «Идейное содержание “Доходного места”» (см.: Там же. Без нумерации).

⁷³ Там же. Д. 15059. Л. 44.

Дорогой Аркадий Семенович. Может статься, что я на днях предложу тебе свой прошлогодний урок. Я занимался 3 раза в неделю по 2 часа (главн<ым> образом – русский, затем – латынь, немного – математика) и получал 40 рублей. Семья приятная, мальчик очень хороший и интересный – только немного глухой. Он учится в гимназии Лентовской. Ответь мне, согласен ли взять, чтобы я знал, сказать ли о тебе⁷⁴.

Летом 1916 директор ВВКУ П. А. Герман⁷⁵ звал Эйхенбаума в училище, но тот, получив стипендию, отказался⁷⁶. Е. Р. Малкина писала Никольскому 11.09.1916: «у меня вырвалось, когда П<етр> А<ндреевич> упомянул его имя, что он оч<ень> хороший и что его надо для школы»⁷⁷.

В декабре 1916 гимназия Гуревича послала Эйхенбаума в Москву на Первый всероссийский съезд преподавателей русского языка средней школы⁷⁸, который проходил с 27.12.1916 по 4.01.1917 в помещении Московских высших женских

⁷⁴ 40 руб. – это в месяц. Я признательна покойной А. А. Долининой за ее согласие на публикацию письма Эйхенбаума.

⁷⁵ Петр Андреевич Герман (1868–1925) окончил юридический факультет СПбИУ, в 1895 получил диплом 2-й степени, с 1900 служил воспитателем в Училище правоведения, 28.4.1905 выдержал в университете экзамен на звание учителя русского языка и словесности. С осени 1905 преподавал в женской гимназии Л. С. Таганцевой (см.: ЦГИА СПб. Ф. 177. Оп. 2. Д. 7. Л. 2 об. Копия. Л. 3 об. Л. 4 об.). Ушел из гимназии в конце марта 1906 вместе с группой учителей, после того как Таганцева уволила И. М. Гревса (см.: ОР РНБ. Ф. 254. Ед. хр. 267. Л. 1. Л. 2); в апреле А. Я. Острогорский пригласил его вести уроки в младших классах Тенишевского училища (см.: Там же. Ф. 1091. Ед. хр. 805. Л. 1), см. о нем воспоминания тенишевца (Розенталь 2010: 503–505). Той же весной ему удалось найти человека, который дал деньги на открытие школы совместного обучения, осенью 1906 Герман стал директором ВВКУ, продолжая работать в Тенишевском училище.

⁷⁶ «Я отказался от уроков в Выборгском коммерческом училище, хотя мне и очень жалко <...>» (Эйхенбаум 1988: 283). Комментаторы ошибочно поняли эту фразу, как отказался после преподавания в нем (см.: Эйхенбаум 1988: 328). См. Curriculum vitae от 14.12.1921, где перечислены школы, в которых Эйхенбаум работал: «гимназии Гуревича, Мушниковой, реальн<ое> учил<ище> Гельда, Тениш<евское> Учил<ище>» (СПФ АРАН. Ф. 302. Оп. 2. Ед. хр. 302. Л. 20, дата на л. 21).

⁷⁷ ОР РНБ Ф. 1160. Ед. хр. 1419. Л. 18.

⁷⁸ См. в анкете, заполненной Эйхенбаумом 8.07.1925: «Съезд словесников 1916 г. в Москве от гимназии Гуревича» (СПФ АРАН. Ф. 302. Оп. 2. Ед. хр. 302. Л. 17).

курсов⁷⁹. «На него прибыло более двух тысяч педагогов: 1100 учителей и 970 учительниц» (Соловьев 1917: 47, 2-я паг.), в том числе 132 преподавателя из Петрограда. Доклады проходили по секциям, председателем первой, где обсуждались общие вопросы (о задачах преподавания русского языка, о подготовке преподавателей, о выборе учебных пособий, о количестве недельных часов и т. д.) был А. Л. Липовский⁸⁰, он выступил с докладом о необходимости устройства в школе кабинета родного языка как центра объединения преподавателей-словесников⁸¹.

Председателем второй секции, посвященной вопросам русского языка (классное и внеклассное чтение, объем грамматических сведений в младших классах, методы преподавания, обзор учебников, заучивание наизусть, упрощение русской орфографии), был Л. В. Щерба. Его доклад назывался «Филология как одна из основ общего образования», приведем тезисы⁸²:

1. Сущность филологии сводится к занятию языком, как выразительным средством к раскрытию того духовного мира, который скрывается за словом, а практически – к углубленному

⁷⁹ См. о съезде: Тоддес, Чудаков 1983: 168.

⁸⁰ Александр Лаврентьевич Липовский (1867 – январь 1942, в блокаду) окончил в 1886 с золотой медалью Ташкентскую гимназию, в 1890 с дипломом 1-й степени историко-филологический факультет СПбИУ (см.: ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 2. Д. 45. Л. 5 об.). С 1.09.1891 назначен сверхштатным преподавателем истории и географии в гимназии и реальном училище Мая (см.: Там же. Л. 6 об.). В 1892–1893 держал экзамены на степень магистра славянской филологии, затем был утвержден в должности штатного преподавателя (см.: Там же. Л. 7 об.). В 1903–1906 преподавал в Тенишевском училище русский язык и словесность по найму (см.: Там же. Л. 1), в 1906 стал директором школы Мая. Четырнадцатилетний тенишевец Жирмунский писал о своем преподавателе в дневнике 26.04.1906: «Случился инцидент с А<лександром> Л<аврентьевичем>; когда мои дорогие товарищи, по своему обыкновению, страшно распустились, этот достойный председатель союза педагогов крикнул им: “Что вы распустились, как в кагале... жидовском!” Конечно, я очень обиделся и решил просить А<лександра> Л<аврентьевича> освободить меня от таких уроков русского языка. <...> он, разумеется, очень смутился и извинился какими-то нечленораздельными звуками. На этом мы и примирились» (Жирмунский 2013: 257).

⁸¹ См.: Всероссийский съезд 1917: 5–6, 10. Во второй секции Липовский выступил с докладом «О школьных и классных библиотеках» (см.: Там же. 23).

⁸² Текст доклада не сохранился (см.: Щерба 1957: 4).

толкованию текстов. 2) Наша средняя школа дает очень мало в этом направлении, так как на уроках русского языка занимаются по преимуществу либо орфографией, либо историей культуры. 3) Самостоятельное значение русского языка, как учебного предмета, можно отстаивать лишь при условии признания филологии его основой. 4) Филологизация преподавания русского языка в средней школе требует соответственного расширения университетского преподавания⁸³. 5) Успешное преподавание филологии возможно только при одновременном углубленном изучении иностранного языка (Всероссийский съезд 1917: 18–19).

П. Н. Сакулин⁸⁴ председательствовал в третьей секции, в ней занимались вопросами истории литературы (теория словесности, как предмет преподавания, древняя литература, ее объем и место в литературном курсе, русские критики в средней школе, преподавание всеобщей литературы, школьные и классные библиотеки, письменные работы в старшем классе). В соединенном заседании 2-й и 3-й секций Липовский выступил с докладом «По поводу проекта программы русского языка и словесности для среднеучебных заведений министерства народного просвещения» (Всероссийский съезд 1917: 48), он отмечал в проекте «перегруженность программы *истории литературы* и невозможность осуществления ее в полной мере в течение двух лет, отсутствие в программе целого ряда крупных литературных произведений» (Там же: 51). Присутствовавший на съезде П. А. Горчинский записал в конспекте, что речь в докладе шла «о необходимости воспитания юношества в национальном духе»⁸⁵.

⁸³ В резолюции съезда по докладу Щербы говорилось, как важно преподавать в высшей школе синтаксис, стилистику, семантику, историю слов и объяснять литературные тексты «по образцу западноевропейской высшей школы» (Всероссийский съезд 1917: 29).

⁸⁴ Павел Никитич Сакулин (1868–1930) окончил Московский университет, профессор Петроградского женского педагогического института, автор книги о В. Ф. Одоевском. После 1917 преподавал в МГУ, с 1929 – член АН и директор ПД.

⁸⁵ ОР РНБ. Ф. 213. Ед. хр. 14. Л. 5. Петр Антонович Горчинский (1889–1937, расстрелян, см.: [URL: <http://vizz.nlr.ru/person/show/5140>]) – ученик и душеприказчик Шляпкина, в 1916 был оставлен при университете, работал в школе, с 1921 был внештатным

Наконец в четвертой секции, председателем которой был А. П. Косминский⁸⁶, обсуждались разные вопросы (преподавание русского языка и литературы в военных учебных заведениях, в коммерческих и технических школах, в школах, где русский язык не родной для большинства учащихся)⁸⁷.

В вечернем заседании 29.12.1916 объединились все секции: рассматривался вопрос об упрощении русской орфографии, «давно возбужденный и в обществе и при Академии Наук <...>» (Соловьев 1917: 56, 2-я паг.). В резолюции съезда сказано:

В интересах русской школы и всей русской культуры настоятельно необходима скорейшая реформа правописания в том направлении, какое она получила в трудах орфографической комиссии при императорской Академии наук. <...> Необходимо обратиться в министерство народного просвещения с ходатайством о том, чтобы оно поставило на ближайшую очередь вопрос о необходимости упрощения русского правописания <...> следует обратиться в комиссию по народному образованию в Государственной думе с ходатайством оказать содействие проведению орфографической реформы (Всероссийский съезд 1917: 57).

Эйхенбаум выступал на съезде дважды: «о кружке истор<ии> литературы как науки»⁸⁸, о чем известно лишь из конспекта Горчинского, и в прениях по докладу академика Н. А. Котляревского «О преподавании новой русской литературы в средней школе»⁸⁹.

сотрудником ПД, вывез из Вологды и доставил в ПД архив и библиотеку В. М. Гаршина (см.: Иванова 2006: 99). Преподавал в ленинградских вузах, на Курсах искусствоведения при ГИИИ (см.: ОР РНБ. Ф. 213. Ед. хр. 3. Л. 7), заведовал фундаментальной библиотекой ЛГУ, перед арестом работал в Военно-медицинской академии РККА.

⁸⁶ Алексей Петрович Косминский (? – 1936), – председатель варшавского Педагогического общества, директор 6-й варшавской мужской и 3-й женской гимназий. Отец медиевиста Е. А. Косминского.

⁸⁷ См.: Соловьев 1917: 51, 78, 2-я паг.

⁸⁸ ОР РНБ. Ф. 213. Ед. хр. 14. Л. 6. О кружке см. прим. 281.

⁸⁹ См. ниже в письме к Никольскому от 5.01.1917. Котляревский выступил 3 января. См. также запись Эйхенбаума в дневнике от 20.07.1918: «Был в редакции “Вестн. Евр.” – говорил с Н. А. Котляревским о рукописях Лермонтова <...> Что это за беспомощное поколение! Он много образованнее и тоньше других, но так и чувствуешь духовную

Академик говорил, что литература 1840-х – 1880-х – «основная ось всего преподавания литературы. Эти художественные памятники прежде всего ценны своим общественным содержанием. <...> А так как эта литература слишком обширна, то докладчик готов совсем поступиться лирическими авторами и критикой» (Соловьев 1917: 69, 2-я паг.). Котляревский считал, что «наша эпоха требует прежде всего общественного воспитания; задача школьного преподавания литературы будет исполнена, если мы сумеем историю русской общественности осветить художественным памятниками указанной эпохи» (Там же: 70, 2-я паг.).

22.01.1917 в «Биржевых ведомостях» появилась полемическая статья Эйхенбаума «Кто победил на съезде?», приведем из нее несколько фрагментов:

Работа литературной секции на съезде словесников получила совершенно неправильное освещение в газетных статьях Д. В. Философа⁹⁰ («Литература или культура?») и С. А. Золотарева⁹¹ («Кто с кем боролся на съезде словесников?») <...> Доклад акад. Н. А. Котляревского вовсе не был «одним из самых боевых», хотя бы уже по одному тому, что прочитан он был в последний день (3-го января), когда общие вопросы относительно преподавания литературы были уже во всех подробностях рассмотрены. <...> Первые 5 пунктов резолюции настойчиво говорят о том, что литература есть предмет особый, что на словеснике лежит обязанность развивать «художественное мышление» учащихся, что работа словесника должна опираться на образы, что художественные произведения должны изучаться с стороны стиля, композиции и т. д. Шес-

лень и равнодушие. <...> Говоря с ним, я не помнил, что выступал против него на совете словесников в Москве <...> Но он, вероятно, помнил и был, особенно вначале, не очень дружелюбен» (Эйхенбаум 1993: 15).

⁹⁰ Дмитрий Владимирович Философов (1872–1940, в эмиграции) – журналист, публицист. Подробнее см.: Русские писатели 1989–2019, 6: 465–468.

⁹¹ Сергей Алексеевич Золотарев (1872–1941/1943?) – учитель, публицист, автор книг по педагогике и истории русской литературы. Арестован в 1936, осужден на 10 лет, отправлен в Ухтпечлаг, где и погиб (см.: [URL: <https://base.memo.ru/person/show/385702>]).

той пункт гласит, что этим не исключается психологическое, философское и идейно-общественное истолкование. Это еще совсем не означает, что «съезд показал себя как бы отсталым» и «остался при старом ненаучном смещении» – тем более, что нужно принять во внимание весь ход прений. <...> Бой шел между наукой и педагогикой. С первых же дней своей работы над вопросом о преподавании литературы съезд превратился из профессионально-педагогического в научный и вместо методики стали обсуждать методологию – при этом методологию не преподавания, а научного построения истории литературы. В. М. Фишер⁹², Н. П. Сидоров⁹³, Н. Л. Бродский⁹⁴ выступали не как педагоги, а как историки литературы новой школы. <...> Называя себя и своих единомышленников «учениками Белинского» <...> С. А. Золотарев доказывает этим одно – что вопрос об историко-литературной науке ему глубоко безразличен. Иначе он должен

⁹² Владимир Михайлович Фишер (1885–1940, в эмиграции) – литературовед. Преподавал в московской частной гимназии А. Е. Флёрва, см. воспоминания о нем как о гимназическом учителе генетика Н. В. Тимофеева-Ресовского: [URL: <http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=8382>]. В 1920 эмигрировал в Польшу, был членом Варшавского совета русских писателей и журналистов. Во Вторую мировую войну арестован нацистами, умер в концлагере, похоронен в Берлине (см.: Незабываемые могилы 1999–2006, 6-2: 655). На съезде он выступил в 3-й секции с докладом «Об эстетическом преподавании литературы», говорил, что прохождение литературы в школе страдает отсутствием литературной точки зрения – при преобладании общественно-исторической точки зрения. Не устранив последней и пользуясь ею, как фоном, необходимо установить литературную точку зрения, которая состоит в анализе формы и изучении художественных приемов литературных школ и отдельных писателей (см.: Всероссийский съезд 1917: 31). И уточнял, что эта новая точка зрения пришла не из высшей школы, а помимо нее, из работ А. Белого, В. Я. Брюсова, Ю. И. Айхенвальда. Задача преподавателей – сделать достоянием школы эти новые достижения теоретической мысли. О его статье, посвященной поэтике Лермонтова (см.: Фишер 1914: 196–236), Эйхенбаум писал: «Выделяю статью В. Фишера <...> в которой сделана попытка вернуться к конкретному изучению лермонтовского стиля» (Эйхенбаум 1987: 142).

⁹³ Николай Павлович Сидоров (1876–1948) – автор вступительных статей к изданиям русских классиков, в начале 1920-х работал в МГУ. Часто публиковался в соавторстве Н. Л. Бродским (напр., комментарий к «Что делать?» Н. Г. Чернышевского).

⁹⁴ Николай Леонтьевич Бродский (1881–1951) окончил Московский университет, преподавал, занимался ранними славянофилами, Белинским, русским театром XVIII в., Тургеневым, автор комментария к «Евгению Онегину» (1929).

был бы согласиться с тем, что в вопросах методологии гораздо целесообразнее и естественнее быть учеником Буслаева или Тихонравова, Потебни или Ал. Веселовского. Кто же спорит о том, что «литература – часть культуры народа», но ведь и медицина, и астрономия, и математика входят в общее понятие культуры, – однако историю математики можно и нужно писать вне вопроса о связи ее с общей культурой. Нельзя представлять себе культуру, как механическое целое – здесь отношения между целым и частями гораздо сложнее. Этой проблемой во всей ее сложности и шири должна заниматься именно история культуры (см., напр., труды покойного немецкого учен. Карла Лампрехта⁹⁵), а никак не отдельные науки.

В том-то и дело, что на съезде оказались разные люди – слишком сильно увлеченные наукой и слишком мало ею заинтересованные. Одни ушли в сторону от чистой педагогики в область научной методологии, другие, не понявши первых и усмотрев в их суждениях «тенденциозную антиобщественность», с благородным негодованием выступили в бой против... несуществующего врага. <...> преподаватель литературы не обязан быть историком литературы – это разные области и разные таланты. «Преподавание истории литературы» вообще представляется мне нелепым сочетанием слов, и историю литературы можно изучать, а преподавать можно только самую литературу – навыки чтения и анализа. Но чтобы производить в средней школе такую работу<,> независимую от задач высшей школы и только к ней подготовляющую<,> учитель должен в сознании своем опираться на твердую почву науки – должен верить в нее и почерпать из

⁹⁵ Карл Готтар Лампрехт (1856–1915) – немецкий историк-позитивист, медиевист, опубликовал 12-томную историю Германии („Deutsche Geschichte“; частично переведена на русский язык). Автор книги „Was ist Kulturgeschichte?“ (1897). В 1909 основал при Лейпцигском университете Институт истории культуры и всеобщей истории, интересовался детским творчеством, призывал изучать душевное развитие ребенка, которое «во многом протекает параллельно эпохам доисторического развития народов» и собирать рисунки детей «во всех странах для уяснения психического развития детей различных рас» (Лампрехт 1909: 5). См. также ниже в письме Никольскому.

нее нужные для его работы указания. <...> Произошла своего рода революция снизу – педагоги требуют,<,> чтобы историко-литературная наука стала на путь самостоятельного развития, и настаивают на ее автономии. <...> доклад акад. Н. А. Котляревского следует считать просто курьезом – профессор недаром просил снисхождения в виду недостаточности его педагогического опыта. Он захотел быть более «общественником», чем средние педагоги, и заявил, что литература должна преподаваться, как средство гражданского воспитания. <...>

Только вялая общественность 80-х и 90-х годов могла воспитать в русских людях такую самолюбивую привычку – по всякому поводу возвышать голос и грозно напоминать о гражданской совести. <...>

Я считаю, что главный и очень важный результат работы съезда по вопросу о литературе – не выраженное в резолюции, но ясно выставленное в первые же дни требование, чтобы научная история литературы, находящаяся сейчас в состоянии кризиса, перешла к новой созидательной работе, ибо наука должна служить опорой для преподавателя. Можно поэтому сказать, что «победило» не ремесленное, а принципиальное начало – и вот этому, действительно, можно радоваться. <...>⁹⁶.

Уже после Февральской революции Эйхенбаум участвовал в четырех собраниях, которые состоялись между 18 марта и 4 апреля 1917 в редакции журнала «Русская школа». Среди его собеседников были, в частности, А. Я. Гуревич⁹⁷, Я. Я. Гуревич, А. Л. Липовский, Г. К. Соломин⁹⁸. Обсуждались вопросы о составе, функциях и

⁹⁶ Эйхенбаум Б. М. Кто победил на съезде? – Биржевые ведомости. 1917. 22 января. № 16054. С. 7.

⁹⁷ Анна Яковлевна Гуревич (1878–1942, в блокаду, см.: [URL: <http://vizs.nlr.ru/blockade/show/1136258>]) – педагог, сестра Я. Я. и Л. Я. Гуревич. По воспоминаниям большевика Н. Е. Буренина, в 1905 была членом РСДРП(б), заведовала партийным архивом (см.: Буренин 1934: 39–40).

⁹⁸ Георгий Константинович Соломин (1865–1942, в блокаду) окончил Орловскую духовную семинарию, преподавал ручной труд в Тенишевском училище, в Лесном училище и в Лиговских вечерних классах для рабочих, публиковался в педагогических журналах, в 47 лет закончил историко-филологический факультет СПбИУ, был в

задачах министерства народного просвещения, об осуществлении принципа единой школы, изменениях в учебных программах (реформа правописания, исключение церковнославянского языка, освобождение учащихся всех вероисповеданий от обязательного изучения закона Божия), об организации учащихся и задачах внешкольного образования⁹⁹.

В начале мая 1917 Эйхенбауму позвонил Вл. В. Гиппиус¹⁰⁰, еще не утвержденный официально директором Тенишевского училища, и предложил вести в нем уроки. Подумав, Эйхенбаум согласился, 1.09.1917 он принимал в училище экзамены¹⁰¹. Преподавал он там один учебный год: в письме к Жирмунскому от 21.11.1918 писал, что работает «в Комиссариате¹⁰² и в гимназии Гуревича» (Эйхенбаум 1988: 309). 1918–1919 учебный год был последним годом его работы в школе¹⁰³.

Вернемся к 1914, когда началось не только преподавание в школе, но и знакомство Эйхенбаума с Ю. А. Никольским¹⁰⁴. О нем впервые после сорока с лишним лет забвения, написала хорошо его знавшая в ранней юности О. Г. Морозова, выведя его как «Юру Н.» в автобиографической повести¹⁰⁵. В 1962 о нем упомянула Е. М. Тагер

приятельских отношениях с Сашей Черным (подробнее см.: Сальман 2013b: 202–203). Мандельштам упомянул о нем, не называя по имени, в «Шуме времени» (см.: Мандельштам 2010, 2: 231).

⁹⁹ См.: [От редакции]. 1917: 1, 2–14.

¹⁰⁰ Владимир (Вольдемар) Васильевич Гиппиус (1876–1941) – поэт, педагог, в Тенишевском училище работал с осени 1904, назначен директором 24.05.1917 (см.: ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 2. Д. 53. Л. 61). Подробнее см.: Русские писатели 1989–2019, 1: 565–566.

¹⁰¹ См.: Эйхенбаум 1993: 15.

¹⁰² Комиссариатом Эйхенбаум называет петроградское отделение литературно-издательского отдела Наркомпроса (см.: Эйхенбаум 1993: 24).

¹⁰³ См.: СПФ АРАН. Ф. 150. Оп. 2. Ед. хр. 314. Л. 4.

¹⁰⁴ См.: Чудакова, Тоддес 1987: 134. Сам Эйхенбаум в некрологе другу писал, что познакомился с ним в 1913 (см.: Эйхенбаум 1922: 14). О Никольском см.: Русские писатели 1989–2019, 4: 324–327.

¹⁰⁵ См.: Морозова 1964: 86–150. Повесть вышла книгой уже после смерти автора (см.: Морозова 1976); журнальный и книжный тексты не тождественны, последний более «причесан». Ольга Георгиевна Бонч-Осмоловская (урожд. Морозова, в первом браке Сомова; 1895–1975) – художница, мемуаристка. Ее отец Г. Ф. Морозов был профессором Лесного института, мать Л. Н. Морозова (урожд. Зандрок) преподавала рисование

в мемуарах о Мандельштаме¹⁰⁶. Г. П. Струве, учившийся в ВВКУ¹⁰⁷

в Лесном училище (см.: Морозова 1976: 85), где учились и Ольга, и Никольский. Впервые тот факт, что под именем «Юра Н.» выведен Никольский, отметил Р. Д. Тименчик (см.: Тименчик 1986: 60). В письме к Б. А. Садовскому от 3.08.1920 Никольский назвал Морозову своей первой любовью (см.: Судьба Юрия Никольского 1996: 194).

¹⁰⁶ Ср.: «Писал стихи начинающий критик Юрий Никольский – нескладный, сутулый, некрасивый, как гадкий утенок. И глаза у него загорались голубым огнем, когда он читал:

Всё полно тихими снами,
Закат стал пурпурный,
И протянулся меж нами
Сказочный мостик ажурный.
Только неслышно дремали
Под мостиком темные воды,
Звали в какие-то дали,
Ждали какой-то свободы...» (Тагер 1966: 6).

В отличие от воспоминаний Морозовой, мемуары Тагер были опубликованы в СССР только во время перестройки. Елена Михайловна Тагер (1895–1964) – поэтесса (в юности печаталась под псевдонимом «Анна Регатт»), прозаик, четырежды арестовывалась при советском режиме, подробнее о ее юности и отношениях с Никольским см.: Сальман 2020: 443–483. Учась на Бестужевских курсах, она посещала Пушкинский кружок (см.: Сальман 2016: 150). С Эйхенбаумом познакомилась, вероятно, в 1916, общалась с ним и после возвращения из первой ссылки, в конце 1920-х – 1930-е. В 1935 подарила свою книгу рассказов «Ревизоры»: «Дорогим и милым Рае и Боре – с давней любовью, которую не меняют ни годы, ни мода, ни пожары, ни удары. Ел<ена>. 1935, осень». Шифр РНБ 35-2 / 1666. Внизу на странице стоит штемпель: «Из книг Бориса Михайловича Эйхенбаума 1886–1959».

¹⁰⁷ Младший брат Глеба Струве, Алексей (1899–1976), учился здесь же, классом ниже. В одном классе с Алексеем была будущий историк Вера Романовна Лейкина-Свирская (1901–1993, см.: Лейкина-Свирская, Селиванова 1993: 110). Она писала с okazji Струве 31.01.1981: «Dear Gleb! Посылаю тебе вопросник и обращение к “выборщику”, каким ты безусловно являешься, и надеюсь, что ты не только ответишь за всех братьев, но и вспомнишь какие-нибудь сведения о товарищах своего выпуска. Мы готовим сборничек с кратким историческим очерком и другими разделами. Материалу набралось очень много и очень интересного: старые выпуски почти вымерли, в 4-м выпуске, за смертью А. Кроль, никого не осталось, кроме тяжело ампутированного Левы Мазинга, так что прямой долг помочь этому делу» (Я благодарю Л. С. Флейшмана, приславшего мне скан письма Лейкиной-Свирской из архива Г. П. Струве в Гуверовском институте). См. также письма Г. П. Струве, носящие мемуарный характер (Струве, Вейдле 2002: 133–142). Александра Ефимовна Кроль (1899–1978) – искусствовед. Работала в Эрмитаже, писала об английском изобразительном искусстве XVII – XIX вв., диссертацию (1949) защитила о шведском искусстве XVIII в. Ее муж, художник Л. С. Гальперин, был арестован в 1934 (дело группы художников В. М. Ермолаевой, В. В. Стерлигова...) и расстрелян в 1938, см.: [URL: <https://base.memo>].

в одном классе с младшим братом Никольского Сергеем¹⁰⁸, кратко написал о Юрии в примечаниях к ее мемуарам¹⁰⁹.

Юрий (Георгий) Александрович Никольский (20.03.1893 – январь 1922) был сыном одесского ветеринарного врача Александра Ивановича Никольского (1860–1933?) и Ольги Ярославовны, урожденной Гамсахурдиа (1864–1912). Отец был корреспондентом журнала П. Б. Струве «Освобождение», членом партии кадетов, депутатом III Государственной думы от Одессы¹¹⁰. Мать – социал-демократка, была арестована 3.12.1905 по делу Петербургского совета рабочих депутатов, выпущена под залог в апреле 1906. Родители разъехались, мать поселилась в Швейцарии с близким другом, также членом Петербургского совета, высланным в 1907 за границу, Е. А. Френкелем¹¹¹. Юрий регулярно навещал мать в Швейцарии, уже

ru/person/show/2638876]. См. мемуары сына: Кроль 2011; Кроль 2012. Лев Андреевич Мазинг (1897–1981) – инженер. Окончил Ленинградский химико-технологический институт (1930). Кандидат технических наук (1952). О его семье (см.: Мазинг Ю. А., Мазинг А. Ю. 2014). Его двоюродный дядя, пастор А. К. Мазинг, 4.10.1909 окрестил М. Л. Лотмана (подробнее см.: Сальман 2015: 722).

¹⁰⁸ Сергей Александрович Никольский (18.09.1898 – январь 1918; дату рождения приводим по: ОР РНБ. Ф. 1160. Ед. хр. 1444. Л. 3, месяц смерти по: Эйхенбаум 1993: 17) окончил ВВКУ в 1916, как и Г. П. Струве (см.: Лейкина-Свирская, Селиванова 1993: 109). Сергей тоже писал стихи, в начале октября 1917 ушел вместе с братом в Действующую армию. Погиб, расстрелянный красными. «Некролог Эйхенбаума был помещен в газете “Наш век” (бывш. “Речь”), 1918. 28 (15) июля» (Судьба Юрия Никольского 1996: 167). См. о нем: Струве 1979: 15–16.

¹⁰⁹ См.: Тагер 1966: 26. См. также: Струве 1979: 16.

¹¹⁰ См.: Русские писатели 1989–2019, 4: 324.

¹¹¹ См.: ОР РНБ. Ф. 1160. Ед. хр. 1444. Л. 3. Евгений Александрович Френкель (литературный псевдоним Адамов; 1881 – после 1922) окончил гимназию в Твери, учился на юридическом факультете СПбИУ. Критик, публицист, переводил с испанского языка, в 1920 служил в Наркоминделе и преподавал в Институте востоковедения (подробнее см.: Писатели 1995: 17–18). Корреспондент В. Э. Мейерхольда в 1912–1922. Упомянут в письме Никольского к Гуревич от 28.10.1917: «<...> всё готовится к Учредительному Собранию. Я принял окончательное решение голосовать за эн-эсов-трудовиков <...> Я хочу, кроме того, чтобы Вы меня как-нибудь официально вписали в партию <...> Меня могут рекомендовать и Дзюбинские, и Френкель <...>» (Судьба Юрия Никольского 1996: 155). В комментарии ошибочно назван Захарий Григорьевич Френкель (1869–1970), санитарный врач, с марта 1917 член ЦК кадетской партии. Арестованный в 1938, он оказался в одной камере с П. Н. Берковым и подробно написал о нем (см.: Френкель 2009: 434, 438–440). Энэс – народный социалист. О Дзюбинских см. прим. 297.

после ее смерти от рака в Гейдельберге в 1912¹¹² он писал: «Я вспоминаю восторг перед ней, любовь к ее платьям, мыслям, словам, страшную, непередаваемую ревность. Фрейд находил, что это закон природы: у сыновей влечение к матери, у дочерей к отцу»¹¹³.

До 11 лет Юрий учился дома¹¹⁴, затем при 5-й одесской гимназии выдержал экзамены за курс 1-го класса: по закону Божию, русскому и церковнославянскому языкам и словесности, немецкому языку, математике, истории, географии и естествоведению и 10.06.1904 получил соответствующее свидетельство¹¹⁵. Отец отвез его в Петербург, где мальчика приняли во второй класс гимназии Гуревича. Проучился в ней Юрий полгода, в письме из Одессы от 11.01.1905 отец просил директора «уволить из вверенной Вам Гимназии сына моего<,> ученика 2-го класса Георгия Никольского <...>»¹¹⁶.

3.02.1905 помечено свидетельство:

Предъявитель сего, бывший ученик второго класса С.-Петербургской гимназии Гуревича Георгий Никольский<,> сын ветеринарного врача, вероисповедания правосл<авного>, родившийся двадцатого марта 1893 года, находился в этом заведении с 21 августа 1904 года по 1 февраля 1905 года <...>¹¹⁷.

Вот как через одиннадцать лет он оглядывался на свое отрочество:

«Я пережил 1905 г. совсем сознательно, я сам доходил до того, что составляет, если угодно, торжество современности»¹¹⁸. Спустя

¹¹² См.: ОР РНБ. Ф. 1160. Ед. хр. 1400. Л. 18; Там же. Ед. хр. 1444. Л. 4.

¹¹³ Там же. Ед. хр. 1406. Л. 24–24 об. Письмо к З. Д. Шаблиовской от 13.02.1914. О Шаблиовской см. ниже.

¹¹⁴ См.: ЦГИА СПб. Ф. 171. Оп. 2. Д. 2381. Л. 3; «<...> я все детство пролежал старичком, в болезнях всяких» (Судьба Юрия Никольского 1996: 192, письмо к Б. А. Садовскому от 17.04.1920).

¹¹⁵ См.: ЦГИА СПб. Ф. 171. Оп. 2. Д. 2381. Л. 5.

¹¹⁶ Там же. Л. 2.

¹¹⁷ Там же. Л. 3.

¹¹⁸ ОР РНБ. Ф. 1160. Ед. хр. 1400. Л. 12. Письмо к Анне Яковлевне Малкиной от 21.07.1916. А. Я. Малкина была постоянной корреспонденткой Никольского в 1916–1917. По образованию врач, медициной она «занималась недолго и очень скоро перешла к литературной работе», в 1899 стала издательницей журнала «Юный читатель», который

год, 17.05.1917, он делился с Гуревич: «Я и все мы, но в раннем детстве, когда все впечатления, может быть, ярче и глубже освещены, пережил гибель революции – той. Это так было ужасно, что нельзя вспоминать» (Блок 1982: 473).

В дальнейшем Юрий учился в Лесном восьмиклассном коммерческом училище для детей обоего пола, открывшемся в 1904¹¹⁹. Неверно утверждение, что он учился в ВВКУ¹²⁰; как упомянуто выше, там занимался его младший брат Сергей.

«Школа была демократической по составу, передовой по установкам. Даже закон божий преподавался в ней как бы условно, и священник был подобран к тому подходящий» (Морозова 1964: 104). Совместное обучение ввели в училище не сразу после открытия, а в 1907¹²¹, современница так описывала ситуацию:

Наши родители вместе с группой профессоров Политехнического института охотно пошли на эксперимент и отдали своих девочек в первые классы мужской школы <...> Мы пришли в школу маленьким испуганным стадом и сразу были взяты в переплет. На стенах училища нас встретили объявления и воззвания: «Смерть девчонкам! Персидский порошок для истребления девчонок!»

в 1907 «был преобразован в серию книг, выходивших без предварительной подписки под общим названием “Библиотека Юного Читателя”» (Там же. Ед. хр. 1227. Л. 1). Занималась редактурой, переводами, была членом Общества народных университетов (см.: Там же). Осенью 1914 стала «одной из учредительниц и устроительниц 209 Городск<ого> лазарета Петроградской еврейской общины, много работала как при сборе пожертвований на учреждение лазарета, так и при оборудовании его», в 1915 работала «в качестве члена врачебного и Хозяйственного комитетов лазарета» (ЦГИА СПб. Ф. 113. Оп. 7. Д. 828. Л. 3). С 1918 служила в Наркомпросе, с конца 1922 занималась переводами (см.: ОР РНБ. Ф. 1160. Ед. хр. 1227. Л. 1 об. Л. 2; Ед. хр. 1244. Л. 1 об.).

¹¹⁹ Училище построили в тогдашнем пригороде Петербурга «Лесное», где находился Лесной институт, а в 1902 рядом, в Сосновке, открылся Политехнический институт. Именно профессура Политехнического организовала комитет по открытию средней школы (их не было в округе) – будущего Лесного училища (подробнее см.: Райков 2011: 380–382).

¹²⁰ См.: Судьба Юрия Никольского 1996: 136; Русские писатели 1989–2019, 4: 324.

¹²¹ См.: Райков 2011: 438. К осени 1909 среди 288 учеников было 54 девочки (см.: Школьные экскурсии 1910: 3, 2-я pag.).

И директор Л. Н. Никонов¹²², бегая по зданию школы, конфузливо срывал их на наших глазах. Нас пробовали бить. Мы выдержали испытания, приняли бой, не жаловались и не плакали. <...> Мы ходили украшенные синяками, но не сдавались. После первых сражений началась война с ухаживанием. <...> У меня было единственное средство самозащиты – я была быстроногой. Все же один из старшеклассников однажды поймал меня, затащил на лестницу и, зажав в коленях, стал целовать. Я царапалась и плевалась, наконец, получив затрещину, была освобождена. <...> К окончанию первого года обучения мы добились равноправия. Мы учились с горячностью, много читали и стремились обогнать мальчиков во всем. Нас начали уважать. Наши победы определялись не столько нашими достоинствами, сколько добрыми традициями домашнего воспитания и культурным уровнем. <...> И наконец нас вдохновляла идея. Мы вели борьбу за женское равноправие и были пионерами в ней (Морозова 1964: 104, 105).

Она же вспоминала о Никольском:

Юра Н. был заметной фигурой в нашем училище. Он претендовал на роль вождя в классе <...> Он выделялся ученостью и, казалось, не имел возраста, был хил, некрасив и самоуверен. Его мать эмигрировала в Швейцарию; навещая ее, он вывез из-за границы налет чужой культуры, особые манеры и проповедь свободной любви. <...> В нашем доме Юра осел прочно и надолго. Он очень много говорил и заговаривал моих родителей, которым импонировали его умственность, его начитанность, его намерение развивать меня (Морозова 1964: 108, 109).

¹²² Леонид Николаевич Никонов (1872–1952) был директором Лесного училища в 1904–1908 (см.: Райков 2011: 415). Он окончил курс Ново-Александрийского сельскохозяйственного института со «званием агронома второго разряда» (ЦГИА СПб. Ф. 176. Оп. 2. Д. 13. Л. 6). С 1898 был учителем естествознания в Тенишевском училище, преподавал также в гимназиях М. Н. Стоюниной и Таганцевой (см.: Там же. Л. 5), а с 1906 и в ВВКУ (см.: ОР РНБ. Ф. 1091. Ед. хр. 678. Л. 2). (Подробнее см.: Райков 2011, по указателю). Ново-Александрия – ныне Пулавы (Польша).

Осенью 1910 Никольский перешел в Тенишевское училище, окончил его в 1911¹²³ и поступил вольнослушателем «на экономическое отделение Политехнического института, заплатив 50 р. за первый семестр и выбрав для слушания пять предметов: курс истории русского права, курс Энциклопедии права, курс истории (у Н. И. Кареева)¹²⁴, курс истории (у К. В. Хилинского)¹²⁵ и английский язык. Отношения с однокурсниками у него не сложились: “<...> меня в Политехникуме всегда считали неосновательным, несерьезным, всегда: или смеялись, или вообще относились как к пустяку, это – бесит”» (Сальман 2020: 460).

28.05.1912 он получил свидетельство о сдаче «удовлетворительно» экзамена по латыни при петербургской 12-й гимназии¹²⁶, 2 августа датируется прошение ректору СПбИУ, отправленное из Одессы¹²⁷. С осени Никольский начинает заниматься на славяно-русском отделении историко-филологического факультета.

Здесь следует рассказать о близком Никольскому человеке, чье имя неоднократно встречается в письмах Эйхенбаума.

Зоя Дмитриевна Шаблювская (урожденная Беляева) – дочь действительного статского советника, родилась в Казани в 1880. До тринадцати лет училась дома, ежегодно сдавала экзамены при казенной гимназии, затем училась два года в частном пансионе и год в гимназии, окончив седьмой класс с золотой медалью. «В 1896–97 уч. г. слушала курс 8-ого, педагогического класса и дала пробные уроки по русскому языку и арифметике. В 1897–98 уч. году

¹²³ См.: Мец 2009: 568. Исправим неточность А. Л. Соболева, который, цитируя письмо Никольского к С. П. Милюкову (младшему сыну П. Н. Милюкова) от 7.03.1912, полагает, что Юрий в это время еще учится в Тенишевском (см.: Соболев s. a.).

¹²⁴ Николай Иванович Кареев (1850–1931), доктор всеобщей истории, профессор, Депутат I Государственной думы от кадетов. Чл.-корр. АН (1910).

¹²⁵ Константин Владимирович Хилинский (1881–1939) – родился в Жмеринке, учился в Киеве и в Петербурге. Магистр всеобщей истории, приват-доцент, допущенный к чтению лекций по кафедре всеобщей истории с февраля 1910, читал также на Бестужевских курсах. В марте 1919 уехал в Польшу (подробнее см.: Крульчик 2014: 419–442).

¹²⁶ См.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 61417. Л. 7.

¹²⁷ См.: Там же. Л. 2. Адрес Никольского: Одесса, Карантинная, 10.

<...> слушала курс популярных лекций по естествознанию при Каз<анском> университете» (Сальман 2020: 461). В 1898 поступила на Бестужевские курсы, где занималась философией под руководством профессора И. И. Лапшина¹²⁸, а также историей, социологией, политической экономией, правом, историей литературы и историей педагогических теорий. В 1903 она окончила курс исторического отделения и перешла на словесное, которое закончила в 1904 и была оставлена при курсах по кафедре истории педагогических теорий на 1904–1905 учебный год. С осени 1905 по 1908 она преподавала по найму русский язык в младших классах Лесного училища¹²⁹, где ее учеником был Никольский.

«Занимаясь в университете, он вспомнил о ее уроках в одном из писем: “Икалось Вам сегодня, когда Вашего бывшего ученика спросил Зелинский¹³⁰, что значит ‘относительное местоимение’”» (Сальман 2020: 461).

¹²⁸ Иван Иванович Лапшин (1870–1952) в 1893 окончил СПбИУ, с 1897 – приват-доцент, в 1906 за книгу «Законы мышления и формы познания» получил докторскую степень вместо магистерской (см.: Протоколы 1915: 183, 184), профессор по кафедре философии с декабря 1913 (см.: Отчет 1914: 7, 3-я pag.). 16.11.1922 выслан за границу вместе с Л. П. Карсавиным, Н. О. Лосским и др. Жил в Чехословакии, «принимал активное участие в деятельности учебных заведений для эмигрантской молодежи» (Высылка 2005: 38, 263, 264, 458). Никольский, О. Э. Мандельштам и Оксман в один день, 24.04.1914, сдавали ему экзамены: Никольский по логике (см.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 61417. Л. 14 об. – 15), а Мандельштам и Оксман – введение в философию (см.: Сальман 2016: 143).

¹²⁹ См.: Сальман 2020: 461.

¹³⁰ Фаддей Францевич Зелинский (1859–1944, в эмиграции), доктор греческой словесности, профессор по кафедре классической филологии. Осенью 1914 и весной 1915 Никольский слушал его курс о греческих лириках (см.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 61417. Л. 23 об. Л. 24). Осенью 1914 – одновременно с Мандельштамом и Оксманом. Осенью 1915 он записался на лекции по истории римской литературы (см.: Там же. Л. 24 об.), как и Мандельштам, и Оксман (см.: Сальман 2016: 145). Осенью 1913 и весной 1914 Никольский и Мандельштам участвовали в просеминатории В. Ф. Шишмарева по старофранцузскому языку и ходили на лекции Д. К. Петрова по романо-германской филологии (см.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 61417. Л. 22 об. Л. 23; Сальман 2010: 462, 463, 465). Логiku у А. И. Введенского осенью 1913 и историю древней философии у него же Никольский слушал одновременно с Тыняновым (см.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 61417. Л. 22 об. Л. 23; Сальман 2014а: 464). Испанист Дмитрий Константинович Петров (1872–1925) – доктор истории западноевропейских литератур, ординарный профессор, секретарь историко-филологического факультета (см.: Отчет 1914: 3, 3-я

Морозова очень язвительно отзывалась о ней в мемуарах (изменив имя, отчество, специальность, и семейное положение):

Злата Михайловна была преподавательницей истории в старших классах коммерческого училища. Она была миловидной вдовушкой¹³¹ с бархатными глазами, смуглым румянцем, с темным пушком на верхней губе. Она принимала у себя своих учеников в халатике и с распущенными волосами <...> она завязала с Юрием мистическую дружбу со всеми правами на предчувствия, озарения, проповеди <...> Много лет спустя я узнала случайно, что мистическая дружба Златы Михайловны <...> включала в себя и науку любви в «презренном» земном виде <...> (Морозова 1964: 109, 110).

Роман начался, по-видимому, в 1913, когда Никольский был на первом курсе университета; во всяком случае, он писал Шаблиовской 20.04.1915: «Мы два года играем в жмурки, отлично зная звон колокольчика, которым дразнит другой» (Сальман 2020: 462).

В его письме к Шаблиовской от 13.12.1914 появляется имя Эйхенбаума:

А какого я тебе покажу человека! Зовется Эйхенбаум. <...> Скромный семьянин, но преданный и по-своему глубокий чрезвычайно – труженик. <...> Ко мне относится так ласково, душевно, нежно и стыдливо, что я<,> право<,> не знаю за что. У него милые ребятки¹³².

паг.), бессменный руководитель студенческого романо-германского кружка. Прототип профессора Ершова в романе «с ключом» В. А. Каверина «Скандалист, или Вечера на Васильевском острове» (см.: Тоддес (при участии Чудаковой) 2019: 211, запись в дневнике Эйхенбаума от 9.02.1928). Александр Иванович Введенский (1856–1925) – магистр философии, исполнявший должность ординарного профессора (см.: Отчет 1914: 12, 3-я паг.), председатель Петербургского философского общества (1897–1921).

¹³¹ Мужем Шаблиовской был Павел Владимирович Шаблиовский (1876–1950) – педагог, выступал на съезде словесников с докладом о школьных сочинениях, с 1938 доцент Тульского пединститута, автор статей в педагогических журналах и соавтор школьного учебника по русской литературе для 8 класса, который вышел в 1939 и много раз переиздавался.

¹³² ОР РНБ. Ф. 1160. Ед. хр. 1406. Л. 68 об.

29.12.1914 Эйхенбаум записывал в дневнике:

Вчера – у Юрия Алекс<андровича> Никольского. Беседовали с Н<икольским> с 11 ч. до 3 ч. ночи. <...> Беседа шла хорошо – метафизика войны. Завтра соберемся опять – будет и Л. Я. (цит. по: Хачатурян 2018: 516).

Первое письмо Эйхенбаум пишет через две недели после этой встречи¹³³.

Его последнее сохранившееся письмо датируется 3.07.1917, хотя переписка продолжалась до 1919. Причины расхождения в 1917 были и политическими, и научными. О первых Никольский писал Жирмунскому 18.07.1917: «Виктор Максимович, что же это такое?? Как Вы это нашего Бориса Михайловича не уберегли? Ведь прямо большевиком смотрит... И война-то вся из-за рынков, и социальную, почти что, ему революцию завтра приготовь» (Эйхенбаум 1988: 326). Спустя три недели к тому же адресату обратился Эйхенбаум: «Определилась суть нашего расхождения: он полагает, что мыслить теперь не надо, а надо утвердиться на элементарных истинах (государство, национальность) и бороться за них. Я доказывал ему, что призвание настоящей интеллигенции (в отличие от “интеллигентов”) – всегда честно *мыслить*, а теперь – особенно» (Там же: 291–292)¹³⁴.

О второй причине Эйхенбаум написал в некрологе: «Его продолжали интересовать вопросы “онтологической биографии” <...> он не понимал наших “формальных” штудий и не сочувствовал им» (Эйхенбаум 1922: 14).

Одна из студенток Высших курсов искусствоведения при Институте истории искусств вспоминала, что Эйхенбаум любил раскрывать перед слушателями читательский формуляр писателя¹³⁵. Не менее интересен и «формуляр» филолога, особенно начинающего.

¹³³ Цитаты из эйхенбаумовских писем приводились в статьях и комментариях Н. А. Жирмунской, Р. Д. Тименчика, Е. А. Тоддеса и М. О. Чудаковой, о чем упоминается ниже в соответствующих сносках.

¹³⁴ См. также: Чудакова, Тоддес 1987: 142; Судьба Юрия Никольского 1996: 144, 145.

¹³⁵ Голицына 1983: 80.

Упомянутые в письмах книги, отзывы о них позволяют не только лучше представить себе круг интересов молодого Эйхенбаума, но и увидеть, что именно оказывалось важным для его собственной интеллектуальной работы. Делясь с другом своими впечатлениями от прочитанной биографии М. А. Врубеля и приводя из нее запомнившиеся цитаты, Эйхенбаум подводит итог: «Вот это все – для нас». Об этой внутренней работе можно было бы сказать цитатой из Шамфора, которую он встретил в книге С. П. Яремича: «Лучше всего знают то, – говорит один из самых острых и возвышенных умов XVIII века: 1) что сам отгадал, <...> 3) что узнал не из книг, но благодаря книгам, т. е. из размышлений, на которые они навели <...>»¹³⁶.

I. 15 января 1915.

15 Янв<аря> 1915 г.

Пишу сейчас же по получении вашего письма, но почти уверен, что это уже не застанет Вас. А будет очень жаль, что не застанет – хотел Вас попросить привезти одну книжечку, вышедшую в Москве: «Ф. Достоевский – Вл. Соловьев. Оправдание войны. “Рел<игиозно>-фил<ософская> библиотека”, 15 коп»¹³⁷. Она сегодня – в «Русск<их> Вед<омостях>», в числе новых книг.

Ваша просьба написать что-нибудь к вашему приезду, да еще такое, чтобы в нем каждое слово что-нибудь значило (что за оскорбительный такой намек?), – неисполнимо. Хорошо Вам приказывать – вечному юноше. А у меня все эти дни такая голова от массы дела и от переутомленности, и от всяких «историй» (в реальн<ом> учил<ище> Гельда – почти крах, т<ак> ч<то> жалованье

¹³⁶ Яремич 1911: 18.

¹³⁷ См.: Достоевский, Соловьев 1915. В книгу вошли «Парадоксалист» из «Дневника писателя» за апрель 1876 и скомпонованный редакцией «Генерал» из «Трех разговоров о войне, прогрессе и конце всемирной истории» (1900) Вл. С. Соловьева. Безымянный редактор книги сообщал, что слова генерала «выделены из общего (первого) разговора и предлагаются читателю в виде связной речи» (Там же: 8). Послесловие было заимствовано из статьи Соловьева «Немезида (По поводу испано-американской войны)» (1898).

уменьшили), что к 18-му ничего не выйдет. На масленице можно присесть. Сообразите – в одном VIII кл<ассе> (у барышень)¹³⁸ я веду сейчас Лермонтова, в другом VIII – кончаю Тургенева, в VII – Пушкин, а кроме них – II, IV и V.

Ну вот. К Л. Я.¹³⁹ я звонил, потом зашел, думал застать «врасплох», но не застал. Оставил записку, просил ваш адрес сообщить (мы как-то так расстались, что у меня вашего адреса не оказалось) – ответа нет. Так я ее с 5 Янв<аря> и не видел, и не слышал, и не читал.

Зое Дм<итриевне>¹⁴⁰ надо написать, чтобы она приобрела себе книгу А. Закржевского – «Лермонтов и современность»¹⁴¹. Должно много дать ей – и на тему о Дон-Жуане¹⁴². Книга циничная, декадентская, à la Розанов, но важная. Я собираюсь написать в «Сев<ерных> Зап<исках>» статью по поводу трех статей о Лермонтове – Дурылина¹⁴³, Закржевского¹⁴⁴ и

¹³⁸ В гимназии Е. М. Гедда.

¹³⁹ Л. Я. – Любовь Яковлевна Гуревич.

¹⁴⁰ Шаблиовской.

¹⁴¹ См.: Закржевский 1915. Александр Карлович Закржевский (1886–1916) – литератор, автор, в частности, трилогии «Достоевский и современная литература» и одной из первых книг о футуристах (см.: Закржевский 1914). Подробнее см.: Русские писатели 1989–2019, 2: 318–320.

¹⁴² Закржевский писал о донжуанстве Лермонтова-Печорина: «<...> ибо ясно, что Печорин – портрет автора» (Закржевский 1915: 111).

¹⁴³ Сергей Николаевич Дурылин (1886–1954) – поэт, публицист, богослов. Эйхенбаум имеет в виду его статью: Дурылин 1914: 1-30, 2-я паг., это текст доклада, прочитанного в Московском религиозно-философском обществе. (См. переиздание: Дурылин 2013: 641–675). Отдельно о статье Дурылина Эйхенбаум не написал, но вспомнил о ней в своей работе 1924: «В Лермонтове рядом с “демонизмом” оказалась “голубизна” (статья С. Дурылина в “Русск<ой> мысли”, 1914, X), потому что у него не только глаза, небо и степи, но даже звезды – “голубые”» (Эйхенбаум 2013: 726). Отсылка к строкам: «И улыбались звезды голубые, / Глядя с высот на гордый прах земли» (Из поэмы «Сказка для детей», 1839).

¹⁴⁴ Имеется в виду не статья, а книга Закржевского. В рецензии на нее Эйхенбаум писал: «Автор хочет быть столь же смело-циничным, как Розанов, и поэтому творчество называет “проститутированием” и развратом, а о себе и о своих пишет: “Мы же, отчаявшиеся во всем, больные жизнью, с душами вянущими и гниющими” и т. д. (стр. 43). Слово А. Закржевский, конечно, считает обманом и, конечно, ссылается на тючевское “мысль изреченная есть ложь”. Это стало уже трафаретом, а у Тютчева в том же “Silentium” есть другое, чего забывать нельзя: “Взрывая<, > возмутишь ключи”.

Сакулина¹⁴⁵. Выходит очень многозначительно, т. е. не статья моя, которой еще нет (не ревнуйте), а самое сопоставление. Выходит ясно, что филологам или историкам литературы надо взяться за ум, чтобы выбраться из «Айхенвальдовщины»¹⁴⁶ и спастись от «Дурылинства», а еще пуще – от «Закржевщины».

Надо, чтобы не мутнели ключи, которые бьют в душевной глубине, потому что ими питается душа. Тогда мысль – не ложь, потому что она становится неизреченной. <...> А вот – мутные ключи: “Ценность добра окончательно поколеблена. Оттого-то и сама литература также обесценилась современным человеком <...>”. Мы уже страшно далеки от той “современности”, которой еще продолжает жить А. Закржевский. <...> Лермонтов понят А. Закржевским так, как требует этого та школа, эпигоном каковой он и является. Розанов, Мережковский, Л. Шестов, Брюсов (целые стихотворения в качестве эпиграфов), З. Гиппиус – вот его учителя. <...> кто хочет почувствовать мутные ключи пережитого нами “декаданса”, пусть прочитает эту книгу» (Эйхенбаум 1915а: 229, 230). См. также более позднее упоминание о Закржевском в монографии: «Лермонтов пригодился в период увлечения “нищешанством” и “богоискательством” (Мережковский, Закржевский) – но и только» (Эйхенбаум 1987: 142). Тютчевские цитаты и перифразы из его стихов часто встречаются в рецензиях и статьях Эйхенбаума, см., например, рецензию на сборник стихов Я. Година «Северные дни»: «И всюду – закат, закат, сумерки, дождь... нет не только солнца, но даже просто дня – пусть “северного”, но все-таки живого “друга человеков и богов”» (Эйхенбаум 1912: Стб. 2835, разрядка рецензента. Из стихотворения Тютчева «День и ночь», 1839). В статье о немецком поэте Рихарде Демеле (1863–1920) Эйхенбаум писал, перифразируя Тютчева: «<...> все дальше уходя от прежних влияний, во многом сближается с романтиками. Его сердце бьется на пороге двух эпох <...>» (Эйхенбаум 1914а: 128). Ср.: «О сердце, полное тревоги / О, как ты бьешься на пороге / Как бы двойного бытия!» («О вещая душа моя!..», 1855).

¹⁴⁵ Речь идет о статье Сакулина «Земля и небо в поэзии Лермонтова» (см.: Сакулин 1914: 1–55; переиздание: Сакулин 2013). О ней Эйхенбаум не написал.

¹⁴⁶ Юлий Исаевич Айхенвальд (1872–1928) – критик, переводчик, мемуарист. Его очерк о Лермонтове входил в неоднократно переиздававшуюся книгу Айхенвальда «Силуэты русских писателей» (в трех выпусках), на третье издание второго выпуска (1913) Эйхенбаум написал рецензию, где, в частности, говорил, что «ни как опыт построения новой истории литературы, ни как собственно критическая работа она не может сейчас никого удовлетворить. <...> Разве может критик назвать сейчас Тургенева ‘злословным и мелочным писателем’ (стр. 186) или разве может он задать такой почти кощунственный вопрос: ‘простит ли человечество Достоевскому то, что он так осквернил человека?’ (стр. 131)» (Эйхенбаум 1913b: 330–331, курсив рецензента). В этом же номере напечатаны еще две рецензии Эйхенбаума. Во-первых, на книгу (Замотин 1913), где он замечает, «что “построение законов художественного творчества” вовсе не является проблемой историко-литературных изысканий. Слишком много возьмет на себя история литературы, если устремится к этой, по существу психологической, проблеме. Если история литературы до сих пор еще не определила точно своего

Так как не надеюсь, что все это Вы будете читать, то вдохновения для дальнейшего нет.

Р. Б.¹⁴⁷ шлет привет. Если будете на днях писать З<ое> Д<митриевне>, напишите, что я не забыл об ее предложении прочитать лекции для рабочих¹⁴⁸. Надо только с ней списаться.

Жму вашу руку. Как это Вы фортки прорезали? Открытие ваше насчет Зоѣ Деметровны¹⁴⁹ – приветствую.

предмета, то тем более следует воздержаться от смешения проблем исторических и психологических» (Эйхенбаум 1913с: 332, курсив Эйхенбаума). Во-вторых, на книгу (Погодин 1913), здесь Эйхенбаум пишет об эклектизме автора, о том, что книгу «можно рекомендовать только как справочную и вспомогательную при собственной работе читателя» (Эйхенбаум 1913d: 335). В 1916 Эйхенбаум рецензировал книгу Айхенвальда о Пушкине, где писал о «неподвижно-догматическом импрессионизме» критика (см. подробнее: Эйхенбаум 1987: 311, 486–487).

¹⁴⁷ Раиса Борисовна Эйхенбаум.

¹⁴⁸ Ср. сдневниковой записью от 26.08.1917: «Вчера была Л. Я. Гуревич. <...> Рассказывал о своем плане читать рабочим лекции о литературе на теоретической основе – очень одобряет» (Эйхенбаум 1993: 12). См. также запись от 1.09.1917: «Приглашен в народный университет имени Лутугина. Буду читать для рабочих» (Там же: 15) и письмо Жирмунскому от 25.10.1917: «Работы ужасно много – еще ведь экзамен, и нелегкий, а тут – лекции в Лутугинском университете, лекции на Курсах выразительного чтения и т. д. и т. д.» (Эйхенбаум 1988: 294). Вечерний Лутугинский университет размещался в ремесленной школе при Механическом заводе, на Выборгской стороне. В университете было пять отделений – от академического до общеобразовательного, лекции в нем, кроме Эйхенбаума, читали О. А. Добиаш-Рождественская, А. Е. Пресняков, Е. В. Тарле и др. (см.: Романовский 1997: 164). Он был основан в 1916 Комитетом по увековечению памяти Леонида Ивановича Лутугина (1864–1915), геолога, инженера, занимавшегося исследованием Донецкого каменноугольного бассейна, профессора Горного института. Лутугин был тесно связан с «Союзом освобождения», хотя и не вошел в партию кадетов, в 1905 возглавлял Союз Союзов (объединение профсоюзов интеллигенции), позже пытался участвовать в выборах в III Государственную думу от трудовиков, но потерял на это право, т. к. был уволен из Геологического комитета (он шел в Думу по служебному цензу), а затем вынужден был уйти из Горного института. В письме к отцу от 12.12.1907 А. Я. Малкина, сообщая новости о муже, писала: «Он уехал не один, а вместе с известным крамольником Лутугиным, недавно исключенным с государственной службы за свой крамольный образ мыслей. Это очень интересный, остроумный собеседник, так что Роман наверно скучать не будет» (ОР РНБ. Ф. 1160. Ед. хр. 1246. Л. 1 об. – 2). В 1921 заводской поселок, находившийся недалеко от Луганска, был назван в его честь, позднее стал городом Лутугино; университет закрыли в 1922.

¹⁴⁹ Зоя Дмитриевна Шаблювская. Каламбур, основанный на значении ее имени – «жизнь» и преобразованном отчестве.

Сейчас нужно идти на заседание Педаг<огического> Совета – «дискурсивное». А вы хотите, чтобы я к 18-му написал, да еще чтобы там всякое слово что-нибудь значило! Ишь какой!

А ведь наверно не дойдет¹⁵⁰!

Ваш Бор. Эйх.

II. 30 января 1915.

30 Янв<аря> 1915 г.¹⁵¹

Зная, что Эрмитаж есть такое учреждение, которое только иногда открывается, я решил позвонить – уже готовый в путь. Говорят – закрыто. Спрашиваю – всегда по пятницам? Нет, по понедельникам. Почему же сегодня? «Как сказать (чей-то простой голос) – не-присутственный день». Значит, спрашиваю, и завтра закрыто? Нет, открыто. Я повесил трубку – в эту минуту от моего патриотизма ничего не осталось, так был зол. Сейчас же требую 214-48¹⁵².

¹⁵⁰ См. выше: «мы как-то так расстались, что у меня вашего адреса не оказалось».

¹⁵¹ Накануне, 29.01.1915, Эйхенбаум писал Гуревич: «Вчера, после вечера стихов в университете, <Никольский. – М. С.> поехал ко мне и мы беседовали до 3 часов. Завтра будем с ним в Эрмитаже – это отчасти для работы над Жуковским. Мы распределили: я буду писать сначала книгу о Жуковском, потом книгу о Гоголе (в идеале – Тютчев), а Ю. А. сначала о Тургеневе, потом книгу о Лермонтове (в идеале – тоже Тютчев). А вы должны нас обоих одинаково любить – ибо мать. Вчера мы остались очень довольны Гумилевым, – ему война дала хорошие стихи» (фрагмент письма контаминируется по двум источникам: Эйхенбаум 1987: 10; Азадовский, Тименчик 1988: 184). Об университетском вечере стихов, состоявшемся 28.01.1915, Эйхенбаум записал в дневнике: «Романо-германский кружок устроил вечер стихов. Я прочитал стихи В.<ас> Гиппиуса и два своих. Читал Гумилев – в форме улана, с георгиевским крестом. Его стихи были прекрасны – медные: “Золотое сердце России / Мерно бьется в моей груди” – и многое другое. Он в своей стихии. Спокойный, гордый. Потом дома – Ю. Никольский. “Художническая религия”. Велел снять пенсне – оно меня “шаблонит”» (Чудакова, Тоддес 1987: 135). Цитата приводилась также во вступительной статье А. В. Лаврова с разночтением: «стихи были прекрасно-медные» (см.: Мочульский 1999: 124; и частично в: Эйхенбаум 1997b: 237). В тот же день, что и Эйхенбаум, 29.01.1915, Никольский писал той же корреспондентке: «Вечером я был у поэтов, т. е. в ром<ано>-германском кружке. Был Гумилев<, > и война с ним что-то хорошее сделала. Он читал свои стихи не в нос, а просто, и в них самих были отражающие истину моменты – недаром Георгий на его куртке. Это было серьезно – весь он, и благоговейно. Мне кажется, что это очень много» (Азадовский, Тименчик 1988: 183; то же: Тименчик 2017: 319).

¹⁵² Телефон Никольского.

Говорят – вышли, но сейчас будут. Я через несколько минут звоню опять – трубка снята. И вот – пришел домой. Буду работать, а с Вами, значит, увидимся завтра? Я чувствую, что мне сегодня надо сидеть дома, а то подойдет вторник, начнется страда – и опять я расшатаюсь.

Вчера утром я хорошо работал – беседа с Вами укрепила. У Вас прямо от Бога – дар. Вы не говорите, а выпрашиваете, выводите, точно сами что-то знаете. И поэтому Вы способны вдохнуть жизнь, когда силы слабеют, когда сам себе противен. Вы точно о всех знаете больше, чем они сами о себе знают – и потому Вас слушаешься.

Вы, верно, будете ждать меня сегодня. Я еще раз попробую позвонить, но ведь когда у Вас дом в разговорчивом настроении – до Вас не добраться. А я думаю, что лучше (особенно – после вчерашнего ужасного вечера в память Пушкина¹⁵³) мне посидеть и подумать. Тогда мы завтра с Вами хорошо увидимся.

Между прочим – Вас хочет видеть жена П. К. Губера¹⁵⁴, просила меня прийти с Вами. Это надо бы сделать. Она – страстная

¹⁵³ Возможно, в «Бродячей собаке»: «В газетном отчете сообщалось: “<...> под термином ‘чествование’ можно подразумевать все, что угодно, но не мешало бы устроителям пушкинского вечера в ‘Бродячей собаке’ заранее предупредить, что в это слово они вкладывают своеобразный смысл. Ибо <...> поднести публике вместо стихотворения в память Пушкина ‘прозу, да еще плохую’, излагающую мнение <Г. В.> Иванова, что Россия великая страна и что не мешало бы, чтобы родился еще один такой поэт, как Пушкин, – это значит быть юмористом, да еще неудачным”. <...> на вечере исполнялись романсы на стихи Пушкина, читались оды Горация на латинском языке, поскольку Пушкин “был учеником Горация”» (Парнис, Тименчик 1985: 240).

¹⁵⁴ Первая жена П. К. Губера, Ксения Владимировна Губер. Петр Константинович Губер (литературный псевд. П. Ф. Арзубьев; 1886–1940, в лагере) – прозаик, литературовед. Его отец – Константин Петрович Губер (в 1910 – генерал-майор), православного исповедания, сын австрийского подданного. Мать – Мария Густавовна, дочь купца, евангелического исповедания (см.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 57414. Л. 38. Копия. Л. 40). Нет оснований причислять Губера к евреям (см.: Кертис 2004: 70). В 1904 Петр окончил полтавский кадетский корпус, в 1909 – экономическое отделение Политехнического института (см.: Распятые 1993: 179). В 1910 служил по министерству юстиции и был откомандирован «для занятий в Канцелярию 1-го Департамента Правительствующего Сената» (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 57414. Л. 14). В том же году поступил на историко-филологический факультет СПбИУ, в 1911 перевелся на юридический факультет (см.: Там же. Л. 3–4) и подал ходатайство о зачете прослушанных и сданных в Политехническом институте предметов, которые совпадали с университетскими,

например, административное право, гражданское, государственное, международное, уголовное, процессуальное (см.: Там же. Л. 16. Л. 16 об.). Поэтому он закончил университет за два года, в августе 1913 (см.: Там же. Л. 19), а не в 1914 (см.: Распятие 1993: 179). Был участником Пушкинского семинария (см.: Пушкинист 1914: 235). Один из авторов пародийного сборника стихов «Голова Медузы» (1910), вышедшего под псевдонимом Аркадий Фырин под маркой издательства «Богема» (подробнее см.: Тименчик 1988: 161–163). О кружке «Богема», в который входили и Губер, и Эйхенбаум, см. ниже прим. 201. Рецензент журнала «Русская мысль». Автор книг «Донжуанский список Пушкина» (1923), «Кружение сердца: Семейная драма Герцена» (1928), переводил с французского, немецкого, английского, латинского («Похвальное слово глупости» Эразма Роттердамского), член ССП. Упомянут Эйхенбаумом среди тех, кого он благодарит за помощь «указаниями, советами, материалом и пр.» (Эйхенбаум 1928: 8). Губер входил в число тех 11702 человек, которых арестовали и выслали из Ленинграда в период с 28.02. по 27.03.1935 (подробнее см.: Генрих Ягода 1997: 465–476; Иванов, Кокуев 2001: 70–74). Арестован Губер был 4.03.1935, выслан в Астрахань 14-го вместе с дочерью Натальей и второй женой Адой Аркадьевной, урожд. Бартеневой (1892– ?); о ее флирте с Гумилевым в 1912–1913 см.: Лукницкий 2010: 314, ошибочно утверждение, что в это время она была женой Губера. Приведем инскрипт Гумилева ей на сборнике «Чужое небо» (1912): «Яблоко из Золотого Рая Аде Аркадьевне Бартеневой автор» (см.: Сеславинский 2011: 10). Автограф ей на книге «Жемчуга» (1910) (см.: Там же). Обращаясь за помощью к Е. П. Пешковой в «Помощь политическим заключенным», Губер писал 25.10.1935: «Отъезд из Ленинграда разорвал все мои связи с издательством, лишил возможности пользоваться книгохранилищами и архивами, наконец, заставил продать мою собственную библиотеку, которую подбирал в течение ряда лет, и которая была для меня важнейшим рабочим орудием. Прожив в Астрахани свыше 7 месяцев, я не смог найти никакого заработка. Добавочной специальности я не имею. Для простого физического труда я недостаточно силен и молод. Спроса на литературную работу здесь нет совсем, если не считать сотрудничества в местной газете. Но к участию в газетах административно> высланных не допускают, точно так же, как к преподаванию литературы и истории, чтению публичных лекций, даже к занятию краеведением и архивными изысканиями. <...> Если такое положение вещей продлится еще два-три месяца, то я с больной женой окажусь в безысходной нужде. <...> Я прошу вернуть мне свободу передвижения и дать право, хотя бы наездами и на недолгое время, бывать в Ленинграде и в Москве. Только при этом условии могу я наладить вновь мою литературную деятельность, нарушенную высылкой» ([URL: http://pkk.memo.ru/letters_pdf/000592.pdf], подчеркивания Губера). Помог ему Оксман, в то время – заместитель директора ПД. Он дал Губеру работу: перевод с французского писем И. С. Тургенева (составление плана издания Тургенева было весной 1935 поручено Эйхенбауму (см.: СПФ АРАН. Ф. 150. Оп. 002. Ед. хр. 775. Л. 4). Перед тем как отправить в ИРЛИ первые пять листов, Губер 29.02.1936, отвечая на письмо Оксмана, сообщал ему замечания к переводу. В конце письма Губер прибавлял: «Перехожу к вопросу о рецензиях <по-видимому, Оксман спрашивал, сможет ли Губер писать рецензии. – М. С.>. Какие пособия по Пушкиноведению я здесь имею? Только собрание соч. П<ушки>на, вышедшее в 1935 г. при Вашем участии. Но в Центральной библиотеке получают

читательница Тургенева (сама – бывшая художница, а теперь – мать). Имею еще честь сообщить Вам, что на Болдырева¹⁵⁵ Вы произвели большое впечатление.

Лирическое письмо еще не выходит – боюсь, что долго еще не выйдет. Не оттого ли это, что Вы меня раскрыли прежде, чем я открылся сам – заставили меня снять пенсне? Я ведь и по улицам ходил без него – огни кажутся огромными розами.

До завтра. Сегодня в «Русск<их> Вед<омостях>» – объявление о январской «Русск<ой> Мысли». Есть статья о Боттичелли – это написала жена Ильина¹⁵⁶.

Пишу без пенсне и без очков.

Ваш Бор. Эйх.

новые литературные журналы. Всего легче и проще я мог бы рецензировать иностранные работы (и не только о П<ушки>не), если б таковые мне сюда присылались. Почта здешняя, по общему правилу, работает исправно. <...> Я теперь здоров. У нас все еще зима. Работать никто и ничто не мешает» (РО ИРЛИ. Ф. 84. Ед. хр. 497. Л. 3). Вторично Губер был арестован 26.08.1938 и постановлением ОСО от 10.11.1939 отправлен на пять лет в Кулойлаг (Пинежский район Архангельской обл.), где умер весной 1940 (см.: Распятие 1993: 179). Смертность в Кулойлаге составляла 48,7%, см.: [URL: <http://www.gulagmuseum.org/showObject.do?object=7584897&language=1>].

¹⁵⁵ Вероятно, Дмитрий Васильевич Болдырев (1885–1920). Он окончил историко-филологический факультет СПБИУ, преподавал в школе Мая и в 1-м кадетском корпусе, печатался в «Русской мысли». В 1918 был преподавателем при кафедре философии Пермского университета. С 1919 – в Омске, где стал директором пресс-бюро при Колчаке и начальником агитационно-вербовочного отдела, один из организаторов добровольческих частей «Дружины святого креста» (см.: [URL: http://www.kmay.ru/sample_pers.phtml?n=3695]). Умер в Иркутске в тюремной больнице. В 1918 Эйхенбаум переписывался с его старшим братом Николаем, юристом, приват-доцентом Саратовского университета (см.: Эйхенбаум 1988: 309, 329).

¹⁵⁶ Наталья Николаевна Вокач (1882–1962), двоюродная сестра В. Н. Муромцевой (жены И. А. Бунина). Ее муж Иван Александрович Ильин (1883–1954) – двоюродный брат Л. Я. Гуревич по матери, философ-гегельянец, с 1909 приват-доцент на юридическом факультете Московского университета, в 1914 прошел курс терапии у З. Фрейда (см.: Юнгрен 2001: 96, 99), арестовывался в 1918, в 1922 выслан из России. В эмиграции увлекся итальянским фашизмом, в 1927–1930 издавал журнал «Русский колокол», в котором опубликовал статью «О русском фашизме». В его поздних публицистических сочинениях говорится о необходимости для посткоммунистической России «национально-государственно-воспитывающей диктатуры», он верит «в почти священный, “богоданный” характер ушедшей православной монархической государственности» (Евламиев 2004: 60), в «мировую закулису», мечтающую о «расчленении России» и потакающую большевизму» (Там же).

III. 20 июня 1915.

20 Июня 1915 г.

Смотрите, Юрий Александрович, какой я хороший корреспондент: вчера получил – сегодня отвечаю. Только у меня сегодня рука плохо идет, т<ак> ч<то> если Вы, действительно, чувствуете почерк¹⁵⁷, то, глядя на мои сегодняшние иероглифы, покачаете головой – «злой он сегодня». Да, я зол на «Северные Записки» – радуйтесь. Я вдруг понял, что это – журнал без религии. Поэтому во мне там любят только цербера, поэтому так много печатают Левинсона¹⁵⁸ и Гвоздева¹⁵⁹, который пишет совершенно по-купчески: «неприятно впечатляет» (!) «если разбирать с этой точки сборник “Лукоморье”¹⁶⁰, то...» (в последней книжке май-июнь где две ваших рецензии о

¹⁵⁷ Никольский считал себя графологом, он писал Е. Р. Малкиной 11.08.1916: «Характер определяется не только по почерку, а по всему. Гуревичи рассказали про эти мои способности философу Ильину – (моск<овский> пр<иват>-доц<ент>). Он очень этим интересовался. Но м<ожет> б<ыть><, > от этих опытов мои нервы зашалили» (ОР РНБ. Ф. 1160. Ед. хр. 1401. Л. 42 об.).

¹⁵⁸ Андрей Яковлевич Левинсон (1887–1933, в эмиграции) – художественный и балетный критик, переводчик. Сын доктора медицины Якова Мееровича Левинсона (в 1903 служил врачом в Колпине) и жены его Марии Шмерковны, урожд. Гурьян. В 1905 окончил гимназию при Главном немецком Училище Св. Петра (Петришуле), поступил на юридический факультет Юрьевского университета (см.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 45130. Л. 3. Л. 3 об. Л. 5. Л. 7. Копия). В феврале 1906 перевелся на романо-германское отделение историко-филологического факультета СПбИУ, окончил его в марте 1912, зачетное сочинение писал о Chauderlos de Laclos (см.: Там же. Л. 11. Л. 23). В феврале 1911 женился на крестьянке Иркутской губ. Двойре-Любе Шлеймовне Шарф (см.: Там же. Л. 15 об.). В университете был активным членом романо-германского кружка, в 1910 прочел доклады о творчестве Стриндберга и о новом балете (см.: Отчет 1911: 301, 302). Весною 1916 держал экзамен на степень магистра по разряду романо-германской филологии (см.: Отчет 1916: 169, 170). В очерке «Три подвала», напечатанном в 1918, Левинсон вспомнил, как выступал в «Бродячей собаке» «вихрастый поэт Мандельштам с ритмичным воем бронзовых стихов» (Ахматова 1989: 136).

¹⁵⁹ Алексей Александрович Гвоздев (1887–1939) – театральный критик, театровед, учился в Петришуле вместе с Левинсоном, окончил романо-германское отделение СПбИУ в 1913 и был оставлен при университете (см.: Отчет 1916: 61, 63). Магистр (с весны 1916 года) по разряду романо-германской филологии (см.: Отчет 1916: 170). Автор учебников по истории европейского театра и западноевропейской литературы.

¹⁶⁰ См.: Лукоморье 1915. Среди авторов были С. М. Городецкий, М. А. Кузмин, Ф. К. Сологуб.

Тургеневе¹⁶¹). Совершенно нет статей утверждающих. Выдумали «Литературную летопись» – ведь это просто разврат. Охотно печатают мои резкие рецензии, напечатали статью о Чехове¹⁶², о Мережковском¹⁶³, а когда я хочу сказать, как я сам верую и люблю – мне затыкают рот: «Я с большим интересом прочла Вашу статью об Ахматовой¹⁶⁴ – она написана очень хорошо, но против нее у меня целый ряд возражений по существу». И начинается – о том, что редакция (что за таинственная такая личность и какого она пола – как Вы думаете?)¹⁶⁵ не согласна с моими положениями относительно задачи критики, с прибавкой в скобках – «а это пункт весьма существенный, редакционно-принципиальный» и т. д. Кончается тем, что мы, вероятно, увидимся и поговорим. Я в ответ – письмо, в котором заявляю: никаких изменений, редакция не может считать свои мнения о критике законом для сотрудников и т. д. Требую – да или нет. И одновременно пишу открытку в «Аполлон» – прошу сообщить, нужна ли им статья об Ахматовой.

¹⁶¹ См.: Никольский 1915а: 259–260; Никольский 1915b: 260–262. Эйхенбаум в некрологе другу писал, что с «Тургеневым Ю. А. связывало чувство какого-то духовного родства, а не только научный интерес – и это характерно для него. <...> Во всей его натуре было какое-то “тургеневское” сочетание – острой чуткости и сложности с капризной раздражительностью и наивной ревнивостью ребенка» (Эйхенбаум 1922: 14). Прочитируем фрагмент из первой рецензии Никольского: «Метки тургеневские характеристики <...> Но что поистине ценно, – это те блестящие мысли, которые разбросаны в письмах. Приведу несколько из них: “В судьбе почти каждого человека есть что-то трагическое, – только часто это трагическое закрыто от самого человека пошлой поверхностью жизни... Иная барыня жалуется, что у нее желудок не варит, и совсем не знает, что этими словами она хочет сказать, что вся ее жизнь разбита...”» (Никольский 1915а: 259). Из письма Тургенева к Е. Е. Ламберт от 14(26).10.1859, процитировано с мелкими неточностями.

¹⁶² См.: Эйхенбаум 1914d: 167–174.

¹⁶³ См.: Эйхенбаум, Никольский 1915: 130–138; 138–146.

¹⁶⁴ 13.05.1915 Эйхенбаум сообщал Гуревич: «Собираюсь написать небольшую заметку об Ахматовой для “Сев<ерных> зап<исок>”» (Черных 2016: 127). 2.06.1915 датирована дневниковая запись: «Кончил статью об Ахматовой – сегодня отправлю в “Северные записки”» (Эйхенбаум 1997b: 237). Текст статьи неизвестен.

¹⁶⁵ Издательницей журнала «Северные записки» (1913–1917) была Софья Исааковна Чацкина, (1878? 1885? – 1931), автор повестей о Р. Амундсене и Р. Скотте (см.: Чацкина 1929), о Диккенсе (см.: Чацкина 1930); редактором – ее муж Яков Львович Сакер (1869?/1872? – 1918), дядя Л. И. Каннегисера.

Прежде, чем письмо могло дойти до «Сев<ерных> Зап<исок>» – получаю обратно рукопись. Жду теперь, напишет ли С. И. ответ на письмо – и очень чешется рука еще написать, да на этом и покончить все с ними счеты. Как же быть? Ведь этой зимой негде будет ни слова напечатать. В «Русск<ой> Мысли» печатают рецензии, которые я писал полтора года назад, задолго до войны (в майской книжке – о Волошине¹⁶⁶). Это трогательно, но возмутительно, право. Ведь этак только с покойниками обращаются.

Из «Аполлона» ответа пока нет – у них ведь летом книжки не выходят. И вот – у меня такое чувство, что хоть головой об стену бейся. От Люб<ови> Як<овлевны> ни звука – надеюсь, что она уехала из города, но наверно не знаю.

¹⁶⁶ В рецензии на «Лики творчества» Эйхенбаум писал: «С видом изящного равнодушия говорит он о самых модных темах, о самых серьезных вопросах. <...> когда дело доходит до общих положений, автор оказывается совершенно бессильным и даже просто банальным: “Лишь в крайнем индивидуализме человек может найти ту точку равновесия своей души, которая примиряет противоречия его природы, не принося в жертву одно другому и не оскоряя своих страстей” (стр. 65). Что это – серьезно или только *по поводу* Барбэ д’Оревиля? Сознательная проповедь упрощенного нищезанятия или случайно брошенная фраза? Еще бессильнее автор в вопросах о сущности театра. <...> теория построена на скорую руку и никакой особой оригинальностью не отличается. Разве не банальны утверждения, что театр “творит только для настоящего”, что он “всцело зависит от уровня понимания своей публики и служит <...> точным указателем высоты этого уровня для своего времени” <...> или, наконец, что “театр осуществляется (?) не на сцене, а в душе зрителя” и потому “главным творцом и художником в театре является зритель”? <...> Перед нами совершенно ясно определяется <...> самый шаблонный исторический метод, который не брезгает “средним вкусом среднего критика” и избирает его гидом. <...> Отсюда – полное отсутствие собственного “лика” в оценке литературных явлений. Самый выбор писателей (Вилье де Лиль-Адан, Барбэ д’Оревиля, Анри де Ренье) кажется легкомысленным служением парижской моде, – недаром автор решается сказать, что в поэзии Ренье есть “пушкинская прозрачность и легкость”!» (Эйхенбаум 1915b: 3–4, курсив рецензента). Приводимые цитаты см.: Волошин 1989: 113, 55. См. комментариев В. П. Купченко, В. А. Мануйлова, Н. Я. Рыковой к эйхенбаумовской рецензии с цитированием ее начального фрагмента (Там же: 590–591). См. также отзыв о волошинском переводе сборника рассказов Ренье «Маркиз д’Америкёр»: «М. Волошин – усердный почитатель Ренье. Вряд ли полюбят в России этого самого французского из всех современных французских писателей. Но перевод сделан мастерски» (Эйхенбаум 1914b: 194, разрядка рецензента).

Ну, давайте пошучу. Вы занимаетесь [практическими зан <?>] упражнениями в искусстве писать письма. Что же это будет? Ведь зимой я буду жертвой этого искусства! И как понять, что Вы именно «для влюбленных» купили упражнения? Смотрите – опасные упражнения! Ваше письмо – уже без даты. Это тоже – признак опасный. Фельетон Мережковского – совершенно «мережковский фельетон»¹⁶⁷. Тургенев, говорит, был дряннь-человек, а мы все-таки к нему вернемся. Это читай так: я – дряннь, но ко мне вернутся.

Это все автобиографическое. Замечательно – он во всех отыскивает какую-нибудь дрянность, вынюхивает все воспоминания, вытаскивает перед читателем эту дрянность и вот – выходит: дряннь, «вечная женственность» (а ведь он под словом женственность понимает, пакостник этакой, девственность), вернемся. И готов фельетон. Все о поле – украдено у Розанова, бледно, нудно, старо.

Еще о «Сев<ерных> <Зап>исках». Я думаю написать, что, отвергая мои положительные работы из-за каких-то несогласий редакции, меня ставят в принципиально-невозможное положение, вешают цепь, чтобы я резво лаял, а пойти, как хорошей собаке позволяют, гулять с господами, в траве поваляться, с другими хорошими собаками повидаться и себя показать – не дают. Очень хочется сегодня же написать, а надо бы подождать ответа.

В вашей первой рецензии отметил фразу о том, что христианство «не было его религией»¹⁶⁸. Ой, осторожнее! Это пахнет Зоей Дмитриевной (простите за «натурализм»), а она в этом пункте – человек «здравомыслящий», т. е. узкий. Всякий большой человек переживает борьбу с христианством, но если христианство – религия, то «отделять себя от христианства» нельзя.

Ну, будет. Я собираюсь писать статью – «О принципах преподавания литературы в средней школе» для журнала «Русская

¹⁶⁷ Речь идет о статье Мережковского «Поэт вечной женственности», посвященной И. С. Тургеневу.

¹⁶⁸ «Особенное внимание следует обратить на религиозную проблему, к которой Тургенев вызывает жгучий личный интерес. Он отделяет себя от христианства, не оно было его религией. Пафос отрицания, знакомый нам по “Довольно”, иногда с неудержимой силой веет от страниц писем» (Никольский 1915а: 260).

Школа»¹⁶⁹. Это как «Прологомены». Ужасная у меня сегодня тоска – так бы и выскочил куда-нибудь! Жму вашу руку. Пишите скорее.

Ваш Бор. Эйх.

IV. 1 июля 1915.

1 Июля 1915 г.

Вчера побывал в городе – ну и денек же был! Из дома вышел в 6 $\frac{1}{4}$ ч. утра, а вернулся в 1 $\frac{1}{2}$ ч. ночи, пешком из Териок¹⁷⁰, после приема с Анной Як<овлевной> Гуревич¹⁷¹ (по поводу моей «педагогической» статьи – еще разногласие!), после ожидания в «Сев<ерных> <Зап>исках» и вечерней беседы с Софией Исаковной. В промежуток – занес статью об Ахматовой в «Аполлон»: никого не застал, рукопись оставил и написал письмо секретарю (М. Лозинский, который когда-то напечатал мои стихи в «Гиперборее»¹⁷²). И над всем этим хаосом и смрадом – недолгое, но все-таки – свидание с Любовью Яковлевной. Не знаю уж, как Вам и рассказать обо всем – столько много. А тут еще ваши сегодняшние письма, паспортист¹⁷³ – просто не продохнешь! Буду отрывками говорить, а то задохнусь.

¹⁶⁹ См.: Эйхенбаум 1915с: 110–128. См. переиздание (Эйхенбаум 1983: 138–165). О самой статье (см.: Тоддес, Чудаков 1983: 166–173). См. также следующее письмо.

¹⁷⁰ Териоки – поселок, дачное место по Финляндской железной дороге, ныне Зеленогорск.

¹⁷¹ См. о ней прим. 97.

¹⁷² В журнале были опубликованы два стихотворения: «Ночное» («Ночная грудь морозно дышит...») и «Сны» («Прошла гроза, стемнел закат...»), см.: Эйхенбаум 1913с: 25.

¹⁷³ Рассказ Эйхенбаума, см. о нем ниже в этом же письме. Упоминание о набросках «гротескного рассказа» в дневниковой записи от 12.06.1915 (см.: Чудакова Тоддес 1987: 154). Л. В. Хачатурян сообщает, что в дневнике сохранилась черновая редакция и начало белой в записи от 18.06.1915: «Паспортист Притыкин.

Паспорт – значит недоверие.

Устройство лица у Ивана Ефр<емовича> было такое, что его и описывать не стоит. Он когда сам подходил к зеркалу, то всегда отворачивался недовольный – хотел бы он для себя совсем иной наружности. Хотел бы орлиный нос, а он у него был короткий, с ноздрями на ветер, точно обрезанный; хотел бы бакенбарды, а пришлось бороду совсем стричь – перья росли, а усы подстричь, чтобы не торчали во все стороны. <...> Но все это было до того блаженного дня, когда Иван Ефр<емович> стал паспортистом. Тут вдруг и нос его, и усы обрезанные, и лоб точно топором отколотый – все оказалось на своем

У Софии Исаковны на квартире – от 8 ½ до 10. Договорились кое до чего: призналась, что ядра в редакции нет, что его надо создавать и т. д. Было много неясностей, смущения, даже банальщины, чего прежде я в ней не замечал. «Сев<ерные> Зап<иски>», очевидно, портят вкус не одним сотрудникам. Но благо дошли до откровенности. Покончили тем, что с осени необходимо выяснить это самое «ядро», чтобы знать – сотрудничать дальше или нет. По частному вопросу – о моей статье – говорить мне не хотелось, но С. И. все объясняла мне, что я слишком о стиле говорю, а надо о содержании. Ну, тут я хохотал и кричал – «неприемлемо, неприемлемо!» Так и раскланялись¹⁷⁴. А сегодня я ей написал насмешливое письмо, пользуясь правом «постоянного сотрудника», в котором рекомендую в критики А. Измайлова¹⁷⁵ – он написал замечательные строки об Ахматовской поэме в «Бирж<евых> Вед<омостях>»: «В “Аполлоне” только что прошла поэма талантливой А. Ахматовой “У самого моря”, содержание которой так же далеко от войны, как Ивановская улица, где находится редакция “Аполлона”, от Львова или Перемышля»¹⁷⁶. Затем, на 6 газетных строках, излагается «содержание» поэмы, за которым следует комментарий: «Можно легко почувствовать (!) символическую мысль (!!)) поэтессы. Человечество рвется к прекрасному неведомому, сторонясь того, что имеет. (!!!)¹⁷⁷ Но, если в нашей брэнной юдоли

месте, как нужно. Ив<ан> Ефр<емович> понял, что самое важное, самое настоящее в мире дело – это быть паспортистом. И с этого дня началась настоящая его жизнь» (Хачатурян 2018: 515). В. А. Каверин цитирует две фразы из дневника Эйхенбаума, не приводя, к сожалению, даты: «Мертвые приходят за своими паспортами», «Юм был бы хорошим паспортистом» (Каверин 1983: 440).

¹⁷⁴ Фрагмент письма от слов: «С. И. все объясняла мне» до «раскланялись» см.: Эйхенбаум 1987: 499.

¹⁷⁵ Александр Алексеевич Измайлов (псевд. Смоленский; 1873–1921) – литературный критик, автор сборника пародий «Кривое зеркало» (подробнее см.: Русские писатели 1989–2019, 2: 403–405).

¹⁷⁶ Галицийские города Перемышль (ныне польский Пшемьсль) и Лемберг (Львов), захваченные русской армией, были только что оставлены ею, соответственно 21.05. и 9.06.1915 (по ст. ст.).

¹⁷⁷ Т. е. «что имеем – не храним, потерявши – плачем». А мы-то с Вами гадали над этой поэмой! (прим. Эйхенбаума).

мечта приближается, то только тогда, когда сердце для нее уже мертво». Ведь это же – клад для «Сев<ерных> Зап<исок>»! Так теперь обернулись наши отношения с С. И. – и я очень рад.

А какой спор с Анной Як<овлевной>! Статья моя написана так: 1) надо говорить о принципах изучения литературы, а не о методах; 2) история литературы – в застое, п<отому> ч<то> историзм, психологизм, а затем – Айхенвальд и Мережковский; 3) о том, как преподают «словесность» в средней школе; 4) почему так нельзя преподавать, литература – искусство, искусство – знание, надо изучать знание само, художество нельзя делать средством для посторонней цели и т. д. Статью эту читал вслух Анне Як<овлевне> в присутствии Любовь Як<овлевны>! Анна Як<овлевна> – против статьи (корни А. Я. – совсем, совсем чужие, старые), Любовь Як<овлевна> с ней в спор, я – между, изредка защищаясь, а иногда крича. Пришло время А. Я. уходить. Рукопись оставлена – будет отправлена на усмотрение Я. Я.¹⁷⁸ Любовь Як<овлевна> едет в Ревякино 7 Июля – взяла у меня ваш адрес, скоро напишет. Страшно утомлена, лицо коричневое, хотя – хорошее. –

Ух, устал! Ваше стихотворение? Дайте ухо – плохое, ей Богу плохое. «Словно», «казался», «будто», «словно» – все сбоку! Корзины тут совсем ни при чем – это ружье, которое не стреляет, и незачем ему висеть¹⁷⁹. Почему в южном пейзаже, в мусульманской стране облака кажутся корзинами – не пойму! «Поднялись» – да почему же «ся»? «Казался дверцей рая» – да нет же, это – слова! «Утонченный минарет» – что за «Петроградство»¹⁸⁰! Рифмы – «земли» и «Аллы», «Господь» и «свод» режут. И вообще – музыки нет, муэдзина не вижу, Господа не слышу и не чувствую. Нет, этикие «идиллии» – совсем не по вас! У вас нос длинный – это не проходит даром.

¹⁷⁸ Я. Я. Гуревича.

¹⁷⁹ Аллюзия на фразу из письма А. П. Чехова от 1.11.1889 к беллетристу А. С. Лазареву (псевд. Грузинский; 1861–1927), который прислал ему свой водевиль: «Нельзя ставить на сцене заряженное ружьё, если никто не имеет в виду выстрелить из него» (Чехов 1976, 21 (3): 273).

¹⁸⁰ Аллюзия на здание мечети, построенной на Петроградской стороне и открытой в 1913, еще до полного завершения строительства.

Конец «Паспортиста» обдумал: безумие, которое для окружающих ничем не отличается от нормальности, но действует незаметно и на других чиновников в участке, и они тоже «сходят», не чувствуя. Тут можно развернуться, дать «реальную фантастику». Собирают все бумаги, паспорта и проч. – и поджигают. Горит участок.

Половины не сказал, но не могу. Дом ваш стоит на месте – только, кажется, человеки, там наверху стоящие, слегка похудели¹⁸¹. В трамвае со мной ехал Городецкий¹⁸² в серых перчатках и очень сильно смотрел на облака, в которых, вероятно, лежало его грязное белье – недаром же вы там увидели корзины! Ну, простите – я страсть злой, а стихотворение ваше страсть плохое. Мы и поссорились, а ваше дело – сторона.

Комар пищит над ухом. Спокойной ночи. Хоть бы заснуть покрепче!

Ваш Бор. Эйх.

¹⁸¹ Адрес Никольского: Петроградская сторона, угол Б. Вульфовой ул., 2а (ныне ул. Чапаева) и Большой дворянской, 36 (ныне Куйбышева). Дом был построен в 1912–1913, на колоннах углового фасада стояли две статуи.

¹⁸² Сергей Митрофанович Городецкий (1884–1967) – поэт, акмеист. См. отзыв о нем в рецензии на «Колчан» Гумилева: «Я помню, как в первом номере маленького и мало кому известного “Гиперборея” (1912 г.) Сергей Городецкий негодовал на Н. Гумилева за его неожиданную и эксцентричную для акмеиста любовь к смиренному художеству Фра Беато Анжелико. С пафосом правоверного и грубо-прямолинейного жреца Городецкий восклицал:

О, неужель художество такое,
Виденья плотоядного монаха,
Ответ на все, к чему рвались с тоскою
Мы, акмеисты, вставшие из праха?
Нет, ты не прав, взалкавший откровенья!
Не от Беато ждать явления Адама.
Мне жалко строгих строф стихотворенья,
В которых славил ты его упрямо» (Эйхенбаум 1916а: 17).

V. 22 июля 1915

22 Июля 1915 г.

Если можете – достаньте № «Биржевых Ведомостей» (утренн<ий> выпуск) от 21 Июля и прочитайте статью М. Гершензона «Новый опыт»¹⁸³. Вот кого надо было бы пригласить, если бы состоялся сборник¹⁸⁴! Пусть бы об этом же, о «чувстве телесности», написал

¹⁸³ Приведем из нее фрагмент: «Я не знаю, как сильнее выразить то сильное чувство телесности, которое вызывает во мне война. Этот новый опыт имеет двойную ценность: практическую – в том смысле, что, может быть, впредь у нас станут больше прежнего сознательно заботиться о теле, укреплять его в младенчестве, – и, главное, умозрительную. Наши идеологии слишком исключительно духовны; нам полезен урок, возвращающий нас на землю, заставляющий нас снова нащупать и осязать материю <...> Этот новый опыт нанесет смертельный удар тем фантастическим умозрениям, которые хотят вознести дух, оставляя плоть втуне <...> Кажется, будто оргия плоти провиденциально явилась, чтобы образумить бескровную и бестелесную философскую мысль Европы. <...> Есть середина, которой должен держаться человек; ища святости, нельзя пренебрегать пищей, – и это одинаково верно как в отношении успеха на войне, так и в деле умозрения» (Гершензон М. О. Новый опыт. – Биржевые ведомости. 1915. 21 июля. № 14977. С. 3).

¹⁸⁴ Речь идет о сборнике «Пир», задуманном Никольским в конце 1914 (см.: Блок 1982: 443). Первоначально предполагалось, что участие в нем примут Л. Я. Гуревич, Никольский, Эйхенбаум. Е. М. Тагер писала Никольскому 3.09.1915: «Теперь о сборнике. Все, что Вы пишете – очень мило, но я хотела бы знать, наск<олько> это практически осуществимо? Вы ставите на ноги всю Северную Элладу. <...> Остается или самим для себя стать меценатами или устроить кружечный сбор в трамвае. Из элладников, наск<олько> я поняла, пока мобилизованы Б. М. и Саша Черный, – только. А остальные? О статьях Ильина и о рассказах Л<юбови> Як<овлевны> Вы говорите т<а>к, будто они уже “в портфеле редакции”. Ну а на самом деле – все это, вероятно, еще пишется? Да и пишется ли? Губер – это интересно <...> Вы уже “говорили” с ним? Или опять предположение и желание? О Лосском и говорить не стоит. К нему не подступиться. Разве напустить на него Васильеву (супругу Черного), – они наверное знакомы... Но очень уж это проблематично. Блок, Ахматова? Нужно, чтоб они дали хоть небольшие <1 слово нрзб.>, но очень хорошие – не заваливавшиеся черновики, а настоящее, оно само. Блок – всегда оно само. А Ахматова? Между нами, – у нее ведь немало мусора. И надо, чтоб она дала жемчужное крыло. Но ведь оба эти существа пожелают, чтоб их перлы были оценены на вес золота – или хоть кредитных билетов. Полагаю, Лосский тоже высоко оценит свой труд и время. А прочие? Искать издателя, не имея полного материала – трудно. А писать статьи на авось, не имея издателя – еще труднее. (Это относится к *padres* и *madres*; мы-то с Вами – все равно напишем...). <...> Для сборника эпиграф у меня, кажется, есть. 2 строчки из стихов Блока. Судя а priori, думаю, что подойдет <...> Вслушайтесь:

... И опять мы к тебе, Россия,
Прибrellи из чужой земли.

большую статью – без немцев, без Круппа, а так, in abstracto. Мне становится тяжело от двух ненапечатанных статей – «военной» и об Ахматовой. А возможно, что и педагогическая окажется только «красиво написанной» (не о почерке ли говорила Чацкина?). Тогда просто хоть издавай первый том полного собрания сочинений: «Две правды» (Толстой и Соловьев)¹⁸⁵, «Земное питье» (об Ахматовой) и «О принципах изучения литературы». Первую не пишу сейчас только потому, что нет журнала – так, на воздух, писать ее невозможно. А надо готовить еще статью – о «поэтическом знании», о стиле, как пролегомены к будущей гносеологии творчества или теории поэтического знания¹⁸⁶. Ну вот – организуйте журнал или хоть сборник! Но только сначала Вам ведь нужно сдать греческий яз<ык>¹⁸⁷ – вот беда! Да и боюсь вашей склонности к Келлерману¹⁸⁸. Или юг Вас так расслабил? Возвращайтесь в свой седьмой этаж – авось там немножко остынете. Тогда потолкуем. Напишите о Гершензоне. Прощайте.

Ваш Бор. Эйх.

Это просто, глубоко и прекрасно. <...> Желаю Вам сдать греческий и издать сборник» (ОР РНБ. Ф. 1160. Ед. хр. 1423. Л. 14 об. – 15 об., дата на Л. 14). Частично цитировалось (см.: Сальман 2020: 470–472). Сборник не вышел. Мария Ивановна Васильева (1871–1961) – жена Саши Черного с 1905 (см.: Русские писатели 1989–2019, 6: 622). Цитируются строчки из стихотворения Блока «Я не предал белое знамя...» (1914). Правильно: «Добрели».

¹⁸⁵ Возможно, Эйхенбаум собирался написать о полемике Вл. Соловьева с Толстым в «Трех разговорах». Наброски к статье сохранились в дневниковых записях от 6.02.1915 и 20.02.1915, см.: Хачатурян 2018: 513–518.

¹⁸⁶ Фраза частично цитировалась (см.: Эйхенбаум 1987: 10).

¹⁸⁷ Экзамен по греческому автору Никольский сдал Ф. Ф. Зелинскому «удовлетворительно» 11.09.1915 (см.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 61417. Л. 14 об. – 15).

¹⁸⁸ Бернгард Келлерман (1871–1951) – немецкий писатель-модернист, автор многочисленных романов, среди которых упомянутые в следующем письме «Ингеборг» (1906), «Море» (1910) и популярный в России «Туннель» (1913). Писателя публиковали в «Северных записках», см., например, его заметку о японском театре (Келлерман 1913: 222–226). Много переводился на русский язык и после 1917. Во время Первой мировой войны – корреспондент ежедневной либеральной газеты „Berliner Tageblatt“.

VI. 30 июля 1915.

30 Июля 1915 г.

Слушайте, дорогой мой, мне ей Богу осточертела эта наша тяжба. Давайте – не надо! Келлермана я все равно не люблю – мне довольно его «Моря» с Ингеборгою, да еще его «Туннеля», да еще физиономии его, да еще всего того, что писали о нем в немецких журналах 1914 г. Вас я все равно, хоть Вы будете называть это «передержкой», буду считать не столько «античным человеком», сколько обитателем седьмого этажа, а Вы меня тоже по-своему будете понимать, а не по-моему. И подсмеиваться буду, и о «промежутке» говорить, а Вы не должны беситься, а тем более – писать в высоком штиле о том, что Вы – замечательный, выдающийся во всех отношениях, великолепный молодой человек, что я Вас оскорбляю и не понимаю, что Вы – «античный», пантеистичный и т. д. Это – ни к чему. Вовсе Вы уж не такой хороший, как думаете, и сами знаете, что не такой хороший, и это хорошо, что Вы не такой хороший. Вот Вам!

Давайте говорить о деле, а прочее оставим до свидания. Письма не терпят такого стиля. Вы вот меня и в «нетерпимости» упрекаете (как будто я редактор!), и о «деталях» пишете так, как будто я их отрицаю, и пантеизм определяете как религию – «что можно везде молиться», и т. д. Все это уж очень выходит по-юному что ли – ясно, что о таких вещах надо говорить словами и интонациями. Так и отложим.

Не ожидал, что Вы так скоро напишете «Два портрета»¹⁸⁹. Из ваших отрывочных фраз не совсем понял, что будет. И немножко даже усомнился – хорошо ли писать об Уайльде, не читавши его в подлиннике, не пережив его совсем заново, полно и самостоятельно. Потом еще подумал – хорошо ли Вы сличили две редакции «Портрета» Гоголя? Почему ни слова об этом не написали, а говорите только, по-видимому (в письме ко мне)<,> о первой редакции – где Петромихали, где портрет не пропадает, а тускнеет и т. д. Ведь

¹⁸⁹ Работа Никольского, сопоставляющая «Портрет Дориана Грея» О. Уайльда и «Портрет» Гоголя, по-видимому, не сохранилась.

вторая редакция меняет многое в самой основе. И не совсем сейчас представляю сопоставление Гоголя с Уайльдом. Ведь у Гоголя – черт, нечистая сила, дьявол. Совсем другая тема. А выбора жизни я тоже не вижу: «выше всего, что ни есть на свете, высокое создание искусства»¹⁹⁰. Это ведь говорит в самом конце отец.

«Художник и в тревоге дышит покоем»¹⁹¹. А портрет ведь не исчезает, а просто скрывается – он вечный. Очень поэтому хочу прочесть скорее вашу статью – храбрый Вы все-таки! О «Портрете» Гоголя надо отдельно написать, исследовать две редакции – это замечательно выходит. А потом хорошо сопоставить Сальери с Чертковым¹⁹² – трагедия бескорыстной «зависти», зависти метафизической, богоборческой, которая у Гоголя осложнена вмешательством Дьявола. Кстати – вот повести об Антихристе и об ослаблении законов природы во второй редакции совершенно нет. Это много значит. А как хорошо, что антихрист «прорывается» в мир «и показывается в тех людях» и т. д.¹⁹³. Это ведь – как Тютчевский хаос. Вообще, детали (вот что поистине есть детали, п<отому> ч<то> есть целое!) здесь сверхъестественно хороши! И в каждой редакции – особые. Это надо бы нам осенью прочесть вместе – обе редакции, со всеми тонкостями. Какая там богатейшая эстетика! А кстати – замечательная у Гоголя статья об архитектуре

¹⁹⁰ «И во сколько раз торжественный покой выше всякого волненья мирского; во сколько раз творенье выше разрушенья; во сколько раз ангел одной только чистой невинностью светлой души своей выше всех несметных сил и гордых страстей сатаны, во столько раз выше всего, что ни есть на свете, высокое создание искусства» (Гоголь 1938, 3: 135; «Портрет», 2-я ред.).

¹⁹¹ «Это не было создание искусства, и потому чувства, которые объемлют всех при взгляде на него, суть уже мятежные чувства, тревожные чувства, – не чувства художника, ибо художник и в тревоге дышит покоем» (Там же: 136; 2-я ред.).

¹⁹² Чертков – фамилия художника в первой редакции «Портрета», в отличие от «Чартков» во второй редакции.

¹⁹³ «Но земля наша – прах пред создателем. Она по его законам должна разрушаться и с каждым днем законы природы будут становиться слабее и оттого границы, удерживающие сверхъестественное, приступнее. <...> Он избирает для себя жилищем самого человека и показывается в тех людях, от которых уже, кажется, при самом рождении отшатнулся ангел и они заклеены страшною ненавистью к людям и ко всему, что есть создание творца» (Гоголь 1938, 3: 443; 1-я ред.). Ср. в письме к Долинину от 1.09.1915: Эйхенбаум 1996: 189.

в «Арабесках». Я ее прочитал недавно с полным тщанием. «Сладострастие куполов» и готика, в которой все – высота, о ширине надо забыть и т. д.¹⁹⁴ Кстати – к тому, что я писал Вам о любви Гоголя: посмотрите отрывок из начатой повести «Страшная рука». Там есть страница, где студент на Большом просп<екте> Вас<ильевского> Остр<ова> заглядывает из мрака улицы через щелку ставень в голубую комнату, засыпанную всякими материями, а в углу – женская фигура в белом: «Сколько поэзии для студента в женском платье!.. Какие искры пролетают по жилам, когда блеснет среди мрака белое платье! Я говорю – среди мрака, потому что все тогда кажется мраком. Все чувства переселяются тогда в запах (NB), несущийся от него, и в едва слышимый, но музыкальный шум, производимый им. Это самое высшее и самое сладострастнейшее

¹⁹⁴ Приведем соответствующие фрагменты из гоголевской статьи «Об архитектуре нынешнего времени» (1834): «Византийцы давно уже не имели древнего аттического вкуса; они уже не имели и первоначального византийского и принесли только испорченные остатки его. Они языческие, круглые, пленительные, сладострастные формы куполов и колонн тщились применить к христианству и применили так же неудачно, как неудачно привили христианство к своей языческой жизни, дряхлой, лишенной свежести. Купол вытянулся вверх и сделался почти угловатым, стройные линии, фронтоны как-то странно изломались и произвели ничтожные формы. В таком виде получили эту архитектуру европейцы, которые с своей стороны изменили ее еще более <...> Стремление в высоту, сообщавшее величие и легкость самым тяжелым массам, исчезло; вместо того они разъехались в ширину» (Гоголь 1952, 8: 58). «И купол, это лучшее, прелестнейшее творение вкуса, сладострастный, воздушно-выпуклый, который должен был обнять всё строение и роскошно отдыхать на всей его массе белою, облачною своей поверхностью, исчез совершенно. Я люблю купол, тот прекрасный, огромный, легко-выпуклый купол, который возродил роскошный вкус греков в александрийский век и позже, в век наслаждений и эгоизма, век утонченного раздробления жизни, век антологии легкой, душистой, дышащей сладострастием, ленью и роскошью, когда каждый принадлежал себе, жил для себя, а не для общества, когда на великолепных роскошных банях, везде был виден этот смело выпуклый, как небесный свод, купол. Ничто не может так сладострастно, так пленительно украсить массу домов, как такой купол» (Там же: 59–60). «Я предпочитаю потому ее готическую архитектуру, что она более дает разгула художнику. Воображение живее и пламеннее стремится в высоту, нежели в ширину. <...> И помните самое главное: никакого сравнения высоты с шириною. Слово ширина должно исчезнуть» (Там же: 65). «Огромный восточный купол, или совершенно круглый, или выгибающийся, как сладострастная ваза, опрокинутая вниз <...> патриархально властвует над всем зданием» (Там же: 68).

сладострастие!¹⁹⁵. Там же есть портрет Городецкого: «Подбородка совсем не было. От носа шла диагональная линия до самой шеи. Это был треугольник, вершина которого находилась в носе: лица, которые более всего выражают глупость»¹⁹⁶. Т. е. – <нарисован треугольник с глазом, бровью и ртом. – М. С.> Правда<, похоже?

А еще я восторгался его «Римом» – тоже со тщанием прочитал. Какая же это роскошь! И совсем не «отрывок», а совершенно законченная вещь. Так и должно быть, что об Аннунциате князь так и не спросил. Кончается великолепно. Обо всем этом надо будет писать. Мне еще хочется сличить демонологию Жуковского с демонологией Гоголя. Должно выйти очень существенно. «Рим» очень интересно читать рядом с Гофманом. Я читаю теперь его «Prinzessin Brambilla» – там Гоцциевский Рим с карнавалом, с масками и пр.¹⁹⁷

Писать много нужно – но и изучать сколько! Писать *essais* мне что-то не охота.

Чудак Струве¹⁹⁸! Получаю вчера вдруг открытку от секретаря – предлагает от имени П. Б. написать статью о последних сборниках Моравской¹⁹⁹. Решили, значит, что я теперь специалист по женской поэзии. Я ответил, что меня творчество Моравской сейчас не интересует и писать о ней не хочу.

¹⁹⁵ Гоголь 1938, 3: 330–331, отрывок датируется 1831–1833 (см.: Там же: 645). Эйхенбаум выпускает фрагмент текста между фразами «Сколько поэзии для студента в женском платье!..» и «Какие искры пролетают по жилам, когда блеснет среди мрака белое платье!». В издании 1938 после «сладострастие» стоит точка.

¹⁹⁶ Там же. 331.

¹⁹⁷ «Принцесса Брамбилла» (1821) – философская сказка Э.-Т.-А. Гофмана, среди действующих лиц – римляне, наряженные персонажами комедии дель арте, как и в гоголевском «Риме».

¹⁹⁸ Фрагмент от слов «Чудак Струве!» до «не интересует» цитировался (см.: Эйхенбаум 1987: 499). Петр Бернгардович Струве (1870–1944) – политик, публицист, редактор журнала «Русская Мысль». О нем как редакторе см. обзорную статью: Гаропенков 1996: 505–513. См. также вышедшую книгой диссертацию: Гапоненков 2004.

¹⁹⁹ Мария Магдалина Франческа Людвиговна Моравская (1889–1947, в эмиграции) – поэтесса, прозаик, рецензентка. (Подробнее см.: Русские писатели 1989–2019, 4: 124–126). См. рецензию Эйхенбаума на ее стихи для детей (Эйхенбаум 1914с: 60).

Ну, будет. Хотелось бы почитать, что Лосский пишет. Насчет Гершензона Вы, может быть, и правы – глубокость, а не глубина. Я тут было собирался Ахматовой написать, да кстати и о сборнике помянуть²⁰⁰. Отложил – стих как-то не отыскался.

А Вы меня упрощаете. Пишете о Слезкине²⁰¹ и Келлермане и прибавляете: «Вы скажете: при чем тут творчество». Да очень «при чем», но Слезкин может противно руку целовать, а вещи его могут быть еще лучше от того, что он такой плохой²⁰². А кто играет музыку «с душой» – не люблю, это уж извините. Тут Вы как-то перескакиваете. Ну, это до свидания, а то поссоримся. У нас перья острые. Жму вашу руку.

Ваш Бор. Эйх.

Р. С. А какая прелесть в «Риме» Гоголя – насекомое, которое летает стоймя и его зовут дьяволом²⁰³! Вот она – «злая жизнь»!

²⁰⁰ О сборнике «Пир», см. выше.

²⁰¹ Юрий (Георгий, см.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 44789. Л. 10. Копия) Львович Слезкин (1885–1947) – писатель. В августе 1903 поступил на военную службу (см.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 44789. Л. 3), с мая по июнь 1905 сдавал в Витебской гимназии экзамены «в знании курса гимназии по всем предметам, за исключением греческого языка» (Там же: Л. 4). В сентябре 1905 принят на юридический факультет СПбИУ, отчислен в 1909 за неуплату. В том же году создал литературно-художественное содружество «Богема» (1909–1911), в которое вошли Эйхенбаум, С. М. Городецкий, Губер, А. Н. Толстой, Саша Черный (см.: Шруба 2004: 30). Эйхенбаум «был известен в кругу богемцев как начинающий поэт» (Никоненко 1987: 591), 13.03.1910 он записал в слезкинский «Альбом Богемы» следующее четверостишие:

Мерные строфы гексаметра всех усыпили богемцев,
Слезкин главою поник, Ващенко тяжело молчит,
Скованы члены тоской, опустились угрюмые лица,
Будь терпеливым, поэт: скоро проснутся они! (Там же).

Евгений Петрович Ващенко (1887–1979) – художник. См. подробнее о Слезкине: Русские писатели 1989–2019, 5: 642–646.

²⁰² В письме к родителям от 24.01.1911 Эйхенбаум советовал им прочесть «новый рассказ Слезкина – “То, чего мы не узнаем”. Хорошая вещь!» (Кертис 2004: 286).

²⁰³ «<...> над развалинами огнистыми фонтанами подымались светящиеся мухи, и неуклюжее крылатое насекомое, несущееся стоймя, как человек, известное под именем дьявола, ударялось без толку ему в очи» (Гоголь 1938, 3: 239–240).

VII. 31 июля 1915

31 Июля²⁰⁴. Еще о том, что «душа – тоже ценность». Не для спора, не для тяжбы, а для того, чтобы Вы меня не упрощали, как упрощаете понятие «злой жизни», греха²⁰⁵ и т. д. В мире все – ценность. Но есть ценности высшие, самостоятельные, а есть – монеты. Душа – ценность только по отношению к Духу, а не сама по себе²⁰⁶. Философия – только Дух, а искусство – душевно-духовная деятельность. Поэтому важна жизнь художника и то, как он руку целует. Поэтому неправ Айхенвальд – со своей «реакцией на вечность», без <?> истории и жизни. Но когда душа сама по себе, то – Надсон (любите его?), Апухтин. Вот почему когда нет полной национальной жизни, нет полноты народного Духа, то нет и гения, нет и искусства настоящего. «Сентиментализм» – это ведь и есть признание самостоятельной ценности за душой, вне области Духа²⁰⁷. Вся историю искусства можно построить на соотношении души с Духом и их отношении к миру. Вы пишете, что «расширяете» понятие творчества. Нет, это что-то не то. Тут дело не в расширении, а в основе. В музыке должен быть ритм (а при нем – пусть душа!), в литературе должно быть слово.

Вы говорите – я «злой какой-то». Мне в ваших последних письмах многое не нравилось. Говорите о «трагедии» творчества (т. е. – и жизни?), а сами все хвалитесь пантеизмом, да «самобытной

²⁰⁴ Фрагменты письма (с опиской в дате – 30 июля вместо 31) цитировались, см.: Эйхенбаум 1987: 491.

²⁰⁵ В 1842 г. Гоголь писал Жук<овско>му: «Грехов, указанья грехов желает и жаждет теперь душа моя». Что скажете, господин античный человек? (*прим. Эйхенбаума*). Приведем более полную цитату: «До сих пор я еще ничего не слышал, что такое мои Мертвые души и какое производят впечатление, кроме кое-каких безотчетных похвал, которые, клянусь, никогда еще не были мне так досадны и несносны, как ныне. Грехов, указанья грехов желает и жаждет теперь душа моя!» (Гоголь 1952, 12: 71, письмо от 20.07.1842 по нов. ст.).

²⁰⁶ Помните – «покинуты на нас самих»: (*прим. Эйхенбаума*). <Одно слово могло пропасть, т. к. правый верхний угол листа оторван. – М. С.>. Цитата из стихотворения Тютчева «Бессонница» (1829).

²⁰⁷ Карамзин такой, а Жуковский – борется (*прим. Эйхенбаума*).

личностью», да свободой. Тут Вы чего-то еще не пережили. Мне хочется, чтобы Вы были «хуже» и не скрывали от меня этого.

Еще раз жму вашу руку. Счастливчик – будете в Ревякине²⁰⁸! Напишите подробно.

Ваш Бор. Эйх.

VIII. 28 августа 1915.

28 Августа 1915 г.

Я все думаю сегодня о вашей статье, Юрий Александрович²⁰⁹. Она удивительным образом от меня ускользает. Чувствую, что есть в ней что-то очень важное, очень нужное. В отношениях между художником и материалом есть связь не только психологическая, не только эстетическая (от бывания к бытию), но и этическая – так у меня формулируется ваша тема. Но этическое в искусстве сейчас же идет к религиозному вообще, к метафизике. Вот почему так сложен «Портрет», и мне как-то жалко, что Вы воспользовались им как иллюстрацией. Я никак не могу обособить все остальное – и потому ваши страницы о Гоголе как-то неуловимы для меня. Мне нравится, когда Вы в начале говорите о странническом посохе художника, для которого открыты все прелести мира. А дьяволу нужно соблазнить – и важнее всего соблазнить именно душу художника, чтобы его воображение, т. е. способность во всем индивидуальном, текучем усматривать всеобщее, необходимое, «соскочило»²¹⁰. В портрете Петромихали удержана была часть

²⁰⁸ Речь идет об имении семьи Гуревич, которое находилось в семи верстах от железнодорожной станции Ревякино (сейчас это поселок в 20 км от Тулы).

²⁰⁹ «Два портрета».

²¹⁰ «<...> или для человека есть такая черта, до которой доводит высшее познание, и чрез которую шагнув, он уже похищает не создаваемое трудом человека, он вырывает что-то живое из жизни, одушевляющей оригинал. Отчего же этот переход за черту, положенную границу для воображения, так ужасен? или за воображением, за порывом, следует наконец действительность, та ужасная действительность, на которую соскакивает воображение с своей оси каким-то посторонним толчком, та ужасная действительность, которая представляется жаждущему ее тогда, когда он, желая постигнуть прекрасного человека, вооружается анатомическим ножом, раскрывает его внутренность и видит отвратительного человека» (Гоголь 1938, 3: 405–406; «Портрет», 1-я ред.).

жизни – т. е. не доведена до образа, а осталась индивидуально-обособленной и вместе с тем неподвижной²¹¹. Здесь – искушение со стороны «ужасной действительности». Беспорядок природы потому, что ворвалась жизнь сама по себе²¹², бывание. Грех и ужас для художника потому, что воображение «соскочило», посох выпал из рук, странник остановился. И вот тут Вы коснулись, но только коснулись. И быстро соскользнули. Что Гоголь решил – жизнь, а Уайльд – искусство, этого я не чувствую²¹³. Уайльд упрощает соотношение, играет парадоксами. Гоголь чувствует во всей силе, п<отому> ч<то> искусство для него – подвиг познания.

Надо об этом говорить. Статью вашу очень просил бы дать на день-два мне. Надо прочитать самому. Об этом же просит и Рая – мы с ней толковали.

Здесь, оказывается, Губер и вместе с ним живет Саша Черный, которого я неожиданно сегодня увидел. Он тихий, грустный, странный, но хороший. Говорил с ним о сборнике – он даже оживился²¹⁴. Обещал, что зайду к нему (он живет у Губера) с Вами и дал ему ваш телефон.

Не знаю, когда увидеться с Вами. Зуд какой-то – так много подготовительной работы, что боюсь из дому уходить. А тут еще одно гнетет – мал заработок, а как еще заработать сейчас – не знаю. Надо частный урок искать или Р. Б. – место или тоже урок²¹⁵.

Я на этих днях должен быть у Як<ова> Яковл<евича> – не сойтись ли? Я позвоню Вам, верно, завтра.

Мне хочется кое-что изменить в начале статьи об Ахматовой – там есть слабые места, испорченные мыслью о «Сев<ерных> Зап<исках>».

²¹¹ После слова «неподвижной» над строкой другим почерком вставлены чернильным карандашом два не разобранных нами слова, по-видимому, это помета Никольского.

²¹² «жизнь сама по себе» подчеркнуто чернильным карандашом, вероятно, Никольским.

²¹³ Последняя фраза отчеркнута на полях чернильным карандашом.

²¹⁴ См. выше прим. 184.

²¹⁵ 1.09.1915 Эйхенбаум сообщал Долинину: «Урока никакого еще нет, и я очень тревожусь. Что как не найду?» (Эйхенбаум 1996: 189). Через две недели, 13.09.1915, он писал отцу: «С заработком у меня еще не устроилось – урока еще нет, но думаю, что скоро будет. Дороговизна все растет – сахара нет совсем, а все остальное становится дороже с каждым днем» (Кертис 2004: 294). Именно тогда они с женой решили сдать комнату мальчику – беженцу из Вильны, см. выше прим. 26.

Вы очень хороши в феске и с трубкой – «материал» хоть куда. Спокойной ночи. Привет от Р. Б. Ваш Бор. Эйх.

IX. 24 ноября 1915.

24 Ноября 1915 г.

Недаром мы шалили с директором²¹⁶. Всю гимназию распустили на неделю²¹⁷. Я сегодня пустился по библиотекам и взял интересные вещи: диссертацию Франка – «Предмет знания»²¹⁸, работу Гинцбурга о ритме Лермонтова²¹⁹ и, наконец, французские письма Тютчева к жене – удивительные²²⁰. Помните – я давно их искал? Завтра мы увидимся на вечере поэтов²²¹ и условимся. Я могу к Вам в пятницу. Вчера зачитался Матюренем²²². Нет, знаете, это гениально. Там жизнь в католическом монастыре – необыкновенные страницы. Сила страшная. И что Пушкин назвал его гениальным – это очень важно²²³. Это против Венгерова и tutti...

Жму вашу руку.

²¹⁶ Я. Я. Гуревичем.

²¹⁷ Зараза, корь (*прим. Эйхенбаума*).

²¹⁸ О книге С. Л. Франка, см.: Кертис 2004.

²¹⁹ См.: Гинцбург 1915 и переиздание: Гинцбург 2012.

²²⁰ См.: Тютчев 1914: 1–63; Тютчев 1915: 104–276. См. рецензию: Эйхенбаум 1916с: 16–22; То же: Эйхенбаум 1924: 50–61. С докладом о письмах Тютчева Эйхенбаум выступил в Пушкинском кружке (см.: Пушкинист 1918: IX).

²²¹ 25.11.1915 состоялось заседание университетского романо-германского кружка, на котором читали стихи (подробнее см.: Сальман 2010: 461).

²²² См.: Матюрен 1894. Никольский прочел роман через полгода и так отозвался о нем в недатированном июльском письме 1916 к Е. Р. Малкиной: «<...> прочел все 3 книжки “Мельмота-Скитальца” – за дорогу и здесь. Впечатление какой-то грандиозной мысли<, > так и не нашедшей воплощения – поэтому груды мусора и щебня. Но тут обрывки со всего романтизма: и “Paul et Virginie” – только еще пасторальнее (девушка одна живет на острове, среди птиц и земного рая), тут и сцена из тюрьмы в I-й ч. Фауста. Есть яркие страницы (описание Мельмота; его глаз и музыки<, > от него исходящей; монастырь, кровавое избиение). Но все это чувствуешь<, > как осколки неполные какого-то чудного зеркала<, > отразившего небывалое видение <...>» (ОР РНБ. Ф. 1160. Ед. хр. 1401. Л. 31–31 об.). Paul et Virginie (1788) – роман Бернардена де Сен-Пьера.

²²³ В «Евгении Онегине»: «Мельмот – гениальное произведение Матюрина» (Пушкин 1957, 5: 194). По-видимому, Эйхенбаум не знал о заметке Шляпкина, в которой говорилось о влиянии романа Ч. Р. Метьюрина на гоголевский «Портрет» (см.: Шляпкин 1902: 66–68).

Ваш Бор. Эйх.

В среду 9-го дек<абря> буду читать в Ром<ано>-Герм<анском> кружке статью об Ахматовой. Надо ее отделать. Поможете?

Х. 5 декабря 1915.

5 Дек<абря> 1915 г.

Что за странная вещь! Все то, что я думал о сюжете и стиле, я нашел у Флобера в переписке – да ведь прямо теми словами: «Ce qui me semble beau, ce que je voudrais faire, c'est un livre sur rien, un livre sans attache extérieur, qui se tiendrait de lui-même par la force interne de son style, comme la terre sans être soutenu se tient en l'air, un livre qui n'aurait presque pas le sujet ou du moins où le sujet serait presque invisible, si cela se peut.... C'est pour cela qu'il n'y a ni beaux ni vilains sujets et qu'on pourrait presque établir comme axiome, en se posant au point de vue de l'art pur, qu'il n'y en a aucun, le style étant à lui tout seul une manière absolue de voir les choses»²²⁴. Об этом Флобер собирался писать в старости. Вот бы воспользоваться выходом русского перевода переписки²²⁵ и написать об этом! Ахматова – на 32-ом листке²²⁶. Стиль не очень налаживается, но хоть бы удалось главное! Думаю, что в понедельник кончу – тогда во вторник можем увидаться. «Симфоническое» изложение сохранил, хотя так, может быть, и скучнее. Ну, да ведь там будут книжники²²⁷! Написал письмо

²²⁴ «Что кажется мне прекрасным, что я хотел бы сделать, – это книгу ни о чем, книгу без внешней привязи, которая держалась бы сама собой, внутренней силой своего стиля, как земля, ничем не поддерживаемая, держится в воздухе, – книгу, которая почти не имела бы сюжета или, по меньшей мере, в которой сюжет, если возможно, был бы почти невидим. <...> Вот почему нет ни возвышенных, ни низких сюжетов, и можно, почти как аксиому, установить, с точки зрения чистого Искусства, что сюжета совсем нет, так как стиль сам по себе является абсолютной манерой видеть вещи» (Флобер 1956: 42, 43). Из письма Луизе Коле от 16.01.1852. Перевод с фр. Т. Ириновой. Ср. с дневниковой записью Эйхенбаума от 26.08.1917: «В искусстве всяком есть элементы прикладные – чистое искусство есть идеал (“актуальная бесконечность”). <...> В этом направлении очень важно проработать “Невский проспект” (сюжет – прикладное, всп. у Флобера)» (Эйхенбаум 1993: 12). Связь с письмом Флобера отмечена в примечаниях В. В. Нехотина (см.: Там же: 23).

²²⁵ Вышел только том с письмами к племяннице Флобера, см.: Флобер [1915].

²²⁶ Фраза «Ахматова – на 32-ом листке» приводилась в: Эйхенбаум 1987: 499.

²²⁷ В романо-германском кружке.

Гиппиусу²²⁸ – завтра опущу. В понедельник позвоню Вам, а если не дозвонюсь – не зайдете ли вечером. Я, верно, буду уже подплывать к берегу.

Ваш Бор. Эйх.

XI. 12 января 1916.

12 Января 1916 г.

Что-то Вы мне такое странное по телефону вчера говорили – я все думаю сегодня. Если Люб<овь> Яковл<евна> «обижена» (?), то разве она стала бы молчать и говорить об этом кому-то, помимо меня? Что-то чудно – и тон ваш удивил меня. Сообщили, как хроннику²²⁹. Не образовался ли в вашей голове и на самом деле ледник? Сказывается влияние Ганфмана²³⁰? – Я совсем взялся за работу – прямо схватил один из магистерских вопросов и решил его обработать. Так мало времени, что не знаю, когда нам видеться и как. Хотя бы, правда, философией с Вами заняться. Но только у Вас есть что-то нехорошее ко мне – я это чувствую. Недаром у меня тогда и голова так разболелась – Вы что-то таили, а сквозь зубы говорили о Гумилеве. Я не увлекся его поэзией, но увлекся своей мыслью о ней – это не только дает мне право, но и обязывает написать²³¹. А вот с Ганфманом я все-таки не поступил бы так, а раскланялся бы и ушел. Ну ладно – Вы сами знаете, что нехороший. <Зачеркнуто несколько слов. – М. С.>. Зачеркиваю, п<отому> ч<то> слова не те. Я чувствую, что Вы нехорошо обо мне думаете. И скрываете.

Ваш Бор. Эйх.

²²⁸ Василий Васильевич Гиппиус (1890–1942, в блокаду), поэт, переводчик, член первого Цеха поэтов, литературовед, младший брат Вл. В. Гиппиуса. Эйхенбаум учился вместе с ним на романо-германском отделении. Подробнее см.: Русские писатели 1989–2019, I: 564–565.

²²⁹ Я читал рецензию Люб<ови> Як<овлевне> вслух<,> и мы довольно долго беседовали. Откуда же явиться «обиде»? Что-то не так (прим. Эйхенбаума).

²³⁰ Максим Ипполитович Ганфман (1873–1934, в эмиграции) – журналист, возглавлял литературный отдел газеты «Речь».

²³¹ См. рецензию на «Колчан»: Эйхенбаум 1916а. Известен инскрипт Гумилева Эйхенбауму, сделанный на сборнике переводов Т. Готье «Эмали и камни» (1914): «Многоуважаемому Борису Михайловичу Эйхенбауму на добрую память от Н. Гумилева» (Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана 1989: 85).

XII. 29 марта 1916.

29 Марта 1916 г.

У Р. Б. – воспаление легких (пока – левое) и плевры. Температура невысокая – доктор надеется, что пройдет без осложнений, если она будет лежать. Я по этому случаю читаю по философии – это как вино. На вербе²³² купил интересную книгу – «Логические исследования» Тренделенбурга (перевод Е. Корша 1868 г.)²³³. Там много мне нужного – о сущности философии, о методе, о метафизике. «Особенность философского взгляда состоит в том, чтоб<, > исходя от целого<, > познавать единичное, причем предполагается в тиши, что целое все же вытекает из мысли, определяющей частности»²³⁴. – «Исследованию метафизики предоставляется сущее в самом себе, то всеобщее бытие, которое лежит в основе всего частного»²³⁵. – <«>Если методы являются только в приложении к предмету наук, но в нем самом не даны, а имеют свою общую основу в обрабатывающем предмет мышлении, то это прямо ведет нас к задаче – искать коренного начала методов в существе мысли»²³⁶. – Если соберетесь на этих днях к нам – захватите Франка. Мне хочется его почитать теперь. Как Ваш реферат у Кадлубовского²³⁷? Я нашел в сербском эпосе отражение богомильских легенд – и вообще, какие там замечательные вещи²³⁸!

Ваш Бор. Эйх.

²³² На вербной неделе.

²³³ Фридрих Адольф Тренделенбург (1802–1872) – немецкий философ, антигегельянец.

²³⁴ Тренделенбург 1868: 1.

²³⁵ Приведем цитату целиком: «В каких разнообразных освещениях ни выставляют понятие о метафизике различные системы, везде неизменным смыслом его признаем мы всегда то, что, в противоположность всем наукам, будь они умозрительного или эмпирического происхождения, – наукам, рассматривающим сущее, как известную только частность, – исследованию метафизики предоставляется сущее в самом себе, то всеобщее бытие, которое лежит в основе всего частного» (Там же: 9).

²³⁶ Там же: 11, процитировано с мелкой неточностью.

²³⁷ Осенью 1915 и весной 1916 Никольский посещал просеминарий Кадлубовского по древнерусской литературе (см.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 61417. Л. 24 об. Л. 25) и в марте 1916 получил по нему зачет (см.: Там же. Л. 17 об. – 18).

²³⁸ См. рецензию на издание «Сербского эпоса»: Эйхенбаум 1916d. В университете Эйхенбаум записывался на лекции по болгарской и сербской литературе и в просеминарий по сербскому языку (см.: Сальман 2014а: 449, 476).

XIII. 11 апреля 1916

11 Апреля 1916 г.

Вчера же прочитал все о Врубеле. Его письма очень интересны и жизнь замечательна, но у Яремича неприятный пафос – полемика в такой монографии ни к чему²³⁹. Хорошо у Врубеля о передвижниках сказано, что по их картинам видно, что «художник не вел любовных бесед с натурой»²⁴⁰. Хорошо еще, что превыше всего в искусстве – «понимание законов своего искусства»²⁴¹. Это ведь и есть – истина материала. Поэтому он много говорит о технике, своеобразно ее понимая, не формально: «У Серова нет твердости техники: он берет верный тон, верный рисунок, но ни в том, ни в другом нет натиска (Aufschwung), восторга»²⁴². Яремич говорит, что Врубель «обладал редчайшим качеством подчинять пространство, каковы бы ни были его размеры»²⁴³. Вот это все – для нас. – Сегодня был у меня Виктор

²³⁹ См.: Яремич 1911. Степан Петрович Яремич (1869–1939) – автор первой монографии о М. А. Врубеле. Из крестьян, в 13 лет ушел из дома, скитался, в 18 лет поступил в киевскую рисовальную школу Н. И. Мурашко, в 1894 закончил ее, жил частными заказами. В 1900 по рекомендации Врубеля вошел в объединение «Мир искусств», в 1904–1907 жил в Париже. Сотрудничал с журналом «Старые годы», преподавал в школе Общества поощрения художеств. С 1918 служил в Эрмитаже, с 1928 – член экспертной комиссии при всесоюзном объединении «Антиквариат» (см.: Яремич 2005: 36, 37).

²⁴⁰ Цитата из письма художника к сестре А. А. Врубель о выставке передвижников (апрель 1883). Чтобы понять важность для Эйхенбаума этого врубелевского письма, приведем более полную цитату из него: «<...> перед нами проходили вереницы холстов, которые смеялись над нашей любовью, муками, трудом: форма, главнейшее содержание пластики, – в загоне; несколько смелых, талантливых черт, и далее художник не вел любовных бесед с натурой, весь занятый мыслью поглубже запечатлеть свою тенденцию в зрителе» (Яремич 1911: 32).

²⁴¹ Приведем цитату полностью: «В древние времена были художники, так же сомневающиеся в вопросах веры, как и в наши дни, однако же их произведения в смысле выражения религиозной силы нисколько не уступают произведениям художников самой пламенной веры, так как и неверующим артистам было присуще самое главное, что превыше всего в искусстве: понимание законов своего искусства. Одни благочестивые намерения в разрешении вопросов стиля не имеют никакой силы» (Там же: 59).

²⁴² Приведем цитату из письма Врубеля к жене, написанного в августе 1904, более полно: «Я поджал хвост перед совершенством портретов Серова и Цорна, да и перед коровинскими панно. Но сегодня я вижу, что Цорну далеко до моего портрета; а у Серова нет твердости техники: он берет верный тон, верный рисунок, но ни в том, ни в другом нет натиска (Aufschwung) восторга» (Там же: 170). Aufschwung – порыв, вдохновение.

²⁴³ «<...> Врубель обладал редчайшим качеством подчинять пространство, каковы бы ни были его размеры. Все свои вещи огромных размеров он исполнял, не разбивая на

Максим<ович>²⁴⁴. Немного беседовали о работе, о эстетике. Он советует почитать Фолькельта²⁴⁵, но непосредственно нам нужного там, верно, не найдется, п<отому> ч<то> он, как сам В. М. говорит, психологист, а Липпс – еще пуще²⁴⁶. Так что надо самим и эстетику писать. Основа – такая же, как в гносеологии. Эстетика, как теория художественного знания, возможна только при допущении<, > что это знание есть и что прекрасное есть именно это знание²⁴⁷. В. М. – не психологист по существу. Он только скрывается за психологию, чтобы его могли не видеть. Я убеждал его, что это не нужно. В чем-то мы не сходимся²⁴⁸. Мартовской книжкой «Р<усской> Мысли» он тоже возмущается. Я думаю написать Франку письмо. А?

Ваш Б. Эйх.

Франку написал большое письмо о «Русской мысли»²⁴⁹.

клетки, как это обыкновенно принято делать для удобства работы, когда переводят композицию на большие пространства» (Там же: 92). Яремич дважды возвращается к этому вопросу в своей книге, приведем еще одну цитату: «Врубель действительно обладал редчайшим свойством свободно управлять большими пространствами, он был во всеоружии, но все несчастье его жизни, которое можно рассматривать как несчастье всего русского искусства, заключалось в том, что он остался без настоящего мецената, так как только просвещенному меценату принадлежит право выбора» (Там же: 78).

²⁴⁴ Жирмунский.

²⁴⁵ Иоганнес Эммануил Фолькельт (1848–1930) – профессор философии, автор книг о Ф. Грильпарцере („Franz Grillparzer als Dichter des Tragischen“, 1888), А. Шопенгауэре. Возможно, имеется в виду книга „Aesthetik des Tragischen“ (1897) и (или) «Современные вопросы эстетики», см.: Фолькельт 1899.

²⁴⁶ Теодор Липпс (1851–1914) – немецкий психолог, философ, автор книг о логике, психологии, этике.

²⁴⁷ Ср.: «Я теперь убеждаюсь, что нам нужно строить что-то вроде “теории познания” искусства, работать каким-то *гносеологическим* методом <...>» (Эйхенбаум 1996: 188, письмо к Долинину от 25.03.1915).

²⁴⁸ Спустя три месяца, 28.07.1916, Эйхенбаум писал Жирмунскому: «Ты спрашиваешь меня, почему я не читаю Фолькельта, Липпса и др., а читаю старинные трактаты. Я определенно не хочу сейчас читать эстетики психологистического направления, п<отому> ч<то> они чужды мне в самой своей основе. Я обращусь к ним позже, когда яснее определю свои основания. Меня интересует сейчас в эстетике все, что касается ее связи с гносеологией, а этого у Фолькельта и у Липпса не найти, п<отому> ч<то> они исходят из принятого догматически положения о “вчувствовании”» (Эйхенбаум 1988: 285). «Старинный трактат» – возможно, книга Тренделенбурга.

²⁴⁹ Франк возглавлял литературный отдел «Русской мысли» после Гуревич.

XIV. 13 апреля 1916.

13 Апр<еля> 1916 г.

Франку написал, напоминая ему наш Рождественский разговор, что мартовская книга «Р. М.» никуда не годится. Подробно написал о каждом стих<отворен>ии, убеждая его, что таких вещей печатать нельзя. Пишу, что необходимы экстренные меры. Предлагаю теперь же, в конце апреля, устроить собрание сотрудников литерат<урного> отдела, при чем вопросы определить заранее, чтобы было нечто вроде докладов и их обсуждения. Прошу убедить в этом Струве²⁵⁰. – Канта давайте почитаем – это, конечно, будет хорошо, но больших надежд в этом вопросе я на него не возлагаю. Ведь эстетики там все-таки нет. И все-таки – в каком смысле можем мы считать себя кантианцами? Конечно, *les extrémités se touchent*²⁵¹. Вашу точку зрения на «зерно истины» я все-таки как-то не люблю. Истина – целая, и у философа все дело в том, как он ее приводит к человеку. Кантовский путь – не наш, по-моему. А философия есть не открытие истины, а ее подтверждение доводами человеческого мышления. Все дело ее – в чертеже, в пути. Поэтому гносеология должна начинать с того, что знание есть, чтобы не сбиться. – На 15-ое и мы взяли. Завтра я, может быть, попаду на Скрябина, но далеко не наверно. На Каратыгина²⁵², кажется, тоже пойду. Будем Канта читать вместе?

Ваш Бор. Эйх.

Сегодня у нас была Любовь Як<овлевна>!!

Папа опять серьезно заболел – лег в больницу.

XV. 1 сентября 1916.

1 Сент<ября> 1916 г.

Юрочка. Живы ли Вы? Вчера у Жирм<унского> видел Владимир<а> Степанов<ича> Чернявского²⁵³, который, как и Вы, мечтает о цер-

²⁵⁰ Этот фрагмент письма публиковался без конъектур (см.: Эйхенбаум 1988: 324).

²⁵¹ Крайности сходятся (*фр.*).

²⁵² Вячеслав Гаврилович Каратыгин (1875–1925) – музыкальный критик, композитор, преподавал в Консерватории.

²⁵³ Владимир Степанович Чернявский (1889–1948) поэт, член первого Цеха поэтов, актер, оставил воспоминания о Есенине. (См. о нем: Тименчик 2008: 553, 564 –565 (со

к<овно>-слав<янском> яз<ыке>²⁵⁴. Я дал ему ваш адрес и телефон. Он спросил меня: “Это тот самый Юрий Никольский, который пишет в «Русск<ой> Мысли»? Итак, слава ваша растет. – Викт<ор> Макс<имович> читал мне главы из своей статьи. Очень интересно, очень тонко, очень объективно²⁵⁵. Рассказывал о Недоброво²⁵⁶, о Белецком²⁵⁷. Между прочим, у него есть книга, которую нам с Вами непременно надо будет прочитать: Карла Лампрехта о немецкой культуре последних лет. Там – о музыке, живописи и поэзии. – Во вторник видел в «Речи» Люб<овь> Як<овлев>ну и провожал ее от редакции до дома. Там же познакомился с Философовым – он экзаменовал меня по Жуковскому и дал свой экземпляр Н. В. Соловьева («История одной жизни»)²⁵⁸. Собираюсь писать фельетон²⁵⁹. – Завтра иду в Мариинский Театр на «Пиков<ую> Даму». Надеюсь, что в воскресенье увидимся. Целую Вас.

Ваш Б. Э.

ссылкой на мемуары Е. Л. Шварца)). Арестован 1.09.1941 (см.: Шапорина 2011, 1: 250), вероятно, был выслан в Новосибирск (см.: Там же: 283).

²⁵⁴ В матрикуле Никольского есть записи в просеминарий по церковнославянскому языку осенью 1915 и весной 1916 – к Л. В. Щербе, у которого он получил зачет в мае 1916 (см.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 61417. Л. 17 об. – 18, Л. 24 об., Л. 25). Несмотря на зачет, в осенний семестр 1916 он записался в просеминарий по церковнославянскому к В. Н. Перетцу (см.: Там же. Л. 25 об.).

²⁵⁵ Последние две фразы приводились, см.: Эйхенбаум 1988: 325. Имеются в виду главы из статьи «Преодолевшие символизм». Рецензию Эйхенбаума на прочитанный Жирмунским доклад см.: Эйхенбаум Б. М. [Рец. на:] Доклад о новой поэзии. – Биржевые ведомости. 1916. 3 ноября. С. 5. Подробное обсуждение доклада – в письме от 3.11.1916 (см.: Эйхенбаум 1988: 287–289).

²⁵⁶ Николай Владимирович Недоброво (1882–1919) – поэт, критик. См. о нем: Русские писатели 1989–2019, 4: 261–262.

²⁵⁷ Александр Иванович Белецкий (1884–1961) – литературовед. Учился в казанской гимназии, последний класс окончил в харьковской, где уроки словесности вел Кадлубовский (см.: Белецкий 1964: 7). С 1912 преподавал в Харьковском университете, много занимался украинской литературой.

²⁵⁸ Николай Васильевич Соловьев (1877–1915) – автор двухтомной биографии «История одной жизни», написанной об А. А. Воейковой (в девичестве Протасовой), которой посвящено стихотворение В. А. Жуковского «Светлана». Редактор журнала «Русский библиофил», коллекционер.

²⁵⁹ 23.09.1916 Эйхенбаум писал отцу: «В «Речи» в этот понедельник будет, вероятно, мой фельетон о Воейковой <...>» (Кертис 2004: 297).

В «Бирж<евых> Вед<омостях>» открывается новый литературный отдел по<д> редакцией> Воынского. Пригласили Жирмунского.

Р. Б. шлет привет. У нас были обе девочки – Люля и Лиза. Они прелесть какие стали²⁶⁰!

XVI. 24 сентября 1916.

24 Сент<ября> 1916 г.

Пишу Вам на почте, мимоходом. Значит – завтра? Для меня неожиданность, что к Гуревичам, но это очень приятно. Какая хорошая была Любовь Яковлевна²⁶¹! – Вот Вам альбомное стих<отворен>ие Кате²⁶².

Белый галстучек на груди
И у пояса финский нож...
Я единственная среди
Бестужевских книгонош.
Я напрасно не трачу слов –
Говорят другие пусть,
Но господ профессоров

²⁶⁰ Люля – дочь Л. Я. Гуревич, Елена Николаевна Гуревич (она же – Люленька, Леля). Никольский был в переписке с нею (см.: Судьба Юрия Никольского 1996: 144, 166). Лиза – Елизавета Луарсабовна Андроникова (1901–1985), дочь Екатерины Яковлевны Гуревич (1873–1942, в блокаду, год рождения и смерти указывается по: [URL: <http://vizs.nlr.ru/blockade/show/910829>]) и адвоката Луарсаба Николаевича Андроникова (Андроникашвили; 1870/72–1939), родная сестра И. Л. Андроникова, двоюродная сестра Елены (см.: Судьба Юрия Никольского 1996: 144, 147). С. В. Шумихин ошибочно считал и Елизавету дочерью Л. Я. Гуревич (см.: Там же: 154).

²⁶¹ 22.09.1916 Эйхенбауму исполнилось тридцать лет, на дне рождения у него были Л. Я. Гуревич, Я. Я. Гуревич, Никольский и, как он сообщал отцу 23-го, «еще один студент, из недавних моих знакомых. Сидели до 2 ч. ночи в интересной беседе» (Кертис 2004: 297). На день рождения Никольский подарил другу «Сети» М. А. Кузмина (Пг., [1915]) с инскриптом: «Солнце, солнце, я – бледный писец, библиотечный затворник, но я люблю тебя, солнце, не меньше, чем загорелый моряк. Ю. Н. Бореньке 22.IX.1916» (Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана 1989: 121). Цитата из стихотворения Кузмина «Солнце, солнце, / божественный Ра-Гелиос...» («Александрийские песни», 1906).

²⁶² Е. Р. Малкиной.

Я совсем, совсем не боюсь.
 Жизнь – запущенный, старый парк,
 За которым цветут поля.
 Я на курсах, как Жанна д'Арк,
 У которой нет короля²⁶³.

Знаете, что пишу? Статью для «Бирж<евых> Вед<омостей>» об учебниках – там и о романтизме, и о реализме немного будет. В журналах нельзя писать. Державина – не дождешься²⁶⁴!

Ваш Бор.

²⁶³ Впервые стихотворение было с неточностями опубликовано Г. П. Струве в примечаниях к мемуарам Тагер (см.: Тагер 1966: 27–28). Вероятно, оно имело хождение среди участников Кружка поэтов, в который Никольский осенью 1916 ввел Г. Струве (см.: Струве 1979: 16), и в Пушкинском кружке; так, первая строфа находится в записной книжке одного из учредителей Пушкинского кружка, М. К. Клемана (см.: РО ИРЛИ. Ф. 84. Ед. хр. 177. Л. 47). Михаил Карлович Клеман (1897–1942, в эвакуации), историк литературы, занимался Тургеневым, русско-французскими литературными связями.

²⁶⁴ Статья «Поэтика Державина» была опубликована с посвящением Никольскому в октябрьском номере «Аполлона» (см.: Эйхенбаум 1916b: 23–45). Эйхенбаум работал над ней в июне 1916 (см.: Эйхенбаум 1988: 283) и, закончив, сразу отправил в «Аполлон», отсюда пришел ответ, что ее опубликуют в августовской книжке (см.: Эйхенбаум 1988: 285), чем и объясняется его реплика в письме Никольскому. С докладом автор выступил 29.10.1916 на заседании Пушкинского кружка, «посвященном 100-летию со дня смерти Державина» (Эйхенбаум 1988: 326; см. также: Пушкинист 1918: IX). Сохранилась заметка Никольского об этом заседании (см.: РГАЛИ. Ф. 1527. Оп. 1. Ед. хр. 1020). В обзоре «Юбилейная печать о Державине и Карамзине» Эйхенбаум, рассматривая вышедшие статьи, упомянул и о появившейся в октябре 1916 в «Северных записках» заметке В. Ф. Ходасевича: «Из этих работ наиболее свежей представляется нам статья В. Ходасевича, хотя и написанная несколько по-салонному. Она, во всяком случае, примыкает по духу своему к попыткам сделать новые выводы относительно Державина. Ее методологическая основа указана в начале: “не время Державина *отразилось* в его стихах, а сами они, в числе иных факторов, *создали* это время”» (Эйхенбаум 1917: 10). Приведем полнее фрагмент из Ходасевича: «Державин-поэт был таким же непосредственным строителем России, как и Державин-администратор. Поэтому можно сказать, что его стихи суть вовсе не *документ* эпохи, не отражение ее, а некая реальная часть ее содержания; не время Державина *отразилось* в его стихах, а сами они, в числе иных факторов, *создали* это время» (Ходасевич 1996, 2: 40, курсив автора).

XVII. 19 ноября 1916.

19/XI.1916.

Костел.

Убийственные дни!
Под грохот урагана
Колеблются огни
И трубы у органа.
Торжественная мша²⁶⁵
Свершается в костеле:
Ксендз ходит не спеша
И нежно пенье полек.
Но светлый купол пуст
И слишком гулок мрамор,
Когда из тонких уст
Латынь вещает "Amor".
И внемлет ей народ,
Не зная, где отчизна:
Давно, из рода в род
Поется эта тризна!
И этот органист,
Приученный к хоралам,
Глядит на нотный лист
Недвижно и устало.
И это свысока
Звнящее сопрано –
Как давняя тоска,
Как ноющая рана.
Прислушайтесь – звонок
Зовет вас на колена.
О, сколько тысяч ног
Не вырвутся из плена!
О, сколько бледных панн,
И павших панов сколько!

²⁶⁵ Msza (пол.) – месса.

Опять гудит орган
И запекает полька²⁶⁶.

Вот вам из политики. Вырвались какие-то дикие слова – не знаю, откуда. Сегодня слушал Бетховена, как никогда. Седьмая симфония сверхъестественна, а скрипичный концерт – какой-то отдельный мир. Было невероятно хорошо. Я понял как-то особенно, что оркестр создан из меди, дерева и струн. Нераздельность души и материи.

Ваш Бор. Эйх.

XVIII. 5 января 1917.

5 янв<аря> 1917 г.²⁶⁷

Через 6 часов двинемся в обратный путь. Ничего не знаю о Вашем здоровье – напишите мне скорее в Петроград. Вы там без меня злой были – и меня ночью «хорошим» ругали, и Р. Б. приехала грустная. Поправляйтесь скорее и приезжайте добрым. – Я два вечера провел в театрах – самых разных: «Летучая Мышь»²⁶⁸, где всякая пищеварительная юмористика, и в «Студии»²⁶⁹, от которой в восторге. Там – подлинное возрождение актера. Шли мелкие пьесы Чехова и «Неизлечимый» Гл. Успенского²⁷⁰.

²⁶⁶ Эйхенбаум включил это стихотворение в «Мой временник», но без последних восьми строк, см.: Эйхенбаум 1929: 44–45.

²⁶⁷ Письмо отправлено на следующий день после закрытия съезда словесников из Москвы в Николо-Угрешский монастырь, неподалеку от станции Люберцы Московско-Казанской железной дороги (теперь официальный адрес монастыря – г. Дзержинский). Там находился Никольский, которого Эйхенбаум навещал перед новым 1917 годом. В монастыре располагался военный госпиталь, где работала врачом Пелагея Яковлевна Смирнова, «тетя Поля», как звал ее Никольский, близкая подруга его матери. В письме к А. Я. Малкиной от 3.12.1916 он писал: «Я еду к маминой подруге, самой любимой из всех моих – даже родных – тетя, чудесному человеку» (ОР РНБ. Ф. 1160. Ед. хр. 1400. Л. 19. Дата на л. 20). На ее имя и послано письмо для друга. После поездки в Москву Эйхенбаум написал фельетон «Душа Москвы» (см.: Эйхенбаум Б. М. Душа Москвы. – Современное слово. 1917. 24 января. № 3242. С. 2; переиздано: Эйхенбаум 2000: 365–372), где рассказал о поездке в монастырь и своих театральных впечатлениях, о которых говорит и в этом письме.

²⁶⁸ Театр-кабаре, основанный в 1908 как закрытый клуб актеров Художественного театра, с 1910 – коммерческий театр миниатюр (антреприза Н. Ф. Балиева).

²⁶⁹ Студия Художественного театра.

²⁷⁰ Рассказ Г. И. Успенского (1875).

Пелагее Яковл<евне> пишу отдельно. На съезде выступал еще раз – против «акад<емика>» Н. А. Котляревского.

Жму Вашу руку.

Ваш Б. Э.

XIX. 13 января 1917.

13 Янв<аря> 1917 г.

Я тоже не добился к Вам, Юра, – занято и занято без конца. Боюсь, что Вы сегодня соберетесь к нам, а между тем я – в «Аполлоне». Не приедете ли завтра, в субботу? Слышали ли, что Гершензон будет читать лекцию о «мудрости Пушкина»? Если пойдете – пойдём вместе. По секрету скажу Вам, что написал фельетон о Москве – Николо-Угр<ешский> Мон<астырь>, Летучая Мышь и Студия. Отнес в «Речь»²⁷¹. Яков Яковл<евич> вернулся совсем негодный для службы – мечтает о Москве и о деревне. Были с Р. Б. у Люб<ови> Яковл<евны> – она тоже не совсем здорова была на праздниках. – У Р. Б. простуда прошла. В воскресенье на будущей неделе она идет на прием к проф. Чистовичу, чтобы вылечить все.

Теперь надо писать о Съезде – не хочется что-то. Читали ли сегодня в «Бирж<евке>» отчет Гвоздева – вот «властитель»-то дум! Что за язык!

Жду Вашего появления в моем замке. Погадайте – выдержу ли я магист<ерские> экзамены²⁷²? Это начинает меня интересовать.

Ваш Б. Эйх.

XX. 16 января 1917.

16 янв. 1917 г.

Знаете, Юра, кто до нас был в Николо-Угрешском Монастыре? Протопоп Аввакум – его продержали там в темнице целое лето 1666 г. «И, подержав на патриархове дворе, повезли нас ночью на Угрешу к Николе в монастырь. И бороду враги Божии отрезали у меня...

²⁷¹ См. выше прим. 267.

²⁷² Прошение о сдаче магистерских экзаменов Эйхенбаум подал 30.01.1917 (см.: Эйхенбаум 1988: 324).

Везли не дорогою в монастырь, – болотами да грязью, чтоб люди не сведали... Держали меня у Николы в студеной полатке семнадцать недель. Тут мне Божие присещение бысть; чти в цареve послании, тамо обрящещи. И царь приходил в монастырь: около темницы моя походил и, постонав, опять пошел из монастыря. Кажется потому и жаль ему меня, да уж то воля Божия так лежит».

Возили его туда и летом 1667 г. Подумайте – ровно 250 лет! Об этом надо написать Пелагее Яковлевне. И неужели никаких там воспоминаний нет, никаких следов? «Житие Аввакума» – замечательная, глубокая книга²⁷³. Что писал о нем Александр Корнил<ович> во дни молодости²⁷⁴? – Я думал о вчерашней беседе.

²⁷³ 8.12.1916 Эйхенбаум просил совета у Шахматова: «Будьте добры – дайте мне знать открыткой, какое издание “Жизни” протопопа Аввакума Вы считаете более удобным для моей работы и правильным по тексту <...> Никак не могу найти в книжных магазинах – не знаете ли, где можно достать. Буду очень благодарен Вам за ответ» (цит. по: Робинсон, Сазонова 2014: 25).

²⁷⁴ О Бороздине и его книге см. прим. 36. Никольский участвовал в его семинариях, которые обычно проходили дома у профессора, 2.04.1915 он писал Шаблиовской: «Будущий год у Бороздина просеминарии <...> и семинарий “Достоевский в связи с славянофильством и западничеством” (для меня тема “Достоевский и Тургенев, как славянофил и западник <”>). Получил особое от Бороздина приглашение участвовать. Я у него чай пью, а он либо шутит, либо Кавказ описывает, либо неприличный анекдот рассказывает» (Сальман 2020: 464). См. также в недатированном письме Никольского к Е. Р. Малкиной, написанном летом 1916: «Был у Бороздина. Мне обидно<,> когда за “пьяницей” и “не эстетичностью” не видят удивительно хорошего человека. <...> За вином – специально для меня он с сияющими глазами рассказывал о князе Дм. Шаховском и Колюбакине, и Лутугине. И я понимал, что он также<,> как ты, как я, как твоя мама верит – что все люди по-своему чудесные. И он сказал, между прочим, застенчиво, что он решил оставить меня <при университете. – М. С.>. Мы оба сконфузились. А когда я уходил, он так нежно спросил меня<,> считаю ли я, что мы друзья. Я сказал: “да”. Потом мы поцеловались<,> и он сказал, что будет меня звать “Юрочкой”. Все это было и трогательно<,> и серьезно, и светло, хотя может показаться смешным в моем описании» (ОР РНБ. Ф. 1160. Ед. хр. 1401. Л. 36. Л. 36 об.). 5.04.1917 Никольский защитил у Бороздина зачетное сочинение «Достоевский и Тургенев» (см.: Мец 2009: 568). Дмитрий Иванович Шаховской (1861–1939, расстрелян) – внучатый племянник П. Я. Чаадаева, публикатор «Философических писем». Один из создателей «Союза освобождения» и партии кадетов, член I Государственной думы (подробнее см.: Шаховской 1992: 174–318). Александр Михайлович Колюбакин (1868–1915) окончил военное училище, служил в земстве, член ЦК партии кадетов, депутат III Государственной думы (как и отец Никольского), погиб на фронте неподалеку от Варшавы в январе 1915. После его гибели вышел сборник «Памяти борца» (М., 1915). Его сын

Без греха нет святости – грешить надо. Поэтому надо «работать» и надо экзамены сдавать. Без ограничения нет свободы – помните? Вы вчера были Онегиным, а я – вроде Татьяны: «Но я другому отдана»... Будемте лучше Пушкиным – это самое верное. Целую Вас – «без принципа».

Ваш Б. Эйх.

XXI. 18 января 1917.

18 янв<аря> 1917 г.²⁷⁵

Вы безжалостно отомстили мне за Татьяну и за Пушкина. Но больному все прощается. А Гремин завтра меня никак к Вам не пустит, п<отому> ч<то> утром 3 часа у Гуревича, потом 1 час у Мушниковой, потом еще 1 час частного урока, а вечером, по давно условленному, должны быть супруги Масловы²⁷⁶. Так что попаду к

Михаил (1894–1938), бухгалтер в Устюжне, был расстрелян, см.: [URL: <https://base.memo.ru/person/show/2776766>]. См. мемуары его дочери, прошедшей через ГУЛАГ: Афанасова 2005. О Лутугине см. в прим. 148.

²⁷⁵ В этот же день, 18.01.1917, Никольский делился с Е. Р. Малкиной: «Все это время я извожу бедного Баума за его чрезмерную преданность литературе. За это он мне: Вы Онегин, а я мол Татьяна: “другому отдана и буду век ему верна”. И тут слитературил! И еще прибавляет “Но лучше будем оба Пушкиным”. Я ему ответил на это, что желаю ему быть счастливым за Гремичным и что, пожалуй, он тогда будет мне говорить, как Иван Алекс<андрович> Хлестаков: “Ну что брат Пушкин?”» (ОР РНБ. Ф. 1160. Ед. хр. 1401. Л. 78–78 об., дата на л. 77). Гремич – муж Татьяны в опере П. И. Чайковского, либретто для которой сочинил приятель композитора, либреттист, рисовальщик и актер К. С. Шиловский (1849–1893).

²⁷⁶ Е. М. Тагер и Георгий Владимирович Маслов (1895–1920). Сын офицера Владимира Николаевича Маслова, окончившего реальное училище К. К. Мазинга в Москве и пехотное юнкерское училище, и Любови Николаевны Эггерс, дочери московского купца. Отец был членом симбирского отделения крестьянского поземельного банка. Георгий, поступив в 4-й класс 1-ой симбирской гимназии в 1908, окончил ее с серебряной медалью в 1913 (см.: Сальман 2020: 473). Студент СПБИУ с 1913, член Венгеровского семинария. Венчались бестужевка Тагер и Маслов в университетской церкви 6.11.1916 (см.: Там же). В марте 1917 Масловы собрались уезжать в Симбирск, чтобы вести агитацию за выборы в Учредительное собрание. «Датировать отъезд позволяет открытка Маслова Клеману от 25.3.1917: “Михаил Карлович! Пришел домой, прочитал Вашу милую записку и почувствовал себя очень виноватым перед Вами, но утешаюсь тем, что скоро буду еще виноватей. Дело в том, что, как Вы знаете, я должен 26 уехать, и у меня еле-еле хватит времени собрать свои вещи, т<ак> ч<то> заехать к Вам совершенно не могу. Книги я оставил на Волховском пер., 2, кв. 30 (уг. Тучковой

Вам, если удастся, только в пятницу, после Сеземана²⁷⁷. Что это с Вами, Онегин? «Я вас люблю – к чему лукавить?». Но не ревнуя, рад, что около Вас Катя²⁷⁸ и Маня²⁷⁹. – У Краснова говорили о съезде – к сожалению<,> не было Волковского²⁸⁰, на которого я надеялся. Там ко мне относятся с «почетом» – точно я и вправду жена Гремينا. Взяли слово с меня, что 13-го февраля приду беседовать с ними об истории литературы. А я, на этом основании, отложил сегодня в сторону магист<ерские> экз<амены> и стал писать нечто вроде «вступительной лекции» – на тему «О принципах научной истории литературы»²⁸¹. Выйдет, пожалуй, большая вещь. Да! Знаете – в июльской и след<ующей> книжках журн<ала> «Наша Старина» есть

набереж<ной>) очень недалеко от университета. Пожалуйста, возьмите их оттуда. Оттиск своей статьи из «Пуш<кин> и его совр<еменники>» я отдал для Вас Бонди. До свиданья. Желаю хорошо провести лето. Георгий Маслов. 25.III.1917» (Сальман 2020: 476–477). Служил рядовым у Колчака, умер от тифа. Опубликованы его стихи, комедия «Дон-Жуан», поэма «Аврора», статья о Пушкине (см.: Русские писатели 1989–2019, 3: 541–542). См. публикации его незаконченной работы «Заметки о Пушкинском тексте» (Фролов 2017: 285–303) и неизвестных статей (Нехотин 2019: 8–16). На Волховском пер., 2 жили родители Тагер.

²⁷⁷ Василий Эмильевич Сеземан (1884–1963) – приват-доцент, в 1916–1917 уч. году вел семинар по Канту («Критика способности суждения» в связи с новейшими эстетическими теориями, см.: Обзорение 1916: 5). С 1921 в эмиграции, был профессором Каунасского, затем Вильнюсского университетов. В 1950–1956 – в ГУЛАГе, умер в Вильнюсе. (См. также Эйхенбаум 1988: 286, 287, 325). Вместе с Эйхенбаумом осенью 1916 на занятия к нему ходил и Никольский (см.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 61417. Л. 25 об.).

²⁷⁸ Е. Р. Малкина.

²⁷⁹ Неизвестное лицо.

²⁸⁰ Александр Николаевич Волковский (1889–1968) – сын чиновника. Участник Венгеровского семинария с 1910 (см.: Пушкинист 1914: 234). В 1913 окончил СПбИУ, преподавал русский язык и литературу в ВВКУ, с 1922 работал в вузах. Впоследствии член-корреспондент АПН РСФСР (1947). См. о нем дневниковую запись от 29.08.1917 (Эйхенбаум 1993: 14).

²⁸¹ Речь идет о кружке, о котором до сих пор было известно лишь из письма В. В. Буша к Вас. В. Гиппиусу от 26.02.1917: «Кроме нашего кружка, существует другой – А. Л. Бем, Эйхенбаум, Краснов и др. Этот кружок ставит себе целью разработку теоретических вопросов литературы» (Бем 2001: 12), о нем Эйхенбаум говорил на съезде. Теперь к членам кружка прибавляется имя Волковского. Об историке литературы, занимавшемся Достоевским, Альфреде Людвиговиче Бёме (1886–1945) см. в дневнике (Эйхенбаум 1993: 18). О Краснове см. прим. 46.

большая статья о Вашем П. А. Толстом²⁸². Я вчера был в «Русской Школе» и рылся в журналах. В нескольких педагогичес<еских> видел заметки о моей педагогической статье – хвалят²⁸³. Хлестаков все-таки может немножко гордиться своим внуком, а Ты, брат Пушкин, поправляйся.

Б. Э.

Боюсь за славянские языки – ничего пока нет: ни текстов, ни грамматик, ни словарей! Где они растут?

XXII. 9 февраля 1917.

9 Февр<аля> 1917. Воронеж²⁸⁴.

Все еще, Юра, чувствую, что не могу много Вам написать. Так все просто – и так все сложно. Яркое солнце, снега лежат высокие. На кладбище так все засыпано, что едва пройти. Хожу – и ничего толком не сознаю и совершенно не понимаю, что папы нет. Точно похороны – обряд что ли какой-то, а человек где-то остался и придет. Разбираюсь в вещах и письмах – и стыдно чего-то, и не хочется, и тяжело. Столько наплывает от этих вещей воспоминаний, что все они живые, и боязно их. Есть тут хорошие добрые люди, искренне любившие папу – и еще страннее, что его нет. И ничего вдруг нет для меня в Воронеже, кроме двух могил.

Целую Вас крепко.

Ваш Б. Эйх.

²⁸² См.: Семенович Е. 1916. № 7–8: 499–524; № 9–10: 636–654.

²⁸³ См., например: «Нам представляется очень оригинальной, серьезно продуманной и практически важной статья Б. Эйхенбаума. Главнейшие мысли автора можно представить так. Как историзм, так и психологизм в понимании литературы, утвердившись в средней школе, обесценили изучение самого текста художественных произведений <...> история словесности потеряла в курсе средней школы свою самостоятельную познавательную ценность, заняв промежуточное положение между историей и психологией. Чтобы вывести этот предмет из такого неопределенного положения, необходимо, с одной стороны, пересмотреть теорию литературного творчества, с другой, прочно утвердить собственные задачи средней школы. Изучение литературы, по мнению автора, не может быть предметом частным, промежуточным; как самостоятельный предмет, литература должна обладать совершенно своеобразной познавательной ценностью <...> В основу изучения литературы г. Эйхенбаум ставит усвоение *стиля* художника, т. е. систему его образов<...>» (Д. К. 1916: 267).

²⁸⁴ Фрагмент письма публиковался (см.: Сальман 2014b: 622).

XXIII. 23 февраля 1917.

23 февр<аля> 1917 г.

Я приехал, Юра<,> – усталый от борьбы с публикой в Москве. Приходите завтра – я буду дома весь день. Для Вас есть билет на завтрашний концерт Зои Лодий²⁸⁵ – мы не пойдем.

Целую Вас, дорогой мой, и жду.

Б. Эйх.

XXIV. 21 марта 1917.

21 Марта 1917 г.

Вчера прочитал о смерти Малкина. Написал девочкам письмо. Как они переживают это? Инна²⁸⁶, должно быть, мужественна, но Катя – как она?

²⁸⁵ Зоя Петровна Лодий (1886–1957) – певица, окончила Петербургскую консерваторию, выступала в Камерном кружке В. Г. Каратыгина (см. прим. 252), позже преподавала в Ленинградской консерватории. Жена С. А. Адрианова (см. прим. 29).

²⁸⁶ Инна Романовна (Рахмиевна) Малкина (11.03.1896 – 4.11.1937) – старшая сестра Е. Р. Малкиной, в 1909 поступила в 4-й класс ВВКУ, окончила с золотой медалью в 1915, вместе с сестрой, из-за болезни потеряв год (см.: ЦГИА СПб. Ф. 113. Оп. 7. Д. 501. Л. 13. Копия). Подала документы на историко-филологический факультет Бестужевских курсов, но уже в сентябре перешла на биологическое отделение физико-математического факультета (см.: Там же. Л. 1. Л. 7). Писала стихи, посещала Пушкинский кружок. Осенью 1917 уехала на румынский фронт, где служила сестрой милосердия «II-го Передового Отряда при VI-й армии <...> состояла на службе Земского Союза с 5-го Октября по 28-ое Декабря сего года и службу оставила в виду сокращения штатов» (Там же. Л. 21 об. Копия). В 1918–1919 училась в Московском университете. Вероятно, в 1916 начался ее роман с Вс. А. Рождественским, брак был заключен 17.04.1919, Инна взяла фамилию мужа (см.: Там же. Л. 22. Копия). Ошибочно утверждение Эльзона, что брак был заключен в 1916 и что через два года они разошлись (см.: Эльзон 2006: 233). В 1919 работала в Гатчинском отделе Наробраза как инструктор киносекции (по устройству научного, школьного и художественного кинематографа), в 1920 служила в учебно-опытном минном дивизионе, сначала в канцелярии дивизионного суда, потом секретарем культурно-просветительского клуба. С осени 1921 возобновила учение в университете, работая в хореографическом техникуме, осенью 1922 преподавала в нем ботанику. Свидетельство об окончании университета получила в сентябре 1924 (см.: ЦГИА СПб. Ф. 113. Оп. 7. Д. 501. Л. 2. Копия. Л. 31. Л. 49). Копия. К этому времени с Рождественским она разошлась, близкий ей человек, В. А. Чудовский (1882–1937), бывший критик «Аполлона», был арестован весной 1925 по «делу лицейстов» и сослан на три года в Нижний Тагил (см.: Телетова 1998: 123, 128), где работал библиотекарем (см.: [URL: <https://base.memo.ru/person/show/2773186>]). В 1930 они вернулись в Ленинград (см.: [URL: http://nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=369]). Чудовский преподавал в Институте инженеров-механиков

Думал вчера о Вас – о том, что Ваше рождение. Когда и как мы увидимся? Надо нам поговорить о наших планах будущей работы. Все это как-то стало, а надо начинать. Мне уже очень хочется взяться за Жуковского. И как-то по<->иному хочется – точно и здесь пришло какое-то освобождение. И в самом деле, теперь вся «придворность» Жуковского стала сразу таким настоящим «историческим фактом», что она не беспокоит совсем. Наоборот – интереснее. Хочу писать и о Шиллере – 2 статьи: о его трагедиях в связи с теорией трагического и о его теории поэтического языка²⁸⁷. – Купил интересную книжку Карташева о церкви²⁸⁸. Не придете ли 25-го?²⁸⁹ Можно и к Гуревичам зайти – рождение Як<ова> Як<овлеви>ча. Целую Вас. Как здоровье? Ваш Б. Э.

На днях надо браться за слав<янские> языки.

XXV. 9 апреля 1917.

9 Апр<еля> 1917 г.

Ничего не слышно о Вас, друг мой. Здоровы ли Вы? Занимаетесь ли? Я последние дни что-то нервничаю и веду рассеянный образ жизни. Шиллер еще не кончен – как-то вдруг устал от него. Читать буду в понедельник 17-го Апреля или в среду – это выяснится на днях²⁹⁰.

социалистического земледелия, (см.: [URL: <https://base.memo.ru/person/show/2773186>]), Инна работала в Институте механической обработки полезных ископаемых (см.: [URL: <https://base.memo.ru/person/show/2773185>]). 7.03.1935 оба были арестованы, два дня спустя, 9.03.1935, приговорены к 5 годам ссылки в Уфу (см.: [URL: <http://vizh.nlr.ru/person>]). В Уфе Чудовский преподавал (см.: ОР РНБ. Ф. 1160. Ед. хр. 1333. Л. 2 об.). Работы по специальности для Инны не было, она дописывала статьи «о своих уже сделанных работах по углю (2 еще старые, а одна здешняя) для специального журнала» и надеялась в январе 1937 поступить «лаборантом в химлабораторию» (Там же, письмо к Е. Р. Малкиной от 21.11.1936). Арестована с мужем 27.08.1937, оба казнены в один день (см.: [URL: <https://base.memo.ru/person/show/2773185>]).

²⁸⁷ Фрагмент, начинающийся со слов «Надо нам поговорить» до «языка», цитировался (см.: Эйхенбаум 1987: 14). См. статью «Трагедии Шиллера в свете его теории трагического», состоящую из двух частей (Эйхенбаум 1924: 84–151).

²⁸⁸ Возможно, имеется в виду издание доклада, произнесенного на собрании Религиозно-Философского общества (см.: Карташев 1916).

²⁸⁹ Рождение Витюшки (прим. Эйхенбаума).

²⁹⁰ По-видимому, речь идет о выступлении в Неофилологическом обществе с докладом о Шиллере; в письме к Жирмунскому от 31.03.1917 Эйхенбаум сообщал, что планирует

Славянскими языками пока совсем не занимаюсь. Будут ли у Вас свободны сербские песни? Если да, то я их возьму у Вас.

На этой неделе собираюсь навестить Ахматову – она в Петербурге. Это близко к Вам – на Боткинской ул<ище>²⁹¹. От нее приду к Вам, если не будет поздно. – Напишите о себе. Что папа – уехал?

Целую Вас.

Ваш Бор. Эйх.

XXVI. 4 мая 1917.

4 Мая 1917.

Юра. Я сегодня получу «Белую Стаю». Должен к понедельнику ее отдать²⁹². Трудно уговориться, чтобы нам вместе ее прочитать. Теперь – и переезд скоро²⁹³, и Совет в Гимназии, и языки (по-сербски до 20-го я должен прочитать 570 страниц!). Приезжайте как-нибудь на этих днях – если буду дома, то почитаем вместе, а нет – так Вы сами почитаете.

Звонил мне Влад<имир> Вас.<ильевич> Гиппиус – предлагал уроки в Тениш<евском> учил<ище>. Опять то же, что было в прошлом году с Германом. Решительного ответа еще не дал.

Как же Вы с партиями? Меня эта мысль ужасно утомляет. Думаю, что останусь беспартийным.

Викт<ор> Макс<имович> будет летом у нас.

Целую Вас.

Ваш Бор. Эйх.

Социализм – не «идея». Это какое-то клише, устаревшее и выцветшее. Фактически – наши партии вовсе не им определяются.

выступить с ним после Пасхи: «кончил теоретическую часть и примусь теперь за трагедию» (Эйхенбаум 1988: 290).

²⁹¹ Ахматова жила в квартире своей гимназической подруги В. С. Срезневской на Выборгской стороне, Боткинская ул., 9 (см.: Черных 1916: 153).

²⁹² Речь идет о рукописи. «Белая стая» вышла из печати в середине августа (по ст. ст.) 1917 (см.: Черных 2016: 149). Ахматова подарила ее Эйхенбауму с дарственной надписью 19.09.1917 (см.: Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана 1989: 32). Фрагмент «Я сегодня <...> ее отдать» цитировался (см.: Тименчик 1998: 427).

²⁹³ На дачу, в Шувалово, ближайший к городу дачный поселок (см.: Эйхенбаум 1988: 291).

XXVII. 1 июня 1917.

1 Июня 1917 г.

Юра. Мне нужен Сперанский – о народной словесности и о древней письменности²⁹⁴. Захватите, когда поедете к нам²⁹⁵.

Я взялся за работу. Опять сижу над Историей о 7 мудрецах²⁹⁶. Кроме того – церковнослав<янский> яз<ык>.

Что с В. И. Дзюбинским²⁹⁷? В газете было, что он серьезно болен. И как Трифонов²⁹⁸?

Когда Вы к нам? Р. Б. едет завтра в город и отвезет эту открытку. Целую Вас.

Ваш Б. Эйхенбаум.

XXVIII. 3 июля 1917.

3 Июля 1917.

Третьего дня брат приехал на дачу. Совсем новое чувство – родной человек, брат. Провел с ним вечер, а со вчерашнего дня он уже в

²⁹⁴ Михаил Несторович Сперанский (1863–1938) – фольклорист, византист, член АН (1921), арестовывался по «Делу славистов» (1934), получил условный приговор. Может быть, имеются в виду издания: Сперанский 1917 и История русской литературы 1916, для которой он написал несколько глав, в том числе «Начало письменности и письменной литературы».

²⁹⁵ Отправлено из Шувалова, см. в письме к Жирмунскому от 10.08.1917: «Мы еще в Шувалове – через неделю думаем тронуться» (Эйхенбаум 1988: 291).

²⁹⁶ «История о семи мудрецах» – сборник новелл индийского происхождения, на русский язык его перевели с польского в XVII в. Об этом сборнике писал, в частности, А. Н. Веселовский в докторской диссертации «Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине».

²⁹⁷ Владимир Иванович Дзюбинский (1860–1927) – сын священника, окончил Каменец-Подольскую духовную семинарию. Учась на медицинском факультете Киевского университета, был арестован за участие в народнической организации, в 1883 сослан в Сибирь. Служил в акцизном ведомстве, публиковался в сибирской прессе. С 1907 – энэс, депутат III и IV Государственной думы от трудовиков. В мае 1917 участвовал в Первом всероссийском съезде советов крестьянских депутатов, выбран членом Учредительного собрания от тобольской губернии. Его жена Ядвига Антоновна в 1911 заведовала библиотекой при Сибирском собрании в СПб., в 1917 была председателем комиссии по устройству народных детских садов (см.: Весь Петроград 1917: 209). В октябре 1919 Никольский жил у них на Таврической ул., 25 (см.: Судьба Юрия Никольского 1996: 183). Дом не сохранился (сообщено Н. Г. Охотиным).

²⁹⁸ Неизвестное лицо.

городе и уже окунулся в дела, т<ак> ч<то> не знаю, когда и поймаю его. Когда он рассказывает о своей жизни за последние годы – это совершенно фантастично. У него дьявольская энергия и мощь страшная²⁹⁹. Если услышите что про «Волина» – это он. Пока он будет в Петербурге, а дальнейшее неизвестно. – Когда Вы будете у нас? Я сейчас не могу сказать наверно, поеду ли к Малкиным, но Р. Б. поедет, если Вы сможете ее захватить. Когда будете ехать – возьмите, пожалуйста, Каринского³⁰⁰.

Целую Вас.

Ваш Б. Эйхенбаум.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Азадовский К. М. 1998. Марк Азадовский, Юлиан Оксман. Переписка: 1944–1954 / Изд. подготовил Константин Азадовский. М.: Новое литературное обозрение.
- Азадовский К. М., Тименчик Р. Д. 1988. К биографии Н. С. Гумилева (вокруг дневников и альбомов Ф. Ф. Фидлера). – Русская литература. № 2. С. 171–185.
- Акиньшин А. Н. 2014. Борис Михайлович Эйхенбаум в Воронеже: Семейное и дружеское окружение. – Известия Воронежского государственного педагогического университета. № 4 (265). С. 14–18.
- Афанасова Н. А. 2005. Жизненный путь. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета.
- Ахматова А. А. 1989. Поэма без героя / Вступительная ст. Р. Д. Тименчика; сост. и примечания Р. Д. Тименчика при участии В. Я. Мордерер. М.: Издательство МПИ.
- Белецкий А. И. 1964. Избранные труды по теории литературы / Под общей ред. Н. К. Гудзия; сост., библиография, примечания и указатель имен А. А. Гозенпуда. М.: Просвещение.

²⁹⁹ Две последние фразы цитировались, см.: Эйхенбаум 1988: 326.

³⁰⁰ Николай Михайлович Каринский (1873–1935) – приват-доцент по кафедре русской словесности (см.: Отчет 1914: 17, 3-я паг.), славист, диалектолог, чл.-корр. АН (1921). Вероятно, имеется в виду составленная им хрестоматия по церковнославянскому языку (см.: Каринский 1911). Эйхенбаум слушал его лекции по церковнославянскому языку осенью 1911 (см.: Сальман 2014а: 449).

- Бем А. Л. 2001. Исследования. Письма о литературе / Сост. С. Г. Бочарова; предисловие и комментарий С. Г. Бочарова, И. З. Сурат. М.: Языки славянской культуры.
- Берков П. Н. 1967. Русские книголюбы: Очерки. М.; Л.: Советский писатель.
- Блок 1982. Блок в неизданной переписке и дневниках современников (1898–1921) / Вступительная ст. Н. В. Котрелева и З. Г. Минц; Публикация Н. В. Котрелева и Р. Д. Тименчика. – Александр Блок. Новые материалы и исследования: В 5 кн. Кн. 3. М.: Наука. С. 153–539 (Литературное наследство. Т. 92).
- Бороздин А. К. 1907. Русское религиозное разномыслие. 2-е доп. изд. СПб.: Прометей.
- Бороздин А. К. 1998. Протопоп Аввакум. Ростов-на-Дону: Феникс.
- Буренин Н. Е. 1934. Организация «боевой технической группы» 1901–1904. – Первая боевая организация большевиков. 1905–1907 гг.: Статьи, воспоминания и документы / Сост. С. М. Познер; с предисловием М. Горького. М.: Старый большевик. С. 37–58.
- Буш В. В. 1920. Илья Александрович Шляпкин (Некролог). Пг.: Типография Российской Академии наук.
- Венгеров С. А. 1920. Автобиография Семена Афанасьевича Венгерова. Пб.: [б. и.].
- Весь Петроград 1917. Весь Петроград на 1917 год. [СПб.]: Издание Т-ва А. С. Суворина – «Новое время».
- Волин В. М. 2005. Неизвестная революция: 1917–1921 / Пер. с французского Ю. В. Гусевой; предисловие П. Аврича; примечания А. Дубовика. М.: НПЦ «Праксис».
- Волошин М. А. 1914. Лики творчества. Кн. 1. СПб.: Аполлон.
- Волошин М. А. 1989. Лики творчества / Изд. подготовили В. А. Мануйлов, В. П. Купченко, А. В. Лавров. 2-е изд., стереотип. Л.: Наука.
- Востриков А. В., Лейбова А. В., Лейбов К. Г. 1995. Библиотека Бестужевских курсов: Книжное собрание И. А. Шляпкина. – Невский архив: Историко-краеведческий сборник. [Вып.] II. М.; СПб.: Atheneum; Феникс. С. 398–413.
- Всероссийский съезд 1917. Всероссийский съезд преподавателей русского языка и словесности, 1-й. Москва 1916–1917. М.: Печатня А. Снегиревой.

- Высылка 2005. Высылка вместо расстрела: Депортация интеллигенции в документах ВЧК – ГПУ. 1921–1923 / Вступительная ст., сост. В. Г. Макарова, В. С. Христофорова; комментарии В. Г. Макарова. М.: Русский путь.
- Гапоненков А. А. 2004. Журнал «Русская Мысль» 1907–1918 гг.: Редакционная программа, литературно-философский контекст. Саратов: Издательство Саратовского университета.
- Генрих Ягода 1997. Генрих Ягода: Нарком внутренних дел СССР, Генеральный комиссар государственной безопасности. Сборник документов / Сост. В. К. Виноградов и др. Казань: Издание Карачаево-Черкесского отделения Российской инженерной академии.
- Гинцбург Д. Г. 1915. О русском стихосложении: Опыт исследования ритмического строя стихотворений Лермонтова / Под ред. и с предисловием Г. М. Князева. Пг.: Тип. Т-ва М. О. Вольф.
- Гинцбург Д. Г. 2012. О русском стихосложении: Опыт исследования ритмического строя стихотворений Лермонтова / Под ред. и с предисловием Г. М. Князева. 2-е изд. М.: URSS; ЛИБРОКОМ.
- Гоголь Н. В. 1938. Полн. собр. соч.: В 14-ти тт. Т. 3: Повести. [М.]: Издательство Академии наук СССР.
- Гоголь Н. В. 1952. Полн. собр. соч.: В 14-ти тт. Т. 8: Статьи. [М.]: Издательство Академии наук СССР.
- Гоголь Н. В. 1952. Полн. собр. соч.: В 14-ти тт. Т. 12. Письма. 1842–1845 [М.]: Издательство Академии наук СССР.
- Годин Я. В. 1913. Северные дни. Первая книга стихов. СПб.: Дружба.
- Голицына В. Г. 1983. Наш институт, наши учителя. – Воспоминания о Тынянове. Портреты и встречи / Сост. В. А. Каверин. М.: Советский писатель.
- Гречишкин С. С. 1978. Архив Л. Я. Гуревич. – Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1976 год. Л.: «Наука». Ленинградское отделение. С. 3–29.
- Грильпарцер Ф. 1923. Пьесы / Пер. А. А. Блока, Е. Р. Малкиной, С. Тужимы; ред. Н. Гумилева, М. Лозинского; вступительная ст., предисловие, примечания Ф. Ф. Зелинского. Т. 1. М.; Пг.: Государственное издательство.
- Гуревич Л. Я. 1982. Из воспоминаний о Блоке / Вступительная ст. Е. И. Поляковой. – Александр Блок. Новые материалы и исследования: В 5-ти кн. Кн. 3. М.: Наука. С. 839–849 (Литературное наследство. Т. 92).

- Д. К. 1916. [Обзор журнала] «Русская школа» за ноябрь и декабрь 1915 и январь 1916. – Вестник образования и воспитания (Казань). 1916. № 3–4. С. 266–267.
- Дело А. А. Мейера 2006. / Публикация, подготовка текста, вступительная заметка и примечания И. А. Флиге, А. Ю. Даниэля. – Звезда. № 11. С. 157–207.
- Достоевский Ф. М., Соловьев Вл. С. 1915. Оправдание войны. М.: Религиозно-философская библиотека.
- Дружинин В. Г. 1923. Воспоминания о Шляпкине. – За сто лет. Воспоминания, статьи и материалы. Пг.: Издание 13-й советской трудовой школы. С. 97–106.
- Дружинин П. А. 2012. Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы: Документальное исследование: В 2-х тт. М.: Новое литературное обозрение.
- Дурылин С. Н. 1914. Судьба Лермонтова. – Русская мысль. Кн. X. С. 1–30, 2-я паг.
- Дурылин С. Н. 2013. Судьба Лермонтова. – М. Ю. Лермонтов: Pro et contra. Антология: В 2-х тт. Т. 1 / Сост. В. М. Марковича, Г. Е. Потаповой, Н. Ю. Даниловой. СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института. С. 641–675.
- Евлампиев И. И. 2004. От религиозного экзистенциализма к философии православия: Достижения и неудачи Ивана Ильина. – И. А. Ильин: Pro et contra. Личность и творчество Ивана Ильина в воспоминаниях, документах и оценках русских мыслителей и исследователей. Антология / Сост. И. И. Евлампиев. СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института. С. 7–64.
- Егоров И. В. 1982. В Петербургском университете. – Ленинградский университет в воспоминаниях современников: В 3-х тт. Т. II: 1895–1917. Л.: Издательство Ленинградского университета. С. 107–117.
- Жирмунский В. М. 2013. Начальная пора. Дневники. Переписка / Публикация, вступительная ст., комментариев В. В. Жирмунской-Аствацатуровой. М.: Новое литературное обозрение.
- Закржевский А. К. 1914. Рыцари безумия (Футуристы). Киев: Типография Акц. Об-ва „Петр Барский в Киеве“.
- Закржевский А. К. 1915. Лермонтов и современность. Киев: И. И. Самоненко.

- Замотин И. И. 1913. Ф. М. Достоевский в русской критике. Ч. I: 1846–1881. Варшава: Типография Окружного Штаба.
- Иванов В. А., Кокуев С. Б. 2001. Операция «Бывшие люди»: Ленинград, 1935 год (персональный список № 2). – История Петербурга. № 1. С. 70–74.
- Иванова Т. Г. 2006. Рукописный отдел Пушкинского дома. Исторический очерк. СПб.: Дмитрий Буланин.
- История русской литературы 1916. История русской литературы до XIX в. / Под ред. А. Е. Грузинского, Д. Н. Овсянико-Куликовского и П. Н. Сакулина. Т. 1. М.: Издание Т-ва „Мир“.
- Каверин В. А. 1983. Освещенные окна. – Каверин В. А. Собр. соч.: В 8-и тт. Т. 7. М.: Художественная литература.
- Каринский Н. М. 1911. Хрестоматия по древнецерковнославянскому и русскому языкам. Ч. 1: Древнейшие памятники. 2-е изд. СПб.: Я. Башмаков и К^о.
- Карташев А. В. 1916. Реформа, реформация и исполнение церкви. Пг.: Корабль.
- Келлерман Б. 1913. Японский театр. – Северные записки. № 5–6. С. 222–226.
- Кертис Дж. 2004. Борис Эйхенбаум: Его семья, страна и русская литература / Пер. с англ. Д. Баскина. СПб.: Академический проект.
- Кизеветтер А. А. 1910. Аракчеев. – Русская мысль. Кн. 11. С. 42–72, 2-я паг.; Кн. 12. С. 1–31, 2-я паг.
- Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана 1989. Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана: Аннотированный каталог. Публикации / Вступительная ст. Н. Г. Князевой. М.: Книга.
- Кроль Ю. Л. 2011. «Приплюсовали меня!». – Звезда. № 11. С. 176–182.
- Кроль Ю. Л. 2012. Имя из мартиролога: Лев Гальперин. – Русское искусство. № 1. С. 108–117.
- Крульчик К. 2014. Константин Хилинский (1881–1939) – польский исследователь античности. – Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. Сборник статей / Под ред. Э. Д. Фролова. Вып. 14. СПб.: Институт истории СПбГУ. С. 419–442.
- Лавров А. В. 2010. Б. М. Эйхенбаум в литературной газете «Ирида». – Vademecum. К 65-летию Лазаря Флейшмана / Сост. и ред. Андрея Устинова. М.: Водолей. С. 201–213.
- Лампрехт К. Г. 1909. Собирайте рисунки детей! Воззвание. М.: Типография „Труд“.

- Лейкина-Свирская В. Р., Селиванова И. В. 1993. Школа в Финском переулке. СПб.: Петербургский союз творческих групп «Просцениум».
- Лермонтов М. Ю. 1936. Смерть поэта. – Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч.: В 5-ти тт. Т. 2: Стихотворения. 1836–1841. М.; Л.: Academia.
- Лощинская Н. В. 1982. Александр Блок и Пушкинский Дом. – Пушкинский Дом. Статьи. Документы. Библиография. Л.: Наука. С. 13–36.
- Лукницкий П. Н. 2010. Труды и дни Н. С. Гумилева. СПб.: Наука.
- Лукоморье 1915. «Лукоморье»: Военные рассказы. Пг.: Типография Т-ва А. С. Суворина – «Новое время».
- Лурье Ф. М. 1990. Хранители прошлого. Журнал «Былое»: История, редакторы, издатели. Л.: Лениздат.
- Львов В. С. 2016. Молодой Эйхенбаум. – Вопросы литературы. № 6. С. 48–65.
- Мазинг Ю. А., Мазинг А. Ю. 2014. Первые исследования по генетике поведения в СССР: Розалия Андреевна (Генриховна) Мазинг и ее семья. – Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект. Вып. 8. СПб.: МАЭ РАН. С. 226–244.
- Максимов Г. П. (Гр. Лапотъ). 1922. За что и как большевики изгнали анархистов из России? (К освещению положения анархистов в России). S. I.: Издание Анархо-Коммун. группы.
- Мандельштам О. Э. 2010. Шум времени. – Мандельштам О. Э. Полн. собр. соч. и писем: В 3-х тт. Т. 2. М.: Прогресс-Плеяда. С. 205–258.
- Материалы 1915. Материалы по реформе средней школы: Примерные программы и объяснительные записки. Пг.: Сенатская типография.
- Матюрен Ч. Р. 1894. Мельмот-Скиталец. Т. 1–3. СПб.: Издание М. К. Ремезовой.
- Мец А. Г. 2009. Юрий Никольский: Уточнения к биографической справке. – Тыняновский сборник. Вып. 13. XII–XIII–XIV Тыняновские чтения. Исследования. Материалы. М.: Водолей. С. 568–569.
- Морозова О. Г. 1964. Одна судьба. – Новый мир. № 9. С. 86–150.
- Морозова О. Г. 1976. Одна судьба: Повесть. Л.: Советский писатель.
- Мочульский К. В. 1999. Письма к В. М. Жирмунскому / Вступительная ст., публикация и комментарий А. В. Лаврова. – Новое литературное обозрение. № 35. С. 117–214.
- Незабытые могилы 1999–2006. Незабытые могилы: Российское зарубежье. Некрологи 1917–2001: В 6-ти тт. / Сост. В. Н. Чуваков. Т. 6. Кн. 2. М.: Пашков Дом.

- Нехотин В. В. 2019. «Статьи популярно-разъяснительного толка»: Георгий Маслов в симбирской прессе 1917–1918 годов. – Симбирскъ. №1 (67). С. 8–16.
- Николаев С. И. 2014. И. А. Шляпкин в работе над собранием сочинений А. П. Сумарокова. – Russian Literature. Vol. LXXV. Nos. 1–4. С. 445–456.
- Никольский Ю. А. 1915а. [Рец. на:] Письма И. С. Тургенева к гр. Е. Е. Ламберт / С пред. и примечаниями Г. И. Георгиевского. М., 1915. – Северные записки. № 5–6. С. 259–260.
- Никольский Ю. А. 1915b. [Рец. на:] Тургеневский сборник. Тургеневский кружок под руководством Н. К. Пиксанова. Огни. – Северные записки. № 5–6. С. 260–262.
- Никоненко С. С. 1987. Письмо Блока В. В. Муйжелю в альбоме Ю. Л. Слезкина. – Александр Блок. Новые материалы и исследования: В 5-ти кн. Кн. 4. М.: Наука. С. 591–594 (Литературное наследство. Т. 92)
- Обозрение 1913. Обзорение преподавания наук на историко-филологическом факультете императорского С.-Петербургского университета в осеннем полугодии 1913 г. и в весеннем полугодии 1914 г. СПб.: [б. и.].
- Обозрение 1916. Обзорение преподавания наук на историко-филологическом факультете императорского Петроградского университета в осеннем полугодии 1916 года и в весеннем полугодии 1917 года. Пг.: [б. и.].
- Оношкович-Яцына А. И. 1993. Дневник 1919–1927 / Публикация Н. К. Телетовой. – Минувшее: Исторический альманах. [Вып.] 13. М.; СПб.: Atheneum; Феникс. С. 355–456.
- Орлова Е. И. 2012. Б. М. Эйхенбаум как литературный критик (три заметки к теме). – Русское литературоведение XX века: Имена, школы, концепции. / Под общей ред. О. А. Клинга и А. А. Холикова. М.; СПб.: Нестор-История. С. 57–66.
- Орлова Е. И. 2020. «Соединить работу журнальную с научной...» (Б. М. Эйхенбаум в еженедельнике «Запросы жизни» 1912 года). – Русская литература. № 2. С. 115–122.
- Осповат А. Л. 2012. К тючевским штудиям Б. М. Эйхенбаума 1910-х годов. – История литературы. Поэтика. Кино: Сборник в честь Мариэтты Омаровны Чудаковой. М.: Новое издательство. С. 268–273.
- [От редакции] 1917. Очередные задачи школьного строительства. – Русская школа. № 1. С. 1–14.

- Отчет 1911. Отчет о состоянии и деятельности императорского С.-Петербургского университета за 1910 год. СПб.: [б. и.].
- Отчет 1914. Отчет о состоянии и деятельности императорского С.-Петербургского университета за 1913 год. СПб.: [б. и.].
- Отчет 1916. Отчет о состоянии и деятельности императорского Петроградского университета за весеннее полугодие 1916 года. Пг.: [б. и.].
- Парнис А. Е., Тименчик Р. Д. 1985. Программы «Бродячей собаки». – Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1983. Л.: Наука. С. 160–257.
- Писатели 1995. Писатели современной эпохи: Биобиблиографический словарь. Т. 2 / Подготовлено к изд. Н. А. Богомоловым. М.: Русское библиографическое общество, ЭксПринт НВ.
- Погодин А. Л. 1913. Язык как творчество (Психологические и социальные основы творчества речи). Происхождение языка. Харьков: Типография „Мирный Труд“ (Вопросы теории и психологии творчества. Т. IV.)
- Протоколы 1915. Протоколы заседаний Совета императорского С.-Петербургского университета за 1913 год. № 69. Пг.: [б. и.].
- Пуриц Е. Ф. 1996. Воспоминания. – Знамя. №. 5. С. 159–177.
- Пушкин А. С. 1957. Евгений Онегин. Драматические произведения. – Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10-ти тт. Т. 5. М.: Издательство Академии наук СССР.
- Пушкинист 1914. Пушкинист: Историко-литературный сборник. [Вып.] I / Под ред. С. А. Венгерова. СПб.: Фототипия и Типография А. Ф. Дресслера.
- Пушкинист 1918. Пушкинист: Историко-литературный сборник. [Вып.] III. Пг.: Фототипия и Типография А. Ф. Дресслера.
- Пушкинский Дом 2005. Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905–2005. СПб.: Дмитрий Буланин.
- Пыпин А. Н. 1908. Белинский: Его жизнь и переписка. 2-е изд. [с примечаниями и дополнениями Е. А. Ляцкого]. СПб.: Колос.
- Пыпина В. А. 1923. Любовь в жизни Чернышевского: Размышления и воспоминания (По материалам семейного архива). Пг.: Путь к знанию.
- Райков Б. Е. 2011. На жизненном пути: Автобиографические очерки: В 2-х кн. / Вступительная ст. К. В. Манойленко и др.; примечания А. Г. Абайдулова и др. СПб.: Коло.

- Распятые 1993. Распятые писатели – жертвы политических репрессий. Вып. 1: Тайное становится явным / Автор-сост. З. Дичаров. СПб.: Северо-Запад.
- Ренье А. де. 1914. Маркиз д'Амеркёр. М.: Альциона.
- Робинсон М. А., Сазонова Л. И. 2014. К ранней научной биографии Б. М. Эйхенбаума. – Известия Воронежского государственного педагогического университета. Т. 265. № 4. С. 22–25.
- Розенталь Л. В. 2010. Непримечательные достоверности: Свидетельские показания любителя стихов начала XX века / Вступительная ст., публикация и комментарии Б. А. Рогинского. М.: Новое литературное обозрение.
- Рокитянский Я. Г., Мюллер Р. 1996. Красный диссидент: Академик Д. Б. Рязанов – оппонент Ленина, жертва Сталина. Биографический очерк. Документы. М.: Academia.
- Романовский С. И. 1997. Леонид Иванович Лутугин: 1864–1915. СПб.: Наука.
- Ростовцев Е. А. 2009. Университет столичного города (1905–1917). – Университет и город в России (начало XX века) / Под ред. Труде Маурер и Александра Дмитриева. М.: Новое литературное обозрение. С. 205–370.
- Ростовцев Е. А. 2013. А. С. Лаппо-Данилевский в Петербургской университетской корпорации. – Журнал социологии и социальной антропологии. Т. XVI. № 3. (68). С. 29–43.
- Русские писатели 1989–2019. Русские писатели: 1800–1917. Биографический словарь. Т. 1–6. М.: Большая Российская энциклопедия.
- Сакулин П. Н. 1914. Земля и небо в поэзии Лермонтова. – Венок М. Ю. Лермонтову: Юбилейный сборник. М.; Пг.: Издание Т-ва „В. В. Думнов, Наследники Бр. Салаевых“. С. 1–55.
- Сакулин П. Н. 2013. Земля и небо в поэзии Лермонтова. – М. Ю. Лермонтов: Pro et contra. Антология: В 2-х тт. Т. 1 / Сост. В. М. Марковича, Г. Е. Потаповой, Н. Ю. Даниловой. СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института. С. 594–640.
- Сальман М. Г. 2010. Осип Манделъштам: Годы учения в Санкт-Петербургском университете (по материалам Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга). – Russian Literature. Vol. LXVIII. Nos. 3–4. С. 447–499.

- Сальман М. Г. 2013a. Из школьных лет О. Э. Мандельштама. 1. Религиозный вопрос в Тенишевском училище. – Русская литература. № 3. С. 168–181.
- Сальман М. Г. 2013b. Из школьных лет О. Э. Мандельштама. 2. Одноклассники. – Русская литература. № 4. С. 200–211.
- Сальман М. Г. 2014a. Из студенческих лет Б. М. Эйхенбаума, Ю. Н. Тынянова и В. Б. Шкловского (По материалам Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга). – Russian Literature. Vol. LXXVI. No. 4. С. 447–509.
- Сальман М. Г. 2014b. К биографии Б. М. Эйхенбаума: Письма к М. К. Лемке. – Методология и практика русского формализма: Бриковский сборник. Вып. II. / Отв. ред. Г. В. Векшин. М.: Азбуковник. С. 617–623.
- Сальман М. Г. 2015. К родословной Ю. М. Лотмана. – Филологические записки. Вып. 32. Ч. 2. С. 718–726.
- Сальман М. Г. 2016. К биографии Ю. Г. Оксмана (По материалам Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга). – Slavica Revalensia. [Vol.] III. Таллинн: Издательство Таллиннского университета. С. 129–170.
- Сальман М. Г. 2020. Из юношеских лет Елены Тагер (Материалы к биографии. 1895–1924). – Unacknowledged Legislators: Studies in Russian Literary History and Poetics in Honor of Michael Wachtel / Ed. by Lazar Fleishman, David M. Bethea and Ilya Vinitsky. Berlin: Peter Lang. P. 443–483 (Stanford Slavic Studies. Vol. 50).
- Семенович Е. 1916. Граф П. А. Толстой, один из главнейших сотрудников Петра Великого. Очерк. – Наша старина. № 7–8. С. 499–524; № 9–10. С. 636–654.
- Сеславинский М. В. 2011. Гумилев на книжной полке. – Про книги. Журнал библиофила. № 4 (20). С. 6–21.
- Соболев А. Л. s. a. К биографии А. Н. Егунова (одноклассники). Начало. – [URL: <https://lucas-v-leyden.livejournal.com/258644.html>]
- Соловьев В. Н. 1918. Памяти И. А. Шляпкина. – Сборник историко-театральной секции. Т. 1. Раздел 1. Пг.: Первая государственная типография. С. 1–16.
- Соловьев И. 1917. Первый всероссийский съезд преподавателей русского языка средней школы (27 декабря – 4 января). – Вестник воспитания. № 1. С. 45–79, 2-я паг.
- Сперанский М. Н. 1917. Русская устная словесность. Введение в историю устной русской словесности. Устная поэзия повествовательного

- характера. Пособие к лекциям на Высших женских курсах в Москве. М.: Типолитография Т-ва И. Н. Кушнерев и К^о.
- Старцев В. И. 2004. Тайны русских масонов. 3-е изд., доп. СПб.: Издательство «Д. А. Р. К.».
- Стасюлевич М. М. 1911–1913. М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке / Под ред. М. К. Лемке: В 5-ти тт. СПб.: Типография М. Стасюлевича.
- Струве Г. П. 1979. К истории русской поэзии 1910-х – начала 1920-х годов. Berkeley: Berkeley Slavic Specialties (Modern Russian Literature and Culture. Studies and Texts. Vol. 1).
- Струве Г. П., Вейдле В. В. 2002. «Откликаюсь фрагментами из собственной биографии...»: Эпизод переписки Г. П. Струве и В. В. Вейдле / Публикация, подготовка текста, предисловие и комментарии Е. Б. Белодубровского. – Новый мир. № 9. С. 133–142.
- Судьба Юрия Никольского 1996. Судьба Юрия Никольского (Из писем Ю. А. Никольского к семье Гуревич и Б. А. Садовскому. 1917–1921) / Публикация С. В. Шумихина. – Минувшее: Исторический альманах. [Вып.] 19. М.; СПб.: Atheneum; Феникс. С. 135–209.
- Тагер Е. М. 1966. О Мандельштаме. Воспоминания / Публикация и комментарий Г. П. Струве. New York: Rausen Language Division.
- Телетова Н. К. 1998. «Дело лицеистов» 1925 года. – Звезда. № 6. С. 115–131.
- Тименчик Р. Д. 1986. Тынянов и некоторые тенденции эстетической мысли 1910-х годов. – Тыняновский сборник: Вторые Тыняновские чтения. Рига: Зинатне. С. 59–70.
- Тименчик Р. Д. 1988. Тынянов и «литературная культура» 1910-х годов. – Тыняновский сборник: Третьи Тыняновские чтения. Рига: Зинатне. С. 159–173.
- Тименчик Р. Д. 1998. О трудах и днях Ахматовой. – Новое литературное обозрение. № 1 (29). С. 409–428.
- Тименчик Р. Д. 2008. Что вдруг. Статьи о русской литературе прошлого века. М.; Иерусалим: Мосты культуры; Гешарим.
- Тименчик Р. Д. 2017. Подземные классики: Иннокентий Анненский. Николай Гумилев. М.; Иерусалим: Мосты культуры; Гешарим.
- Тоддес Е. А. (при участии М. О. Чудаковой) 2019. Прототипы одного романа. – Тоддес Е. А. Избранные труды по русской литературе и филологии. М.: Новое литературное обозрение. С. 204–219.

- Тоддес Е. А., Чудаков А. П. 1983. О статье Б. М. Эйхенбаума для журнала «Русская школа». – Преподавание литературного чтения в эстонской школе. Методические разработки. Таллин: Таллинский педагогический институт им. Э. Вильде. С. 166–173.
- Тренделенбург Ф. А. 1868. Логические исследования / Пер. Е. Корша. Ч. 1–2. М.: К. Солдатенков.
- Тютчев Ф. И. 1914. Письма Ф. И. Тютчева к жене. – Старина и новизна. № 18. С. 1–63.
- Тютчев Ф. И. 1915. Письма Ф. И. Тютчева к жене. – Старина и новизна. № 19. С. 104–276.
- Фишер В. М. 1914. Поэтика Лермонтова. – Венок М. Ю. Лермонтову: Юбилейный сборник. М.; Пг.: Издание Т-ва „В. В. Думнов, Наследники Бр. Салаевых“. С. 196–236.
- Флобер Г. [1915]. Переписка. – Флобер Г. Полн. собр. соч. Т. 8. Ч. 1: Письма к племяннице с приложением «Интимных воспоминаний» Каролины Комманвиль / Пер. с фр. А. А. Кублицкой-Пиоттух; под ред. А. Блока. СПб.: Шиповник.
- Флобер Г. 1956. Письма. – Флобер Г. Собр. соч.: В 5-ти тт. Т. 5. М.: Правда.
- Фолькельт И. Э. 1899. Современные вопросы эстетики / Перевод с нем. Н. Штрупа. СПб.: Образование.
- Френкель З. Г. 2009. Записки и мемуары о пройденном жизненном пути / Публикация, составление, комментарий и вступительная ст. Р. Б. Самовал. СПб.: Нестор-История.
- Фролов М. А. 2017. Из истории отечественной пушкинистики 1910-х годов: Неизвестная работа Г. В. Маслова из архива редакции журнала «Голос минувшего» / Ст., подготовка текста и комментарий М. А. Фролова. – Литературная жизнь. Статьи. Публикации. Мемуары. Памяти А. Ю. Галушкина / Сост. М. П. Одесский, М. Л. Спивак. М.: ИМЛИ РАН. С. 285–303.
- Хачатурян Л. В. 2018. От «Метафизики войны» к «Молодому Толстому» (по материалам дневниковых тетрадей Б. М. Эйхенбаума 1910–1915 гг.). – Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. Кн. 3. Письма и дневники в русском литературном наследии XX века. М.: ИМЛИ РАН. С. 513–518.
- Ходасевич В. Ф. 1996. Державин (к столетию со дня смерти). – Ходасевич В. Ф. Собр. соч.: В 4-х тт. Т. 2: Записная книжка. Статьи о русской поэзии. Литературная критика 1922–1939. М.: Согласие. С. 39–47.

- Чацкина С. И. 1929. Первые на полюсе: Повесть о Роальде Амундсене и Роберте Скотте. М.; Л.: Государственное издательство.
- Чацкина С. И. 1930. Маленький Диккенс: Биографическая повесть. М.; Л.: Государственное издательство.
- Черных В. А. 2016. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой: 1889–1966. 3-е изд., исправленное и дополненное. М.: Азбуковник.
- Чехов А. П. 1976. Полн. собр. соч. и писем: В 30-ти тт. Письма: В 12-ти тт. Т. 3: Письма. Октябрь 1888 – декабрь 1889. М.: Наука.
- Чудакова М. О., Тоддес Е. А. 1984. Тынянов в воспоминаниях современника (сообщение). – Тыняновский сборник. Первые Тыняновские чтения (г. Резекне, май 1982). Рига: «Зинатне». С. 78–104.
- Чудакова М. О., Тоддес Е. А. 1987. Страницы научной биографии Б. М. Эйхенбаума. – Вопросы литературы. № 1. С. 128–162.
- Чуковская Л. К. 1997. Записки об Анне Ахматовой. Т. 1: 1938–1941. М.: Согласие.
- Шапорина Л. В. 2011. Дневник: В 2-х тт. / Вступительная ст., подготовка текста, комментарий В. Ф. Петровой и В. Н. Сажина. М.: Новое литературное обозрение.
- Шаховской Д. И. 1992. Письма о Братстве / Публикация Ф. Ф. Перченка, А. Б. Рогинского, М. Ю. Сорокиной. – Звенья. Исторический альманах. Вып. 2 / Ред.-сост. А. И. Добкин, Н. Г. Охотин, А. Б. Рогинский, М. Ю. Сорокина. СПб.: Феникс; Atheneum. С. 174–318.
- Школьные экскурсии 1910. Школьные экскурсии. Их значение и организация. Сборник статей / Под ред. Б. Е. Райкова. СПб.: Типография Б. М. Вольфа.
- Шляпкин И. А. 1902. «Портрет» Гоголя и «Мельмот Скиталец» Матюрена. – Литературный вестник. Т. III. Кн. 1. С. 66–68.
- Шляпкин И. А. 1915. Немецкое зло. – «Немецкое зло»: Сборник статей, посвященных вопросу о борьбе с нашей «внутренней Германией». Вып. 1. М.: Типография А. И. Мамонтова. [URL: http://www.voskres.ru/articles/schljapkin.htm#_ftnref1]
- Шруба М. 2004. Литературные объединения Москвы и Петербурга 1890–1917 годов. М.: Новое литературное обозрение.
- Щерба Л. В. 1957. Избранные работы по русскому языку / Подбор текстов, ред., предисловие, примечания М. И. Матусевич. М.: Учпедгиз.
- Эйхенбаум Б. М. 1912. [Рец. на:] Яков Годин. Северные дни. Первая книга стихов. СПб., 1913. – Запросы жизни. № 49. Стб. 2835–2836.

- Эйхенбаум Б. М. 1913а. Достоевский в иностранной критике. – Северные записки. № 4. С. 123–130.
- Эйхенбаум Б. М. 1913b. [Рец. на:] Ю. Айхенвальд. Силуэты рус. писателей. Вып. II. Изд. 3-е. М., 1913. – Русская мысль. № 9. С. 330–331.
- Эйхенбаум Б. М. 1913с. [Рец. на:] И. И. Замотин. Ф. М. Достоевский в рус. критике. Ч. I. 1846–1881. Варшава, 1913. – Русская мысль. № 9. С. 332–333.
- Эйхенбаум Б. М. 1913d. [Рец. на:] Проф. А. Л. Погодин. Язык как творчество. Харьков, 1913. – Русская мысль. № 9. С. 334–335.
- Эйхенбаум Б. М. 1913е [Два стихотворения]. – Гиперборей. № 5 (февраль). С. 25.
- Эйхенбаум Б. М. 1914а. Рихард Демель. – Северные записки. № 3. С. 124–136.
- Эйхенбаум Б. М. 1914b. [Рец. на:] Анри де Ренье. Маркиз д'Амеркёр. Перевод Максимилиана Волошина. Альциона Москва, 1914. – Северные записки. № 3. С. 193–194.
- Эйхенбаум Б. М. 1914с. [Рец. на:] М. Моравская. Апельсинные корки. Стихи для детей. – Русская мысль. № 2. Отдел II. С. 60.
- Эйхенбаум Б. М. 1914d. О Чехове. – Северные записки. № 7. С. 167–174.
- Эйхенбаум Б. М. 1915а. [Рец. на:] Александр Закржевский. Лермонтов и современность. Киев: И. И. Самоненко, 1915. – Северные записки. № 2. С. 228–230.
- Эйхенбаум Б. М. 1915b. [Рец. на:] Максимилиан Волошин. Лики творчества. Книга первая. Изд. «Аполлон». Спб., 1914. – Русская мысль. № 5. Отдел XX. С. 3–4.
- Эйхенбаум Б. М. 1915с. О принципах изучения литературы в средней школе. – Русская школа. № 12. Отдел I. С. 110–128.
- Эйхенбаум Б. М. 1916а. Новые стихи Н. Гумилева. – Русская мысль. № 2. Отдел III. С. 17–19.
- Эйхенбаум Б. М. 1916b. Поэтика Державина. – Аполлон. № 8 (октябрь). С. 23–45.
- Эйхенбаум Б. М. 1916с. [Рец. на:] Письма Ф. И. Тютчева к его жене. – Русская мысль. № 3. С. 16–22.
- Эйхенбаум Б. М. 1916d. [Рец. на:] Сербский эпос. Перевод Н. М. Гальковского. «Памятники мировой литературы». М.: Издательство М. и С. Сабашниковых, 1916. – Русская мысль. № 6. С. 2–3.
- Эйхенбаум Б. М. 1917. Юбилейная печать о Державине и Карамзине. – Русская школа. № 2–3–4. С. 9–11.

- Эйхенбаум Б. М. 1922. Ю. А. Никольский. – Литературные записки. № 1. С. 14.
- Эйхенбаум Б. М. 1924. Сквозь литературу. Л.: Academia.
- Эйхенбаум Б. М. 1928. Лев Толстой. Книга первая. 50-ые годы. Л.: Прибой.
- Эйхенбаум Б. М. 1929. Мой современник. Л.: Издательство писателей в Ленинграде.
- Эйхенбаум Б. М. 1983. О принципах изучения литературы в средней школе / Предисловие [А. Ф. Белоусова]; примечания Е. А. Тоддеса и А. П. Чудакова. – Преподавание литературного чтения в эстонской школе. Методические разработки. Таллин: Таллинский педагогический институт им. Э. Вильде. С. 138–165.
- Эйхенбаум Б. М. 1984. «Цель человеческой жизни – творчество» (Письма Б. М. Эйхенбаума к родным) / Публикация Г. Д. Эндзиной. – Встречи с прошлым. Вып. 5. М.: Советская Россия. С. 117–138.
- Эйхенбаум Б. М. 1987. О литературе / Сост. О. Б. Эйхенбаум, Е. А. Тоддеса; Вступительная ст. М. О. Чудаковой, Е. А. Тоддеса; комментарий Е. А. Тоддеса, М. О. Чудаковой, А. П. Чудакова. М.: Советский писатель.
- Эйхенбаум Б. М. 1988. Переписка Б. М. Эйхенбаума и В. М. Жирмунского / Публикация Н. А. Жирмунской и О. Б. Эйхенбаум; вступительная ст. Е. А. Тоддеса; Примечания Н. А. Жирмунской и Е. А. Тоддеса. – Тыняновский сборник. Третьи Тыняновские чтения. Рига: Зинатне. С. 256–329.
- Эйхенбаум Б. М. 1993. Дневник 1917–1918 гг. / Публикация и подготовка текста О. Б. Эйхенбаум, Примечания В. В. Нехотина. – De visu. № 1 (2). С. 11–27.
- Эйхенбаум Б. М. 1996. Письма Б. М. Эйхенбаума к А. С. Долинину / Подготовка текста, вступительная заметка, примечания А. А. Долининой. – Звезда. № 5. С. 176–189.
- Эйхенбаум Б. М. 1997а. Письма к брату Всеволоду / Предисловие, публикация и примечания А. Н. Акиншина и О. Г. Ласунского. – Филологические записки. Вып. 8. С. 191–230.
- Эйхенбаум Б. М. 1997б. Страницы дневника. Материалы к биографии Б. М. Эйхенбаума / Предисловие, публикация и примечания А. С. Крюкова. – Филологические записки. Вып. 8. С. 230–251.
- Эйхенбаум Б. М. 2000. Душа Москвы. – Москва – Петербург: Pro et contra. Антология. СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института. С. 365–372.

- Эйхенбаум Б. М. 2001. Мой современник: Художественная проза и избранные статьи 20–30-х годов / Сост. Ю. Бережновой. СПб.: ИНАПРЕСС.
- Эйхенбаум Б. М. 2013. Лермонтов как историко-литературная проблема. – М. Ю. Лермонтов: Pro et contra. Антология: В 2-х тт. Т. 1 / Сост. В. М. Марковича, Г. Е. Потаповой, Н. Ю. Даниловой. СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института. С. 725–754.
- Эйхенбаум Б. М., Никольский Ю. А. 1915. Д. С. Мережковский-критик. – Северные записки. № 4. С. 130–138; 138–146.
- Эльзон М. Д. 1996. Н. С. Гумилев. Письмо к Е. Р. Малкиной. – Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1992 год. СПб.: Академический проект. С. 215–218.
- Эльзон М. Д. 2003. «Речь Сталина я слышала из его уст» / Публикация, вступительная заметка, примечания М. Д. Эльзона. – Звезда. № 2. С. 190–192.
- Эльзон М. Д. 2006. Ахматова и сестры Малкины. – «Я всем прощение дарую...». Ахматовский сборник / Под общей ред. Д. Макфадьена и Н. И. Крайневой; сост. Н. И. Крайнева. М.; СПб.: Альянс-Архео. С. 230–238.
- Юнгтрен М. 2001. Русский Мефистофель: Жизнь и творчество Эмилия Метнера / Пер. с английского А. В. Скидана. СПб.: Академический проект.
- Яковлев А. Н. s. a. «Большевикам этот человек был нужен...»: Между нами и Политбюро: Последние годы жизни Н. Н. Кутлера – бывшего царского министра, печатавшего советские деньги. 1921–1924 гг. – [URL: <https://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-intro/1022425>]
- Яремич С. П. 1911. Михаил Александрович Врубель. Жизнь и творчество / [Предисловие И. Грабаря]. М.: Издание И. Кнебель.
- Яремич С. П. 2005. Степан Петрович Яремич: В 3-х тт / Сост. И. И. Выдрин, В. П. Третьяков. Т. 1: Оценки и воспоминания современников. Статьи Яремича о современниках. СПб.: Сад искусств.
- Ëjchenbaum, O. 1985. Письма Б. М. Эйхенбаума к родителям (1905–1911). – *Revue des études slaves*. Т. 57. Fasc. 1. P. 11–25.
- Garonenkov, A. A. 1996. П. Б. Струве – редактор журнала Русская мысль (1907–1918). – *Cahiers du monde russe : Russie, Empire russe, Union soviétique, États indépendants*. Vol. 37. № 4. Octobre-décembre. P. 505–513.

REFERENCES

- Akin'shin, A. N. "Boris Mikhailovich Eikhenbaum v Voronezhe: Semeinoe i družeskoe okružhenie." *Izvestiia Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* 265, no. 4 (2014): 14–18.
- Azadovskii, K. M. *Mark Azadovskii, Iulian Oksman. Perepiska: 1944–1954*. Edited by Konstantin Azadovskii. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 1998.
- Azadovskii, K. M. and Timenchik, R. D. "K biografii N. S. Gumileva (vokrug dnevnikov i al'bomov F. F. Fidler)." *Russkaia literatura* 2 (1988): 171–85.
- Afanasova, N. A. *Zhiznennyi put'*. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Petersburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2005.
- Akhmatova, A. A. *Poema bez geroia*. Edited and annotated by R. D. Timenchik with V. Ia. Morderer. Moscow: Izdatel'stvo MPI, 1989.
- Beletskii, A. I. *Izbrannye trudy po teorii literatury*. Edited by N. K. Gudzii. Annotations by A. A. Gozenpud. Moscow: Prosveshchenie, 1964.
- Belodubrovskii, E. B. "'Otklikauius' fragmentami iz sobstvennoi biografii...? Epizod perepiski G. P. Struve i V. V. Weidle." *Novyi mir* 9 (2002): 133–142.
- Bem, A. L. *Issledovaniia. Pis'ma o literature*. Edited by S. G. Bocharov. Foreword and annotations by S. G. Bocharov and I. Z. Surat. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2001.
- Berkov, P. N. *Russkie knigoliuby: Ocherki*. Moscow and Leningrad: Sovetskii pisatel', 1967.
- Borozdin, A. K. *Russkoe religioznoe raznomyslie*. 2nd ed. Saint-Petersburg: Prometei, 1907.
- . *Protopop Avvakum*. Rostov-on-Don: Phoenix, 1998.
- Burenin, N. E. "Organizatsiia 'boevoi tekhnicheskoi gruppy' 1901–1904." In *Pervaia boevaia organizatsiia bol'shevikov. 1905–1907 gg.: Stat'i, vospominaniia i dokumenty*. Edited by S. M. Pozner. Foreword by Maxim Gorky, 37–58. Moscow: Staryi bol'shevik, 1934.
- Bush, V. V. *Il'ia Aleksandrovich Shliapkin (Nekrolog)*. Petrograd: Tipografiia Rossiiskoi Akademii nauk, 1920.
- Chatskina, S. I. *Pervye na poliuse: Povest' o Roal'de Amundsene i Roberte Scotte*. Moscow and Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1929.
- . *Malen'kii Dickens: Biograficheskaiia povest'*. Moscow and Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1930.
- Chernykh, V. A. *Letopis' zhizni i tvorchestva Anny Akhmatovoi: 1889–1966*. 3rd ed. Moscow: Azbukovnik, 2016.

- Chekhov, A. P. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem*. 30 vols. *Letters*. 12 vols. Vol. 3, *Pis'ma. Oktiabr' 1888 – dekabr' 1889*. Moscow: Nauka, 1976.
- Chudakova, M. O. and Toddes, E. A. "Tynianov v vospominaniiakh sovremennika (soobshchenie)." In *Tynianovskii sbornik. Pervye Tynianovskie chteniia* (g. Rezekne, mai 1982), 78–104. Riga: Zinatne, 1984.
- . "Stranitsy nauchnoi biografii B. M. Eikhenbauma." *Voprosy literatury* 1 (1987): 128–162.
- Chukovskaia, L. K. *Zapiski ob Anne Akhmatovoi*. Vol. 1, 1938–1941. Moscow: Soglasie, 1997.
- Curtis, J. *Boris Eikhenbaum: Ego sem'ia, strana i russkaia literatura*. Translated from the English by D. Baskin. Saint-Petersburg: Akademicheskii proekt, 2004.
- Gaponenkov, A. A. "P. B. Struve—redaktor zhurnala Russkaia mysl' (1907–1918)." *Cahiers du monde russe: Russie, Empire russe, Union soviétique, États indépendants* 37, no. 4 (1996): 505–13.
- . *Zhurnal "Russkaia Mysl'" 1907–1918 gg.: Redaktsionnaia programma, literaturno-filosofskii kontekst*. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 2004.
- Genrikh Iagoda: *Narkom vnutrennikh del SSSR, General'nyi komissar gosudarstvennoi bezopasnosti. Sbornik dokumentov*. Edited by V. K. Vinogradov et al. Kazan': Izdanie Karachaevo-Cherkesskogo otdeleniia Rossiiskoi inzhenernoi akademii, 1997.
- Gintsburg, D. G. *O russkom stikhoslozhenii: Opyt issledovaniia ritmicheskogo stroia stikhotvorenii Lermontova*. Edited and introduced by G. M. Kniazev. Petrograd: Tip. T-va M. O. Vol'f, 1915.
- . *O russkom stikhoslozhenii: Opyt issledovaniia ritmicheskogo stroia stikhotvorenii Lermontova*. Edited and introduced by G. M. Kniazev. 2nd ed. Moscow: URSS & LIBROKOM, 2012.
- Gogol', N. V. *Polnoe sobranie sochinenii*. 14 vols. Vol. 3, *Povesti*. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1938.
- . *Polnoe sobranie sochinenii*. 14 vols. Vol. 8, *Stat'i*. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1952.
- . *Polnoe sobranie sochinenii*. 14 vols. Vol. 12, *Pis'ma. 1842–1845*. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1952.
- Godin, Ia. V. *Severnnye dni. Pervaia kniga stikhov*. Saint-Petersburg: Druzhba, 1913.

- Golitsyna, V. G. "Nash institut, nashi uchitel'ia." In *Vospominaniia o Tynianove. Portrety i vstrechi*. Edited by V. A. Kaverin. Moscow: Sovetskii pisatel', 1983.
- Grechishkin, S. S. "Arkhir L. Ia. Gurevich." In *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo doma na 1976 god*, 3–29. Leningrad: "Nauka." Lenigradskoe otdelenie, 1978.
- Grillparzer, F. *P'esy*. Translated by A. A. Blok, E. R. Malkina, S. Tuzhima. Edited by N. Gumilev and M. Lozinsky. Foreword and annotations by F. F. Zelinsky. Vol. 1. Moscow and Petrograd: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1923.
- Gurevich, L. Ia. "Iz vospominanii o Bloke." Introduction by E. I. Poliakova. In *Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovaniia*. 5 vols. Vol. 3, 839–49. Moscow: Nauka, 1982.
- D. K. Review of *Russkaia shkola za noiabr' i dekabr' 1915 i ianvar' 1916*. *Vestnik obrazovaniia i vospitaniia* 3–4 (1916): 266–67.
- Dicharov, Z. *Raspiatye pisateli-zhertvy politicheskikh repressii*. Vol. 1, *Tainoe stanovitsia iavnyum*. Saint-Petersburg: Severo-Zapad, 1993.
- Dostoevskii, F. M. and Solov'ev, Vl. S. *Opravdanie voiny*. Moscow: Religiozno-filofskaia biblioteka, 1915.
- Druzhinin, V. G. "Vospominaniia o Shliapkinе." In *Za sto let. Vospominaniia, stat'i i materialy*, 97–106. Petrograd: Izdanie 13-i sovetskoi trudovoi shkoly, 1923.
- Druzhinin, P. A. *Ideologiiia i filologiiia. Leningrad, 1940-e gody: Dokumental'noe issledovanie*. 2 vols. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012.
- Durylin, S. N. "Sud'ba Lermontova." *Russkaia mysl'* 10 (1914): 1–30, 2nd pag.
- . "Sud'ba Lermontova." *M. Iu. Lermontov: Pro et contra. Antologiiia*. Edited by V. M. Markovich, G. E. Potapova, N. Iu. Danilova. 2 vols. Vol. 1, 641–75. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Russkogo Khristianskogo gumanitarnogo instituta, 2013.
- [Editorial]. "Ocherednye zadachi shkol'nogo stroitel'stva." *Russkaia shkola* 1 (1917): 1–14.
- Egorov, I. V. "V Peterburgskom universitete." *Leningradskii universitet v vospominaniiaakh sovremennikov*. 3 vols. Vol. 2, 1895–1917, 107–17. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1982.
- Eikhenbaum, B. M. Review of *Severnye dni. Pervaia kniga stikhov*, by Iakov Godin. *Zaprosy zhizni* 49 (1912): 2835–2836.
- . "Dostoevskii v inostrannoi kritike." *Severnye zapiski* 4 (1913): 123–30.
- . Review of *Silueti rus[sikh] pisatelei*. *Vyp. II. Izd. 3-e*, by Iu. Aikhenval'd. *Russkaia mysl'* 9 (1913): 330–31.

- . Review of *F. M. Dostoevskii v rus[skoi]. kritike. Ch. I. 1846–1881*, by I. I. Zamotin. *Russkaia mysl'* 9 (1913): 332–33.
- . Review of *Iazyk kak tvorchestvo*, by Prof. A. L. Pogodin. *Russkaia mysl'* 9 (1913): 334–35.
- . “[Two Poems].” *Giperborei* № 5 (1913): 25.
- . “Richard Dehmel.” *Severnye zapiski* 3 (1914): 124–36.
- . Review of *Markiz d’Amerker*, by Henri de Régnier. *Severnye zapiski* 3 (1914): 193–94.
- . Review of *Apel'sinnye korki. Stikhi dlia detei*, by M. Moravskaia. *Russkaia mysl'* 2, no. 2 (1914): 60.
- . “O Chekhove.” *Severnye zapiski* 7 (1914): 167–74.
- . Review of *Lermontov i sovremennost'*, by A. Zakrzhevskii. *Severnye zapiski* 2 (1915): 228–30.
- . Review of *Liki tvorchestva. Kniga pervaiia*, by M. Voloshin. *Russkaia mysl'* 5, 20 (1915): 3–4.
- . “O printsipakh izucheniia literatury v srednei shkole.” *Russkaia shkola* 12, no. 1 (1915): 110–28.
- . “Novye stikhi N. Gumileva.” *Russkaia mysl'* 2, no. 3 (1916): 17–19.
- . “Poetika Derzhavina.” *Apollon* 8 (1916): 23–45.
- . Review of *Pis'ma F. I. Tiutcheva k ego zhene*. *Russkaia mysl'* 3 (1916): 16–22.
- . Review of *Serbskii epos*, translated by N. M. Gal'kovskii. *Russkaia mysl'* 6 (1916): 2–3.
- . “Iubileinaia pechat' o Derzhavine i Karamzine.” *Russkaia shkola* 2–3–4 (1917): 9–11.
- . “Iu. A. Nikol'skii.” *Literaturnye zapiski* 1 (1922): 14.
- . *Skvoz' literaturu*. Leningrad: Academia, 1924.
- . *Lev Tolstoi. Kniga pervaiia. 50-e gody*. Leningrad: Priboi, 1928.
- . *Moi vremennik*. Leningrad: Izdatel'stvo pisatelei v Leningrade, 1929.
- . “O printsipakh izucheniia literatury v srednei shkole.” Foreword by [A. F. Belousov]. Annotations by E. A. Toddes and A. P. Chudakov. In *Prepodavanie literaturnogo chteniia v estonskoi shkole. Metodicheskie razrabotki*, 138–65. Tallinn: Tallinskii pedagogicheskii institut im. E. Vil'de, 1983.
- . “‘Tsel' chelovecheskoi zhizni–tvorchestvo’ (Pis'ma B. M. Eikhenbauma k rodnym).” Edited by G. D. Endzina. In *Vstrechi s proshlym*. Vol. 5, 117–38. Moscow: Sovetskaia Rossiia, 1984.

- . *O literature*. Edited by O. B. Eikhenbaum and E. A. Toddes. Introduction by M. O. Chudakova and E. A. Toddes. Annotations by E. A. Toddes, M. O. Chudakova and A. P. Chudakov. Moscow: Sovetskii pisatel', 1987.
- . "Perepiska B. M. Eikhenbauma i V. M. Zhirmunskogo." Edited by N. A. Zhirmunskaja and O. B. Eikhenbaum. Introduction by E. A. Toddes. Annotations by N. A. Zhirmunskaja and E. A. Toddes. In *Tynianovskii sbornik. Tret'i Tynianovskie chteniia*, 256–329. Riga: Zinatne, 1988.
- . "Dnevnik 1917–1918 gg." Edited by O. B. Eikhenbaum. Annotations by V. V. Nekhotin. *De visu* 1 (2) (1993): 11–27.
- . "Pis'ma B. M. Eikhenbauma k A. S. Dolininu." Edited, introduced and annotated by A. A. Dolinina. *Zvezda* 5 (1996): 176–89.
- . "Pis'ma k bratu Vsevolodu." Edited, introduced and annotated by A. N. Akin'shina and O. G. Lasunskii. *Filologicheskie zapiski* 8 (1997): 191–230.
- . "Stranitsy dnevnika. Materialy k biografii B. M. Eikhenbauma." Edited, introduced and annotated by A. S. Kriukov. *Filologicheskie zapiski* 8 (1997): 230–51.
- . "Dusha Moskvyy." In *Moskva – Peterburg: Pro et contra. Antologiya*, 365–72. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Russkogo Khristianskogo gumanitarnogo instituta, 2000.
- . *Moi vremennik: Khudozhestvennaya proza i izbrannye stat'i 20–30-kh godov*. Edited by Iu. Berezhnova. Saint-Petersburg: INAPRESS, 2001.
- . "Lermontov kak istoriko-literaturnaya problema." In *M. Iu. Lermontov: Pro et contra. Antologiya*. Edited by V. M. Markovich, G. E. Potapova and N. Iu. Danilova. Vol. 1, 725–54. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Russkogo Khristianskogo gumanitarnogo instituta, 2013.
- Eikhenbaum, B. M. and Nikol'skii, Iu. A. "D. S. Merezhkovskii-kritik." *Severnye zapiski* 4 (1915): 130–138, 138–146.
- Ėjxenbaum, O. "Pis'ma B. M. Eikhenbauma k roditeliam (1905–1911)." *Revue des études slaves* 57, no. 1 (1985): 11–25.
- El'zon, M. D. "N. S. Gumilev. Pis'mo k E. R. Malkinoi." In *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo doma na 1992 god*, 215–18. Saint-Petersburg: Akademicheskii proekt, 1996.
- . "Rech' Stalina ya slyshala iz ego ust." *Zvezda* 2 (2003): 190–92.
- . "Akhmatova i sestry Malkiny." In *"Ya vsem proshchenie daruiu..."*: *Akhmatovskii sbornik*. Edited by N. I. Kraineva and David MacFadyen, 230–38. Moscow and Saint-Petersburg: Al'ians-Arkheo, 2006.

- Evlampiev, I. I. "Ot religioznogo ekzistentsializma k filosofii pravoslaviia: Dostizheniia i neudachi Ivana Il'ina." *I. A. Il'in: Pro et contra. Lichnost' i tvorчество Ivana Il'ina v vospominaniiakh, dokumentakh i otsenkakh russkikh myslitelei i issledovatelei. Antologiya*. Edited by I. I. Evlampiev, 7–64. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Russkogo Khristianskogo gumanitarnogo instituta, 2004.
- Fisher, V. M. "Poetika Lermontova." In *Venok M. Iu. Lermontovu: Iubileinyi sbornik*, 196–236. Moscow and Petrograd: Izdanie T-va "V. V. Dumnov, Nasledniki Br. Salaevykh," 1914.
- Flaubert, G. "Perepiska." In *Polnoe sobranie sochinenii*. Vol. 8, bk. 1, *Pis'ma k plemiannitse s prilozheniem "Intimnykh vospominanii" Karoliny Kommanvil'*. Translated from the French by A. A. Kublitskaia-Piottukh. Edited by A. Blok. Saint-Petersburg: Shipovnik, 1915.
- . *Sobranie sochinenii*. 5 vols. Vol. 5, *Pis'ma*. Moscow: Pravda, 1956.
- Flige, I. A. and Daniel', A. Iu. "Delo A. A. Meiera." *Zvezda* 11 (2006): 157–207.
- Frenkel', Z. G. *Zapiski i memuary o proidennom zhiznennom puti*. Edited, introduced and annotated by R. B. Samoval. Saint-Petersburg: Nestor-Istoriia, 2009.
- Frolov, M. A. "Iz istorii otechestvennoi pushkinistiki 1910-kh godov: Neizvestnaia rabota G. V. Maslova iz arkhiva redaktsii zhurnala 'Golos minuvshogo'." In *Literaturnaia zhizn'. Stat'i. Publikatsii. Memuary. Pamiati A. Iu. Galushkina*. Edited by M. P. Odesskii and M. L. Spivak, 285–303. Moscow: IMLI RAN, 2017.
- Iakovlev, A. N. "'Bol'shevikam etot chelovek byl nuzhen...': Mezhdue narami i Politbiuro: Poslednie gody zhizni N. N. Kutlera-byvshogo tsarskogo ministra, pechatavshogo sovetskie den'gi. 1921–1924 gg." Accessed November 30, 2020. <https://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-intro/1022425>
- Iaremich, S. P. *Mikhail Aleksandrovich Vrubel'. Zhizn' i tvorчество*. [Foreword by I. Grabar']. Moscow: Izdanie I. Knebel', 1911.
- Ivanov, V. A. and Kokuev, S. B. "Operatsiia Byvshie liudi': Leningrad, 1935 god (personal'nyi spisok № 2)." *Istoriia Peterburga* 1 (2001): 70–74.
- Ivanova, T. G. *Rukopisnyi otdel Pushkinskogo doma. Istoricheskii ocherk*. Saint-Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2006.
- Istoriia russkoi literatury. Istoriia russkoi literatury do 19 v.* Edited by A. E. Gruzinskii, D. N. Ovsianiko-Kulikovskii i P. N. Sakulin. Vol. 1. Moscow: Izdanie T-va "Mir," 1916.

- Kaverin, V. A. "Osveshchennye okna." In *Sobranie sochinenii*. 8 vols. Vol. 7. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1983.
- Karinskii, N. M. *Khrestomatiia po drevnetserkovnoslavianskomu i russkomu iazykam*. Vol. 1, *Drevneishie pamiatniki*. 2nd ed. Saint-Petersburg: Ia. Bashmakov i K^o, 1911.
- Kartashev, A. V. *Reforma, reformatsiia i ispolnenie tserkvi*. Petrograd: Korabl', 1916.
- Kellerman, B. "Iaponskii teatr." *Severnye zapiski* 5–6 (1913): 222–26.
- Khachaturian, L. V. "Ot 'Metafiziki voiny' k 'Molodomu Tolstomu' (po materialam dnevnikovyykh tetradei B. M. Eikhenbauma 1910–1915 gg.)." In *Tekstologicheskii vremennik. Russkaia literatura 20 veka: Voprosy tekstologii i istochnikovedeniia*. Vol. 3, *Pis'ma i dnevniki v russkom literaturnom nasledii 20 veka*, 513–18. Moscow: IMLI RAN, 2018.
- Khodasevich, V. F. "Derzhavin (k stoletiiu so dnia smerti)." In *Sobranie sochinenii*. 4 vols. Vol. 2, *Zapisnaia knizhka. Stat'i o russkoi poezii. Literaturnaia kritika 1922–1939*, 39–47. Moscow: Soglasie, 1996.
- Kizeveter, A. A. "Arakcheev." *Russkaia mysl'* 11, 12 (1910): 42–72, 2nd pag., 1–31, 2nd pag.
- Knigi i rukopisi v sobranii M. S. Lesmana: Annotirovannyi katalog. Publikatsii*. Introduction by N. G. Kniazeva. Moscow: Kniga, 1989.
- Kotrelev, N. V., Mints, Z. G. and Timenchik, R. D. "Blok v neizdannoi perepiske i dnevnikakh sovremennikov (1898–1921)." In *Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovaniia*. 5 vols. Vol. 3, 153–539. Moscow: Nauka, 1982.
- Krol', Iu. L. "Pripliusovali menia!" *Zvezda* 11 (2011): 176–82.
- . "Imia iz martirologa: Lev Gal'perin." *Russkoe iskusstvo* 1 (2012): 108–17.
- Krul'chik, K. "Konstantin Khilinskii (1881–1939)–pol'skii issledovatel' antichnosti." *Mnemon: Issledovaniia i publikatsii po istorii antichnogo mira. Sbornik statei*. Edited by E. D. Frolov. Vol. 14, 419–42. Saint-Petersburg: Institut istorii SPbGU, 2014.
- Lavrov, A. V. "K. V. Mochul'skii. Pis'ma k V. M. Zhirmunskomu." *Novoe literaturnoe obozrenie* 35 (1999): 117–214.
- . "B. M. Eikhenbaum v literaturnoi gazete 'Irida'." *Vademecum: K 65-letiiu Lazaria Fleishmana*. Edited by Andrei Ustinov, 201–13. Moscow: Vodolei, 2010.
- Lamprekht, K. G. *Sobiraite risunki detei! Vozzvanie*. Moscow: Tipografiia "Trud," 1909.

- Leikina-Svirskaja, V. R. and Selivanova, I. V. *Shkola v Finskom pereulke*. Saint-Petersburg: Peterburgskii soizuz tvorcheskikh grupp "Prostsenium," 1993.
- Lermontov, M. Iu. "Smert' poeta." In *Polnoe sobranie sochinenii*. 5 vols. Vol. 2, *Stikhotvoreniia. 1836–1841*. Moscow and Leningrad: Academia, 1936.
- Ljunggren, M. *Russkii Mefistofel': Zhizn' i tvorchestvo Emiliia Metnera*. Translated from the English by A. V. Skidan. Saint-Petersburg: Akademicheskii proekt, 2001.
- Loshchinskaia, N. V. "Aleksandr Blok i Pushkinskii Dom." In *Pushkinskii Dom. Stat'i. Dokumenty. Bibliografiia*, 13–36. Leningrad: Nauka, 1982.
- Luknitskii, P. N. *Trudy i dni N. S. Gumileva*. Saint-Petersburg: Nauka, 2010.
- "Lukomor'e": *Voennye rasskazy*. Petrograd: Tipografiia T-va A. S. Suvorina—"Novoe vremia," 1915.
- Lur'e, F. M. *Khraniteli proshlogo. Zhurnal "Byloe": Istoriiia, redaktory, izdateli*. Leningrad: Lenizdat, 1990.
- L'vov, V. S. "Molodoi Eikhenbaum." *Voprosy literatury* 6 (2016): 48–65.
- M. M. Stasiulevich i ego sovremenniki v ikh perepiske. Edited by M. K. Lemke. 5 vols. Saint-Petersburg: Tipografiia M. Stasiulevicha, 1911–1913.
- Maksimov, G. P. (Gr. Lapot'). *Za chto i kak bol'sheviki izgnali anarkhistov iz Rossii? (K osveshcheniiu polozheniia anarkhistov v Rossii)*. S. l.: Izdanie Anarkho-Kommun. Gruppy, 1922.
- Mandel'shtam, O. E. "Shum vremeni." In *Polnoe sobranie sochinenii i pisem*. 3 vols. Vol. 2, 205–58. Moscow: Progress-Pleiada, 2010.
- Materialy po reforme srednei shkoly: Primernye programmy i ob"iasnitel'nye zapiski*. Petrograd: Senatskaia tipografiia, 1915.
- Maturin, Ch. R. *Mel'mot-Skitalets*. 3 vols. Saint-Petersburg: Izdanie M. K. Remezovoi, 1894.
- Mazing, Iu. A. and Mazing A. Iu. "Pervye issledovaniia po genetike povedeniia v SSSR: Rozaliia Andreevna (Genrikhovna) Mazing i ee sem'ia." In *Nemtsy v Sankt-Peterburge: Biograficheskii aspekt*. Vol. 8, 226–44. Saint-Petersburg: MAE RAN, 2014.
- Mets, A. G. "Iurii Nikol'skii: Utochneniia k biograficheskoi spravke." In *Tynianovskii sbornik*. Vol. 13, 12–13–14 Tynianovskie chteniia. Issledovaniia. Materialy, 568–69. Moscow: Vodolei, 2009.
- Morozova, O. G. "Odna sud'ba." *Novyi mir* 9 (1964): 86–150.
- . *Odna sud'ba: Povest'*. Leningrad: Sovetskii pisatel', 1976.
- Nezabytye mogily: Rossiiskoe zarubezh'e. Nekrologi 1917–2001*. Edited by V. N. Chuvakov. 6 vols. Moscow: Pashkov Dom, 1999–2006.

- Nekhotin, V. V. "Stat'i populiarno-raz'iasnitel'nogo tolka': Georgii Maslov v simbirskoi presse 1917–1918 godov." *Simbirsk* 67, no. 1 (2019): 8–16.
- Nikolaev, S. I. "I. A. Shliapkin v rabote nad sobraniiem sochinenii A. P. Sumarokova." *Russian Literature* 75, 1–4 (2014): 445–56.
- Nikol'skii, Iu. A. Review of *Pis'ma I. S. Turgeneva k gr. E. E. Lambert. Severnye zapiski* 5–6 (1915): 259–60.
- . Review of *Turgenevskii sbornik. Turgenevskii kruzhok pod rukovodstvom N. K. Piksanova. Severnye zapiski* 5–6 (1915): 260–62.
- Nikonenko, S. S. "Pis'mo Bloka V. V. Muizheliiu v al'bome Iu. L. Slezkina." In *Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovaniia*. 5 vols. Vol. 4, 591–94. Moscow: Nauka, 1987.
- Obozrenie prepodavaniia nauk na istoriko-filologicheskoi fakul'tete imperatorskogo S.-Peterburgskogo universiteta v osennem polugodii 1913 g. i v vesennem polugodii 1914 g.* Saint-Petersburg: [n. p.], 1913.
- Obozrenie prepodavaniia nauk na istoriko-filologicheskoi fakul'tete imperatorskogo Petrogradskogo universiteta v osennem polugodii 1916 goda i v vesennem polugodii 1917 goda.* Petrograd: [n. p.], 1916.
- Orlova, E. I. "B. M. Eikhenbaum kak literaturnyi kritik (tri zametki k teme)." In *Russkoe literaturovedenie 20 veka: Imena, shkoly, kontseptsii*. Edited by O. A. Kling i A. A. Kholikov, 57–66. Moscow and Saint-Petersburg: Nestor-Istoriia, 2012.
- . "'Soedinit' rabotu zhurnal'nuiu s nauchnoi...' (B. M. Eikhenbaum v ezhenedel'nike 'Zaprosy zhizni' 1912 goda)." *Russkaia literatura* 2 (2020): 115–22.
- Ospovat, A. L. "K tiutchevskim shtudiiam B. M. Eikhenbauma 1910-kh godov." In *Istoriia literatury. Poetika. Kino: Sbornik v chest' Marietty Omarovny Chudakovoi*, 268–73. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2012.
- Otchet o sostoianii i deiatel'nosti imperatorskogo S.-Peterburgskogo universiteta za 1910 god.* Saint-Petersburg: [n. p.], 1911.
- Otchet o sostoianii i deiatel'nosti imperatorskogo S.-Peterburgskogo universiteta za 1913 god.* Saint-Petersburg: [n. p.], 1914.
- Otchet o sostoianii i deiatel'nosti imperatorskogo Petrogradskogo universiteta za vesennii polugodie 1916 goda.* Petrograd: [n. p.], 1916.
- Parnis, A. E. and Timenchik, R. D. "Programmy 'Brodiachei sobaki'." *Pamiatniki kul'tury. Nove otkrytiia. Ezhegodnik 1983*, 160–257. Leningrad: Nauka, 1985.

- Perchenok, F. F., Roginskii, A. B. and Sorokina, M. Iu. "D. I. Shakhovskoi. Pis'ma o Bratstve" In *Zven'ia. Istoricheskii al'manakh*. Edited by A. I. Dobkin, N. G. Okhotin, A. B. Roginskii and M. Iu. Sorokina. Vol. 2, 174–318. Saint-Petersburg: Phoenix & Atheneum, 1992.
- Pisateli sovremennoi epokhi: Biobibliograficheskii slovar'*. Edited by N. A. Bogomolov. Vol. 2. Moscow: Russkoe bibliograficheskoe obshchestvo & EksPrint NV, 1995.
- Pogodin, A. L. *Iazyk kak tvorchestvo (Psikhologicheskie i sotsial'nye osnovy tvorchestva rechi). Proiskhozhdenie iazyka*. Kharkiv: Tipografiia "Mirnyi Trud," 1913.
- Protokoly zasedanii Soveta imperatorskogo S.-Peterburgskogo universiteta za 1913 god. № 69*. Petrograd: [n. p.], 1915.
- Purits, E. F. "Vospominaniia." *Znamia* 5 (1996): 159–77.
- Pushkin, A. S. *Evgenii Onegin*. In *Polnoe sobranie sochinenii*. 10 vols. Vol. 5, *Evgenii Onegin. Dramaticheskie proizvedeniia*. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1957.
- Pushkinist: Istoriko-literaturnyi sbornik*. Edited by S. A. Vengerov. Vol. 1. Saint-Petersburg: Fototipiia i Tipografiia A. F. Dresslera, 1914.
- Pushkinist: Istoriko-literaturnyi sbornik*. Vol. 3. Petrograd: Fototipiia i Tipografiia A. F. Dresslera, 1918.
- Pushkinskii Dom: Materialy k istorii. 1905–2005*. Saint-Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2005.
- Pypin, A. N. *Belinskii: Ego zhizn' i perepiska*. 2nd ed. Saint-Petersburg: Kolos, 1908.
- Pypina, V. A. *Liubov' v zhizni Chernyshevskogo: Razmyshleniia i vospominaniia (Po materialam semeinogo arkhiva)*. Petrograd: Put' k znaniu, 1923.
- Raikov, B. E. *Na zhiznennom puti: Avtobiograficheskie ocherki*. 2 vols. Saint-Petersburg: Kolo, 2011.
- Régnier, H. de. *Markiz d'Amerker*. Moscow: Alcyone, 1914.
- Robinson, M. A. and Sazonova, L. I. "K rannei nauchnoi biografii B. M. Eikhenbauma." *Izvestiia Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* 265, no. 4 (2014): 22–25.
- Rozental', L. V. *Neprimechatel'nye dostovernosti: Svidetel'skie pokazaniia liubitelia stikhov nachala 20 veka*. Edited, introduced and annotated by B. A. Roginskii. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010.
- Rokitianskii, Ia. G. and Miuller, R. *Krasnyi dissident: Akademik D. B. Riazanov – opponent Lenina, zhertva Stalina. Biograficheskii ocherk. Dokumenty*. Moscow: Academia, 1996.

- Romanovskii, S. I. *Leonid Ivanovich Lutugin: 1864–1915*. Saint-Petersburg: Nauka, 1997.
- Rostovtsev, E. A. “Universitet stolichnogo goroda (1905–1917).” In *Universitet i gorod v Rossii (nachalo 20 veka)*. Edited by Trude Maurer and Aleksandr Dmitriev, 205–370. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009.
- . “A. S. Lappo-Danilevskii v Peterburgskoi universitetskoi korporatsii.” *Zhurnal sotsiologii i sotsial’noi antropologii* 16, no. 3 (2013): 29–43.
- Russkie pisateli: 1800–1917. Biograficheskii slovar’*. 6 vols. Moscow: Bol’shaia Rossiiskaia entsiklopediia, 1989–2019.
- Sakulin, P. N. “Zemlia i nebo v poezii Lermontova.” In *Venok M. Iu. Lermontovu: Iubileinyi sbornik*, 1–55. Moscow and Petrograd: Izdanie T-va “V. V. Dumnov, Nasledniki Br. Salaevykh,” 1914.
- Sakulin, P. N. “Zemlia i nebo v poezii Lermontova.” In *M. Iu. Lermontov: Pro et contra. Antologiya*. Edited by V. M. Markovich, G. E. Potapova and N. Iu. Danilova. 2 vols. Vol. 1, 594–640. Saint-Petersburg: Izdatel’sтво Russkogo Khristianskogo gumanitarnogo instituta, 2013.
- Sal’mān, M. G. “Osip Mandel’shtam: Gody ucheniia v Sankt-Peterburgskom universitete (po materialam Tsentral’nogo gosudarstvennogo istoricheskogo arkhiva Sankt-Peterburga).” *Russian Literature* 68, 3–4 (2010): 447–99.
- . “Iz shkol’nykh let O. E. Mandel’shtama. 1. Religiozniy vopros v Tenishevskom uchilishche.” *Russkaia literatura* 3 (2013): 168–81.
- . “Iz shkol’nykh let O. E. Mandel’shtama. 2. Odnoklassniki.” *Russkaia literatura* 4 (2013): 200–11.
- . “Iz studencheskikh let B. M. Eikhenbauma, Iu. N. Tynianova i V. B. Shklovskogo (Po materialam Tsentral’nogo gosudarstvennogo istoricheskogo arkhiva Sankt-Peterburga).” *Russian Literature* 76, 4 (2014): 447–509.
- . “K biografii B. M. Eikhenbauma: Pis’mā k M. K. Lemke.” In *Metodologiya i praktika russkogo formalizma: Brikovskii sbornik*. Edited by G. V. Vekshin. Vol. 2, 617–23. Moscow: Azbukovnik, 2014.
- . “K rodoslovnoi Iu. M. Lotmana.” *Filologicheskie zapiski* 32, no. 2 (2015): 718–26.
- . “K biografii Iu. G. Oksmana (Po materialam Tsentral’nogo gosudarstvennogo istoricheskogo arkhiva Sankt-Peterburga).” *Slavica Revalensia* 3 (2016): 129–70.
- . “Iz iunosheskikh let Eleny Tager (Materialy k biografii. 1895–1924).” In *Unacknowledged Legislators: Studies in Russian Literary History and Poetics*

- in Honor of Michael Wachtel*. Edited by Lazar Fleishman, David M. Bethea and Ilya Vinitsky, 443–83. Berlin et al.: Peter Lang, 2020.
- Schruba, M. *Literaturnye ob"edineniia Moskvyy i Peterburga 1890–1917 godov*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2004.
- Semenovich, E. "Graf P. A. Tolstoi, odin iz glavneishikh sotrudnikov Petra Velikogo. Ocherk." *Nasha starina* 7–8, 9–10 (1916): 499–524, 636–54.
- Seslavinskii, M. V. "Gumilev na knizhnoi polke." *Pro knigi. Zhurnal bibliofila* 20, no. 4 (2011): 6–21.
- Shaporina, L. V. *Dnevnik*. Edited, introduced and annotated by V. F. Petrova and V. N. Sazhin. 2 vols. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011.
- Shcherba, L. V. *Izbrannye raboty po russkomu iazyku*. Edited, introduced and annotated by M. I. Matusevich. Moscow: Uchpedgiz, 1957.
- Shkol'nye ekskursii. *Ikh znachenie i organizatsiia. Sbornik statei*. Edited by B. E. Raikova. Saint-Petersburg: Tipografiia B. M. Vol'fa, 1910.
- Shliapkin, I. A. "Portret' Gogolia i 'Mel'mot Skitalets' Matiurena." *Literaturnyi vestnik* 3, no. 1 (1902): 66–68.
- . "Nemetskoe zlo." In "Nemetskoe zlo": *Sbornik statei, posviashchennykh voprosu o bor'be s nashei "vnutrennei Germaniei"*. Vol. 1. Moscow: Tipografiia A. I. Mamontova, 1915. Accessed November 30, 2020. http://www.voskres.ru/articles/schliapkin.htm#_ftnref1
- Shumikhin, S. V. "Sud'ba Iurii Nikol'skogo (Iz pisem Iu. A. Nikol'skogo k sem'e Gurevich i B. A. Sadovskomu. 1917–1921)." In *Minuvshee: Istoricheskii al'manakh*. Vol. 19, 135–209. Moscow and Saint-Petersburg: Atheneum & Phoenix, 1996.
- Sobolev, A. L. "K biografii A. N. Egunova (odnoklassniki). Nachalo." Accessed November 30, 2020. <https://lucas-v-leyden.livejournal.com/258644.html>
- Solov'ev, V. N. "Pamiati I. A. Shliapkina." In *Sbornik istoriko-teatral'noi sekti*. Vol. 1, pt. 1, 1–16. Petrograd: Pervaia gosudarstvennaia tipografiia, 1918.
- Solov'ev, I. "Pervyi vserossiiskii s"ezd prepodavatelei russkogo iazyka srednei shkoly (27 dekabria – 4 ianvaria)." *Vestnik vospitaniia* 1 (1917): 45–79, 2nd pag.
- Speranskii, M. N. *Russkaia ustnaia slovesnost'. Vvedenie v istoriiu ustnoi russkoi slovesnosti. Ustnaia poeziia povestvovatel'nogo kharaktera. Posobie k lekti*. Moscow: Tipolitografiia T-va I. N. Kushnerev i K°, 1917.
- Startsev, V. I. *Tainy russkikh masonov*. 3rd ed. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo "D. A. R. K.," 2004.

- Stepan Petrovich Iaremich*. Edited by I. I. Vydrin, V. P. Tret'iakov. 3 vols. Vol. 1, *Otsenki i vospominaniia sovremennikov. Stat'i Iaremicha o sovremennikakh*. Saint-Petersburg: Sad iskusstv, 2005.
- Struve, G. P. *K istorii russkoi poezii 1910-kh – nachala 1920-kh godov*. Berkeley: Berkeley Slavic Specialties, 1979.
- Tager, E. M. *O Mandel'shtame. Vospominaniia*. Edited and annotated by G. P. Struve. New York: Rausen Language Division, 1966.
- Teletova, N. K. "A. I. Onoshkovich-Iatsyna. Dnevnik 1919–1927." In *Minuvshee: Istoricheskii al'manakh*. Vol. 13, 355–456. Moscow and Saint-Petersburg: Atheneum & Phoenix, 1993.
- . "Delo litseistov' 1925 goda." *Zvezda* 6 (1998): 115–31.
- Timenchik, R. D. "Tynianov i nekotorye tendentsii esteticheskoi mysli 1910-kh godov." In *Tynianovskii sbornik: Vtorye Tynianovskie chteniia*, 59–70. Riga: Zinatne, 1986.
- . "Tynianov i 'literaturnaia kul'tura' 1910-kh godov." In *Tynianovskii sbornik: Tret'i Tynianovskie chteniia*, 159–73. Riga: Zinatne, 1988.
- . "O trudakh i dniakh Akhmatovoi." *Novoe literaturnoe obozrenie* 29, no. 1 (1998): 409–28.
- . *Chto vdrug. Stat'i o russkoi literature proshlogo veka*. Moscow and Jerusalem: Mosty kul'tury & Geshtarim, 2008.
- . *Podzemnye klassiki: Innokentii Annenskii. Nikolai Gumilev*. Moscow and Jerusalem: Mosty kul'tury & Geshtarim, 2017.
- Toddes, E. A. with Chudakova, M. O. "Prototipy odnogo romana." In *Izbrannye trudy po russkoi literature i filologii* by E. A. Toddes, 204–19. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019.
- Toddes E. A., Chudakov, A. P. "O stat'e B. M. Eikhenbauma dlia zhurnala 'Russkaia shkola'." In *Prepodavanie literaturnogo chteniia v estonskoi shkole. Metodicheskie razrabotki*, 166–73. Tallinn: Tallinskii pedagogicheskii institut im. E. Vil'de, 1983.
- Trendelenburg, F. A. *Logicheskie issledovaniia*. Translated by E. Korsh. 2 vols. Moscow: K. Soldatenkov, 1868.
- Tiutchev, F. I. "Pis'ma F. I. Tiutcheva k zhene." *Starina i novizna* 18 (1914): 1–63.
- . "Pis'ma F. I. Tiutcheva k zhene." *Starina i novizna* 19 (1915): 104–276.
- Vengerov, S. A. *Avtobiografiia Semena Afanas'evicha Vengerova*. Saint-Petersburg: [n. p.], 1920.
- Ves' Petrograd na 1917 god*. Saint-Petersburg: Izdanie T-va A. S. Suvorina – "Novoe vremia," 1917.

- Volin, V. M. *Neizvestnaia revoliutsiia: 1917–1921*. Translated from the French by Iu. V. Guseva. Foreword by A. Avrich. Annotations by A. Dubovik. Moscow: NPTs “Praxis”, 2005.
- Volkelt, J. I. *Sovremennye voprosy estetiki*. Translated from the German by N. Shtrup. Saint-Petersburg: Obrazovanie, 1899.
- Voloshin, M. A. *Liki tvorchestva*. Vol. 1. Saint-Petersburg: Apollon, 1914.
- . *Liki tvorchestva*. Edited by V. A. Manuilov, V. P. Kupchenko and A. V. Lавrov. 2nd ed. Leningrad: Nauka, 1989.
- Vostrikov, A. V., Leibova, A. V. and Leibov, K. G. “Biblioteka Bestuzhevskikh kursov: Knizhnoe sobranie I. A. Shliapkina.” In *Nevskii arkhiv: Istoriko-kraevedcheskii sbornik*. Vol. 2, 398–413. Moscow and Saint-Petersburg: Atheneum & Phoenix, 1995.
- Vserossiiskii s’ezd prepodavatelei russkogo iazyka i slovesnosti, 1-i. Moskva 1916–1917*. Moscow: Pechatnia A. Snegirevoi, 1917.
- Vysylka vmesto rasstrela: Deportatsiia intelligentsii v dokumentakh VChK – GPU. 1921–1923.* / Edited by V. G. Makarov and V. S. Khristoforov. Annotations by V. G. Makarov. Moscow: Russkii put’, 2005.
- Zakrzhevskii, A. K. *Rytsari bezumiia (Futuristy)*. Kyiv: Tipografia Akts. Ob-va “Petr Barskii v Kieve,” 1914.
- . *Lermontov i sovremennost’*. Kyiv: I. I. Samonenko, 1915.
- Zamotin, I. I. F. M. *Dostoevskii v russkoi kritike*. Vol. 1, 1846–1881. Warsaw: Tipografia Okruzhnogo Shtaba, 1913.
- Zhirmunskii, V. M. *Nachal’naia pora. Dnevnik. Perepiska*. Edited and annotated by V. V. Zhirmunskaiia-Astvatsurova. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013.

ПИСЬМА ИВАРА ИВАСКА Б. Л. ПАСТЕРНАКУ¹

Публикация Айи Саковой (Таллинн / Тарту)

Es war mir eine Freude Sie als Dichter kennenzulernen.

Boris Pasternak

В 2016 г. в Эстонский культурно-исторический архив при Эстонском литературном музее в Тарту (Eesti kultuurilooline arhiiv, далее – ЕКМ ЕКЛА) поступили бумаги Ивара Иваска (1927–1992; см. о нем: Sakova 2018: 150–164; Sakova, Laak 2020: 71–90) – поэта, филолога-германиста, выпускника Марбургского университета (1949), преподавателя колледжа Св. Олафа в Нортфилде (1958–1966) и Университета Оклахомы в Нормане (1967–1991), редактора одного из старейших литературных журналов Америки “World Literature Today” (до 1977 г. – “Books Abroad”), оставившего интересный и обширный эпистолярный². В фонде Иваска в ЕКМ ЕКЛА хранятся черновики его писем к Б. Л. Пастернаку (от 31 августа 1959 г., 1 октября 1959 г. и 12 декабря 1959 г.) и четыре ответных письма опального нобелиата: от 16 сентября 1959 г., 16 ноября 1959 г., 30 ноября 1959 г. и 18 февраля 1960 г.

Письма Пастернака к Иваску были опубликованы в 1970 г. в переводе на английский язык в специальном разделе журнала “Books

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Eesti-uuringute tippkesksus (TK145), а также трех проектов: „Kuidas allikatest saab kultuur: eesti aines Eesti Kirjandusmuuseumi kogudes ja andmebaasides” (EKKD65), “The Nordic-Baltic Network of Life Writing” (ЕКМ 8-2/20/4) и “Sociality of Life Writing and Literary Culture: An Archival Perspective” (ЕКМ 8-2/20/1).

² Так, например, в 1951 г. началась переписка Ивара Иваска с литовским поэтом-эмигрантом Генрикасом Радаускасом (1910–1970), в 1952 г. – с испанским поэтом Хорхе Гильеном (1893–1984), в 1957 г. – с австрийским художником и поэтом Оскаром Кокошкой (1886–1980), в 1958 г. – с австрийским романистом Хаймито фон Додерером (1886–1966) и финским поэтом Туомасом Анхава (1927–2001). Началу переписки с Хорхе Гильеном и с Хаймито фон Додерером предшествовали публикации статей, посвященных творчеству адресатов; аналогичным образом начиналась и переписка Иваска с Б. Л. Пастернаком (см. ниже).

Abroad”, посвященном памяти Пастернака (см.: Ivask 1970: 196–200, с факсимиле автографов)³; те же письма вышли недавно по-русски в журнале «Новый мир» в переводе А. Ю. Сергеевой-Клятис (см.: Сергеева-Клятис 2018: s. p.). Письма Иваска к Пастернаку (написанные, как и ответные, по-немецки) еще не вводились в научное обращение (за исключением начальных строк письма от 1 октября 1959 г.; см.: Пастернак 2005: 544). Ниже читателя ждут эти тексты: сначала – по-русски, в переводе, который любезно сделал Ф. Б. Поляков (Вена), а потом – по-немецки, в транскрипции, которую сделала я (зачеркнутые слова и фразы приводятся в квадратных скобках). Все три письма написаны на бумаге формата ANSI A (21,6 × 27,9 см / 8,5 × 11 дюймов) вечным пером (письма от 31 августа 1959 г. и от 12 декабря 1959 г.) или простым карандашом – с правкой синими чернилами (письмо от 1 октября 1959 г.); черновик письма от 31 августа 1959 г. написан на оборотах листов с вопросами к экзамену по немецкой литературе (дата: 27 мая 1959 г.).

В том же картоне, в котором хранятся черновики, есть и лист голубой бумаги формата ANSI A⁴, содержание которого нуждается в пояснении:

An Pasternak – Zwölf Gedichte⁵

1. Jahreskreis⁶
2. Frühling i.<n> d.<en> Bergen⁷
3. Selten hat mich ...⁸
4. Die Sonne wirft ...⁹

³ Публикация вышла с купюрами: Ивар Иваск не стал печатать цитаты из своих стихотворений, приведенные Б. Л. Пастернаком в письмах от 16 сентября 1959 г. и от 18 февраля 1960 г., сделав следующее примечание: “Pasternak refers here to some German poems that I had sent him. They are now published in *Gespiegelde Erde, Gedichte 1953–1963*, New York: Frederick Ungar, 1967. Brackets mark omitted quotes from these poems” (Ivask 1970: 200).

⁴ ЕКМ ЕКЛА. Ф. 409. Оп. 3. Ед. хр. 19. Л. 12.

⁵ Пастернаку – 12 стихотворений.

⁶ «Годовой круг»; см.: Ivask 1967: 44.

⁷ «Весна в горах»; см.: Ivask 1967: 34.

⁸ «Редко меня...»; под названием „Ulme im März“ («Вяз в марте») см.: Ivask 1967: 33.

⁹ «Солнце бросает...»; под названием „Neue Schöpfung“ («Новое творение») см.: Ivask 1967: 36.

5. Südestn.<ische> Landschaft¹⁰
6. Und von dir reift ...¹¹
7. Ende eines Sommertags¹²
8. Herbst in Amsterdam¹³
9. Herbstl.<icher> Garten¹⁴
10. Nächtl.<iches> Liebeslied¹⁵
11. Dank an Sibelius¹⁶
12. Einsicht¹⁷

Это – перечень стихотворений Иваска, отправленных Пастернаку с первым письмом (от 31 августа 1959 г.), а в конце 1960-х гг. – вошедших в книгу стихов „Gespiegelte Erde : Gedichte 1953–1963“ («Отраженная земля: Стихотворения 1953–1963»; см.: Ivask 1967). В какой редакции были отправлены эти тексты, представляет собой предмет дополнительных разысканий, но известно, что у Пастернака они вызвали исключительно доброжелательный отклик. В письме к Иваску от 16 сентября 1959 г. Пастернак привел коллаж из девяти стихотворных строк, восходящий к следующим текстам: „Jahreskreis“ („... schwarze Scham / ... ein Hemd bekam“), „Frühling in den Bergen“ („Der Schnee schläft sich am Berge aus. / Ein Falke fällt schon stundenlang ... // Erleichtert atmen Winde auf: / die Schwerkraft reißt sie erdwärts mit“), „Südestnische Landschaft“ („Abseits ist niemand, ja selbst nicht die Toten“), „Und von dir reift ...“ (в печатной редакции – „Am Mittelmeer“¹⁸: „Die Trauben regnen staubig auf die Erde“), „Ende eines Sommertags“ („... weil Fledermäuse dunkle Riten ...“) и „Herbst in Amsterdam“ („... die entblätterte Stadt ...“)¹⁹. Этот коллаж

¹⁰ «Южноэстонский пейзаж»; см.: Ivask 1967: 18.

¹¹ «И созревает от тебя...»; под названием „Am Mittelmeer“ («На Средиземном море») см.: Ivask 1967: 22.

¹² «Конец летнего дня»; см.: Ivask 1967: 39.

¹³ «Осень в Амстердаме»; см.: Ivask 1967: 23.

¹⁴ «Осенний сад»; см.: Ivask 1967: 40.

¹⁵ «Ночная любовная песня»; см.: Ivask 1967: 59.

¹⁶ «Благодарность Сибелиусу»; см.: Ivask 1967: 43.

¹⁷ «Прозрение»; см.: Ivask 1967: 55.

¹⁸ «На Средиземном море»; см. прим. 10.

¹⁹ Перевод стихотворных строк на русский язык (без указания конкретных стихотворений) см. в примечаниях к: Сергеева-Клятис 2018: s. p.

An Pasternak – Zwölf Gedichte

1. Jahreskreis
2. Frühling i. d. Bergen
3. Selten hat mich...
4. Die Sonne wirft...
5. Kideren. Landschaft
6. Und vor dir reift...
7. Ende eines Sonnentags
8. Herbst in Amsterdam
9. Herbst. Garten
10. Nächtl. Liebeslied
11. Dank an Kbelius
12. Einsicht

Пастернак предварил словами: «Мне хочется сказать, что Ваши стихи действительно очень хороши, полны самостоятельного опыта, своеобразно воспринятого и пережитого» (цит. по: Сергеева-Клятис 2018: s. p.); в заключение же – добавил следующую оценку:

Все это правдиво, ощутимо, узнаваемо. Для меня было радостно узнать Вас как поэта (Там же: s. p.)²⁰.

Обратимся к письмам.

I.²¹

отправлено 1.9.59

31.8.59

Глубокоуважаемый, дорогой господин Пастернак!

Ваше имя мне впервые встретилось в томах писем Рильке, который был властителем всех увлечений моей юности. Студентом в Марбурге после Второй мировой войны я вновь услышал Ваше имя от молодого английского поэта, который отметил, что Марбург утратил многое из своей прежней атмосферы «со времен Пастернака». Как великолепно Вы все-таки описали этот прелестный университетский городок! Так я познакомился с Вашей «Охранной грамотой». Затем последовало интенсивное изучение всего Вашего творчества в прозе и стихах, причем многие Ваши стихи я, к своей радости, переписал от руки (так как вполне хорошо умею читать по-русски).

Когда Ваш роман появился в переводе, меня попросили написать рецензию в здешнем журнале “Books Abroad” – к сожалению, на нее было отведено слишком мало места! Позволю себе переслать Вам теперь ее оттиск²² как выражение малой толики испытанного

²⁰ Ср. запись в дневнике Ивара Иваска за 26 сентября 1959 г.: „Täna saabus Pasternaki vastus – tunnustus mu saksakeelsele värssidele ja ka tema romaani ingliskeelsele arvustusele („Books Abroad“) [«Сегодня пришел ответ Пастернака: награда моим стихам, написанным по-немецки, и моей рецензии на его роман, написанной по-английски („Books Abroad“)»]. – *ред.*: „Hier der Beleg, dass Ihre Gedichte wahrhaftig gut sind, voll von selbstständig Erfahrenem und eigenartig Empfundnem und Gelebten.“ (Peredelkino, den 16. Sept. 1959)“ (ЕКМ ЕКЛА. Ф. 409. Оп. 3. Ед. хр. 1. С. 120).

²¹ ЕКМ ЕКЛА. Ф. 409. Оп. 3. Ед. хр. 19. Л. 1–2.

²² См.: Ivask 1959: 33–34.

мною потрясения и благодарности за Ваш жизненный труд, в особенности за великий роман. Чтобы не отяжелять Вашу, без сомнения, чрезвычайно обширную переписку со всем миром еще одним длинным письмом, я просто объединяю свои чувства и мысли в весьма скромном стихотворном приветствии, которое также прилагаю.

Вы увеличили силу сияния этой земной звезды, и за это в сердечном порыве благодарит Вас

Ваш

Ивар Иваск

P.S. Позволю себе отправить Вам отдельно по обычной почте две книги стихов – испанского и американского современных поэтов, которые, как мне кажется, душевно родственны с Вами и которых Вы, может быть, еще не знаете – Jorge Guillén и Robert Frost²³.

II.²⁴

Нортфилд, 1 октября 1959

Дорогой господин Пастернак,
поскольку никаких случайностей не бывает, меня не удивило, что далекое эхо моего имени достигло Вас кружным путем через большого поэта, того самого поэта, которой Рильке еще в 1926 году смог посвятить свою великолепную, устрашающе пророческую элегию, которая начинается так: «О, эти потери Вселенной, Марина! Как падают звезды! / Нам их не спасти, не восполнить, какой бы порыв ни вздымал нас / Ввысь. Все смирено, все постоянно в космическом целом. / И наша внезапная гибель / Святого числа не уменьшит. Мы падаем в первоисточник / И, в нем исцеляясь, встаем»²⁵. Но к сожалению я не

²³ По всей видимости, речь идет о книгах: Guillén 1952 и Frost 1945.

²⁴ ЕКМ ЕКЛА. Ф. 409. Оп. 3. Ед. хр. 19. Л. 3–4об.

²⁵ Перевод З. А. Миркиной; цит. по: Азадовский 1992: 86; ср. более точный перевод последней фразы: «Каждый отказ, повергающий нас в изначальность, целителен» (Азадовский 1992: 273). Как отмечалось А. Ю. Сергеевой-Клятис (см.: Сергеева-Клятис 2018: s. p.), этой элегии Рильке Б. Л. Пастернак не знал. В письме к М. К. Баранович от 15 ноября 1959 г. он заметил:

состою в родстве с родившимся в России славистом проф. Юрием Иваском²⁶, поскольку я сам балтийского происхождения... Но, конечно же, в ближайшее время я передам ему Ваш дружеский привет (ведь это должен быть он)!

Каким образом Ваше имя и творчество сплелись с моей жизнью, я упоминал уже в предыдущем письме. Ваши братские слова одобрения моих скромных стихов подарили этому сопряжению совершенно новую, личную глубину. Да, именно *подарили*, ведь я совершенно потрясен Вашей огромной добротой и добросердечием, дорогой Борис Леонидович!

Мне трудно поблагодарить Вас по-настоящему, поскольку моя благодарность не может быть сведена к нескольким строчкам в

Может быть я сообщу Вам вещь давно известную, но она была новостью для меня. Я не знал элегии, которую Rilke написал М. Цветаевой. Мне ее прислал Ivar Ivask, довольно интересный молодой поэт, живущий в Америке и пишущий по-немецки. Он мне пишет:

Da es keine Zufälle eigentlich gibt, wunderte es auch nicht, dass ein fernes Echo meines Namens schon auf dem Umweg über eine grosse Dichterin zu Ihnen gedungen war – derselben Dichterin, der Rilke seine herrliche, erschreckend hellsichtige Elegie gerade noch 1926 widmen konnte, die da beginnt:

„O die Verluste ins All, Marina, die stürzenden Sterne!
Wir vermehren <sic!> es nicht, wohin wir uns werfen, zu welchem
Sterne hinzu! Im Ganzen ist immer schon alles gezählt.
So auch, wer fällt, vermindert die heilige Zahl nicht.
Jeder verzichtende Stern stürzt in den Ursprung und heilt“.

Я не знаю, есть ли продолжение или это все, но на этом кончается сообщение Ivask'a. Не правда ли поразительной силы и ясности выражение очень глубокой и близкой мысли? (Пастернак 2005: 544).

Ср. свидетельство К. М. Азадовского: «В архиве Пастернака сохранился листок с переписанными его рукой шестью первыми строками “Элегии” и его пометой: “Элегия Рильке, написанная им в 1926 году Цветаевой. Сообщил мне Ivar Ivask 1 октября 1959 г. из Америки...”» (Азадовский 1992: 272).

²⁶ Здесь Ивар Иваск отвечает на вопрос Б. Л. Пастернака: «И прежде всего – кто Вам профессор Иваск, с которым переписывалась Марина Цветаева [Пастернак мог узнать об этой переписке (прямо или опосредованно) только из одного источника: Иваск 1956: 207–237. Не мог ли Пастернак получить этот том от Р. О. Якобсона (его статья о Маяковском была там напечатана)? – *ред.*? Он Ваш отец или родственник? Передайте ему, пожалуйста, уверения в моем глубочайшем почтении» (цит. по: Сергеева-Клятис 2018: с. р.). О Ю. П. Иваске см. Пономарева 2006: с. р.; в связи с Пастернаком см.: Флейшман 2009 (по указателю); также см. обязательно: Пономарева 2015: 439–451.

письме и должна проявляться в действии разными другими способами. И еще – какое это успокоение – услышать от самого автора, что я не слишком заблуждался в своей краткой рецензии на роман!²⁷

Теперь и томик Гильена должен был бы уже быть у Вас в руках? Хорхе Гильен, друг Лорки и переводчик Валери, является для меня наиболее выразительным современным поэтом на испанском языке [и ему следовало бы получить Нобелевскую премию вместо Химениса]. Его лирическое мастерство растет от издания к изданию в трех собраниях стихотворений: «Cáustico / Fe de Vida», «Clamor / Tiempo de Historia» и «Nomenaje», оно разворачивается по всей шкале человеческого голоса – от пения и похвалы до крика, который вырывается из-за трагичности временного.

Книга Роберта Фроста “Collected Poems” скоро дойдет до Вас – стихотворения зрелой мудрости поэта, который на своей ферме в Новой Англии создал по-английски несколько самых прекрасных строф нашего времени и пишет дальше. Это тихое, равномерно бьющееся сердце Америки, столь отличное от нервной напряженности горожан Элиота и Паунда. За гранью всех быстро сменяющих друг друга обликов современности наше время полностью выражает себя в творчестве Фроста, не разбивая и не утрируя форму.

Эти (и некоторые другие) книги я послал Вам, потому что их авторы стремятся к выражению голоса жизни. Надеюсь, все они благополучно дойдут до Вас!

А теперь действительно большая просьба, уважаемый господин Пастернак! Не имея в виду, чтобы упомянутые книги повлекли бы за собой какой-нибудь ответный дар, но поскольку я уже в течение долгого времени безрезультатно пытаюсь достать экземпляр Вашего перевода «Фауста», простите меня, пожалуйста, если я осмеливаюсь

²⁷ Ср. отклик Б. Л. Пастернака: «В заключение позвольте поблагодарить Вас за прекрасную рецензию. Это тоже пример экономного, богатого, энергичного письма, к которому я стремился в своих (так и не напечатанных) предисловиях или в разработке статей, например, о переводах из Шекспира или в двух-трех страницах о Шопене – не уверен, что они выходили за границы и могли попасться Вам на глаза» (цит. по: Сергеева-Клятис 2018: s. p.).

обратиться к Вам лично: для меня бы значило бесконечно много, если я мог бы, по возможности, получить экземпляр из Ваших рук. Если, однако, исполнение этого дерзкого пожелания окажется сопряжено для Вас с лишними усилиями, то прошу Вас незамедлительно забыть об этой просьбе.

С благодарностью за Ваши слова и думы приветствую Вас взволнованным сердцем,

Ваш Ивар Иваск

III.²⁸

Пять стихотворений:

«Летний дождь»

«Прозрение» (дважды)

«Греческий пейзаж»

«Вместе»

«Воинственные вариации»²⁹

Нортфилд, накануне третьего адвента 1959³⁰

Дорогой, сердечно почитаемый Борис Леонидович!

Творческий диалог с Вами через почти неохватное пространство между тем не прервался, а скорее усилился: оба Ваших ноябрьских письма, подлинно могучая статья о Шопене в „Die Zeit“, книги переводов Риви и Кэйдена³¹, наполненный ветром цикл о Блоке

²⁸ ЕКМ ЕКЛА. Ф. 409. Оп. 3. Ед. хр. 19. Л. 5–8об., 10–11.

²⁹ См. тексты стихотворений (за исключением предпоследнего в списке) в сборнике: Ivask 1967: 28–29, 38, 41, 55. В ответном письме Б. Л. Пастернака от 18 февраля 1960 г. цитируется – как пример «счастливой, жизнерадостной находки» (цит. по: Сергеева-Клятис 2018: s. p.) – следующий отрывок из „Einsicht“ («Прозрение»): „Wie Krabben am Meer oder Nüsse / im Laub“; из „Kriegerische Variationen“ («Воинственные вариации») приведена строка „Verwundete Asten ertrinken im Gras“ (см.: Там же); „Griechischer Ausblick“ («Греческий пейзаж») Пастернак называет прекрасным стихотворением (см.: Там же). Перевод стихотворных строк на русский язык (без указания конкретных стихотворений) см. в примечаниях к: Сергеева-Клятис 2018: s. p.

³⁰ 12 декабря 1959 г.

³¹ Речь идет о книгах: Pasternak 1959a и Pasternak 1959b.

(в оригинале) – все это дало мне прямо и непосредственно почувствовать близость Вашего сердца и Вашего духа!

Ответить на такой дар можно только своим существованием, ибо обычные слова благодарности проваливаются в груды жалкого пепла банальностей. К тому же Ваше столь дружеское письмо обещает мне еще и Вашего «Фауста» как чудесный рождественский подарок³²!

Но, дорогой поэт, что такое в сравнении с этими вдохновляющими и воодушевляющими дарами мой книжный привет, хотя и посланный с благими намерениями? Мне *очень* радостно, что оба сборника проповедей Тиллиха дошли до Вас³³, поскольку я подчеркивал определенные параллели между его и Вашим мышлением – как Вы, может быть, помните – в своей рецензии на Живаго, по-английски³⁴. Он является одним из наиболее глубоких и вразумительных мыслителей нашего времени. Книга Вэйдсона о современном немецком романе³⁵, к сожалению, среднего уровня, в большей степени информация, чем критически исследующая и выявляющая суть; тем не менее важно его указание на наиболее значительного ныне живущего немецкоязычного автора романов – австрийца Хаймито фон Додерера, который в своих двух больших романах по отношению к первой половине века предпринимает в Австрии нечто сопоставимое с тем, что сделали Вы для своей родины. (Свое главное произведение он даже называет „Die Dämonen“ – как дань Достоевскому с его «Бесами»!) Прилагаю к моему сегодняшнему письму свой небольшой очерк о Додерере³⁶ –

³² Ср. в письме Б. Л. Пастернака от 30 ноября 1959 г.: «Русский “Фауст” послан Вам» (цит. по: Сергеева-Клятис 2018: s. p.).

³³ Речь идет о книгах: Tillich 1952 и Tillich 1959.

³⁴ Ср.: “*Doctor Zhivago* is a highly complex and wide-ranging novel that tries to give human dimensions to recent, apocalyptic Russian history. Pasternak’s novel touches on two revolutions and two World Wars, covering nearly half a century, yet is not only a historical novel. Somewhat like Tolstoy’s epic, it probes deeper, laying bare the relationship between individual freedom and social coercion in times of stress and violent change. This passionate inquiry results quite understandably in a new approach to the Gospels that bears a striking closeness to Paul Tillich’s theological concept of the ‘New Being’” (Ivask 1959: 33–34).

³⁵ Речь идет о книге: Waidson 1959.

³⁶ См.: Ivask 1957: 363–365.

может быть, он Вас несколько заинтересует. Но получили ли Вы уже стихотворения Гильена и Фроста?

Мы оба сходимся в том, что в жизни не бывает случайностей – или же есть только случайности. И все-таки я должен Вам рассказать, что я немного знаком с господином Паулем Реэтсом из Бостона, молодым и одаренным историком искусства³⁷, который послал Вам книжечку Рильке³⁸! Но этим дело не кончается – в конце декабря я увижу на съезде литературоведов в Чикаго Ганса Эгона Хольтхузена, который выступает там с докладом, и таким образом смогу передать ему лично Вашу похвалу! Странно ли это или естественно? Или же мы попросту имеем недостаточное понятие о естестве? Я полностью разделяю Ваше высокое мнение о труде Хольтхузена; ведь остальная так называемая литература о Рильке на 99% ничто иное как прикидывающаяся глубокомысленной болтовня. Поэт представляет собой не нечто сверхъестественное, но лишь природу в ее наиболее чистой, непосредственной и потому наиболее насыщенной форме. Его творчество и его жизнь способны постигать реальность и современность, однако и то, и другое по-прежнему остаются внутренне связанными с реальностью его времени. Разве Вы говорите не то же самое в Вашем очерке о Шопене, распахивающем невероятные перспективы (эссе *подлинного* виртуоза, каких я знаю не много)?

Сделанный Кэйденом отбор хронологически более обширен, что я приветствую. Но зато, конечно, Кэйден не является поэтом, как Риви, и в своих англоязычных версиях проявляет меньше

³⁷ О Пауле Реэтсе (1924–2016) см. некролог Яана Ундуска: Undusk, J. Lahkus Paul Reets. – Sirp. 2017. no. 1 (3621). 6. jaanuar. Lk. 36; также см.: [Eesti Kirjanike Liit, Eesti Teaduste Akadeemia Underi ja Tuglase Kirjanduskeskus et al.] 2017: 302.

³⁸ Речь идет о книге: Holthusen 1958. Ср. в письме Б. Л. Пастернака от 30 ноября 1959 г.: «Один господин Р<еэтс> из Бостона (я поблагодарил его письмом) прислал мне монографию о Рильке <...>. Знаете ли Вы эту книжечку? Я первый раз в жизни читаю о Рильке именно то, что о нем должно быть написано. <...> Если это что-то может для него значить<,> и у Вас есть желание и возможность сделать это, пожалуйста, напишите в издательство “Ровольт”, по адресу Гамбург, 13, не будут ли они (эти господа) так любезны передать от моего имени благодарность и восхищение господину Хольт<х>узену» (цит. по: Сергеева-Клятис 2018: s. p.).

склонности к эксперименту. В языковом отношении Риви более насыщенный, богатый нюансами, требовательный, однако он приближается к верлибру в большей степени, чем Кэйден, который стремится держаться ближе к метру оригиналов, а также чаще рифмует. Все-таки Кэйден вызывает у меня больше симпатии в своем понимании Ваших стихотворений...³⁹ У них обоих мне не хватает обогащенной контрапунктными переплетениями музыкальности Вашей поэзии, дорогой господин Пастернак! В своих нескольких опубликованных переводческих опытах Ваша сестра, быть может, в языковом отношении не настолько современна, как Риви, зато иногда ее версии «поют» чисто и полногласно, например, “It is not seemly”, “July”, “After the storm”⁴⁰ в *сделанном ею* переложении для меня более убедительны в качестве стихотворений на английском языке (к сожалению, мне известно только одно из них в оригинале), чем версии Риви или Кэйдена! Однако *все они втроем* все же дают англоязычному читателю определенное представление о мире Вашей поэзии – хотя по-настоящему конгениальный английский поэт-переводчик еще не вошел с ним в общение (им должен быть второй Джеральд Мэнли Хопкинс!). У почти всех прежних переводов Вашей поэзии (на языки, на которых я читаю и могу составить себе представление) отсутствует жар пламени, освобождающая непосредственность Вашего восприятия действительности, питаемая и усиленная музыкой – корнями языкового строя.

Пока переводчики будут стремиться только к передаче образов и мыслей и не загораться, в духе Вашей поэзии, музыкой своего собственного языка, между Вашими стихами и иностранным

³⁹ Говоря о переводах Юджина Кэйдена, Ивар Иваск откликнулся на просьбу Б. Л. Пастернака: «Напишите еще мне (только искренне) о книге Кэйдена (я увидел ее только вчера), по поводу ее изуродованной обложки с (для какой цели?) отвратительно искаженной гримасой, и о переводах, вялых по воздействию и форме, а иногда и водянистых» (цит. по: Сергеева-Клятис 2018: s. p.; ср. письмо Пастернака к Курту Вольфу от 8 декабря 1959 г.: Пастернак 2005: 548–549; Pasternak, Wolff 2010: 139–140). О Пастернаке и Юджине Кэйдене см. обязательно: Флейшман 2013: 309–352; Флейшман 2015: 603–642.

⁴⁰ «Быть знаменитым некрасиво...», «Июль», «После грозы»; см.: Pasternak Slater 2015: 354–355, 357–358, 370–371.

читателем будет оставаться завеса. (Что только сделали разные переводчики, например, из замечательного стихотворения Живаго «Хмель»!)

[То, что Вы в декабре собирались приехать в Чикаго, было, по-видимому, несостоятельным слухом – однако я почти уже надеялся на личную встречу...]

Я по-прежнему занимаюсь миром Вашего романа. <...> (Еще две обширных статьи о нем появились на эстонском языке, поэтому я не хотел беспокоить Вас присылкой оттисков.) В одном месте романа Вы особо выделяете «Откровение», но, кажется, еще ни один критик не указывал, как некоторые символы в романе связаны с символами в «Откровении», например с водой: [От 22:1] «И показал мне чистую реку воды жизни, светлую, как кристалл». Разве не могли бы почти что как эпиграф к Вашему роману стоять слова [От 22:1]: «Жаждающий пусть приходит, и желающий пусть берет *воду жизни даром*»? Конечно, Вильсон отмечает важность воды (дождь – лед – снег – таяние) для ритма и символики Вашей книги, но он упускает из виду связь с «водой жизни», которую в Откровении получают «даром». На правильном ли я пути, чтобы более полноценно понять Ваш роман?

Насколько хорошо сочетается общий смысл произведения с этой точки зрения: Роженица Тоня сравнивается с кораблем, а гроб Живаго с челном и т. д. Мне, по крайней мере, не кажется, что я слишком много привношу своего при чтении – или все же да [дорогой Борис Леонидович], уважаемый автор?

[Можно ли рассчитывать, что скоро появятся Ваши новые стихотворения или поэтический сборник?]

У Вас, вероятно, такие по-настоящему пастернаковские выюги (как в стихотворении памяти Рейснер)⁴¹. Здесь зима до сих пор

⁴¹ Сохранившийся черновой вариант на отдельном листе: «Роженица Тоня сравнивается с кораблем, а гроб Живаго с челном, дочь Живаго от Лары – бельведица и т. д. Не слишком ли много тайн я вношу от себя в Ваш роман?

У Вас, вероятно, такие по-настоящему пастернаковские выюги (как во второй строфе стихотворения памяти Рейснер)! Леса вокруг Переделкино, должно быть, все в прекрасном снегу (там, где осенью грибы, которых здесь не найдешь: «А солнце под

оставалась печально-серой, грязноватой и сухой. То, что Вы в декабре собирались приехать в Чикаго, было, по-видимому, несостоятельным слухом – однако я почти уже надеялся на личную встречу! Появятся ли скоро Ваши новые стихотворения или поэтический сборник? В будущем году в Вене я все же постараюсь выпустить мою первую книгу стихов. Да, в июне 1960 года мы с женой едем на целый год в Вену (которую мы оба очень любим), где я хочу поработать над большим исследованием австрийского романа – “The European Achievement & The Austrian Novel: Stifter, Musil, Doderer” (косвенно также и Рильке, Кафка, Брок).

Я уже передал Ваши приветствия профессору Юрию Иваску, который хочет лично Вам ответить и поблагодарить. С доктором Хольтхузенем, как я уже говорил, я встречу в Чикаго. Моими впечатлениями о Вашем переводе «Фауста» мне хотелось бы поделиться с Вами позднее!

Удачи Вам с Вашей драмой! Благословенного Рождества Вам, дорогой Борис Леонидович, и всей Вашей семье!

Благодаря Вас взволнованным сердцем,
Ваш Ивар Иваск

I.

abgeschickt: 1.9.59

31.8.59

Sehr verehrter, lieber Herr Pasternak!

Ihrem Namen begegnete ich zuerst in Rilkes Briefbänden, dem <gestr.> meine ausschließliche Jugendbegeisterung gehörte. Als Student in Marburg nach dem zweiten Weltkrieg hörte ich wieder Ihren Namen und zwar von einem jungen englischen Dichter, der feststellte, daß Marburg <gestr.> sehr viel Atmosphäre „seit Pasternaks Zeiten“ verloren hätte [und]. Wie herrlich Sie doch das liebenswerte Universitätsstädtchen beschrieben hätten! So lernte ich Ihren „Geleitbrief“ kennen. Darauf folgte

кусты / На грузди и волнушки» – в английском они неизвестны, и “On brown and yellow mushrooms” у Кэйдана или же “Toadstools ... mushrooms brown under bushes” у Риви звучат безжизненно, хотя и имеются названия “pepper-mushroom” и “coral milky cap”)» (ЕКМ ЕКЛА. Ф. 409. Оп. 3. Ед. хр. 19. Л. 9).

meine intensive Beschäftigung mit Ihrem ganzen Werk in Prosa und Vers, wobei ich viele Ihrer Gedichte zu meiner Freude mit der Hand abschrieb (da ich Russisch ganz gut lesen kann). Als Ihr Roman in Übersetzung herauskam, wurde ich aufgefordert, ihn in der [amerikani<schen>] hiesigen Zeitschrift „Books Abroad“ zu besprechen – leider auf allzu knapp bemessenem Raum! Ich erlaube mir nun<, > Ihnen einen Abdruck davon zu übersenden: als <gestr.> einen bruchteilhaften Ausdruck meiner Erschütterung und Dankbarkeit für Ihr Lebenswerk, besonders den großen Roman. Um Ihre gewiß schon allzu große, weltweite Korrespondenz <gestr.> nicht mit einem weiteren langen Brief zu erschweren, fasse ich einfach meine Gefühle <gestr.> und Gedanken in einem sehr bescheidenen <gestr.> Versgruß zusammen, den ich gleichfalls beifüge.

Sie haben die Strahlkraft dieses irdischen Sternes <gestr.> gehoben und dafür dankt [von] Ihnen aus ergriffenem Herzen

Ihr

[ergriffener] Ivar Ivask

P. S. Ich gestatte mir, Ihnen auf gewöhnlichem Postwege separat zwei Büchlein mit Gedichten zu übersenden – von einem spanischen und einem amerikanischen zeitgenössischen Dichter, die mir mit Ihnen seelenverwandt <gestr.> scheinen und die Sie vielleicht noch nicht kennen: Jorge Guillén und Robert Frost.

II.

Northfield, den 1. Oktober 1959

Lieber Herr Pasternak,

da es keine Zufälle gibt, wunderte es mich nicht, daß ein fernes Echo meines Namens schon <gestr.> auf dem Umweg über eine große Dichterin zu Ihnen gedrungen <gestr.> war, derselben Dichterin, der Rilke seine herrliche, erschreckend helllichtige Elegie <gestr.> gerade noch 1926 widmen konnte, die da beginnt: „O die Verluste ins All, Marina, die stürzenden Sterne! / Wir vermehren es nicht, wohin wir uns werfen, zu welchem / Sterne hinzu! Im Ganzen ist immer schon alles gezählt. / So auch, wer fällt, vermindert die heilige Zahl nicht. / Jeder verzichtende Stern stürzt in den Ursprung und heilt.“ Doch verwandt bin ich leider mit dem Rußland-geborenen Slavisten Prof. Juri Ivask <gestr.>

abgelesen:

1. 9. 59

31. 8. 59

Sehr verehrter, lieber Herr Pasternak!

Ihren Namen begegnete ich zuerst in Rilkes Briefbänden, dem ~~damals~~ meine ausschließliche Jugendbegeisterung gehörte. Als Student in Marburg nach dem zweiten Weltkrieg hörte ich wieder Ihren Namen und zwar von einem jungen englischen Dichter, der feststellte, daß Marburg ~~damals~~ sehr viel Atmosphäre "seit Pasternaks Zeiten" verloren ^{hatte}. Wie herzlich sie doch das liebenswerte Universitätsstädtchen beschrieben hätten! So lernte ich Ihren "Gefährtenbrief" kennen. Darauf folgte meine intensive Beschäftigung mit Ihrem ganzen Werk in Prosa und Vers, wobei ich (zu meiner Freude) viele Ihrer Gedichte mit der Hand abschrieb (da ich Russisch ganz gut lesen kann). Als Ihr Roman in Übersetzung herauskam, wurde ich aufgefordert, ihn in der ~~russischen~~ hiesigen Zeitschrift "Books Abroad" zu besprechen — leider auf etwas knapp bemessenem

Начало письма к Б. Л. Пастернаку от 31 августа 1959 г.

(ЕКМ ЕКЛА. Ф. 409. Оп. 3. Ед. хр. 19. Л. 1)

nicht, da ich aus dem Baltikum stamme... Ganz gewiß aber werde ich ihm demnächst Ihre freundlichen Grüße bestellen (denn er muß es wohl sein)!

<gestr.> Die Art wie Ihr Name und Werk mit meinem Leben verflochten [ist] gewesen sind, beschrieb ich Ihnen schon in meinem [ersten] vorigen Brief. Ihre brüderlichen Worte der Zustimmung zu meinen bescheidenen Versen haben dieser Verbundenheit eine <gestr.> ganz neue, persönliche Tiefe geschenkt. Ja, wirklich geschenkt, denn ich bin völlig überwältigt von Ihrer großen Güte und Großherzigkeit, lieber Boris Leonidovitsch! Es fällt mir schwer, <gestr.> Ihnen richtig <gestr.> zu danken, denn mein Dank kann [beschränkt] sich einfach nicht auf ein paar Briefzeilen beschränken und muß <gestr.> auf verschiedene andere Arten fruchtbar werden. Was für eine Beruhigung gleichfalls, vom Autor selbst zu hören, daß ich nicht <gestr.> in meiner kurzen Romanrezension allzu fehlgegriffen habe!

[Ist] Jetzt sollte auch wohl das Guillén-Bändchen „Lobgesang“ [angekommen] in Ihren Händen sein? Jorge Guillén, Freund Lorcas und Übersetzer Valéry's, ist für mich der eindrucksvollste moderne Dichter in spanischer Sprache. [und hätte statt Jiménez den Nobelpreis bekommen sollen.] Sein lyrisches Werk wächst von Auflage zu Auflage in drei Gedichtsammlungen: „Cáustico / Fe de Vida“, „Clamor / Tiempo de Historia“ und „Homenaje“, es entfaltet sich auf der ganzen Skala der menschlichen Stimme – vom Gesang und der Huldigung bis zum Schrei, den die zeitliche Tragik einem abnötigt. [Und sind]

Die „Collected Poems“ von Robert Frost [sollten auch] werden bald bei Ihnen eintreffen – Gedichte voll der reifen Weisheit eines Dichters, der auf seiner Farm in New-England einige der wunderbarsten [Gedichte] Strophen unserer Zeit auf englisch <sic!> geschrieben hat und auch weiter schreibt. Dies ist das stille, gleichmässig schlagende Herz Amerikas, so verschieden von der nervösen Intensität der urbanen Eliot und Pound. Jenseits aller rasch wechselnden Modernitäten, spricht sich in Frost unsere Zeit gültig aus, ohne dabei Formen zu zerbrechen oder überzubetonen.

Diese (und einige andere) Bücher schickte ich Ihnen, weil ihre Autoren sich auch um die Stimme des Lebens bemühen. Hoffentlich kommen sie alle gut an!

Und nun eine wirklich große Bitte, verehrter Herr Pasternak! Nicht daß die obigen Bücher irgendeine Gegengabe erheischten, doch da [bemühe] ich mich schon seit langem vergebens bemühe, ein Exemplar Ihrer Faust-Übertragung zu erwerben, verzeihen Sie bitte, wenn ich mich [an] unmittelbar an Sie zu wenden wage: es würde für mich unendlich viel bedeuten, wenn ich womöglich ein Exemplar aus Ihrer Hand erhalten dürfte. Falls die Erfüllung dieses vermessenen Wunsches Ihnen aber unnötige Mühe bereiten sollte, so bitte ich Sie, [sofort] diese Bitte sofort zu vergessen.

Im Dank für Ihre Worte und Gedanken, grüße ich aus bewegtem Herzen

Ihr Ivar Ivask

III.

Fünf Gedichte:

Sonnt.<äglicher> Regen,

Einsicht (doppelt)<,>

Gr.<iechischer> Ausblick,

Beisammensein

Krieg.<erische> Variationen

Northfield, am Vorabend des 3. Advents 1959

Lieber, herrlich verehrter [Herr] Boris Leonidowitsch!

Das schöpferische Zwiegespräch mit Ihnen <unverständlich> durch den fast unermesslichen Raum ist inzwischen nie abgebrochen, eher intensiver geworden: Ihre beiden Briefe vom November, der wahrhaftig gewaltige Chopin-Aufsatz in der „Zeit“, die Übersetzungsbände von Reavey und Kayden, der wunderfüllte Zyklus über Blok (in der Originalsprache) – all das ließ mich die Nähe Ihres Herzens und Ihres Geistes ganz unmittelbar spüren! Für so <gestr.> eine Gabe kann man einfach nur mit seinem Sein [überhaupt] antworten, denn <gestr.> die üblichen Dankesworte sinken zu einem jämmerlichen Aschenhäufchen von Klischees zusammen... Und [zw] jetzt stellt Ihr so freundlicher Brief für mich [auch] sogar [für mich] noch Ihren „Faust“ als <gestr.> ein <gestr.> unglaublich schönes Weihnachtsgeschenk <gestr.> in Aussicht ...!

Aber lieber Dichter, was sind gegen diese ermutigend-begeisterte [Über] Freigiebigkeit meine paar, freilich gutgemeinten Büchergrüße? Es freut mich sehr, daß die beiden Predigtsammlungen Tillichs Sie erreicht haben, denn ich wies auf gewisse Parallelen zwischen seinem [Denk] und Ihrem Denken – wie Sie sich vielleicht erinnern werden – in meiner englischen <gestr.> Schiwago-Besprechung hin. Er ist einer der tiefsten und klarsten Denker unserer Zeit. Waidsons Buch über den modernen deutschen Roman ist leider mittelmässig, mehr informativ als kritisch sondernd und durchleuchtend; wichtig ist aber sein Hinweis auf den größten lebenden deutschsprachigen Romancier – den Österreicher Heimito von Doderer, der in [vieler Hinsicht] in <sic> seinen zwei grossen Romanen für die erste Jahrhunderthälfte in Österreich etwas Ähnliches unternimmt wie Sie es für Ihre Heimat getan haben. (Er nennt sogar sein Hauptwerk <gestr.> „Die Dämonen“ – als ein hommage für Dostojewski! []) Ich füge meinem heutigen Brief einen [meinerseitigen] eigenen kleinen Essay über Doderer bei – vielleicht interessiert er Sie ein wenig.) [Es interes] Haben Sie aber [auch] bereits die Gedichte von Frost und Guillén [bereits] erhalten?

Wir sind beide darüber einverstanden, daß es keine Zufälle – oder nur Zufälle – im Leben gibt. Trotzdem muß ich Ihnen mitteilen, daß ich [entfernt] etwas mit dem Herrn Paul Reets aus Boston, einem jungen, begabten Kunsthistoriker, bekannt bin, der [ja] Ihnen das Rilke-Büchlein schickte! Und noch nicht genug [damit] hiermit: ich treffe Ende Dezember auf einem Literaturforscher-Kongress in Chicago H. E. Holthusen, der dort einen Vortrag halten wird, und kann so ihm persönlich Ihre Komplimente übermitteln! (Ist das nun seltsam oder [einfach] natürlich [?] ? [und wir] Oder kennen wir das Natürliche <gestr.> einfach nicht gut genug?) Ich teile vollkommen Ihre hohe Meinung über Holthusens Versuch; die sonstige sogenannte [sonstige] [Literatur] Rilke-Literatur ist ja zu 99% einfach [Quatsch] sich tiefsinnig gebärdender Quatsch. Ein Dichter ist ja nichts Übernatürliches, sondern nur die Natur in ihrer reinsten, unmittelbarsten und deshalb intensivsten Form. Sein Werk und sein Leben mögen wohl die Wirklichkeit und seine Zeit durchdringen, doch <gestr.> bleiben beide immer noch in der Wirklichkeit [und] seiner Zeit innig beheimatet. Sagen Sie nicht dasselbe in Ihrem ungeheure Perspektiven aufreissenden

Chopin-Essay (einem wirklichen Meisteressay, wie ich <gestr.> nicht viele kenne)?

In Ihrem Brief fragen Sie nach meiner aufrichtigen Ansicht über das Kayden-Buch. Darf ich meine Antwort mit einigen Bemerkungen über den Reavey-Band verbinden, den ich für „Books Abroad“ besprechen soll [verbinden]? Natürlich ist das Holzschnittporträt auf dem Einband mißlungen, doch zweifle ich nicht, daß dieser „Urmensch“ gut gemeint war. <gestr.> Kaydens bescheidene, kurze [Aus-] Einleitung sagt mir persönlich mehr zu als Reaveys längeres, eigentlich wenig Neues [eigentlich] bringende Vorwort. Kaydens Auswahl ist [rein] auch zeitlich umfassender, was ich begrüße. Natürlich ist Kayden dafür kein Dichter wie Reavey und ist weniger experimentierfreudig in seinen englischen Fassungen. [Hat aber Kayden] Sprachlich ist [deshalb] Reavey reichhaltiger, nuancierter, anspruchsvoller, doch nähert er sich mehr dem „vers libre“ als Kayden, der sich mehr ans Metrum der Originale zu halten versucht, auch öfter reimt. Irgendwie scheint mir Kayden sympathischer in seiner Auffassung Ihrer Gedichte ... Ich vermissе bei beiden die kontrapunktisch reichgewobene Musikalität Ihrer Dichtung, lieber Herr Pasternak! [Ihre Frau Schwester] In Ihren paar erschienenen Übersetzungsversuchen ist Ihre Frau Schwester sprachlich nicht so modern vielleicht wie Reavey, dafür aber „singen“ ihre Fassungen <gestr.> manchmal voll und rein, z. B. „It is not seemly“, „July“, „After the storm“ überzeugen mich als englische Gedichte [mehr] stärker (ich kenne [nicht die] leider nur eines der Originale) in ihrer [Fassung] Übertragung als in denen von Reavey oder Kayden! Alle drei aber geben [einem aber] schon eine gewisse Vorstellung von der Welt Ihrer Poesie dem englischen Leser – obwohl der wirklich kongeniale englische Dichter-Übersetzer noch nicht [zu Ihrer] mit Ihrer Dichtung [gestoßen ist] in [Berührung] Verbindung gekommen ist (er müsste ein zweiter G. M. Hopkins sein!). [In de] Den bisherigen Übersetzungen Ihrer Gedichte (in den Sprachen die ich lesen und beurteilen kann) fehlt fast allen die Stichflamme, die befreiende Unmittelbarkeit Ihrer Vision der Wirklichkeit, die aus der Musik, dem Wurzelwerk der Sprache genährt und gestärkt wird. Solange die Übersetzer sich [nur] allein um die Wiedergabe der Bilder und Gedanken bemühen, sich nicht – in der Art Ihrer Dichtung – an der Musik ihrer eigenen Sprache entzünden, solange werden noch immer

Schleier zwischen Ihren Versen und dem ausländischen Leser bleiben. (Was haben die verschiedenen Übersetzer z. B. bloß aus dem herrlichen Schiwago-Gedicht „Хмель“ gemacht!)

[Daß Sie im Dezember nach Chicago kommen würden, meint wohl ein unbegründetes Gerücht gewesen zu sein – doch fast hoffte ich schon auf eine persönliche Begegnung ...]

Ich beschäftige mich noch immer weiter <gestr.> mit der Welt Ihres Romans. [(Zwei umfangreichere Aufsätze über ihn erschienen auf estnisch, <sic!> deshalb habe ich Sie nicht mit Abdrucken belästigen wollen.)] Sie heben an einer Stelle [die] darin die „Offenbarung“ besonders hervor, doch <gestr.> hat [nicht viele] wohl noch kein Kritiker darauf hingewiesen, wie so manche Symbole im Roman an diejenigen der „Offenbarung“ anknüpfen, z. B. an das des Wassers: „Und er zeigte mir einen lautern Strom des lebendigen Wassers, klar wie ein Kristall.“ [und] Könnten nicht [fast] beinahe als Motto über Ihrem Roman die Worte stehen: „Und wen düstert, der komme; und wer da will, der nehme das Wasser des Lebens umsonst.“ Wilson weist wohl auf die Bedeutung des Wassers (Regen – Eis – Schnee – Schmelze) für den Rhythmus und die Symbolik Ihres Buches hin, doch übersieht er den Zusammenhang mit dem „Wasser des Lebens“, das man „umsonst“ [bekommt] in der Offenbarung bekommt. Bin ich auf dem richtigen Wege zum volleren Verständnis Ihres Romans? Wie gut schliesst sich aber in dieser Sicht die Gesamtbedeutung des Werkes zusammen: [Tonja] die gebärende Tonja wird ja mit einem Schiff verglichen, Schiwagos Sarg aber mit einem Kahn usw. Es scheint wenigstens mir [wenigstens] nicht, daß ich zuviel [in] hineinlese – oder doch, [lieber Boris Leonidowitsch] verehrter Autor?

[Ist es denkbar, daß Ihre neuen Gedichte oder eine Auswahl Ihrer Poesie bald erscheinen wird?]

Bei Ihnen gibt es wohl so richtig echte Pasternaksche Schneewehen (wie im Reisner-Gedicht)⁴². Hier ist der Winter bis jetzt triste grau,

⁴² Сохранившийся черновой вариант на отдельном листе: »Die gebärende Tonja wird ja mit einem Schiff verglichen, Schiwagos Sarg aber mit einem Kahn, Schiwagos Tochter mit Lara ist eine Wäschefrau usf. Geheimnisse ich zuviel in Ihr Werk hinein?

Bei Ihnen gibt es bestimmt so richtig echte Pasternaksche Schneewehen (wie in der zweiten Strophe des Reisner-Gedichts)! Die Wälder um Peredelkino müssen herrlich verschneit sein

schmutzig und trocken geblieben. Daß Sie im Dezember nach Chicago kommen würden, scheint wohl ein unbegründetes Gerücht gewesen zu sein – doch fast hätte ich schon auf eine persönliche Begegnung gehofft! Werden bald Ihre neuen Gedichte oder eine Auswahl Ihrer Poesie erscheinen? Ich selbst will mich nächstes Jahr in Wien darum bemühen, mein erstes Gedichtbändchen dort vielleicht herauszubringen. [Wir] Ja wir fahren im Juni 1960 mit meiner Frau auf ein ganzes Jahr nach Wien (das wir beide so sehr lieben), wo ich an einer grösseren Studie über den österreichischen Roman arbeiten will: „The European Achievement & The Austrian Novel: Stifter, Musil, Doderer“ (indirekt aber auch Rilke, Kafka, Broch).

Ich habe bereits Ihre Grüße [für] an Prof. Juri Ivask weitergeleitet, der Ihnen persönlich antworten und danken will. Dr. Holthusen werde ich – wie gesagt – in Chicago treffen. Meinen Eindruck von Ihrer „Faust“-Übersetzung will ich von Herzen gern Ihnen später referieren!

Alles gute Gelingen über Ihrem Drama! Ein gesegnetes Weihnachtsfest für Sie, lieber Boris Leonidowitsch, und Ihre ganze Familie! Aus [Von] ergriffenem Herzen dankend,

Ihr Ivar Ivask

БИБЛИОГРАФИЯ

- Азадовский К. 1992. Небесная арка: Марина Цветаева и Райнер Мария Рильке / Изд. подготовил Константин Азадовский. СПб.: „Акрополь“.
- Иваск Ю. П. 1956. Письма Марины Цветаевой к Ю. П. Иваску (1933–1937) / Подготовка текста Ю. П. Иваска. – Русский литературный архив / Под ред. М. Карповича и Д. Чижевского. New York: Rausen Bros. С. 207–237.
- Пастернак Б. Л. 2005. Полн. собр. соч. с приложениями: В 11-ти тт. Т. X: Письма: 1954–1960. М.: Слово / Slovo.
- Пономарева Г. 2006. К проблеме национального самоопределения писателей-оптантов (случай Юрия Иваска). – Toronto Slavic Quarterly. No. 18. [URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/18/ponomareva18.shtml>].

(wo es im Herbst Pilze gibt, die man hier nicht findet – : „А солнце под кусты / На грузди и волнушки“, – die englische Sprache kennt sie nicht und leblos klingen Kaydens „On brown and yellow mushrooms“ oder Reaveys „Toadstools ... mushrooms brown under bushes“, obwohl es die Bezeichnungen „pepper-mushroom“ und „coral milky cap“ ja gib« (EKM EKLA. Ф. 409. Оп. 3. Ед. хр. 19. Л. 9).

- Пономарева Г. М. 2015. О восприятии Пастернака в Эстонии в 1920–1930-е годы. – Новое о Пастернаках: Материалы пастернаковской конференции в Стэнфорде / Под ред. Лазаря Флейшмана. М.: Азбуковник. С. 439–451.
- Сергеева-Кляtis А. 2018. Борис Пастернак: Письма Ивару Иваску / Публикация, вступительная статья и комментарии Анны Сергеевой-Кляtis. – Новый мир. № 9. [URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2018_9/Content/Publication6_7006/Default.aspx].
- Флейшман Л. 2009. Встреча русской эмиграции с «Доктором Живаго»: Борис Пастернак и «холодная война». Stanford: [Berkeley Slavic Specialties] (Stanford Slavic Studies. Vol. 38).
- Флейшман Л. 2013. Борис Пастернак и Юджин Кэйдэн. – «Объятье в тысячу охватов»: Сборник материалов, посвященный памяти Евгения Борисовича Пастернака и его 90-летию. СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии. С. 309–352.
- Флейшман Л. 2015. Борис Пастернак и Юджин Кэйдэн. – Russian Literature. Vol. LXXVIII. Nos. 3–4. С. 603–642.
- [Eesti Kirjanike Liit, Eesti Teaduste Akadeemia Underi ja Tuglase Kirjanduskeskus et al.] 2017. *In memoriam* Paul Reets: 5. VII 1924 – 25. XII 2016. – Looming. No 2. Lk. 302.
- Frost, R. 1945. Collected Poems of Robert Frost: 1939. New York: Henry Holt and Company.
- Guillén, J. 1952. Lobgesang / In Auswahl übertragen von Ernst Robert Curtius. Zürich: Im Verlag der Arche.
- Holthusen, H. E. 1958. Rainer Maria Rilke in Selbstzeugnissen und Bilddokumenten. Hamburg: Rowohlt.
- Ivask, I. 1957. Hemito von Doderer's "Die Dämonen". – Books Abroad. Vol. 31. No. 4. P. 363–365.
- Ivask, I. V. 1959. Review of *Doctor Zhivago* by Boris Pasternak. – Books Abroad. Vol. 33. No. 1. P. 33–34.
- Ivask, I. 1967. Gespiegelte Erde: Gedichte 1953–1963. New York: Frederick Ungar Publishing Co.
- Ivask, I. 1970. Four Unpublished Letters by Boris Pasternak. – Books Abroad. Vol. 44. No. 2. P. 196–200.
- Pasternak, B. 1959a. Poems by Boris Pasternak / Translated from the Russian by Eugene M. Kayden. Ann Arbor: The University of Michigan Press.

- Pasternak, B. 1959b. *The Poetry of Boris Pasternak: 1917–1959 / Selected, Edited and Translated by George Reavey, with an Essay on the Life and Writings of Pasternak, and a Bibliography by George Reavey*. New York: G. P. Putnam's Sons.
- Pasternak, B., Wolff, K. 2010. *Boris Pasternak – Kurt Wolff. Im Meer der Hingabe. Briefwechsel 1958–1960 / Hrsg. von Evgenij Pasternak und Elena Pasternak unter Mitarbeit von Fedor Poljakov. Mit einem Vorwort von Gerd Ruge*. Frankfurt am Main et al.: Peter Lang (*Русская культура в Европе / Russian Culture in Europe*. Vol. 6).
- Pasternak Slater, L. 2015. *Lydia Pasternak Slater: Writings 1918–1989. Collected Verse, Prose and Translations / Ed. by Nicolas Pasternak Slater, Anna Sergeeva-Klyatis, and Fedor Poljakov*. Frankfurt am Main et al.: Peter Lang (*Русская культура в Европе / Russian Culture in Europe*. Vol. 9).
- Tillich, P. 1952. *In der Tiefe ist Wahrheit. Religiöse Reden*. Stuttgart: Evangelisches Verlagswerk.
- Tillich, P. 1959. *Das neue Sein*. Stuttgart: Evangelisches Verlagswerk.
- Waidson, H. M. 1959. *The Modern German Novel: A Mid-Twentieth Century Survey*. London: Oxford University Press.

REFERENCES

- Boris Pasternak–Kurt Wolff. Im Meer der Hingabe. Briefwechsel 1958–1960*. Edited by Evgenij Pasternak and Elena Pasternak in collaboration with Fedor Poljakov. Foreword by Gerd Ruge. Frankfurt am Main et al.: Peter Lang, 2010.
- [Eesti Kirjanike Liit, Eesti Teaduste Akadeemia Underi ja Tuglase Kirjanduskeskus et al.]. “*In memoriam Paul Reets: 5. VII 1924 –25. XII. 2016*.” *Looming* 2 (2017): 302.
- Fleishman, L. *Vstrecha russkoi emigratsii s “Doktorom Zhivago”: Boris Pasternak i “kholodnaia voina.”* Stanford: [Berkeley Slavic Specialties], 2009.
- . “Boris Pasternak i Eugene Kayden.” In “*Ob”iat’e v tysiachu okhvatov*”: *Sbornik materialov, posviashchennyi pamiati Evgeniia Borisovicha Pasternaka i ego 90-letiiu*, 309–52. Saint-Petersburg: Izdatel’stvo Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii, 2013.
- . “Boris Pasternak i Eugene Kayden.” *Russian Literature* 78, nos. 3–4 (2015): 603–42.
- Frost, R. *Collected Poems of Robert Frost: 1939*. New York: Henry Holt and Company, 1945.

- Guillén, J. *Lobgesang*. Selected by Ernst Robert Curtius. Zürich: Im Verlag der Arche, 1952.
- Holthusen, H. E. *Rainer Maria Rilke in Selbstzeugnissen und Bilddokumenten*. Hamburg: Rowohlt, 1958.
- Ivask, I. "Hemito von Doderer's *Die Dämonen*." *Books Abroad* 31, no. 4 (1957): 363–65.
- . Review of *Doctor Zhivago*, by Boris Pasternak. *Books Abroad* 33, no. 1 (1959): 33–34.
- . *Gespiegelte Erde: Gedichte 1953–1963*. New York: Frederick Ungar Publishing Co.
- . "Four Unpublished Letters by Boris Pasternak." *Books Abroad* 44, no. 2 (1970): 196–200.
- Ivask, Iu. P. "Pis'ma Mariny Tsvetaevoi k Iu. P. Ivasku (1933–1937)." In *Russkii literaturnyi arkhiv*. Edited by Mikhail Karpovich and Dmitri Chizhevskii, 207–37. New Yorks: Rausen Bros.
- Lydia Pasternak Slater: Writings 1918–1989. Collected Verse, Prose and Translations*. Edited by Nicolas Pasternak Slater, Anna Sergeeva-Klyatis, and Fedor Poljakov. Frankfurt am Main et al.: Peter Lang, 2015.
- Nebesnaia arka: Marina Tsvetaeva i Rainer Maria Rilke*. Edited by Konstantin Azadovskii. Saint-Petersburg: Acropolis, 1992.
- Pasternak, B. L. *Polnoe sobranie sochinenii s prilozheniiami*. 11 vols. Vol. 10, *Pis'ma: 1954–1960*. Moscow: Slovo / Slovo, 2005.
- Poems by Boris Pasternak*. Translated from the Russian by Eugene M. Kayden. Ann Arbor: The University of Michigan Press.
- Ponomareva, G. "K probleme natsional'nogo samoopredeleniia pisatelei-optantov (sluchai Iurii Ivaska)." *Toronto Slavic Quarterly* 18 (2006). Accessed November 30, 2020. <http://sites.utoronto.ca/tsq/18/ponomareva18.shtml>
- . "O vospriiatii Pasternaka v Estonii v 1920 – 1930-e gody." In *Novoe o Pasternakakh: Materialy pasternakovskoi konferentsii v Stenforde*. Edited by Lazar Fleishman, 439–451. Moscow: Azbukovnik, 2015.
- Sergeeva-Klyatis, A. "Boris Pasternak: Pis'ma Ivaru Ivasku." *Novyi mir* 9 (2018). Accessed November 30, 2020. http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2018_9/Content/Publication6_7006/Default.aspx
- The Poetry of Boris Pasternak: 1917–1959*. Selected, edited and translated by George Reavey, with an essay on the life and writings of Pasternak. Bibliography by George Reavey. New York: G. P. Putnam's Sons.

Tillich, P. *In der Tiefe ist Wahrheit. Religiöse Reden*. Stuttgart: Evangelisches Verlagswerk, 1952.

—. *Das neue Sein*. Stuttgart: Evangelisches Verlagswerk, 1959.

Waidson, H. M. *The Modern German Novel: A Mid-Twentieth Century Survey*. London: Oxford University Press, 1959.

ИЗ КОММЕНТАРИЯ К «ПИКОВОЙ ДАМЕ»: 5–6¹

М. В. Безродный

(Гейдельберг)

5

На стене висели два портрета, писанные в Париже m-me Lebrun. Один из них изображал мужчину лет сорока, румяного и полного, в светло-зеленом мундире и со звездой; другой – молодую красавицу с орлиным носом, с зачесанными висками и с розою в пудренных волосах.

С первых глав автор готовит отождествление графини *** с карточной дамой ('королевой'): так, рисунок отношений молодой графини с мужем, покорно выплачивающим ее карточные долги, – копия изображения французской королевской четы в революционных памфлетах, а расположение немолодой графини к поляку Чаплицкому намекает на слабость Екатерины II к сербу Зоричу².

Функцию подготовки отождествления выполняют и портреты в спальне графини: запечатленная на них графская чета напоминает королевскую – Людовика XVI, тоже *румяного и полного* и казненного в возрасте *лет сорока*, и Марию-Антуанетту, тоже *красавицу с орлиным носом* (« nez aquilin » – постоянный элемент ее портретов³), *с зачесанными висками и с розою* – правда, не *в пудренных волосах*, а в руке, как на нескольких ее изображениях кисти Виже-Лебрён. В сущности, это портреты казненных монархов,

¹ Продолжение цикла; начало см.: Безродный 2020: 133–140.

² Оба фаворита меряются силами и за карточным столом, следуя предписанию галантного века: чтобы лучше служить богу любви, следует переводить дыхание – предаваться азартным играм: « Dieu d'amour <...> Nous prenons haleine / Dans les Jeux, / A fin de te servir mieux » (D'Ancourt 1729: 151).

³ См., напр.: Regnault<Warin><1794>: 302; <Anon.> 1798: 20.

которым придано сходство с графом и графиней; аналогичную операцию автор «Онегина» произвел со строкой «Царей портреты на стенах»: во избежание цензурных осложнений заменил ее на «Портреты дедов на стенах» (Пушкин 1937: 31, 557).

Присущее персонажам и антуражу «Пиковой дамы» карточное измерение позволяет увидеть в этих портретах марьяж – короля и даму одной масти.

Личное имя художницы (Élisabeth) вовлекает упоминание *m-me Lebrun* в переключку с одной из номинаций Лизаветы Ивановны: *mademoiselle Lise*. Сходной – ‘петербургское настоящее’ и ‘парижское прошлое’ – соименностью обладают мужские персонажи повести: *Германн* и *Сен-Жермен*⁴.

6

По всем углам торчали фарфоровые пастушки, столовые часы работы славного Лероу, коробочки, рулетки, веера и разные дамские игрушки, изобретенные в конце минувшего столетия вместе с Монгольфьевым шаром и Месмеровым магнетизмом.

В этой выставке вещиц галантного века (упорядоченных рифмовкой *abba* – *пастушки : Лероу : веера : игрушки*) и достижений века разума (уложенных в редкий пятистопный анапест: *Монгольфьевым шаром и Месмеровым магнетизмом*) объектами нашего внимания станут *рулетки* и *дамские игрушки*.

Рулетка – конструкция из двух дисков, деревянных или слоновой кости, скрепленных осью, на которую намотан шнур: повинуюсь руке играющего, он то разматывается, то наматывается, и диски, соответственно, то опускаются, вращаясь, то поднимаются. Эта

⁴ Эта переключка подсказана тем местом в «Рукописи, найденной в Сарагосе», где сверстником Вечного Жида оказывается некто Germanus, много лет спустя проживающий в Венеции под именем шевалье де Сен-Жермен: « Nous avons à peine commencé ce repas, que nous vîmes venir un enfant de mon age <...> – Je m'appelle Germanus <...> cet enfant a bien longtemps vécu et vit encore à l'heure qu'il est à Venise, où il est connu sous le nom du chevalier de Saint-Germain » (Potocki 1989: 350).

игра – чаще всего ее называли *joujou de Normandie* ('нормандская игрушка') – появилась в Европе в 1791, пик ее популярности пришелся на 1792–1794, а уже в 1797 ее назовут забытой⁵.

Злоба дня сделала ее эмблемой того, что заслужили враги Революции: колесо да веревка⁶. Мода на эту игру обогатила и куртуазную метафорику: рулетка подобна сердцу влюбленного, что летит то к одной красавице, то к другой, и ни у одной не задерживается⁷; бог любви, держа нас, как рулетку, на шнуре, дает иллюзию свободы и тут же лишает ее⁸. Подслушанные русским сатириком диалоги о рулетке полны фривольных намеков: «Посмотрите, говорила одна дама сидящему возле ней с своим кружком кавалеру, как проворно и хорошо вертится моя рулетка! Чему дивиться, сударыня! отвечал ей с учтивостию кавалер в голубом фраке. Вы так искусно и проворно играете в вашу вертушку, что никогда не делаете, как я заметил, промаху. <...> Скажу вам, сударыня, без лести, что вы играете в вашу вертушку бесподобно; я уже слышался от моего искреннего приятеля г. Г..., который на прошлой неделе имел счастье играть с вами в вертушку, что вы так твердо играете, а

⁵ См.: Bertuch 1792: 11–13; Krünitz 1797: 695; Hesekei, G. Eine vergessene Mode. – *Der Bazar*. 1870. 23. Sept. № 36. S. 294.

⁶ Cp.: « Un nouveau jeu vien de paroître, / Nommé bête par biens des gens; / Quelqu'un qui dit mieux s'y connoître / L'appelle: jeu des émigran<t>s; / Et sur ce nom chacun s'accorde, / L'on y trove à la fois et la roue et la corde » (*Variétés*. – *Mercure universel*. 1791. 23 déc. P. 367). См. также переписку по поводу нашумевшей сцены с рулеткой, добавленной Бомарше в постановку «Женитьбы Фигаро»: *Variétés*. – *Chronique de Paris*. 1792. 22 janv. P. 87; Beaumarchais. <Lettre> aux redacteurs de la Chronique. – *Chronique de Paris*. 1792. 27 janv. P. 106–107. Предположение о знакомстве Пушкина с политической интерпретацией образа рулетки см. в: Алексеев 1972: 104.

⁷ Cp.: „Welch ein lustiges Spiel! Es windet am Faden die Scheibe, / Die von der Hand entflo, eilig sich wieder herauf! / Seht, so schein' ich mein Herz bald dieser Schönen, bald jener / Zuzuwerfen; doch gleich kehrt es im Fluge zurück“ (Goethe 1816: 411).

⁸ Cp.: „Ach! Amor, Herzenzieler, / Wie falsch, wie falsch bist du! / Du spielst, o kleiner Spieler, / Mit Menschenglück und Ruh! // An einem dünnen Faden / Fühst du die ganze Welt: / Hochwürdigkeit und Gnaden, / Den Weisen und den Held. // Oft lässt du uns laufen; / Doch traun! ein kurzes Glück! / Man glaubt sich schon entlaufen; / Dann ziehst du schnell zurück. // In all des Spieles Neuheit, / Wer merkt, wie falsch es sey? / Bald spannenlange Freiheit, / Bald wieder Slaverie! // Ach! Amor, Herzenzieler, / Wie falsch, wie falsch bist du! / Du gleichst dem kleinen Spieler / Des artigen J o u j o u!“ (Schmidt 1796: 196–197). Cp. также зингшпиль Рейха „Amor, der Joujou-Spieler“ (1794–1798).

притом и так нескучливы, что он, желая угодить вам, был утомлен тем до чрезвычайности. – При сих словах дама улыбнулась, а кавалер продолжал опять свою речь таким образом: Слыша, сударыня, такую об вас похвалу, просил того приятеля моего, чтоб он доставил мне, как страстному охотнику до этой игры, случай когда-нибудь поиграть с вами в вертушку, на что он охотно согласился, вызвался доставить мне это неоцененное счастье в непродолжительном времени. Удостоите, сударыня, продолжал он, испытать мое искусство в игре с вами. С великим удовольствием, отвечала дама <...> ежели вам угодно, завтра в 5 часов пополудни можете вы ко мне приехать. Думаю, что муж мой поедет непременно на игру к г. *Картежникову*, у которого он пробудет до полуночи, а я хочу завтра остаться дома: то и прошу вас с приятелем вашим г. Г... посетить меня и разделить время игрою в вертушку. Кавалер в голубом фраке поцеловал у ней руку и самыми учтивейшими выражениями отблагодарил даму за такую к нему благосклонность. <...> Г-жа Размахайлова <...> бросилась к нему на шею и пленяющим тоном говорила ему: Ах! мой *миньончик*! Как ты долго заставил меня дожидаться себя! ты вывел меня из терпения; я хотела с тобой поиграть в вертушку» (<Писарев> 1792: 166–169) и т. п.

Такая 'нормандская игрушка' сродни 'девичьей' – «*Le Joujou des Demoiselles*» (сборник, ставший образцом и одним из источников «Девичьей игрушки»). Примечательно, что в перечне аксессуаров престарелой Венеры Московской, которые разглядывает проникший в ее спальню Германн, вслед за *рулетками* появляются – отделенные от них веерами – *дамские игрушки*. Ср. использование эвфемизма «женская игрушка» в одноименном очерке 1821 Рылеева: « – Нет, *madame*, не из нарядов. Мне нужно игрушку. – Какую, сударь? – Которую любят женщины и которую, когда она появилась, они не выпускали из рук... – проговорив сие, я улыбнулся; мне самому казалось странно и смешно, что я приехал покупать вещь, которой хорошо и названия не знаю. Француженка пристально посмотрела на меня, улыбнулась сама и сказала: – Теперь я понимаю; вам, конечно, нужен калейдоскоп; для кого вам нужна сия игрушка? – Для жены. – Для вашей супруги! И вы позволяете ей иметь такую

игрушку? – Почему ж не так? Когда прочие мужья покупают ее женам своим или знают, что они сами покупают, то я не хочу своей отказывать в том. – Так извольте, сударь, я принесу; только скажите, какого сорта нужно вашей супруге: русского, французского или аглицкого? – А какой лучший? – Теперь в моде аглицкий. И у меня, я вам за тайну скажу, осталось одна только дюжина из десяти, выписанных мною месяца два назад прямо из Лондона. Это совершенство в своем роде! Сей сорт изобретен в Англии нарочно, как сказывают, для королевы, когда она разлучилась с Бергами⁹. Устройство и механизм вещи сей точно, как у натуральной! – Любопытство мое с каждым словом возрастало. – Пожалуйста, покажите, madame. – Madame вынула ящик, открыла его и подала мне; а сама отошла к окошку. Я взглянул и остолбенел от изумления!.. Я увидел такую игрушку, о существовании которой никогда и не воображал!.. <...> – Что, нравится ли вам эта женская игрушка? – А что стоит она? – спросил я вместо ответа. – Сто рублей. – Как не купить! но не для жены: сохрани Боже! Сия искусственная вещь ей вовсе не нужна; но она может послужить украшением кабинета редкостей, который достался мне от одного натуралиста» (Рылеев 1934: 399–400).

Остается добавить, что рулетке не впервой поминаться в одном ряду с *Монгольфьевым шаром и Месмеровым магнетизмом*: в 1792 было замечено, что мода на нее распространяется стремительней увлечения аэростатами, магнетизмом и – еще одна примета века просвещения, взятая на учет и в «Пиковой даме», – духовидением¹⁰.

⁹ Правильно: Пергами.

¹⁰ Ср.: „Die Epidemie der Aerostatik, des Magnetismus und der Geisterseherei verbreiteten sich nicht so schnell, und so allgemein als die Manie für dies schnurbewickelte Rädchen“ (<Anon.> 1792: 4).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алексеев М. П. 1972. Пушкин: Сравнительно-исторические исследования. Л.: Наука. Ленинградское отделение.
- Бездородный М. В. 2020. Из комментария к «Пиковой даме»: <1–4>. – Unacknowledged Legislators: Studies in Russian Literary History and Poetics in Honor of Michael Wachtel / Ed. by Lazar Fleishman, David M. Bethea, and Ilya Vinitsky. Berlin et al.: Peter Lang. P. 133–140.
- [Писарев А. И.] 1792. Переписка двух адских вельмож, Алгабека и Алгамека, находящихся по различным должностям в Старом и Новом свете, содержащая в себе сатирические, критические и забавные происшествия, повести, анекдоты и другие удивительные сцены нравственной жизни людей обоего пола / Переведена с Арапоеврейского языка Грекояпонским переводчиком в 1791000 году. Ч. 2. М.: В Университетской Типографии<,> у В. Огорокова.
- Пушкин А. С. 1937. Полн. собр. соч.: В 16-ти тт. Т. 6: Евгений Онегин. [М.; Л.:] Издательство Академии наук СССР.
- Рылеев К. Ф. 1934. Полн. собр. соч. [М.; Л.:] Academia.
- [Anon.] 1792. Ueber das Joujou de Normandie. Leipzig: In der Baumgärtnerischen Buchhandlung.
- [Anon.] 1798. Vie de Marie-Antoinette Reine de France. Hambourg; Brunswick: Chez P. F. Fauche et compagnie.
- Bertuch, [Fr. J.] 1792. Ueber das Joujou de Normandie, und die Moden der *Joujous* überhaupt. – Journal des Luxus und der Moden. Bd. 7, Jan. S. 11–13.
- D'Ancourt, [F. C.] 1729. Les Œuvres de Monsieur D'Ancourt. T. 9. Roüen; Paris: Chez la Veuve de Pierre Ribou.
- Goethe 1816. Goethe's Werke. Bd. 1. Wien: Bey Chr. Kaulfuß und C. Armbruster.
- Krünitz, J. G. 1797. Oekonomisch-technologische Encyklopädie, oder allgemeines System der Stats-Stadt-Haus-und Land-Wirthschaft und der Kunst-Geschichte in alphabetischer Ordnung. Th. 72. Berlin: In der Buchhandl. des kön. preuß. geh. Commerciens-Rathes Pauli.
- Potocki, J. 1989. Manuscrit trouvé à Saragosse. Paris: José Corti.
- Regnault[-Warin], J.-J. <1794>. Siècle de Louis XVI. Bar-le-Duc: De la Société de Moucheron et Duval.
- Schmidt, K. E. K. 1796. Amor der Joujouspieler. – Taschenbuch und Almanach zum geselligen Vergnügen. Leipzig: Bei Voß und Companie. S. 196–197.

REFERENCES

- Alekseev, M. P. *Pushkin: Sravnitel'no-istoricheskie issledovaniia*. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie, 1972.
- Bertuch, [Fr. J.] "Ueber das Joujou de Normandie, und die Moden der Joujous überhaupt." *Journal des Luxus und der Moden* 7 (1792): 11–13.
- Bezrodnyi, M. V. "Iz kommentariia k 'Pikovoï dame': <1–4>." In *Unacknowledged Legislators: Studies in Russian Literary History and Poetics in Honor of Michael Wachtel*. Edited by Lazar Fleishman, David M. Bethea, and Ilya Vinitsky, 133–40. Berlin et al.: Peter Lang, 2020.
- D'Ancourt, [F. C.] *Les Œuvres de Monsieur D'Ancourt*. Vol. 9. Rouen and Paris: Chez la Veuve de Pierre Ribou, 1729.
- Goethe's Werke*. Vol. 1. Vienna: Bey Chr. Kaulfuß und C. Armbruster, 1816.
- [Pisarev, A. I.] *Perepiska dvukh adskikh vel'mozh, Algabeka i Algameka, nakhodiashchikhsia po razlichnym dolzhnostiam v Starom i Novom svete, soderzhashchaia v sebe satiricheskie, kriticheskie i zabavnye proisshествiia, povesti, anekdoty i drugie udivitel'nye stseny npravstvennoi zhizni liudei oboego pola*. Translated from the *Arapoevropskii* by a *Grekoiaponskii* translator in 1791000. Vol. 2. Moscow: V Universitetskoi Tipografii, u V. Okorokova, 1792.
- Pushkin, A. S. *Polnoe sobranie sochinenii*. 16 vols. Vol. 6, *Evgenii Onegin*. Moscow and Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1937.
- Ryleev, K. F. *Polnoe sobranie sochinenii*. Moscow and Leningrad: Academia, 1934.
- Krünitz, J. G. *Oekonomisch-technologische Encyklopädie, oder allgemeines System der Stats-Stadt-Haus-und Land-Wirthschaft und der Kunst-Geschichte in alphabetischer Ordnung*. Vol. 72. Berlin: In der Buchhandl. des kön. preuß. geh. Commerzien-Rathes Pauli, 1797.
- Potocki, J. *Manuscrit trouvé à Saragosse*. Paris: José Corti, 1989.
- Regnault[-Warin], J.-J. *Siècle de Louis XVI*. Bar-le-Duc: De la Société de Moucheron et Duval, [1794].
- Schmidt, K. E. K. "Amor der Joujouspieler." *Taschenbuch und Almanach zum geselligen Vergnügen*, 196–97. Leipzig: Bei Voß und Companie, 1796.
- Ueber das Joujou de Normandie*. Leipzig: In der Baumgärtnerischen Buchhandlung, 1792.
- Vie de Marie-Antoinette Reine de France*. Hamburg and Brunswick: Chez P. F. Fauche et compagnie, 1798.

ИЗ ИМЕННОГО УКАЗАТЕЛЯ К «ЗАПИСНЫМ КНИЖКАМ» АХМАТОВОЙ

Р. Д. Тименчик
(Иерусалим)

Нижеследующая подборка продолжает ряд из почти полусотни однотипных публикаций, в том числе и включенных в два предшествующие выпуска сего ежегодника (см.: Тименчик 2018а: 256–312; Тименчик 2019: 179–247). Следует оговорить, что библиографические справки о разных лицах применительно к их роли в ахматовской жизни учитывают, помимо прочего общеобязательного, тот исторический контекст, в который неотвратимо вовлекается каждое попавшееся на карандаш владелицы записных книжек ф.и.о. – в контекст шестидесятих годов двадцатого века, когда иные имена, неумолкаемо висели в воздухе, где хватало на полразговорца, и некоторые из них, с рекордной прилипчивостью оседали на бумаге под пером «шестидесятников», как в моностихе ленинградского авангардиста (Л. Виноградова):

Хрущев читал Хемингуэя?
(цит. по: Королева 2005: 411)

Гнедич Татьяна Григорьевна (1907–1976) – поэтесса, переводчица (см. о ней: Барскова 2020: 121–140). Вероятно, именно она названа в списке «Кто жил в Царском»: «Гнедич (переводчица>» (Ахматова 1996: 132), а не ее родич, переводчик «Илиады», как аннотировано в цитируемом издании. В проекте вечера переводов стихов Ахматовой на другие языки: «Татьяна Гнедич – англ <ийские> переводы» (Ахматова 1996: 618) – в годы войны она «стала переводить на английский язык стихи ленинградских поэтов, чтобы познакомить наших союзников с русской поэзией: то были стихи А. Прокофьева, В. Инбер, А. Ахматовой» (Усова 1993: 158).

Ей принадлежит перевод нескольких строф «Поэмы без героя» на английский:

Consecrated candels <sic!> are burning,
I with him who did not returning
Meet the year...

(1959 дек<абрь> Кр<асная> Кон<ница>)

(Ахматова 1996: 85)

«Фонтанный Дом. 31 декабря 1940. Старые лондонские часы, которые (пробив по рассеянности 13 раз) остановились ровно 27 лет тому назад, без постороннего вмешательства снова пошли, пробили без четверти полночь (с видом оратора перед началом речи) и снова затикали, чтобы достойно встретить Новый (по их мнению, вероятно, 14-ый) год. И в эти мгновения автору не то слышалось, не то привиделось все, что за этим следует. Примечание. Однако по своему английскому происхождению и опять же по рассеянности часы во время [своего] боя [часов] [бормочут] позволили себе пробормотать:

“Consecrated candels <sic!> are burning, I with him who did not returning Met the year...”.

Как будто кто-то к кому-то когда-то возвращался.

Я зажгла заветные свечи,

Чтобы этот светился вечер» (Ахматова 1996: 520; ср.: Ахматова 2009: 1226–1227, 1242, 1281, 1303; без объяснения цитаты).

Ср. в письме М. М. Кралина к нам от 21 мая 1976 г.: «С. К. Островская» сказала, что перевод начала Поэмы был у А. А., но та его, по-видимому, уничтожила после того, как он вызвал критику Берлина»¹.

Т. Г. Гнедич также перевела «Первый дальнобойный в Ленинграде», «Когда я ночью жду ее прихода». Ср. в записи беседы переводчика Олега Малевича с Ахматовой в апреле 1965 г.: «Весьма скептически Анна Андреевна отозвалась об английских поэтических переводах Татьяны Гнедич, да и вообще в ее отношении к этой

¹ Частное собрание.

переводчице и поэтессе я уловил оттенок недоброжелательности» (Малевич 2006: 56–57). Этот оттенок можно уловить в записях разговоров (осведомительницы НКВД) С. К. Островской с Ахматовой – 27 декабря 1944 г. Гнедич была задержана – запись в дневнике Н. Н. Пунина от 8 января 1945 г.: «Арестована Гнедич (она бывала у Ани)» (Пунин 2000: 391). 29 декабря 1944 г. С. К. Островская записала: «Рассказываю ей об исчезновении Гнедич, передаю мою последнюю беседу о ней с Британцем.

– ...он сказал тогда: what a dirty dog!..

– Не надо так! – пугается искренне Ахматова. – Может быть, она самоубийца, а мы о ней такое говорим...» (Островская 2013: 536); британец – Леонард Уинкотт, впоследствии – в заключении; «Ей дали консультанта – англичанина, бывшего матроса королевского британского флота по фамилии Уинкот, он жил в Ленинграде еще до войны. Вот дружба с этим Уинкотом и послужила главной причиной последующих неприятностей. Уинкот часто говорил:

– Ну, Татьяна Григорьевна, кончится война, я вас приглашу и вы поедете ко мне в Лондон.

Ей очень хотелось поехать – и она с кем-то поделилась такой перспективой» (Усова 1993: 158–159). В конспекте беседы 7 февраля 1945 г.: «И Татьяна. Арест – придумала, биографию придумала» (Островская 2013: 681). Татьяна Гнедич меж тем находилась во внутренней тюрьме НКВД на Шпалерной, откуда год спустя была отправлена в лагеря строгого режима и, вернувшись в декабре 1954 г., вскорости поселилась в Павловске и городе Пушкине.

11 апреля 1945 г. Ахматова сказала под запись о Т. Г. Гнедич: «Она переводила, как дилетант... непрофессионально!» (Островская 2013: 543).

С. К. Островскую с «Поэмой без героя» познакомила именно Гнедич:

Я начала сразу читать вслух, пораженная и очарованная с первых же строк.

– Подождите... что же это! – иногда говорила я, прерывая чтение и проводя рукой по лбу.

Гнедич торжествовала, видя мою почти мучительную радость.<...>
О поэме Ахматовой я много думала и немного говорила. С Гнедич
и Антой <Оранжевой. – Р. Т.> мы искали расшифровок «зер-
кального письма» (Островская 2013: 521–522).

Черновики перевода двух фрагментов «Поэмы» сохранились в
рабочей тетради Т. Г. Гнедич:

Sacred candles are weirdly burning
I with him who keeps not returning
Meet the year ninety forty one.
God preserve us the erring and darkling
[Flame] is lost in the goblet sparkling
And the [mind] soul by the poison undone.

Ghostly talks are slashing and stealing,
All the maddening nightmares reeling –
And the clock is brooding the toll...
And the clock meditates the tolling
As I stand on my threshold appalling
Keeping watch of my last resort

And the bell gives a languid quiver,
And I felt an exhaustive fever
Petrified by fear unseen.
And as if of something reminded
With a shudder I look behind – and
Slowly say with a quiet ...

You're mistaken, Venice of dogs
Is next door. But your masks and scourges,
Staffs and crowns, you leave in the hall
If you enter – today I rather
Glorify you as any other,
You, the whimsical shadows all,

Here is Faustus – and there Don Juan,
And behind with a tympan the new one

Brings the fauness girl to my home...
 And the walls are strangely retreating
 And [after] afar the sirens are bleating
 And the ceiling's a swollen dome.

27. III. 45 <sic!>

Dedication

And as I have by chance no sheet of paper,
 I write upon your manuscript this time
 And through my lines those other words are showing
 And as a snowflake in a wintry clime
 Without reproach or sorrow gently thawing.
 And Antinous lifts his heavy lashes –
 And all at once I see the greenish smoke,
 I feel my native wind – a gentle stroke –
 Is it the distant sea that gleames and flashes?
 No. 'tis the mournful cypress dark and sere,
 'tis Chopin's "Marche funèbre" drawing near.²

На смерть Ахматовой Гнедич отнеслась сонетом, оплакавшим ушедший «западно-восточный синтез» поэтического облика покойной и ее мифологизированную мусульманскую генеалогию:

Почему же нам стало светло?

А. Ахматова

Она молчит, венчанная Камена,
 Торжественно, кощунственно мертва.
 Закинута упрямо и надменно
 Тяжелая седая голова.

Страницы славы и страницы плена –
 Всё суета, всё праздные слова.
 Одна любовь пребудет неизменно.
 Одна любовь крылата и жива.

² ИРЛИ. Ф. 210. Оп.1. № 4; любезно сообщено Т. С. Поздняковой.

Большая жизнь усталой темной тучей,
Печалью, болью, скорбью неминуемой
Легла вдали, где светится черта

Последнего весеннего заката,
Замкнувшая велением адата
Пророчицы усталые уста.

(цит. по: Кралин 1990: 448)

Тогда же она завершила работу над сонетом, снискавшим известный резонанс на родине и еще больше в зарубежье, где о нем написал Глеб Струве:

Тревожится, растет девятый вал
Поэзии. Дымится тайна слова.
Вот-вот и вспыхнет. Блока час настал...
Горит его магический кристалл –
Вселенской диалектики основа.
Все для большого синтеза готово!
Вот – внук того, кто Зимний штурмовал,
Любуется бессмертьем Гумилева...

Народный разум все ему простил –
Дворянской чести рыцарственный пыл
И мятежа бравурную затею –
Прислушайтесь: над сутолокой слов
Его упрямых бронзовых стихов
Мелодии все громче, все слышнее.

(цит. по: Тименчик 2018b: 434; см. подробнее:

Там же: 434–436; 490–491)

На этот текст откликнулся круглогодичный зоил, как всегда, не до конца осведомленный исполнитель роли записного антисоветчика: «...изо всех благоглупостей о Гумилеве, какие нам довелось читать, самую потрясающую и возмутительную формулировала некая эмигрантская поэтесса Татьяна Гнедич, заявившая, что “народный разум” де-мол Гумилеву “простил... мятежа бравурную затею!”. Глазам трудно поверить... Смеем заверить эту, в остальном нам

вовсе неизвестную даму, что нашему народу нечего прощать герою и мученику, погибшему за его честь и свободу, которому когда-нибудь, несомненно, немало памятников воздвигнется на необозримой Руси. Ну, а если верить в существование какого-то особого “советского” народа, неуклонно верного обожаемой компартии, то они как раз Гумилеву не простили и не простят.

Для большевиков Гумилев был и остается грозным врагом, тем более страшным, что хотя они его и убили, а он, наперекор им, живет и будет жить» (Рудинский 2019: 89).

Головин Александр Яковлевич (1863–1930) – портретист, художник мейерхольдовской постановки «Маскарада» (1917), на генеральной репетиции которой была Ахматова (см.: Ахматова 1996: 137, 144, 402, 443, 556, 599, 651, 663, 735) и воспоминания о которой запечатлены в наброске либретто представления по «Поэме без героя»: «Панихида, как в “Маскараде” Мейерхольда (свечи, вуали, ладанный дым)» (Ахматова 1996: 21). «Спектакль был очень пышно оформлен (Головиным), “слишком много мебели на сцене”, что А. А. не понравилось» (Будыко 1995: 351). См. впечатления от оформления у английского писателя, описавшего премьеру:

We buzzed and we hummed, we gasped and we gaped, we yawned and we applauded; and the rustle of gold tissue, the scent of gold leaf, the thick sticky substance of gold paint, filled the air, flooded the arena, washed past us into the street outside. Meanwhile M. Meyerhold, white, perspiring, in his shirt-sleeves with his collar loosened and his hair damp, is in labour behind the gold tissue to produce the child of his life... and Behold, the Child is produced! And such a child! (Walpole 1919: 158).

«Кто жил в Царском <...> 1) Головин (полуциркуль)» (Ахматова 1996: 132). «Головин с поступью царедворца» (Ремизов 1981: 156), «седой, как лунь, улыбчивый и великолепный, как добрый король из старого французского романа» (Голлербах 1927: 76) проживал в правом флигеле Екатерининского дворца с 1925 года, откуда в октябре 1927 года переехал на новую квартиру в Детском Селе. «Об улучшении

жилищных условий художника хлопотал Станиславский» (Пожарская 1990: 234).

О встречах Ахматовой с ним нам сведений не попало, но знакомство можно предположить по следующему ее рассказу 1927 года: «Комический случай: Станиславский предложил АА дать ей рекомендательное письмо к Головину» (Лукницкий 1997: 281).

См. о нем до и после революции:

Головин держал себя в стороне от всех, и я ни разу не встречал его в среде «Мира Искусства», которого он, видимо, недолюбливал, к корифеям которого он относился отчасти свысока, отчасти с недоверием. Он был очень русским в душе, но обладал особым свойством русского человека (о котором говорит Достоевский) – чувствовать дух и культуру других стран до некоего духовного перевоплощения, что для художника является свойством и даром бесценным. Гений Пушкина обладал этим свойством в высокой мере. Особенно сильно чувствовал Головин сказочный мир, в изображении которого его фантазия была неиссякаема. Головин вел странный, замкнутый образ жизни. О частной его жизни никто ничего не знал. Он куда-то исчезал неделями, не давая адреса и, возвращаясь, находил груду телеграмм и писем из театральной конторы в пыли под своей дверью. Не любил он и посещать людей и избегал контакта с художниками (Щербатов 1951: 111).

– и запись рассказа вдовы художника:

Луначарский вызвал как-то Александра Яковлевича к себе для беседы и предложил ему большую, но тематически чуждую работу. Александр Яковлевич имел мужество отказаться от интересной, но чуждой его взглядам и убеждениям работы. Когда он уезжал из дома к Луначарскому, все близкие прощались с ним навек. Но нарком просвещения с уважением отнесся к убеждениям Александра Яковлевича и даже поблагодарил его за искренность (Уханова 2000: 175).

См. предшествовавшую составлению ахматовского списка краеведческой заметку Е. М. Головчинера «Художник А. Я. Головин».³

Драйвер (Driver) Сэмюэль (Sam) Норман (1929–2003) – американский славист, в 1962–1991 гг. преподаватель Браунского университета (Провиденс, Род-Айленд), автор книги “Anna Akhmatova” (New York, 1972; серия “Twayne’s World Authors Series”). По его рассказу на юбилейной ахматовской конференции в Белладжо (1989 г.), студентом Колумбийского университета в 1957 г. он выбрал русскую поэтессу как тему для доклада в семинарии по советской литературе, на что руководитель Эрнст Симмонс согласился неохотно: она второстепенная и уже мертвая. Но после этого он по совету Леона Штильмана все же стал писать о ней магистерскую работу. В 1959 г. он в Москве встречался с А. Сурковым, который в ответ на вопрос об Ахматовой минут сорок пять кричал на него.

Первая запись о нем – в разделе «Библиография»: «Докт<орская> диссерт<ация> в Ил<линойском> университет<е>. См. журнал Америка, 1961, № 58 (?)» (Ахматова 1996: 172) – о заметке «Они встретились в Москве» (Америка. 1961. № 58. С. 8–10), где сообщалось, что С. Драйвер пишет диссертацию – см. запись Л. Чуковской от 21 июля 1961 г.: «Протянула мне номер журнала “Америка”. Весь глянцевиый, брюки отутюжены, сверкают зубы и декольте. А тут еще на развороте какое-то бракосочетание: цветы, фата, бокалы, улыбки. Из подписи явствует, что сочетаются браком два американские гида – гид и гидесса – познакомившиеся на американской выставке в Москве. Один из них – тот, который жених – пишет диссертацию об Анне Ахматовой. Ее имя среди всего этого сверканья и глянца совсем неуместно» (Чуковская 1997b: 472); ср.: «Сэм Драйвер дает пояснения на выставке живописи и скульптуры. Он студент факультета русской литературы Колумбийского университета. <...> Сэм Драйвер говорит, что если бы он не приехал в Советский Союз, он никогда не сумел бы узнать многие простые

³ Головчинер Е. М. Художник А. Я. Головин. – Вперед (Пушкин). 1958. № 68 (2585). 7 июня.

вещи о жизни нашего народа»⁴. Затем слухи о продвижении диссертации (защищенной только в 1967 году в Колумбийском университете) фиксировались в автобиблиографии: «Док<орская> дис<сертация> Сэм Драйвера (Мичиганский университет)» (Ахматова 1996: 224; в июле 1963 г.); «Док<торская> дис<сертация> в Мичиг<анском> университете (Драйвер)» (Ахматова 1996: 256).

В начале мая 1965 г. мать С. Драйвера передала его письмо к предмету диссертации улетающей в СССР американской писательнице Ирине Куниной-Кирк (Кёрк) (1926–1992), дочери беженцев из России, выросшей в Шанхае:

25 Arnold St.
Providence, RI
May 3, 1965

Многоуважаемая Анна Андреевна!

Одна из моих знакомых недавно сообщила мне, что у нее скоро будет возможность передать Вам мою работу о Ваших стихах. Я спешу написать несколько слов в объяснении.

Вот уже шестой год, как я живу с Вашими стихами – и живу Вашими стихами. Когда при мне говорят по-русски, я слышу слова и характерные, и случайные в Ваших стихах. Часть моего ума повторяет их, целые строчки повторяются, и целые стихи – когда я читаю стихи на своем языке, та же часть моего сознания все думает: это по-Ахматовски, это Анна Андреевна одобрила бы; над этим Ахматова смеялась бы.

Я влюбился в Ваши стихи в 1959 г., и с тех пор они были со мной: моя работа, мой отдых; мой оброк и моя радость.

В 1960 г. я написал свою магистерскую диссертацию о Ваших стихах; жалкая работа, недостойная Вашего внимания. Я теперь оканчиваю свою докторскую диссертацию и посылаю ее Вам на суждение. Надеюсь, что Вы не сочтете это за дерзость; общие знакомые уверяли меня, что наверно Вам будет интересно посмотреть на эту работу. Я был бы очень благодарен, если бы

⁴ Жилин Ю., Меньшиков С. Диалог в Сокольниках. – Новое время. 1959. 21 августа.

взяли на себя этот труд, потому что я думал опубликовать части моего исследования – и не хочу написать ничего недостойного или неправильного. Весьма возможно, что мой подход и мои выводы вообще неприемлемы Вам <sic!>. Если так, то пожалуйста сообщите мне, и я отложу свои планы.

Если Вы найдете, что диссертация заслуживает внимание <sic!> американских и английских читателей, то я перепишу ее, учитывая Ваши указания.

Следует сказать, что диссертация в своей настоящей форме далеко не то, что я сперва написал, ни то, что я хочу написать. Состав комитета по рассмотрению моей диссертации менялся два раза, итак, мне пришлось удовлетворить требования шести профессоров.

В этом процессе почти всё оригинальное, всё, что здесь называется «импрессионистическим», надо было выбросить. То, что осталось, конечно, сухо и повторяет во многом то, что о Вас уже было написано – и безусловно повторяет ошибки предыдущих критиков.

Я два раза приезжал в Россию нарочно, чтобы увидеться с Вами, но по довольно сложным причинам мне не удалось. Я так – и столько раз – хотел Вам написать письмо, но нельзя было сказать в данное время, будет ли такая переписка удобна для Вас. Я знаю, что западные критики очень затрудняли в прошлом положение русских писателей – иногда совершенно несознательно, и я <не> хотел <бы> ни в коем случае причинить Вам какую-нибудь неловкость.

Поэтому я ссылался на вторичные источники со всеми существенными ограничениями при таком подходе к Вашей поэзии. Не все такие источники достоверны; <sic!> я пользовался, например, книгой Г. Иванова в некоторых случаях. Я подозревал, что это – выдумка его, и даже два раза заметил это; я не подозревал, однако, что это прямая ложь. Итак, я выну все цитаты из книги «Петербургские зимы» перед тем, как доставлю диссертацию в Колумбийский университет. Я и внесу несколько поправок: я перепутал слова «пороги» и «перила», и то, что я сказал, вышел

вздор. Одна ссылка на Жирмунского (о колорите) была случайно пропущена и т. д.

Может быть, Вам это кажется странным, что я посылаю Вам свою работу не в окончательной форме, работу, которой я сам далеко не доволен. Причина такая: один из Ваших критиков однажды написал: «Если бы Ахматова написала свои стихи на английском языке, она с первой книги заслужила бы мировую известность». Эта фраза поразила меня своей правдивостью. Я захотел познакомить говорящих на английском языке с Вашими стихотворениями, которые решительно привлекли меня в область русской литературы, которые постоянно возобновляют мою любовь к русскому языку и которые стали столь важной и драгоценной частью моей жизни.<.>

Уважающий Вас

Sam Driver

Brown University<.> Providence<.> Rhode Island⁵

Фраза о ссылке на Жирмунского имеет в виду слова в статье В. М. Жирмунского «Преодолевшие символизм» о «живописной, графической четкости образов» у акмеистов с «графичным и богатым многообразием и изысканностью зрительных впечатлений, линий, красок и форм» (Жирмунский 1916: 25), о «графичности линий взамен музыкальной слитности настроений и художественной неопределенности намеков» (Там же: 26). Соответствующий фрагмент в диссертации – едва ли не самый содержательный, например, рассуждения вокруг строк: «Только в спальне горели свечи / Равнодушно-желтым огнем». – Ахматова <1>912: 25): “The only primary color which is sufficiently employed as to indicate a conscious device on the part of the poetess is the color yellow. As Gumilev noted in his ‘Letter’ on Axmatova’s ‘Rosary’ it is a most unusual color in poetry, perhaps the least employed <«Цветовых определений очень много в стихах Ахматовой и чаще всего для желтого и серого, до сих пор самых редких в поэзии». – P. T.>. It is used at only one point in the

⁵ Оба письма к Ахматовой, как и диссертация С. Драйвера: РГАЛИ. Ф. 13. Оп. 1. Ед. хр. 186.

black-and-white composition suggesting comparison with monochromatic Japanese print or wash drawing, where the yellow lamps of pilgrims on the Tokaido provide a focal point on the dark background, or where a single lighted window shines in a darkened Kyoto street.

There was a great interest in Japanese art during the decade in which Axmatova began her career; comparisons of Axmatova's lyrics with the delicacy and economy of Japanese art were inevitable (e. g. [Chudovskii]. *Po povodu [stikhov Anny Akhmatovoi]* pp. 46 ff). Ejxenbaum, however, rejected such comparisons on the basis that Japanese art was impressionistic, and he felt Axmatova's economy of words to be a result of intensity of emotion rather than a striving for an impressionistic effect ([B.Ejxenbaum. *Anna Axmatova.*] *Opyt analiza.* p. 33). On the basis of color comparison, however, the parallel does seem justified.⁶ (О ранней Ахматовой и японском искусстве см.: Тименчик 2014а: 455, Тименчик 2014b: 586; о желтом цвете у Ахматовой, наполненном ассоциациями «роковыми и мертвящими» см.: Эйзенштейн 1964: 217–218; Тименчик 2014а: 340, Тименчик 2014b: 460–461.)

В письме отразилось знакомство с только что напечатанными тогда в альманахе «Воздушные пути» ахматовскими воспоминаниями, где говорилось: «Никаких собраний на “Тучке” не бывало и быть не могло. Это была просто студенческая комната, где и сидеть-то было не на чем. Описание five o'clock на «Тучке» (Георгий Иванов – Поэты) выдуманы от первого до последнего слова», «Всё, что пишет о Мандельштаме в своих бульварных мемуарах “Петербургские Зимы” Георгий Иванов, который уехал из России в самом начале 20-ых годов и зрелого Мандельштама вовсе не знал, – мелко, пусто и несущественно. Сочинение таких мемуаров дело немудреное. Не надо ни памяти, ни внимания, ни любви, ни чувства эпохи. Всё годится и всё приемлется с благодарностью невзыскательными потребителями. Хуже, конечно, что это иногда попадает в серьезные литературоведческие труды» (Ахматова 1965: 25, 42).

⁶ РГАЛИ. Ф. 13. Оп. 1. Ед. хр. 186.

Ирина Кирк, посетив Д. Е. Максимова и оставив у него диссертацию и письмо, навестила Ахматову в Комарове 14 мая 1965 г. (см.: Тименчик 2014а: 425–430, Тименчик 2014b: 543–546), подарила ей книжку С. М. Боуры о Сафо (см.: Любимова 2004: 56) и свой автобиографический роман «Рожденная с мертвыми» (Kirk 1963) с надписью «Анне Андреевне, стихами которой мы жили в детстве и в юности в Китае. Ирина Кирк, май 65 г.»⁷ и рассказала о диссертации и диссертанте:

...она помолчала, взяла книгу с «Лермонтовым» на обложке и раскрыла. Заметив, что я слежу за каждым ее жестом, она засмеялась и сказала: «Вы думаете, это Лермонтов? Нет, это моя записная книжка». Она затем протянула мне ее, раскрыв на чистой странице, и попросила меня записать Ваше имя и имена Ваших профессоров. Я сказала ей, что я до конца не уверена, но думаю, что это Р. Мэтьюсон и Л. Штильман (?). Она посмотрела на имена, жесты ее медленны, неторопливы, величественны, и сказала: «Мне это имя знакомо, он не был на выставке?» Я сказала, что да, Вы были. «Ну так я видела его в журнале “Америка”». Я сказала, радостно: «Да, это он» (Тименчик 2014а: 428).

Имена были вписаны в записную книгу «Лермонтов», но впоследствии эта страница, на обороте которой содержался черновик перевода из Леопарди, была в числе других вырвана и передана соавтору по переводу А. Г. Найману, который любезно ознакомил нас с ней. Текст записи (И. Кирк по памяти назвала ошибочно одно из имен американских славистов):

Samuel Driver
Slavic Dept.
Brown University
Providence, Rhode Island
U S A

⁷ Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме. КП-8926. МБ-3824-А.

Columbia University

Prof. O. Mathiesen

Prof. L. Stilman

С именем с Л. Штильмана Ахматова была знакома, его доклад она включила в свою автобиблиографию за два упоминания своего имени: «В “Метели”, Бурмин говорит Марье Гавриловне: “Я поступил неосторожно, предаваясь милой привычке видеть и слышать вас ежедневно...”». Слова Бурмина воспринимаются Марьей Гавриловной как литературная цитата: она “вспомнила первое письмо St.-Preux”. В своей работе “‘Адольф’ Б. Констана в творчестве Пушкина”, А. Ахматова справедливо замечает, что “в первом письме С. Пренет выражения ‘милая привычка’...” и указывает на “Адольфа”, как на источник этого выражения. <сноска: А. А. Ахматова, “Адольф” Бенжамена Констана в творчестве Пушкина», Временник пушкинской комиссии, т. I (Москва-Ленинград, 1936), стр. 109, примечание 2.> Речь Адольфа к Элленоре в начале третьей главы романа Бенжамена Констана действительно чрезвычайно близка к письму Онегина»; «Можно было бы указать на ряд частных совпадений; так, в одной из речей Дон Гуана, мы находим слова:

Я ничего не требую, но видеть
Вас должен я, когда уже на жизнь
Я осужден...

восходящие (на что указывала А. Ахматова в цитированной выше статье) к “Адольфу”, как и близкие к ним строки из письма Онегина. Приведем еще “хитрый искуситель” и “сущий демон”, слова, обращенные Доной Анной к Дон Гуану; так, или почти так Татьяна называет Онегина. <...> Так “Евгений Онегин” соприкасается не только с “Дон Жуаном” Байрона, но и с Дон Гуаном самого Пушкина, а через него с другой традиционной линией знаменитой легенды» (Штильман 1958: 34, 45). Доклад уроженца Петербурга Леона Григорьевича Штильмана (1902–1986) был посвящен памяти Б. В. Томашевского и вызвал на съезде славистов резкую полемику, опередив на десятилетие дискуссии об интертекстуальности:

«Почему-то этот доклад решили подвергнуть жесткой критике. Выступления [Б. П.] Городецкого, [Д. Д.] Благого, [Н. В.] Измайлова показались слишком дружелюбными и академическими. Городецкий даже сказал, что доклад производит хорошее впечатление. Тогда решили выпустить [Р. М.] Самарина, который решительно отбросил всякие церемонии. Штильман привел в докладе известное изречение Элиота, что плохие поэты подражают, а гениальные поэты крадут. Речь идет о том, что крупные поэты, заимствуя, коренным образом перерабатывают заимствованное, т. е. делают его своим. Самарин воспользовался этим местом в докладе Штильмана, чтобы приписать докладчику утверждение, что Пушкин крал и присваивал чужое. Гнусность! К счастью, на лингвистических подсекциях подобной мерзости не было» (Бернштейн 2002: 242; в печатном тексте доклада слов Т. Элиота не было).

Ирине Кирк была передан профильный фотопортрет с надписью «С. Драйверу / на память / об / Анне Ахматовой / 14 мая 1965 / Комарово»⁸.

Через несколько дней Ахматова прочитала диссертацию, завершавшуюся пассажем:

The sense of history is strong in Axmatova. Not only do her fragile love lyrics evoke the great Russian past, but they are a kind of poetic chronicle of the cataclystic events of the decade 1912–1922. If national reminiscence has become a major motif in Axmatova's recent work, her poems of this fateful decade register directly her contemporary Edwardian word – and its total destruction.

Axmatova today occupies a position which is unique in Russian poetry. She is now recognized by some Western critics as Russia's greatest living poet. The uniqueness of her position, however, is not simply the result of longevity or fate, as such recognition unfortunately implies. Her position is that of the last major representative in poetry of an unbroken centuries-long tradition of a Russia that once was and is now no more.

⁸ Частное собрание.

The present study deals with only ten years of Axmatova's long creative life. It is hoped that the material presented here will contribute to a future study of the extraordinarily rich material in the poems of these years and to serve as background for the consideration of Axmatova's remarkable recent works⁹.

В экземпляре диссертации уже были некоторые пометы Д. Е. Максимова, например:

а) против абзаца –

Gumilev's teacher Brjusov was influenced by Heredia's literary exoticism and heroism and translated some of his works into Russian. Gumilev's 'Path of the Conquistadors' is strongly reminiscent of Heredia, while his enacted escape to Africa most certainly must have been inspired by Rimbaud.

– «Все это крайне сомнительно» (об отношении Ахматовой к концепции Гумилева как подражателя Эредиа см.: Тименчик 2011:620-621);

б) против фразы о стихотворении «Из логова змиева» –

In this poem Gumilev rather unkindly but amusing satirizes the *persona* of Axmatova's poems.

– «?»;

с) против фразы о зачине стихотворения «Ты знаешь, я томлюсь в неволе» –

...expression of Axmatova's dominant mood at Slepnevo...

– «сл<ишком?> буквально понято»;

д) против фразы –

⁹ РГАЛИ. Ф. 13. Оп. 1. Ед. хр. 186.

While there appears to be no truth in the persistent rumor that there was something more than just friendship in Axmatova's relationship with Blok (со ссылкой на: Маковский 1964: 178).

– «зачем же повторять?»;

е) против абзаца

The Soviet Union after the devastation of the war, was in a desperate position. In a situation recalling the institution of the first five-year plan in 1929, Party leadership decided to channel all phases of Soviet life into the support of the fourth five-year plan, to begin in March 1949.

– «Это еще что?»;

ф) против слов о «Реквиеме» –

...long poem in the late forties...

– «Во-первых, это цикл, во-вторых, 30-х»;

г) против слов о сборнике 1958 года –

...surprisingly good one...

– «?»;

h) против слов о стихотворениях, не вошедших в сборник 1958 года –

Poems with a *recognizable erotic* element...

– «Это так не называется даже по-английски»¹⁰; речь, вероятно, шла о стихотворении «А ты думал: я тоже такая...», цитировавшемся в ждановском докладе о «блуднице и монахине, у которой блуд смешан с молитвой, с ее маленькой, узкой личной жизнью, ничтожными переживаниями и религиозно-мистической эротикой» и поэтому, по настоянию доброжелательного А. Суркова не включавшемся в поздние сборники Ахматовой (см.: Тименчик 2014а: 211).

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 13. Оп. 1. Ед. хр. 186.

Ахматова сделала выписки из списка источников в диссертации (Ахматова 1996: 627–628), оставив свои добавления на полях, например, к Вл. Ходасевичу: «Х. о “Четках”», к М. Шагинян: «пр<о>п<ущено>», к Мандельштаму после «Утра акмеизма»: «проп<ущено>», к Э. Голлербаху после «Образа Ахматовой»: «Город Муз». Затем она начала набрасывать заметку-опровержение на диссертацию:

Разъяснение одного недоразумения. Теперь настает очередь Маковского. Сейчас прочла у Др<айвера> (стр. 71), что они, Маковские, почему<-то> стали моими конфид<ентами>, и против воли Гумилева Сер<гей> Конст<антинович> напечатал мои стихи в «Аполлоне» (1911). Я не позволю оскорблять трагическую тень поэта нелепой и шутовской болтовней, и да будет стыдно тем, кто напечатал этот вздор (Ахматова 1996: 617).

Как всегда бывало в моей жизни, случилось то, чего я больше всего боялась. Бульварные, подтасованные, продажные и просто глупые мемуары попали в научные работы. Первый попался на эту удочку Бруно Карневали (Падуанский сборник – предисловие), но он сравнительно легко отделался.

Второй жертвой стал С. Драйвер. Его случай тяжелее. Из-за этого вся его работа не может приобрести нужный тон. Вначале он говорит, что его объект – *легендарен*, а затем подробно рассказывает, как какую-то унылую молчаливую женщину постепенно бросает ее совершенно несимпатичный муж. <...>

Критика источников в современном литературоведении – насущная задача (знаю по пушкиноведению).

Одна зависть – самая слепотствующая из страстей, какие ее деяния, страшно подумать!

Надо сказать, что С. Драйвер попал во все, подставленные ему западни – не пропустил ни одной. Нигде не усомнился – поверил всем.

К библиографии тоже стоит отнестись иначе. Напр<имер>, Шагинян – только дневник (1923), а что она писала раньше!

А я, наконец, не согласна! Я не хочу, чтобы мне подсовывали какую-то чужую и мне отвратительную жизнь и старались уверить меня, что я ее прожила, а она просто – плод воображения 5-6-ти каких-то подозрительных личностей (в основном, выживших из ума).

А еще, милый Сэм, нельзя говорить, что меня взрастили какие-то «петерб<ургские> салоны», между тем, как я попала в эти салоны со стихами, которые создали мою известность. (Стихи зимы 1910–1911 г.).

Цитаты.

Меня не печатали 25 лет. (С 25 до 40 и с 46 по 56). Это отнюдь не значит, что я не писала 25 лет. Во второй антракт я писала «Поэму без Героя», в первый – «Реквием» (1935–1940), «Русский Трианон» (уцелели отрывки) и ряд не самых моих дурных стихотворений. Вы говорите, что кончаете 22 годом. Добро вам, но «Лотова жена» и «Муза» – 1924, «Последний тост» – 1934 и т. д., и «Если плещется» 1 дек<абря> 1928 г.

Всем, что я сегодня (18 мая 1965, Комарово) здесь пишу, я меньше всего хочу оправдаться. Я, может быть, скажу о себе нечто во много раз худшее, чем все они, но это будет по крайней мере – правда.

Нашу переписку (сотни писем и десятки tel<egrammes>) мы сожгли, когда женились, уже тогда понимая, что это не должно существовать. На фото надпись из «Fleurs du Mal»:

Mais brûlé par l'amour du beau
Je n'aurai pas l'honneur sublime
De donner mon nom à l'abîme
Qui me servira de tombeau.

(« La plainte d'un Icare »)

Надпись на этой книге:

«Лебедю из лебедей – путь к его озеру».

Посвящение мне, А.А.Г<оренко> – «Русалки» 1903. Автограф, каким-то чудом уцелевший у меня, – могу прислать вам фото, так же как надпись на парижских «Романтических цветах». Мой

экземпляр на *papier japon* или что-то в этом роде – единственный в мире.

Вот и все. Подумайте – нет ни обиженной талантливой девочки, ни мужа-тирана, ни конфиденнта – Маковского.

О моей роли в зарождении акмеизма здесь говорить неуместно (Ахматова 1996: 624, 626–627).

Мой совет: убрать какую-то побочную ублюдочную биографию Г<умиле>ва, заменить ее моей (по возможности). М. б., даже стоит дожидаться опуса Хейт-Левенсон, кот<орый> должен дать *гигантский* материал, кот<орый> с легкостью уничтожит работу С.Драйвера, бред Маковского, вранье Г. Иванова и мещанские сплетни старушек. Им и в голову не приходит, что никакой seclusion after the “tragic events” не было. Печатались стихи всюду и книги. Стала членом Правления Дом<а> иск<усств> и Дома лит<ераторов>. Наоборот, я именно тогда и возникла (выступления, журналы, альманахи), потому что рассталась с Вл<адимиром> Каз<имировичем> Ш<илейко>. Это он, одержимый своей сатанинской ревностью, не пускал меня никуда. Я оставила его навсегда весной 1921 и летом написала большой цикл стихов («Путник милый» – «Заплаканная осень» 15 сент<ября>), из кот<орых> возник сборник «Anno Domini».

Не скажу, чтобы было особенно приятно видеть себя и Колю глазами мелкого жулика Г. Иванова, абсолютно впавшего в детство, [но почему-то] злобствующего, умирающего от зависти С. Маковского и убогих и мещанских сплетниц, вроде Веры Неведомской (с кот<орой> Гум<илев> был мельком в связ<и>), и А. А. Гумилевой-Фрейганг, с которой Коля слова не сказал. (Когда Митя шел на войну, А<нна> А<ндреевна> потребовала у него завещание в ее пользу (?)). Коля сказал: «Я не хочу, чтобы мамины деньги (братья были не деленные) Аня употребила на устройство публ<ичного> дома».

Кроме всего прочего, все эти персонажи были совершенно чужды нашей жизни, ничего в ней не понимали, хотят заработать на этом деле какие-то деньги или имя (Ахматова 1996: 625–626).

В записке упоминаются будущий ахматовский биограф Аманда Хейт и ее лондонская руководительница Жоржетт Дончин (по мужу – Левинсон; 1922–2008).

В тот же день, которым датирована ахматовская запись, написано письмо Ирины Кирк к Драйверу:

Darling Sam,

I just crossed into Austria (my namesday!) and am in a hurry to mail you the photo and to reassure you that your ms. is safely in Анна Андреевна's hands. So is your letter. I don't want to give you a messy description of our *встреча*. Want to write it up in details for you – so will write the minute I rest up a bit from the ordeal. How I wish you were in my place in *Комарово*. Sam, darling, I took the liberty of mailing \$6.00 to a friend in Oxford, and asking him to put yellow roses in A.A.'s room (early June) when she arrives¹¹.

Просьба была выполнена оксфордским другом. На карточке, приложенной к букету, обозначено:

We telegraph flowers via INTERFLORA

Madam A. Akhmatova

Randolf Hotel. Oxford¹²

Рукой Ирины Кирк написано:

Анна Андреевна, думаем о Вас и любим

Сам Драйвер

Билл Чалсма

Ирина Кирк¹³

Во время своего пребывания в Англии Ахматова изложила Аманде Хейт свои претензии к диссертации Драйвера и попросила написать о них диссертанту. Последний писал Ахматовой 20 июля 1965 г.:

¹¹ ОР РНБ. Ф. 1073. № 1715.

¹² Ibid.

¹³ Ibid.

Многоуважаемая Анна Андреевна!

Я получил сегодня из Англии письмо от коллеги, тоже любительницы Ваших стихов, и которая тоже работает над ними! Она передала мне Ваши заметки о первых впечатлениях моей работы. Я очень благодарен ей за услугу и особенно благодарен Вам за Ваше внимание в то время, когда Вы были так заняты. Я старался всеми способами попасть в Англию к 4-ому июня, но к несчастью это не удалось.

Мне очень жаль узнать, что из списка восьми недостоверных источников, я пользовался тремя (Неведомской, Оцупом, Маковским), которые недостоверны (о Г. Иванове я уже знал по Вашим недавно вышедшим воспоминаниям и уже вычеркнул все ссылки на него).

Если Вы будете так добры, Вы можете сами просто вычеркнуть те цитаты, которые неправильны, которые повторяют «легенды» или прямые ошибки о Вас. Там, где Вы хотите поправить эти ошибки, или заместить легенду правдой, Вы можете (или чтобы не истратить Ваше время, кто-нибудь близкий к Вам может) вписать несколько значительных слов, чтобы эти ошибки не были вечно повторены исследователями Вашей жизни и стихов. Вполне возможно, я признаюсь, что моя работа не стоит такого внимания: если так, то я думать не буду о публикации не как книга, <sic!> а просто поправлю, насколько возможно и передам в пыль Колумбийской библиотеки. Но сердечно надеюсь, что так не выйдет. Мне кажется так важно установить все факты правильно здесь. Уже два-три издателя очень интересуются книгой о Вас и о Ваших стихах; это был бы отличный случай так сделать.

Когда я говорил о «восемнадцатилетнем молчании», я хотел этим сказать, что в течение 18 лет Ваша оригинальная работа не была опубликована. Позже становится ясно, что Вы все еще писали в это время, но выражение в введении неудачно.

Я волне согласен, что я слишком много о Н. С. Гумилеве включил в первой главе и сравнительно мало о Вас. Причина не совсем приемлема, но проста: сведения о нем были, а о Вас почти ничего, кроме противоречащих друг другу отчетов старых и новых эмигрантов, источники, которые <sic!> я боялся доверять.

Относительно статьи Н. С. Гумилева о книге Садовского, мне казалось, что подход Н.С.Г. здесь весьма «акмеистический» в смысле возврата к этому миру. Несмотря на личные отношения между Н. С. Гумилевым и Садовским, мне кажется, что Н.С.Г. так рано думал «по-акмеистически», даже если он об Акмеизме пока еще не думал.

Надеюсь, что перечитая <sic!> эту статью, Вы будете согласны со мной, потому что статья (я думаю) доказывает оригинальность Гумилева в этом отношении, и что он не освоил <sic!> основные принципы у Блока или у кого-нибудь другого.

Моя английская коллега сообщает, что «не надо повторять «легенду» о том, как А.А. была открыта Вяч. Ивановым, а если Вам интересно узнать, как это действительно было, то напишите ей, и она Вам скажет». Конечно, это мне очень интересно, как и всем, которые знают Вашу работу.

Цитируя Жирмунского о Кузмине и о прекрасной ясности, я сделал ту «обычную ошибку» – но я надеюсь, все-таки, что я держал Кузмину в правильной перспективе.

Занимаюсь теперь поправками. Как английская корреспондентка заметила: «Хорошо одно: если Вы делаете ошибки, она Вам скажет». Надеюсь только, что это не будет занимать очень много Вашего драгоценного времени: может быть, один из Ваших учеников возьмет эту работу на себя в интересах действительно научных исследований о Вас на Западе.

Искренне Ваш Самуил Н. Драйвер¹⁴

Здесь Драйвер отвечает, вероятно, на замечание Ахматовой о том, что фраза Гумилева в рецензии 1909 года о Борисе Садовском – «Пусть Брюсов, как охотник, подстерегает тайны в ночных лабиринтах страсти и мысли, Иванов возносит светлое знамя Христа-Диониса, Блок то безумно тоскует о Прекрасной Даме, то безумно хохочет над нею – Садовской смотрит на них подозрительно. “В туманной мгле мороза полозьев скрипы, лай

¹⁴ Приложено к тексту диссертации в единице хранения в РГАЛИ (Ф. 13. Оп. 1. Ед. хр. 186). О борьбе Ахматовой с ««легендой» о том, как А. А. была открыта Вяч. Ивановым» см.: Тименчик 2020: 421–424.

собак, кряхтение водовоза” – эти темы не изменят никогда, с ними можно прожить всю жизнь» (Гумилев 1909: 23, 2-я паг.) – не может быть декларацией акмеизма за два года до его провозглашения и при напряженных личных отношениях между акмеистами и Б. А. Садовским (см.: Тименчик 1990: 34; Тименчик 2017: 486–491). У Ахматовой явно накапливалось раздражение, вызванное включением Б. Садовского в список акмеистов в статье «Акмеизм» в «Краткой литературной энциклопедии», подписанной А. Сиянским (вслед за списками Б. Михайловского и А. Волкова), как и попаданием в эти списки М. А. Кузмина, которое, по мнению Ахматовой, восходило к статье В. М. Жирмунского «Преодолевшие символизм» («Поколение поэтов, которое следует за Кузминым, может быть названо в большей или меньшей степени преодолевшим символизм»).

Из Н. А. Оцуа в диссертации цитировалось, например: “Gumilev, it seems, could only be described as physically unattractive. Nikolai Osup (who knew him only after 1918), noted that his head was unusually elongated...”¹⁵.

По-видимому, С. Драйвер забыл о запрете на мемуары С. Маковского, когда писал мне 19 октября 1989 г.:

As to my book, please consider that I did it in the early sixties from work I had done beginning with a seminar paper at Columbia in 1958. I did change some things according to what Irene Kirk told me that A.A. disapproved of, but I can assure you that no objection to Makovskij was reported, and so I didn't drop him as a source. It was some years before I could get the book published, so I didn't make much use of the sources that began to appear (they weren't at all useful in my context). It must all seem very naive and ill-informed now, but there are still some useful points here and there – I hope¹⁶.

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 13. Оп. 1. Ед. хр. 186.

¹⁶ Частное собрание.

После знакомства Ахматовой с диссертацией последняя продолжает появляться в автобиблиографических списках: «Драйвер. Книга. Готовится. Колумбия» (Ахматова 1996: 628), «Диссертация Сэма Драйвера» (Ахматова 1996: 685).

Перед выездом в Англию среди дел намечено интересоваться состоянием зарубежных диссертаций об акмеизме – Кларенса Брауна, Уильяма Чалсма, Аманды Хейт, Сэма Драйвера и обыгрывается каламбур ВАК (Высшая аттестационная комиссия) – Вакх (Vachus): «Браун, Вилли, Хейт, Драйвер. Выездная сессия Вакха» (Ахматова 1996: 727). По возвращении 24 июня состоялась встреча с польским мандельштамоведом Рышардом Пшибыльским (1928–2016): «Пшибыльский: с ним о дис<сертации> Сэма Драйвера. Он ее дезавуирует до конца» (Ахматова 1996: 629).

Весной 1966 года Ирина Кирк писала Драйверу:

Four people read your dissertation, did I tell you? AA was a bit upset about her life there because as Tolija <Naiman> said (I forgot I wrote you that or not, sorry if I did) “She lived a certain kind of a life and that is the one she is entitled to in print. But then there could have existed no dissertation in the world which would have satisfied her.” But she did know that you loved her and appreciate it¹⁷.

В другом ее письме Драйверу сообщалась фраза Ахматовой: «Ну что ж, он любит мои стихи»¹⁸.

Сэм Драйвер не прочел ахматовских рефутаций из ее записной книжки, но отголосок переданного ему реприманда можно услышать в его позднейшей рецензии на сборник «Памяти Анны Ахматовой» при оценке «Записок об Анне Ахматовой» Л. К. Чуковской:

The “Diary” is the more valuable because Axmatova herself dismissed practically all the memoirs available before her death as misinformed, or more often, lies. (The diarist herself noted, as we suspect from the poetry, that Axmatova was both haughty and humble: the latter quality was

¹⁷ Сообщено мне Сэмом Драйвером.

¹⁸ Прочитировано мне Сэмом Драйвером.

rarely evident in her reactions to careless memoirists—or presumptuous critics) (Driver 1978: 95).

Касаясь этой рецензии, замечу *pro domo sua*, что одно недоумение рецензента –

At the end of the volume is a series of poetic tributes to Axmatova by some of the young poets who were close to her in the last years before her death (among the poems is a rather oddly placed, short memoir by L. Titov, retrospective to Axmatova's early period before World War I) (Driver 1978: 94).

– основано на недоразумении: подписанный псевдонимом «Л. Титов» исторический этюд о сборнике «Вечер» принадлежал не ветхому мемуаристу, а именно выученику литературного поколения Д. Бобышева, И. Бродского, А. Наймана (представленных этим сборником) – пишущему эти строки (см.: Титов [Тименчик] 1974: 213–217; Тименчик 2012: 27–30).

Змай (Zmai) (наст. фамилия Йованович) Йован (1833–1904) – сербский поэт. В составе «Сборника переводов» (С. 336), «Книга переводов» (С. 388). См. переводы 21 стихотворения, впервые опубликованные в 1958 году: Ахматова 2005: 495–508, 942–945. Ср.:

У сербского поэта Йовановича-Змая есть миниатюра, где полудетская наивность сопряжена с предельной лаконичностью.

В довольно точном переводе:

Там, за нивой,
Сада сень.
Тут и солнце,
Тут и тень.

А в антологии:

Там нивы блеск,
Здесь светлый сад,
То солнца жар,
То лютый холод.

Силлабический, близкий к хорею, размер заменен ямбом, добавлены эпитеты, которых в оригинале нет, а тень (по-сербски «хлад») превратилась в холод, да еще и лютый. А подписан перевод именем Анны Ахматовой. И невольно ловишь себя на мысли: не права ли Надежда Мандельштам, утверждавшая, что Ахматова свои переводы – только подписывала? (Качуровский 1980: 112–113; перевод стихотворения «Как этот мир...» – „Đulići”; в оригинале: „Tamo njiiva, / Ovde sad; / Eno sunca, / Evo hlad”. – Jovanović Zmaj 1975: 222).

Стихи Й. Йовановича-Змая входили в сборник переводов славянских поэтов пера свойственника Ахматовой Сергея Штейна, в рецензии на который в 1908 году знакомец Штейна Гумилев, отметив, что «переводы сделаны любовно», констатировал по поводу одного из представителей молодой культуры южных славян: «Сильные переживания, могучие мысли, которые определяют духовный облик поэтов, все это совершенно отсутствует в его стихах, как, впрочем, и у его товарищей по книге» (Гумилев 1990: 221).

Хемингуэй (Hemingway), Эрнест Миллер (1899–1961) – американский прозаик, лауреат Нобелевской премии (1954). Эпиграф к Эпилогу во второй редакции «Поэмы без героя» (1943): “I suppose all sorts of dreadful things will happen to us”. «Эпиграфы <...> какие-то непостоянные <...> которые то прилипают к тексту, как траурницы к нарциссам, <одно слово густо зачеркнуто> – улетают (из «Прощай, оружие»), хотя полностью сбываются как предсказания» (Ахматова 1996: 176) – из XVIII главы романа «Прощай, оружие!» – «Я уверена, что с нами случится все самое ужасное...» (Ахматова 2009: 209, 226, 677) – «в подлиннике мягче: “I suppose” – “думаю, предполагаю, мне кажется”» (Орлова 1985: 32). Соответствующий диалог, откуда позаимствована реплика см. в переводе Е. Д. Калашниковой:

– Но ты никогда не уйдешь от меня к другому?

– Нет, милый. Я от тебя никогда ни к кому не уйду. Мне кажется, с нами случится все самое ужасное. Но не нужно тревожиться об этом.

– Я и не тревожусь. Но я тебя так люблю, а ты уже до меня кого-то любила.

– А что было дальше?

– Он погиб.

– Да, а если бы это не случилось, я бы не встретила тебя. Меня нельзя назвать непостоянной, милый. У меня много недостатков, но я очень постоянна. Увидишь, тебе даже надоест мое постоянство.

– Я скоро должен буду вернуться на фронт.

– Не будем думать об этом, пока ты еще здесь (Хемингуэй 1968, 2: 105).

Диалог, возможно, отсылает к ахматовским мыслям о ее будущем с В. Г. Гаршиным (см.: Позднякова 2002), который и являлся адресатом посвящения «Эпилога»: «Городу и другу». Мыслями этими Ахматова несомненно делилась в своем ташкентском отдалении от адресата с Н. Я. Мандельштам, и они, весьма вероятно, были связаны с размышлениями об анализе механики любви у Хемингуэя, что и отразилось, по-видимому, в письме Н. Я. Мандельштам Н. И. Харджиеву в конце 1957 года:

Мне необходимо что-то рассказать вам о перемене в концепции любви – помните, по поводу разных беатричек; и я это очень ясно вижу, потому что знаю, как эта концепция менялась в средневековой литературе. Но бумага этого не терпит... (Я даже пробовала написать вам об этом в письме – и это очень точно и сильно, и сюда входит Хемингуэй с А.... Причем она этого не понимает.) (Мандельштам 2008: 280–281).

Один эпизод известен, возможно, со слов самой Ахматовой:

Две строки из прозы Хемингуэя вместе со стихами Анны Ахматовой звучали настолько неожиданно и ново, что Иван Кашкин, знаток и переводчик знаменитого американского писателя, спросил ее:

– Анна Андреевна, откуда эти строчки: “I suppose...” (Бабаев 2000: 42).

Имя Хемингуэя было частым в ее ташкентских разговорах, возможно с мыслями вслух об отборе возможных эпитафий:

В своих суждениях о писателях она не была чужда некоторого максимализма и непостоянства. Так, когда ей дали впервые прочесть «Прощай, оружие» Хемингуэя и спросили, что она о нем думает, она сказала: «Просто обыкновенный гений». Говорят, – годы спустя она его невзлюбила и отказывала ему в достоинствах. Хотя этому противоречит множество эпитафий, которые она из него брала (Козловская 2015: 175).

Приверженность к нему удивляла Пастернака, который осенью 1945 года «о Хемингуэе был довольно низкого мнения («Не могу понять, что находит в нем Анна Андреевна <Ахматова>», – сказал он» (Берлин 1981: 609), но, впрочем, вскоре прочел «в один присест» «По ком звенит колокол» в переводе И. А. Кашкина и счел и оригинал, и перевод «поразительными» (Пастернак 2005а: 424).

Весной 1955 года эпитафия, точно отработавший как предсказание ждановского постановления, третьего ареста сына и кошмарной стиховой хвалы Сталину, и связанный с подавляемыми воспоминаниями о В. Гаршине и о кодексе любви по-хемингуэевски, улетел. Л. К. Чуковская зафиксировала:

Новые перемены в «Поэме»:

I. Эпитафия из Хемингуэя к «Эпилогу» «I suppose, all sorts of dreadful things will happen to us» заменен пушкинским: «Люблю тебя, Петра творенье».

– Уж очень к этой части подходит Пушкин, – сказала Анна Андреевна (Чуковская 1997b: 131).

Упразднение эпитафии происходило на фоне свежего читательского переживания сенсации 1954 года – удостоенной Нобелевской премии повести «Старик и море» (1952). Ахматова, видимо, читала ее в оригинале, хотя не исключено, что до нее дошел ходивший по рукам перевод Е. Голышевой и Б. Изакова, публикация которого откладывалась из-за отзыва В. М. Молотова, осудившего книгу с чужих слов и отступившегося от своей оценки в разговоре с И. Г. Эрен-

бургом, так что в сентябре 1955 года перевод все же был напечатан в журнале «Иностранная литература». Тогда его прочел Пастернак, писавший читателю С. А. Оболенскому 18 октября 1955 года:

Прошлой осенью распространились толки будто на Западе выставлена была моя кандидатура на Нобелевскую премию. <...> Будто бы были предложены два соискателя, Хемингуэй и я. <....>

Так что у меня с этим рассказом родственные связи. Вчера я начал его читать... (Пастернак 2005b: 110).

Но Ахматова ранее во время весенней встречи с Пастернаком «предложила ему прочесть “Старик и море” Хемингуэя. Он ответил: “Пока не кончу романа – ничего читать не буду”» (Чуковская 1997b: 116). Можно думать, что ее весьма интересовала пастернаковская оценка новой вещи на фоне ее собственных сомнений: М. В. Алпатову запомнилось, что она «тепло отзывалась о повести Хемингуэя “Старик и море” и сравнила ее со своим переводом из корейского поэта Юн Сон До» (Алпатов 1984: 196) – речь идет о поэме «Времена года рыбака» (Ахматова 2005: 306–318, 851–853), а Лидии Чуковской 26 апреля 1955 г. она говорила:

– Нет, книга мне не понравилась. Я читала и думала: «Мне бы ваши заботы, господин учитель». Ведь это он сам и его дама появляются в конце, с их позиции все и написано... Все такое надмирное... В «Прощай, оружие!» ему было что сказать – свое, категорическое, а тут – нет, не слышу. Больше всего я люблю у него «Прощай, оружие!» и «Снега Килиманджаро»... А вы заметили – он совсем не американец? Он европеец, парижанин, кто хотите. У него и Штатов почти нет, все больше другие страны. И вы заметили, какие в его вещах все люди одинокие – без родных, без родителей? В «Прощай, оружие!» говорится про кого-то «у него даже был где-то отец». Полная противоположность Прусту: у Пруста все герои опутаны тетками, дядями, папами, мамами, родственниками кухарки (Чуковская 1997b: 114).

Эти мысли Ахматова развивала и в других разговорах: « – Хемингуэй почему-то считается американским писателем. Но ведь это неверно. Он американец лишь по рождению, он почти и не жил в

Америке, и вес, о чем писал, происходит в иных странах: в Париже, в Испании, на Кубе...» (Меттер 1998: 86); запись беседы 1959 года с американским славистом: «Из прозаиков она любила Фолкнера и Хемингуэя. Последний, по ее мнению, в сущности, не связан ни с какой определенной национальностью» (Мозер 1969: 174); «Анна Андреевна заговорила о степени современности Пруста и сказала, что Хемингуэй гораздо более современный художник: Пруст весь в быте, у него бабушка, дом, воспоминания, а Хемингуэй (“Прощай, оружие”) показал, что человек в XX веке лишился всего – дома, быта, семьи, – гол, как перст» (Толмачев 2002: 24–25). О «Старике и море» она вспомнила, когда появился «Один день Ивана Денисовича»:

В «Старике и море» Хемингуэя подробности меня раздражают. Нога затекла, одна акула сдохла, вдел крюк, не вдел крюк и т. д. И все ни к чему. А тут каждая подробность нужна и дорога... (Чуковская 1997b: 512).

Из ахматовских отзывов об американском собрате по перу нуждается в разъяснении реплика 18 октября 1959 г., записанная постоянным ее собеседником: «Говорили о диком письме Хемингуэя. Как писателя АА очень даже ценит его, но письмо – просто глупое. И фото тоже – слава оглушает» (Глёкин 2015: 87) – возможно, здесь редко, но встречающаяся у Г. В. Глёкина неточность записи, и речь идет не о письме, а об интервью Хемингуэя октября 1958 г.:

Осенью 1958 года Борису Пастернаку присудили Нобелевскую премию по литературе. Началась травля поэта в печати. Московское собрание исключило Пастернака из Союза писателей. Среди многих писателей Запада, которые поддерживали гонимого, оказался и Хемингуэй. «Я подарю ему дом, – сказал он в интервью, – и сделаю все, чтобы облегчить ему привыкание к жизни на Западе. Я хочу создать ему такую атмосферу, которая необходима для продолжения его творчества. Я ощущаю ту душевную разорванность, в которой находится сейчас Борис. Я знаю, насколько глубоко в его сердце укоренилась Россия. Для такого гения как Пастернак, решение покинуть свою родину трагично. Но, если он все же приедет к нам, мы не должны его

разочаровывать. Я сделаю все, что в моих скромных силах, чтобы сохранить для мира этот творческий дух. Думаю о Пастернаке ежедневно» (Орлова 1985: 45).

Отталкивание от Хемингуэя усилилось после следующих советских публикаций. Роман 1950 года «За рекой в тени деревьев» («Across the River and into the Trees») вышел в русском переводе в 1960 году, предваренный газетной публикацией:

Бранит отрывок из романа Хемингуэя, напечатанный в «Литературной газете».

– Отчаянная гадость! Девушка жуёт бифштекс с кровью и осведомляется у любовника, скольких человек он убил! Злейшая пародия на «Прощай, оружие!» (Чуковская 1997b: 384)

Отрывок появился 7 мая 1960 г. в «Литературной газете» под заголовком «Расскажи мне что-нибудь о войне»:

– Есть один отличный бифштекс, – сообщил возвратившийся Gran Maestro.

– Возьми его, дочка... Хочешь с кровью?

– Да, пожалуйста, с кровью.

.....

– А тебе много пришлось воевать?.. Ты расскажешь?

– Достаточно.

– А сколько ты убил?

– 122 верных. Не считая сомнительных.

– И совесть тебя не мучит?

– Никогда (цит. по: Чуковская 1997b: 732).

Без сомнения, к этому тексту относится запись от 8 мая 1960 г.: «Анна Андр. с ужасом рассказывала о том впечатлении, которое произвели на нее последние вещи Хемингуэя – “По ком звонит колокол”. “Это так страшно, так глупо, это так неверно!”» (Глёкин 2015: 135) – неточность записи не только в отмеченном публикаторшей отнесении предвоенного романа к последним вещам обсуждаемого автора, но и в противоречии с записью разговора зимы 1962–63 г., когда спросили «ее мнение о “По ком звонит

колокол”. Она не читала этого романа, но рассказала в ответ, как начала в первый раз читать “Фиесту”, а Пунин звал ее ехать куда-то, куда они должны были и собирались ехать, но она уже не могла оторваться и так и не встала, пока не прочла роман до конца» (Бориневич-Роскина 2006: 130) – роман «Фиеста» («И восходит солнце», “The Sun Also Rises”, 1926) вышел в Гослитиздате в 1935 году в переводе Веры Топер.

Ср.: «Как-то мы с Анной Андреевной говорили о только что вышедшем романе Хемингуэя “За рекой в тени деревьев”. Роман ей не понравился, мне тоже. Она сказала: “Дочка, кровавые бифштексы, изуродованная рука – все это безобразно”. Я добавила: “У Хемингуэя любовь всегда подразумевалась, а тут все прямо: я тебя люблю, ты меня любишь. Ну, уж так-то мы и все умеем”. Это ее очень рассмешило, и она потом часто вспоминала мои слова по другим поводам: “Так-то мы все умеем”» (Роскина 1980: 57).

Помета по прочтении посмертно изданного романа «Праздник, который всегда с тобой» (“A Moveable Feast”): «[Иностранная литература. 1964. № 7.] Стр. 114 – устрицы – морем (У меня в 1913 г., см. «Четки», у Хем<ингуэя> в 1960). В статью. (Я никогда не была с Моди в кафе или в ресторане, но он несколько раз завтракал у меня на rue de Fleurus. <...> Как непохоже на Хема. Они только и делают, что говорят об еде, вспоминают вкусную еду, и это как-то разоблачает его беллетристику, где все время едят и пьют. («Мемуары повара», – сказал Миша А<рдов>» (Ахматова 1996: 479); по поводу замечания М. В. Ардова см. первое специальное исследование:

Already trained “to eat all kinds of food and enjoy them,” Ernest Hemingway wasted no time in becoming an amateur gourmet when exposed to the haute cuisine of France. Page after page of *A Moveable Feast* reveals his familiarity with such French regional specialties as the *goujon en manchon* of Paris, the *poulet en truffe* of Lyon, and the *cassoulet* of Languedoc. His palate is capable of distinction between varieties of oyster – he can tell the merely good portugaises from the superb marennes – and of appreciating such delicacies as snails or sausage made from pigs’ brains. When F. Scott Fitzgerald wrote

to Hemingway in July 1928, he addressed his friend as “Precious Papa, Bull-fighter, Gourmand, ect. [sic].” Fitzgerald knew then what many have since remarked, that Hemingway became an expert in virtually every subject that interested him, be it bullfighting or eating. Hemingway displays a knowledge of alcoholic beverages in *A Moveable Feast* even more comprehensive than his knowledge of food. As George Plimpton facetiously points out in an early review of the book, “the only liquid described which Hemingway did not take to was goat’s milk.” Hemingway mentions over thirty varieties of aperitifs, wines, spirits, and liqueurs from countries as diverse as France, Italy, Switzerland, Spain, Germany, and even Algeria. Examples range from Châteauneuf du Pape, a Rhone Valley red wine, to Enzian Schnapps, a strong, dry spirit flavored with mountain gentians (Beegel 1984: 15).

Ахматова сопоставляет свои строки из стихотворения «Вечером»:

Звенела музыка в саду
 Таким невыразимым горем.
 Свежо и остро пахли морем
 На блюде устрицы во льду.

(Ахматова 1914: 11)

– и фразу Хемингуэя в русском переводе: «Пока я ел устрицы, сильно отдававшие морем <ср. в исходном тексте: “As I ate the oysters with their strong taste of the sea”. – P. T.>, с легким металлическим привкусом, который смывало холодное белое вино, и тогда оставался только вкус моря и ощущение сочной массы во рту, и глотал холодный сок из каждой раковины, запивая его терпким вином, у меня исчезло это ощущение опустошенности, и я почувствовал себя счастливым и начал строить планы» (Хемингуэй 1964: 114). См. подробнее: Тименчик 1996: 50–54; Timenchik 1996: 311–318.

Ср.: «Саня [Гитович] только что прочитал “Праздник, который всегда с тобой” и был в восхищении. Ахматовой эта книга резко не понравилась.

“Я никак не могу себе уяснить, от чего тут можно приходить в восторг? – с вежливым безразличным смешком заявила она. – Что тут вообще может нравиться? Хемингуэй написал ужасающую

книгу, в которой убил своих лучших друзей. По-моему, это просто чудовищно!» (Гитович 1991: 518).

13 марта 1965 г. Ахматова сказала Л. К. Чуковской, «что потеряла для себя Хемингуэя с тех пор, как прочла воспоминания о Париже» (Чуковская 1997с: 271).

Ахматовское восприятие американского прозаика проистекало в две читательские эпохи – первая в 1930-е годы: «В тридцатые годы я зашла в один дом. На столе раскрытая книга. Я прочла несколько страниц: гениально. Посмотрела на обложку: Хемингуэй, “Прощай, оружие!”» (Сергеев 1997: 379–380); «В середине 30-х годов Анна Андреевна показала мне как-то небольшую книжку со словами:

– Прочитайте непременно. Очень интересно.

Это было «Прощай, оружие!» еще неизвестного нам Хемингуэя. Роман тогда у нас только что перевели» (Гинзбург 1989: 362). Перевод Евгении Калашниковой вышел в Гослитиздате в 1936 году.

См. и один из первых русских отзывов на этот роман:

Книга Хемингвея написана с таким пристальным и отчетливым изображением того «малого», из чего могут быть сотканы две воображаемой жизни, что она кажется иногда какой-то автобиографической записью. Но ведь это иллюзия, разумеется, желанная иллюзия искусства. Читатель, который должен бороться с такой иллюзией – это ли не победа автора! Хемингвей, конечно, не мемуарист, но романист, и повесть его есть тот вымысел, который настойчивее всякого воспоминания.

И вот, оказывается, его страна, представляющаяся нам отсюда иногда «школой бездушия», читает и пишет книгу, где с большой силой, и странной свежестью, и простотой, не ищущей никаких прикрас, и прямоотой, доходящей до резкости, и честностью, которая может быть принята за грубоватость, изображена столь нам знакомая и всегда для нас новая «мистерия» соприкосновения душ¹⁹.

¹⁹ Муратов П. Американские чтения. Возрождение. 1930. № 1807. 14 мая.

См. также один из первых советских отзывов, принадлежавший будущей приятельнице Ахматовой:

Когда вы читаете Хэмингуэя, у вас может возникнуть такое чувство:

Будто вы сидите в театре и ждете поднятия занавеса. За собой, в следующем ряду вы слышите разговор. Понемногу вы начинаете вслушиваться. Говорят о вещах, вас интересующих. Называют знакомые имена. Уже погашены огни. Вы оглядываетесь и различаете знакомые лица. Вы рады встрече, вы говорите тоже, теперь вам был бы еще более ясен смысл предшествовавшего разговора, но вы не вдумываетесь, так как незаметно втянуты сами. Теперь поднимается занавес. Нехотя вы поворачиваете голову, вам трудно сосредоточиться. С нетерпением вы ожидаете антракта.

Главное оказалось не на сцене, а в зрительном зале.

Примерно так пишет Хэмингуэй. События у него существуют лишь для того, чтобы можно было показать, как от них отворачивались герои.

Тема, казавшаяся основной в начале книги, в конце оказывается побочной. Люди, которые могли быть главными героями, стушевываются или совсем уходят со сцены. Фабула расплывчата, лишена цельности, потому что все это – то, от чего убегает герой, а не то, к чему он стремится (Сильман 1936: 171).

См. также свидетельство Лидии Жуковой: «Когда только-только появился Хемингуэй, Эйхенбаум сказал мне, что плакал над «Прощай, оружие!». Формалист, он плакал, он обливался над сентиментальным вымыслом слезами...» (Жукова 1983: 236).

Исключением в эту первую эпоху для Ахматовой была только одна книга – см. конспект беседы с ней 7 февраля 1945 г.: «О Хемингуэе – минус “To Have and Have Not”» (Островская 2013: 681) – «Иметь и не иметь» (англ. “To Have and Have Not”) – повесть 1937 года о рыбаке-контрабандисте, русский перевод Е.Калашниковой (1938). Ср. разговоры ноября 1939 года: « – Да, большой писатель, – сказала Анна Андреевна. – Я только рыбную ловлю у него ненавижу. Эти крючки, эти рыбы, черви... Нет, спасибо!» (Чуковская 1997а: 57) и апреля 1955 года: «Заговорили о Хемингуэе. Анна Андреевна

объявила, что не любит у него рыбной ловли, а я, при этих словах, сразу схватилась за губу.

– Ах, я вижу, – сказала Анна Андреевна, – вы тоже понимаете, каково рыбам? Крючок впивается им в губу! Это еще хуже, чем охота, о которой пишут столь поэтично и несут домой окровавленных птиц...» (Чуковская 1997b: 113).

Вторая эпоха наступила после периода остракизма, которому подвергся Хемингуэй между 1946 и 1955 годами, когда он выступал только как мишень патриотической критики и сатиры, например, в эпиграмме на космополитов:

Он тихий теоретик, так сказать,
Но он творит, все более хамя:
Всего Тургенева он может променять
На заграничный чих Хемингуэя²⁰.

Второе пришествие Хемингуэя в СССР окрасило эпоху «шестидесятиничества» (см.: Тименчик 2014: 521): «В 1960-е годы Хемингуэй был не только кумиром интеллигенции, чтение его означало принадлежность к некоему интеллектуальному клану. Так, в фильме “Ранние электрички” простоватый рабочий парень обиженно называет своих более развитых сверстников “хемингуэй”. <...> Герои Хемингуэя: бородатые молчаливые скептики, глубоко чувствующие, но ничем не выдающие своей любви и своих страданий, ковбои, охотники, разведчики, бойцы интербригад, постоянно путешествующие с одного континента на другой – оказались очень удобной моделью для преодоления конформизма, социалистического коллективизма, всеобщей унификации и готовых, заданных партией и правительством решений. Недаром аксеновский Алик <герой повести “Звездный билет”. – Р. Т.> знает Хемингуэя “назубок”» (Альтшуллер, Дрыжакова 1985: 235); ср., впрочем, о воспоминаниях Андрея Битова: «Он вспоминает, как в пятидесятые годы мы жили под Ремарка и под Хемингуэя

²⁰ Васильев С. Сердца горестные заметы специально для «Литгазеты». – Литературная газета. 1948. № 21 (2404). 13 марта.

и воображали, что “Три товарища” и “Прощай, оружие” были написаны только что. Как нехороши, как несвежи были эти розы, и как скучно, должно быть, молодым читать о нашем пробуждении!» (Либерман 1998: 321).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алпатов М. В. 1984. Жизнь искусствоведа. – Панорама искусств. Вып. 7. С. 170–206.
- Альтшуллер М., Дрыжакова Е. 1985. Путь отречения: Русская литература 1953–1968 [Tenaflly, N. J.]: Эрмитаж.
- Ахматова А. <1>912. Вечер: Стихи. СПб.: Цех поэтов.
- Ахматова А. 1914. Четки. СПб.: Издательство „Гиперборей“.
- Ахматова А. 1965. Мандельштам (Листки из дневника). – Воздушные пути: Альманах. [Вып.] IV. С. 23–43.
- Ахматова А. 1996. Записные книжки (1958–1966) / Сост. и подготовка текста К. Н. Суворовой; вступительная статья Э. Г. Герштейн; научное консультирование, вводные заметки к записным книжкам, указатели В. А. Черных. М.; Torino: Giulio Einaudi editore.
- Ахматова А. 2005. Собр. соч. Т. 8 (дополнительный): Переводы. 1950–1960-е годы / Сост., комментарии, статья Н. В. Королевой; подготовка текста Э. В. Песоцкого и Н. В. Королевой. М.: Эллис Лак 2000.
- Ахматова А. 2009. «Я не такой тебя когда-то знала...»: Анна Ахматова. Поэма без Героя. Проза о Поэме. Наброски балетного либретто: Материалы к творческой истории / Издание подготовила Н. И. Крайнева. СПб.: Издательский дом «Миръ».
- Бабаев Э. 2000. Воспоминания. СПб.: ИНАПРЕСС.
- Барскова П. 2020. Опасный сектор воспоминаний: Блокадные построения Татьяны Гнедич. – Барскова П. Седьмая щелочь. Тексты и судьбы блокадных поэтов. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха. С. 121–140.
- Берлин И. 1981. Встречи с русскими писателями: 1945 и 1956 / Пер. с английского Д. Сегал, Е. Толстая-Сегал, О. Ронен в сотрудничестве с автором. – Slavica Hierosolymitana: Slavic Studies of the Hebrew University. Vol. V–VI. Jerusalem: The Magnes Press. С. 593–641.
- Бернштейн С. Б. 2002. Зигзаги памяти: Воспоминания. Дневниковые записи / Отв. ред. академик РАН В. Н. Топоров. М.: Институт славяноведения РАН.

- Бориневич-Роскина И. В. 2006. Воспоминания девочки / Вступительная заметка, подготовка текста и примечания Н. И. Крайневой. – «Я всем прощение дарую...»: Ахматовский сборник / Сост. Н. И. Крайнева; под общей ред. Д. Макфадьена. М.; СПб.: Альянс Архео. С. 129–134.
- Герштейн Э. 1998. Мемуары. СПб.: ИНАПРЕСС.
- Гинзбург Л. 1989. Человек за письменным столом. Л.: Советский писатель.
- Гитович С. 1991. В Комарове. – Воспоминания об Анне Ахматовой / Сост. В. Я. Виленкин, В. А. Черных; комментарии А. В. Курт, К. М. Поливанова. М.: Советский писатель. С. 503–519.
- Глёкин Г. 2015. Что мне дано было... Об Анне Ахматовой / Сост., подготовка текста, вступительная статья, комментарий Н. Г. Гончаровой. М.: Азбуковник.
- Голлербах Э. 1927. Город муз: Детское село, как литературный символ и памятник быта. Л.: изд. автора.
- Гумилев Н. 1990. Письма о русской поэзии / Сост. Г. М. Фридлендер (при участии Р. Д. Тименчика); вступительная ст. Г. М. Фридлендера; подготовка текста и комментарии Р. Д. Тименчика. М.: Современник.
- Жирмунский В. 1916. Преодолевшие символизм. – Русская мысль. Кн. 12. Отд. II. С. 25–56.
- Жукова Л. 1983. Эпилоги. Кн. 1. Нью-Йорк: Chalidze Publications.
- Каминская А. Г. 1992. Памяти Аманды. – Ахматовские чтения. Вып. 3: Свою меж вас еще оставив тень... М.: Наследие. С. 43–45.
- Качуровский И. 1980. «Поэзия Европы» по-советски. – Новый журнал. № 141. С. 108–117.
- Козловская Г. 2015. Шахерезада: Тысяча и одно воспоминание. М.: АСТ.
- Королева Н. 2004 Поэзия точного слова. – Борис Слуцкий: Воспоминания современников. СПб.: Журнал «Нева». С. 401–414.
- Кралин М. 1990. Об Анне Ахматовой: Стихи. Эссе. Воспоминания. Письма / Сост. М. М. Кралин. Л.: Лениздат.
- Лахути Г. 1993. «Любви моей осталось в мире дело». Повесть об отце. – Литературное обозрение. № 9/10. С. 83–94.
- Либерман А. 1998. Рец. на кн.: Битов А. Новый Гулливер. 1997. – Новый журнал. № 211. С. 321–322.
- Лукницкий П. Н. 1997. Асумиана: Встречи с Анной Ахматовой. Т. II: 1926–1927. Париж; М.: YMCA-Press; Русский путь.
- Любимова А. В. 2004. «Дорога не скажу куда...»: Дневниковые записи о встречах с А. А. Ахматовой 1944–1965 гг. СПб.: Агат.

- Малевич О. М. 2006. Одна встреча с Анной Ахматовой. – «Я всем прощение дарю...»: Ахматовский сборник / Сост. Н. И. Крайнева; под общей ред. Д. Макфадьена. М.; СПб.: Альянс Архео. С. 49–58.
- Мандельштам Н. 2008. Об Ахматовой. Изд. второе, исправленное / Сост. П. Нерлер. М.: Три квадрата.
- Меттер И. 1998. Допрос: Автобиографическая проза и воспоминания. СПб.: Фонд русской поэзии.
- Мозер Ч. 1969. У Анны Ахматовой. – Грани. № 73. С. 171–174.
- Найман А. 1989. Рассказы о Анне Ахматовой. М.: Художественная литература.
- Орлова Р. 1985. Хемингуэй в России: Роман длиною в полстолетия. Ann Arbor: Ardis.
- Островская С. К. 2013. Дневник / Вступительная ст. Т. С. Поздняковой; послесловие П. Ю. Барсковой. М.: УМСА-Press; Русский путь.
- Пастернак Б. 2005а. Полн. собр. соч.: В 11-ти тт. Т. 9: Письма 1935–1953. М.: Слово/Slovo.
- Пастернак Б. 2005b. Полн. собр. соч.: В 11-ти тт. Т. 10: Письма 1954–1960. М.: Слово/Slovo.
- Пожарская М. Н. 1990. Александр Головин: Путь художника. Художник и время. М.: Советский художник.
- Позднякова Т. С. 2002. Петербург Ахматовой: Владимир Георгиевич Гаршин / Сост. и комментарии Т. С. Поздняковой. СПб.: Невский Диалект.
- Пунин Н. Н. 2000. Мир светел любовью / Сост., предисловие, примечания и комментарий Л. А. Зыкова. М.: Артист. Режиссер. Театр.
- Ремизов А. 1981. Встречи. Петербургский буерак. Париж: LEV.
- Роскина Н. 1980. Четыре главы: Из литературных воспоминаний. Париж: УМСА-Press.
- Рудинский В. 2019. Вечные ценности: Статьи о русской литературе. СПб.: Алетейя.
- Сергеев А. 1997. Omnibus: Альбом для марок. Портреты. О Бродском. Рассказики. М.: Новое литературное обозрение.
- Сильман Т. 1936. «Прощай, оружие!» Хемингуэя. – Звезда. № 11. С. 171–178.
- Тименчик Р. 1996. Устрицы Ахматовой и Анненского. – Иннокентий Анненский и русская культура XX века: Сборник научных трудов. СПб.: АО Арсис. С. 50–54.

- Тименчик Р. Д. 2012. О первом сборнике Ахматовой. – Анна Ахматова: Эпоха, судьба, творчество: Крымский Ахматовский научный сборник. Вып. 10. Симферополь: Крымский Архив. С. 27–30.
- Тименчик Р. 2014а. Последний поэт: Анна Ахматова в 60-е годы. Изд. второе, исправленное и расширенное. Т. 1. М.; Иерусалим: Мосты культуры; Гешарим.
- Тименчик Р. 2014b. Последний поэт: Анна Ахматова в 60-е годы. Изд. второе, исправленное и расширенное. Т. 2. М.; Иерусалим: Мосты культуры; Гешарим.
- Тименчик Р. 2018а. Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой. – *Slavica Revalensia*. Vol. V. С. 256–312.
- Тименчик Р. 2018b. История культа Гумилева. М.: Мосты культуры.
- Тименчик Р. 2019. Из Именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой. – *Slavica Revalensia*. Vol. VI. С. 179–247.
- Тименчик Р. 2020. Из Именного указателя к *Записным книжкам* Ахматовой: Круг Вячеслава Иванова – Владимир Пяст. – *Unacknowledged Legislators: Studies in Russian Literary History and Poetics in Honor of Michael Wachtel* / Ed. by Lazar Fleishman, David M. Bethea and Ilya Vinitsky. Berlin: Peter Lang. P. 421–435.
- Титов Л. [Р. Д. Тименчик]. 1974. К шестидесятилетию книги «Вечер». – Памяти А. А. Ахматовой: Стихи, письма, воспоминания. Париж: YMCA-Press. С. 213–217.
- Толмачев М. 2002. Бутылка в море. М.: Д. Аронов.
- Уханова А. В. 2000. Тени прошлого: Воспоминания художницы / Публикация Ю. М. Дворкина. – Люди и судьбы на рубеже веков. Воспоминания. Дневники. Письма. 1895–1925. СПб.: Лики России. С. 163–182.
- Хемингуэй Э. 1964. Праздник, который всегда с тобой. – Иностранная литература. № 7. С. 112–182.
- Хемингуэй Э. 1968. Собр. соч.: В 4-х тт. М.: Издательство «Художественная литература».
- Чуковская Л. 1997а. Записки об Анне Ахматовой. Т. 1: 1938–1941. М.: Согласие.
- Чуковская Л. 1997b. Записки об Анне Ахматовой. Т. 2: 1952–1962. М.: Согласие.
- Чуковская Л. 1997с. Записки об Анне Ахматовой. Т. 3: 1963–1966. М.: Согласие.

- Штильман Л. Н. 1958. Проблемы литературных жанров и традиций в «Евгении Онегине» Пушкина. 's-Gravenhage: Mouton & Co. (American Contributions to the Fourth International Congress of Slavists. Moscow, September 1958).
- Щербатов С. 1951. Русские художники. – Возрождение. №18. С.111–123.
- Эйзенштейн С. М. 1964. Избр. соч.: В 6-ти тт. Т. 2. М.: Искусство.
- Beegel, S. F. 1984. Hemingway Gastronomie: A Guide to Food and Drink in *A Moveable Feast* (with Glossary). – The Hemingway Review. Vol. 4. No. 1. P. 14–26.
- Driver, S. 1978. [Рец. на:] “Pamiati Anny Akhmatovoi. Stikhi, pis'ma, vospominaniia”. – The Slavic and East European Journal. Vol. 22. No. 1. P. 94–95.
- Jovanović Zmaj, J. 1975. Odabrana dela. Kn. 1: Đulići uveoci. Novi Sad: Matica srpska.
- Kirk, I. 1963. Born with the Dead. Cambridge, Mass.: The Riverside Press.
- Timenchik, R. 1996. The Oysters of Akhmatova and Annenskii. – Elementa: The Journal of Slavic Studies and Comparative Cultural Semiotics. Vol. 2. Nos. 3–4. P. 311–318.
- Walpole, H. 1919. The Secret City. New York: George H. Doran Company.

REFERENCES

- Alpatov, M. V. “Zhizn' iskusstvoveda.” *Panorama iskusstv* 7 (1984): 170–206.
- Al'tshuller, M. and Dryzhakova, E. *Put' otrecheniia: Russkaia literatura 1953–1968*. Tenaflly, N. J.: Hermitage, 1985.
- Akhmatova, A. *Večer: Stikhi*. Saint-Petersburg: Tsekh poetov, <1>912.
- . *Chetki*. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo “Giperborei,” 1914.
- . “Mandel'shtam (Listki iz dnevnika).” *Vozdushnye puti: Al'manakh* 4 (1965): 23–43.
- . *Zapisnye knizhki (1958–1966)*. Moscow and Turin: Giulio Einaudi editore, 1996.
- . *Sobranie sochinenii*. Vol. 8 (additional), *Perevody. 1950–1960-e gody*. Edited by N. V. Koroleva and E. V. Pesotskii. Moscow: Ellis Lak 2000, 2005.
- . “*Ia ne takoi tebia kogda-to znala...*”: *Anna Akhmatova. Poema bez Geroia. Proza o Poeme. Nabroski baletnogo libretto: Materialy k tvorcheskoi istorii*. Edited by N. I. Kraineva. Saint-Petersburg: Izdatel'skii dom “Mir,” 2009.
- Babaev, E. *Vospominaniia*. Saint-Petersburg: INAPRESS, 2000.

- Barskova, P. "Opasnyi sektor vospominanii: Blokadnye postroeniia Tat'iany Gnedich." In *Sed'maia shcheloch': Teksty i sud'by blokadnykh poetov*, by Polina Barskova, 121–40. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Ivana Limbakha, 2020.
- Beegel, S. F. "Hemingway Gastronomie: A Guide to Food and Drink in *A Moveable Feast* (with Glossary)." *The Hemingway Review* 4, no. 1 (1984): 14–26.
- Berlin, I. "Vstrechi s russkimi pisateliami: 1945 i 1956." Translated from the English by D. Segal, E. Tolstaia-Segal and O. Ronen in collaboration with the author. In *Slavica Hierosolymitana: Slavic Studies of the Hebrew University*. Vol. 5–6, 593–641. Jerusalem: The Magnes Press, 1981.
- Bernshtein, S. B. *Zigzagi pamiati: Vospominaniia. Dnevnikovye zapisi*. Edited by V. N. Toporov. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2002.
- Borinevich-Roskina, I. V. "Vospominaniia devochki." Edited, introduced and annotated by N. I. Kraineva. In *"Ia vsem proshchenie daruiu...": Akhmatovskii sbornik*. Edited by N. I. Kraineva and David MacFadyen, 129–34. Moscow and Saint-Petersburg: Al'ians-Arkheo, 2006.
- Chukovskaia, L. *Zapiski ob Anne Akhmatovoi*. Vol. 1, 1938–1941. Moscow: Soglasie, 1997.
- . *Zapiski ob Anne Akhmatovoi*. Vol. 2, 1952–1962. Moscow: Soglasie, 1997.
- . *Zapiski ob Anne Akhmatovoi*. Vol. 3, 1963–1966. Moscow: Soglasie, 1997.
- Driver, S. Review of *Pamiati Anny Akhmatovoi. Stikhi, pis'ma, vospominaniia*. *The Slavic and East European Journal* 22, no. 1 (1978): 94–95.
- Eizenshtein, S. M. *Izbrannye sochineniia*. 6 vols. Vol. 2. Moscow: Iskusstvo, 1964.
- Gershtein, E. *Memuary*. Saint-Petersburg: INAPRESS, 1998.
- Ginzburg, L. *Chelovek za pis'mennym stolom*. Leningrad: Sovetskii pisatel', 1989.
- Gitovich, S. "V Komarove." In *Vospominaniia ob Anne Akhmatovoi*. Edited by V. Ia. Vilenkin and V. A. Chernykh. Annotated by A. V. Kurt and K. M. Polivanov, 503–19. Moscow: Sovetskii pisatel', 1991.
- Glekin, G. *Chto mne dano bylo... Ob Anne Akhmatovoi*. Edited, introduced and annotated by N. G. Goncharova. Moscow: Azbukovnik, 2015.
- Gollerbakh, E. *Gorod muz: Detskoe selo, kak literaturnyi simvol i pamiatnik byta*. Leningrad: [privately printed], 1927.
- Gumilev, N. *Pis'ma o russkoi poezii*. Edited by G. M. Fridlender with R. D. Timenchik. Introduction by G. M. Fridlender. Annotations by R. D. Timenchik. Moscow: Sovremennik, 1990.
- Hemingway, E. "Prazdnik, kotoryi vsegda s toboi." *Inostrannaia literatura* 7 (1964): 112–82.

- . *Sobranie sochinenii*. 4 vols. Moscow: Izdatel'stvo "Khudozhestvennaia literatura," 1968.
- Jovanović Zmaj, J. *Odaabrana dela*. Vol. 1, *Đulići uveoci*. Novi Sad: Matica srpska, 1975.
- Kaminskaia, A. G. "Pamiati Amandy." In *Akhmatovskie chteniia*. Vol. 3, *Svoiu mezh vas eshche ostaviv ten'...*, 43–45. Moscow: Nasledie, 1992.
- Kachurovskii, I. "Poeziia Evropy' po-sovetski." *Novyi zhurnal* 141 (1980): 108–17.
- Kirk, I. *Born with the Dead*. Cambridge, Mass.: The Riverside Press, 1963.
- Kozlovskaja, G. *Shakherezada: Tysiacha i odno vospominanie*. Moscow: AST, 2015.
- Koroleva, N. "Poeziia tochnogo slova." In *Boris Slutskii: Vospominaniia sovremennikov*, 401–14. Saint-Petersburg: Zhurnal "Neva," 2004.
- Lakhuti, G. "Liubvi moei ostalos' v mire delo'. Povest' ob ottse." *Literaturnoe obozrenie* 9–10 (1993): 83–94.
- Liberman, A. Review of *Novyi Gulliver*, by A. Bitov. *Novyi zhurnal* 211 (1998): 321–22.
- Luknitskii, P. N. *Acumiana: Vstrechi s Annoi Akhmatovoi*. Vol. 2, 1926–1927. Paris and Moscow: YMCA-Press & Russkii put', 1997.
- Liubimova, A. V. "Doroga ne skazhu kuda...": *Dnevnikovye zapisi o vstrechakh s A. A. Akhmatovoi 1944–1965 gg*. Saint-Petersburg: Agat, 2004.
- Malevich, O. M. "Oдна встреча с Annoi Akhmatovoi." In "Ia vsem proshchenie daruiu...": *Akhmatovskii sbornik*. Edited by N. I. Kraineva and David MacFadyen, 49–58. Moscow and Saint-Petersburg: Al'ians-Arkheo, 2006.
- Mandel'shtam, N. *Ob Akhmatovoi*. 2nd ed. Edited by P. Nerler. Moscow: Tri kvadrata, 2008.
- Metter, I. *Dopros: Avtobiograficheskaia proza i vospominaniia*. Saint-Petersburg: Fond russkoi poezii, 1998.
- Moser, Ch. "U Anny Akhmatovoi." *Grani* 73 (1969): 171–74.
- Naiman, A. *Rasskazy o Anne Akhmatovoi*. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1989.
- Ob Anne Akhmatovoi: Stikhi. Esse. Vospominaniia. Pis'ma*. Edited by M. M. Kralin. Leningrad: Lenizdat, 1990.
- Orlova, R. *Hemingway v Rossii: Roman dlinoiu v polstoletii*. Ann Arbor: Ardis, 1985.
- Ostrovskaja, S. K. *Dnevnik*. Foreword by T. S. Pozdniakova. Afterword by P. Iu. Barskova. Moscow: YMCA-Press & Russkii put', 2013.

- Pasternak, B. *Polnoe sobranie sochinenii*. 11 vols. Vol. 9, *Pis'ma 1935–1953*. Moscow: Slovo/Slovo, 2005.
- . *Polnoe sobranie sochinenii*. 11 vols. Vol. 10, *Pis'ma 1954–1960*. Moscow: Slovo/Slovo, 2005.
- Pozharskaia, M. N. *Aleksandr Golovin: Put' khudozhnika. Khudozhnik i vremia*. Moscow: Sovetskii khudozhnik, 1990.
- Pozdniakova, T. S. *Peterburg Akhmatovoi: Vladimir Georgievich Garshin*. Edited and annotated by T. S. Pozdniakova. Saint-Petersburg: Nevskii Dialekt, 2002.
- Punin, N. N. *Mir svetel liubov'iu*. Edited, introduced and annotated by L. A. Zykova. Moscow: Artist. Rezhisser. Teatr, 2000.
- Remizov, A. *Vstrechi. Peterburgskii buerak*. Paris: LEV, 1981.
- Roskina, N. *Chetyre glavy: Iz literaturnykh vospominanii*. Paris: YMCA-Press, 1980.
- Rudinskii, V. *Vechnye tsennosti: Stat'i o russkoi literature*. Saint-Petersburg: Aletheia, 2019.
- Sergeev, A. *Omnibus: Al'bom dlia marok. Portrety. O Brodskom. Rasskaziki*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 1997.
- Sil'man, T. "Proshchai, oruzhie!" *Khémingueia*. *Zvezda* 11 (1936): 171–78.
- Shcherbatov, S. "Russkie khudozhniki." *Vozrozhdenie* 18 (1951): 111–23.
- Shtil'man, L. N. *Problemy literaturnykh zhanrov i traditsii v "Evgenii Onegin" Pushkina*. 's-Gravenhage: Mouton & Co, 1958.
- Timenchik, R. "The Oysters of Akhmatova and Annenskii." *Elementa: The Journal of Slavic Studies and Comparative Cultural Semiotics* 2, nos. 3–4 (1996): 311–18.
- . "Ustritsy Akhmatovoi i Annenskogo." *Innokentii Annenskii i russkaia kul'tura 20 veka: Sbornik nauchnykh trudov*, 50–54. Saint-Petersburg: AO Arsis, 1996.
- . "O pervom sbornike Akhmatovoi." In *Anna Akhmatova: Epokha, sud'ba, tvorchestvo: Krymskii Akhmatovskii nauchnyi sbornik*. Vol. 10, 27–30. Sympheropolis: Krymskii Arkhiv, 2012.
- . *Poslednii poet. Anna Akhmatova v 60-e gody*. 2nd ed. Vol. 1. Jerusalem and Moscow: Gesharim & Mosty kul'tury, 2014.
- . *Poslednii poet. Anna Akhmatova v 60-e gody*. 2nd ed. Vol. 2, *Snoski i vynoski*. Jerusalem and Moscow: Gesharim & Mosty kul'tury, 2014.
- . *Istoriia kul'ta Gumileva*. Moscow: Mosty kul'tury, 2018.

- . “Iz Imennogo ukazatel’ia k ‘Zapisnym knizhkam’ Akhmatovoi.” *Slavica Revalensia* 5 (2018): 256–312.
- . “Iz Imennogo ukazatel’ia k ‘Zapisnym knizhkam’ Akhmatovoi.” *Slavica Revalensia* 6 (2019): 179–247.
- . “Iz Imennogo ukazatel’ia k *Zapisnym knizhkam* Akhmatovoi: Krug Viacheslava Ivanova–Vladimir Piast.” In *Unacknowledged Legislators: Studies in Russian Literary History and Poetics in Honor of Michael Wachtel*. Edited by Lazar Fleishman, David M. Bethea and Ilya Vinitsky, 421–35. Berlin et al.: Peter Lang, 2020.
- Titov, L. [R. D. Timenchik, pseud.]. “K shestidesiatiletiiu knigi ‘Večer’.” In *Pamiati Anny Akhmatovoi. Stikhi, pis’ma, vospominaniia*, 213–17. Paris: YMCA-Press, 1974.
- Tolmachev, M. *Butylka v more*. Moscow: D. Aronov, 2002.
- Ukhanova, A. V. “Teni proshlogo: Vospominaniia khudozhnitsy.” Edited by Iu. M. Dvorkin. In *Liudi i sud’by na rubezhe vekov. Vospominaniia. Dnevnik. Pis’ma. 1895–1925*, 163–82. Saint-Petersburg: Liki Rossii, 2000.
- Walpole, H. *The Secret City*. New York: George H. Doran Company, 1919.
- Zhirmunskii, V. “Preodolevshie simvolizm.” *Russkaia mysl’* 12, no. 2 (1916): 25–56.
- Zhukova, L. *Epilogi*. Vol. 1. New York: Chalidze Publications, 1983.

IN MEMORIAM

ОЛЕГ АНАТОЛЬЕВИЧ КОРОСТЕЛЕВ

(11 января 1959 – 20 марта 2020)

I

Если начать с нашей первой встречи с Олегом Анатольевичем Коростелевым, то нить протянется к тому, кто нас познакомил, – Рашиту Янгирову. Они оба работали тогда в Доме русского зарубежья. Разные интересы, разные темпераменты, но объединяло их стремление соединять людей, создавать в культуре некое поле единомышленников, потенциал «сеятелей», которые бы понимали друг друга, помогали друг другу и постоянно это поле расширяли. Рашит ушел уже давно. А теперь вот мы простились и с Олегом Коростелевым.

Не помню точной даты нашего знакомства, было это в 90-х, мы созвонились и встретились в каком-то кафе на Аэропорте. Я только еще начинала заниматься русской эмиграцией, в 1993 случайно попала по гранту на 3 недели в Оксфорд, в библиотеку Bodleian. Вряд ли грант предполагал работу в ее рукописном отделе, но мне было интересно поискать там русские фамилии. Так я начала заниматься архивом Бориса Элькина и его богатой перепиской; так я нашла архив приехавшего из Тарту эмигранта Сергея Большакова, что позже помогло мне написать статью о русских фашистах в Эстонии и в Харбине (см.: Белобровцева 1996: 154–186). Там оставались неразобранные (и по сей день) архивы Коновалова и Унбегауна. Словом, я только начинала. Коростелев по виду показался мне тоже начинающим – выглядел он не по-московски, чуть смущенно говорил о работе ради денег в глянцевого журнале. И до меня не сразу дошло: в чем в чем, а в эмигрантских студиях он мне сто очков вперед даст. Но дошло. А он вздохнул говорил о планах – собрания сочинений, издание переписок, текстологические работы, «Диаспора», обновление «Литературного наследия»...

И главное: все, о чем он тогда говорил, или уже сделано, или делается. В ближнем кругу я называла его «человек-НИИ». Кто еще

смог бы столько сделать. Жалоба у него всегда была одна и та же: не хватает людей, некому работать. В последнюю нашу встречу он сказал: «Мы всегда подавали 5 заявок на проекты – давали 2 гранта, максимум 3. А в этом году попросили 6 – и дали 6. Что делать? Людей не хватает».

Мы никогда не были соавторами, но он публиковал меня в «Диаспоре». Мы расходились в мнениях о Леониде Зурове, спорили, он говорил: а вот некоторые вспоминали, как он плохо обращался с... Я закипала: а к чему слушать «некоторых»? Он говорил: а вот он продал архив Бунина. И даже однажды написал именно так: продал. И я взывала к третейскому суду Ричарда Дэвиса, которого он бесконечно уважал и который отвечал: нет, ничего он не продавал, завещал архив близкому человеку, Милице Грин. Тогда Коростелев отступал, даже сожалел, что не проверил.

В первых двух томах серии «Бунин. Новые материалы» я участвовала публикацией переписки И. А. Бунина с Л. Ф. Зуровым (в первом томе третьим участником этой переписки была Г. Н. Кузнецова; во втором – В. Н. Бунина), Олег Коростелев был составителем и редактором вместе с Ричардом Дэвисом. Это была интереснейшая работа не только потому что делала я, но, прежде всего, по самому устройению: как только у кого-то возникал вопрос, на который он не знал ответ, Коростелев или Дэвис задавали этот вопрос всем остальным. Снова – поле единомышленников.

Он привлек меня к работе над историей журнала «Современные записки». Это был грант немецкого исследователя Манфреда Шрубы, который они вели вдвоем. Мы встречались в Бохуме на семинарах, и на заключительном фуршете разговор зашел уже о следующем проекте Манфреда Шрубы – псевдонимах русского зарубежья. Работы было – непочатый край. Вернее, початый, но только с краешка. И эта малость Коростелева огорчала.

Это был редкий человек: кажется, без остатка предан науке, не ангажирован, с глубинной культурной памятью, наделенный профессиональной совестью и фантастической работоспособностью. Вбивая в поиск emigrantica.ru, я всякий раз столбенею: как ему

это удалось? Да, я знаю людей, которые в чем-то ему помогали, присылали данные по своим странам, но ведь не столько же. Каждый раз, когда я смотрю на планы, которые он на годы и годы вперед составил для «Литературного наследства» (в редакционный совет которого он меня пригласил), я думаю: сколько же лет жизни он себе отводил?

Но в том-то, наверное, и секрет Олега Коростелева, что он об этом не думал, – он работал.

Вот она, беда, моя и многих других. Вот уж кого жаль.

Наверное, Таллинн был одним из последних мест, где он побывал – был у нас дискуссантом на конференции молодых филологов. Все мы знали о его болезни, и все видели, как он держится – словно ничего такого нет. Мы намечали планы на будущее; ругали студентов, которые не хотят заниматься кропотливым архивным и издательским трудом; впрочем, выступавшие на конференции студенты ему понравились, это сразу было видно: он сыпал идеями, предлагал подумать над этим и над тем... Это был февраль. А до февраля мы виделись на конференциях в Вене и в Риге, почти подряд. И всякий раз брезжила надежда, что обойдется, что вылечат, прооперируют.

А потом пришла страшная новость. Его уход, как это обычно бывает с людьми такого масштаба, обнажил целую область науки. И по откликам на мой пост в Фейсбуке, таким, например: «Эх... У нас с ним тоже было некоторое количество планов. Я был в сентябре в Москве и случайно с ним разминуся – не встретился... По телефону я ему сказал, что не страшно, в следующий раз...»; «Да уж, мы только начали, не знаю, как теперь и кто теперь...»; «Лит. Наследство» осиротело»; «Масштаб его личности и исследований ощущался даже в таких далеких от его специализации областях, как мои» и т. д., я поняла: поле есть, и сеятели есть, но кто пойдет вперед?

И. З. Белобровцева
(Таллинн)

II

С того злополучного утра 20 марта, когда не стало Олега Коростелева, минуло три четверти года. Срок в наше быстротекущее время немалый, однако до сих пор невозможно ни поверить в реальность утраты, ни смириться с жестокой несправедливостью судьбы, вопреки всем надеждам так трагически рано вырвавшей его из жизни. Остались незавершенными многие проекты, не будет больше подготовленных им к изданию книг, новых планов и новых открытий. Уход Олега – потеря для гуманитарной науки, отечественной и не только, невосполнимая, о чем писали все авторы появившихся в первые дни после его смерти некрологов и развернутых мемуарных текстов (см., например, посвященный его памяти раздел «In memoriam» в пятнадцатом номере основанного им журнала «Литературный факт»).

Потеря невосполнима и в сугубо человеческом смысле: в Олеге удивительным образом сочетались исследовательская строгость к себе и к другим, высочайший профессионализм, непримиримое отношение к любой «халтуре» с научной и человеческой щедростью, увлеченностью своим делом и редким умением увлекать этим делом других, собирая вокруг себя единомышленников. После его смерти образовалась огромная лакуна, заполнить которую физически невозможно – смерть необратима, но можно противопоставить этому ощущению пустоты сохраненные воспоминания об Олеге Анатольевиче Коростелеве – человеке и ученом, о сотрудничестве и встречах с ним, которых, как представлялось, будет еще немало в будущем и самая возможность которых после 20 марта осталась в прошлом. В воспоминаниях – утешение оставшихся, поэтому все, кому посчастливилось знать Олега и работать с ним, хранят память об этих встречах и наверняка еще не единожды воплотят ее в Слове.

У нашей первой встречи была довольно долгая предыстория. В 1997 году я, благодаря гранту фонда Фулбрайт, провела восемь месяцев в Америке, где работала с эмигрантскими собраниями в нескольких университетских архивах, собирая материалы для

задуманной книги о Союзах русских писателей в различных центрах рассеяния, для чего пришлось «насквозь» просматривать многие фонды. Одной из самых значимых находок оказались хранящиеся в собрании Бахметевского архива письма давно любимого и высоко ценимого мною Георгия Адамовича. К сожалению, архивные правила позволяли копировать материалы того или иного собрания лишь частично, но мне удалось сделать полный компьютерный набор писем Адамовича А. Бахраху, Л. Червинской, А. Полякову, В. Яновскому и А. Даманской с намерением их опубликовать. В 1998 году в петербургском издательстве «Алетейя» вышли в свет подготовленные Олегом Коростелевым первые два тома собрания сочинений Адамовича; я позвонила издателям, чтобы узнать, предполагается ли публиковать его эпистолярное наследие, и мне посоветовали спросить об этом у составителя, сообщив номер его телефона. В первом же разговоре сделалось очевидным сходное отношение обеих договаривающихся сторон к Адамовичу, обоюдное понимание его значимости для эмигрантской культуры и ценности писем как источника для ее изучения и, следовательно, необходимости их публикации «по максимуму». Мне хорошо запомнилась искренняя радость Олега при известии, что у меня есть набор пяти эпистолярных корпусов, и сожаление по поводу того, что их всего пять. Думаю, с полным основанием можно считать Георгия Адамовича косвенным «виновником» нашей с Олегом встречи и знакомства, которое на протяжении следующих двух или трех лет оставалось исключительно телефонно-виртуальным. По телефону мы договаривались о технических деталях и о своего рода курьерской доставке: благодаря дружеской любезности куратора Бахметевского архива Тани Чеботарев мне удалось получить микрофильмы писем, которые я с оказией передала в Москву Олегу. По электронной почте обсуждали детали текстологические, далеко не во всех случаях соглашаясь друг с другом, и принципы комментирования, восходящие к принятой в «Минувшем» Владимира Аллоя практике, которую мы оба считали лучшей из возможных. Кроме того, я на протяжении едва ли не года частями пересылала Олегу комментарий; с чем-то

он сразу соглашался, чего-то поначалу не принимал, предлагая свой вариант и непременно стараясь его обосновать, но не выступая с позиции истины в последней инстанции и оставляя возможность для продолжения коллегиального диалога «во имя общего дела».

А встретились мы, наконец, в апреле 2001 года на Смирдинских чтениях в Публичной библиотеке. К тому времени прекратилось «Минувшее», вышел первый том «Диаспоры» и ушел из жизни Аллой, завещав (или передав по наследству?) «Диаспору» Олегу. Во время одного из конференционных перерывов, собравшись в кофейне неподалеку от публичной библиотеки, мы – Олег, вдова Аллой Татьяна Притыкина, я и еще два-три предполагаемых автора – обсуждали очередной готовившийся том альманаха. И была очевидной убежденность Олега в том, что его нужно сделать достойно, чтобы оправдать доверие основателя; чувствовалось, что Олег этим доверием горд и понимает, какая на нем лежит ответственность; кроме всего прочего, была явной его радость от общения с теми, кто близок ему по духу.

Потом были встречи, вечерние прогулки и долгие разговоры на конференциях и семинарах в России и за ее пределами. Под одной обложкой журналов, конференционных сборников и коллективных монографий. Случайные и всегда радостные «совпадения» в библиотеках, архивах и на листах использования. Немногочисленные телефонные разговоры и переписка по электронной почте. Подаренные друг другу книги.

В последний раз мы виделись в декабре 2019 года на конференции в ИМЛИ. Расставаясь в конце дневного заседания, простились «до следующей встречи».

В воспоминаниях Марии Васильевой о совместной с Олегом и фотографом Светланой Урбан блиц-поездке в Париж в августе 2017 года есть прекрасная фотография: Олег за столиком в знаменитом «Клозери де Лиля», завсегдатаями которого были многие его герои и самый любимый из них – Георгий Адамович (см.: Васильева 2020: 493). Фотография совершенно «метафизическая», поразительно точно передающая полноту семиотического соответствия

атмосферы места душевному состоянию Олега – внешне и внутренне собранного, подтянутого, удивительно красивого. Действительно очень похожего на Адамовича. Словно говорящего с ним и с Вечностью.

О. Р. Демидова
(С.-Петербург)

БИБЛИОГРАФИЯ

- Белобровцева И. З. 1996. Русская эмиграция: Ось Тарту – Оксфорд – Харбин. – Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике. [Вып.] 1. Таллинн: Авенариус. С. 154–186.
- Васильева М. 2020. Короткое лето 2017-го. – Литературный факт. № 1 (15). С. 490–494.

REFERENCES

- Belobrovtsseva, I. Z. “Russkaia emigratsiia: Os’ Tartu – Oxford – Harbin.” In *Baltiiskii arkhiv: Russkaia kul’tura v Pribaltike*. Vol. 1, 154–86. Tallinn: Avenarius, 1996.
- Vasil’eva, M. “Korotkoe leto 2017-go.” *Literaturnyi fakt* 15, no. 1 (2020): 490–94.

JAMES BAILEY

(September 28, 1929 – July 20, 2020)

“Had he started his teaching career at Tartu, and not in Madison, he might have been my mom’s professor!” This is something that came to mind the very first time I saw James Bailey (or Jim, as he asked me to call him – the form of address I never managed to master). We met on September 24, 2003, a little less than a month after I had joined the graduate program in Slavic Languages and Literatures at the University of Wisconsin-Madison. We kept on meeting off campus once a fortnight (sometimes once a month) during the following four semesters, before I left for Estonia to revisit Madison only thirteen years later, in May, 2018. Since then, and until James’s health started to deteriorate, we exchanged letters, pictures, sad news, occasional jokes, and also sent each other *privety* (regards) through our mutual friend Tat’iana Vladimirovna Skulacheva. Fate – or whatever equivalent of the power over mortals – brought us together again on the other side of the Atlantic, when in June 2008, I came to a verse theory conference at the V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences in Moscow. Knowing that James was coming, I prepared a presentation on the structure of Mayakovsky’s poem *Oblako v shtanakh* (*A Cloud in Trousers*) – a tribute to James’s article “The Accentual Verse of Majakovskij’s ‘Razgovor s fininspektorom o poëzii’” from *Slavic Poetics: Essays in Honor of Kiril Taranovsky* (see: Bailey 1973: 25–31; see also: Bailey 2004: 280–290).

James passed away unexpectedly – hope against hope I believed he would write me again one day – in his recognizably cheerful and self-ironic style, so close to his speaking manner. Instead, with a feeling of helplessness, I came across the obituary, which read as follows:

James Orville Bailey, Jr. died at the age of 90 on July 20, 2020 in Madison, Wisconsin. He was born on September 28, 1929 in La Junta, Colorado, but grew up in California where his parents moved when he was six months old. After graduating from the University of Southern California he served three and a half years in the US Army, studying Russian

one year at the Army Language School in Monterey, California. During his service as a Russian translator he met his future wife Hanna Ruth Potempa in Frankfurt, Germany, where they were married November 8, 1956. He received an MA Degree in Slavic Studies at Indiana University in 1958, spent the school year 1958–1959 as an exchange student at Moscow State University during the first year of the cultural exchange with the Soviet Union, and in 1965 he received his PhD degree in Slavic Languages and Literatures from Harvard University. He taught in the Slavic Department at the University of Wisconsin-Madison from 1967 until his retirement in 1995, having served as Chair of the Slavic Department, Head of the Russian Area Studies Program, and Head of the Folklore Program which he helped found. In recent decades he devoted most of his time to the study of Russian folklore, making trips to Russia to carry on research and to visit colleagues. He published numerous articles and several books and collaborated on an anthology of translations of Russian epics. He helped to organize and served as president of the Slavic and East European Folklore Association (SEEFA).

He is survived by his wife Hanna, by their sons Geoffrey Bailey and Michael Bailey, and by their grandchildren Ryan Bailey and Allison Bailey. He was preceded in death by his parents James Orville Bailey Sr. and John Eva Bailey, and by his youngest son Gregory Bailey.¹

After having read this, I spent several hours outdoors recalling my *razgovory* (talks) with James: the affectionate way he always spoke of his teacher Kiril Taranovsky (who did something unimaginable for the Harvard of the early 1960s, inviting a graduate student to a coffee shop to have a talk about literature and Russian verse that lasted for hours and hours), or his habit of making jokes about my *ruskii zheludok* (Russian stomach), which was never ready for anything by the time Americans eat lunch, or the way he once said in passing how easy it had been for him to win a typing competition in his teens (and that's how I learned he was a pianist, a disciple of Agnes de Jahn, who in her turn was a student of a famous Viennese piano teacher Theodor Leschetizky), or how he smiled with content, when on

¹ See: [URL: <https://www.cressfuneralservice.com/obituary/James-BaileyJr>]

Christmas Eve 2004, I was unpacking the most unexpected gift I have ever received as an adult – a leaf-shutter rangefinder Voigtländer Prominent I type 127 (with two interchangeable lenses: the legendary 50mm f/1.5 Nokton and the 35mm f/3.5 Skoparon) made in Germany the same year James and Hanna got married – 1956.

On our very first meeting, James presented me with two books: *Three Russian Lyric Folk Song Meters* and *Izbrannye stat'i po russkomu narodnomu stikhu* (see: Bailey 1993; Bailey 2001). The third book he signed for me during my Madison days was his *Izbrannye stat'i po russkomu literaturnomu stikhu* (see: Bailey 2004), and this is the book by James that I reread (and refer to) most often. Yet just like James, who once said he regretted not attending any lectures of Albert Lord at Harvard (his interest in folklore developed at a later stage of his career), I regret not obtaining in time a hard copy of his first book *Toward a Statistical Analysis of English Verse: The Iambic Tentameter of Ten Poets* (see: Bailey 1975), which I had read in xeroxes, and also *An Anthology of Russian Folk Song Epics* (see: Bailey, Ivanova 1999) he coedited with Tatyana Ivanova. The third book by James in my library without the author's inscription is the translation of *Three Russian Lyric Folk Song Meters* into Russian (see: Bailey 2010), yet all six – those without inscriptions and those I brought back from the US – have proved to be the least inefficient remedy against my feeling of loss: heartfelt, deep, and prone to coming back unexpectedly – the way only grief knows how to.

Grigori Utgof
(Tallinn)

REFERENCES

- Bailey, J. "The Accentual Verse of Majakovskij's 'Razgovor s fininspektorom o poèzii'." In *Slavic Poetics: Essays in Honor of Kiril Taranovsky*. Edited by Roman Jakobson, C. H. van Schooneveld and Dean S. Worth, 25–31. The Hague and Paris: Mouton, 1973.
- . *Toward a Statistical Analysis of English Verse: The Iambic Tetrameter of Ten Poets*. Lisse: Peter de Ridder Press, 1975.
- . *Three Russian Lyric Folk Song Meters*. Columbus: Slavica Publishers, Inc. 1993.

- . *Izbrannye stat'i po russkomu narodnomu stikhu*. Translated from the English by T. V. Skulacheva and M. L. Gasparov. Edited by M. L. Gasparov. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury, 2001.
- . *Izbrannye stat'i po russkomu literaturnomu stikhu*. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2004
- . *Tri russkikh narodnykh liricheskikh razmera*. Translated from the English by E. V. Savina with M. V. Akimova. Edited by M. V. Akimova. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2010
- Bailey, J. and Ivanova, T. *An Anthology of Russian Folk Song Epics*. Armonk, N. Y.: M. E. Sharpe, 1999.

ELENA VLADIMIROVNA DUSHECHKINA

(May 1, 1941 – September 21, 2020)

Elena Vladimirovna Dushechkina, historian of Russian literature and culture, professor in the Department of the History of Russian Literature at St. Petersburg University, passed away in St. Petersburg on 21 September, 2020. Her death was one of many painful losses the humanities in Russia have suffered during this terrible year.

Elena Vladimirovna was born on May 1, 1941 in Rostov-on-Don, into a family that, on her father's side, connected to the progressive traditions of the nineteenth century. Her grandfather, Ivan Ivanovich Dushechkin (1876–1950), of whom she sometimes spoke, had been a *Zemstvo* doctor in the Novgorod region and for many years headed a local hospital. Her father, Vladimir Ivanovich (1907–1977), a noted specialist in plant physiology, during the 1930s, worked at POSVIR (Polar experimental station of the All-Union Institute of Plant-growing) in Khibiny, Kola Peninsula and at other experimental stations. Elena Vladimirovna's mother, Vera Dmitrievna Fomenko (1908–1995), a secretary-typist by profession, was born in the Grodno region, but grew up in Rostov-on-Don. They married in 1936.

Following the start of the war with Germany, Vladimir Ivanovich was called up for military service; Vera Dmitrievna, together with her two daughters, Elena and her older sister Tatiana, and her mother, Domnika Moiseevna Domnitskaia, remained behind in Rostov-on-Don. The city was twice occupied by the Germans (the second time from June 1942 to February 1943). After it was liberated, in May 1943, the family moved to Krasnoufimsk in Sverdlovsk oblast, where the Institute of Plant-growing had been evacuated. In October 1944, they moved back to Khibiny, where they spent the rest of the war.

Vladimir Ivanovich returned to civilian life in the autumn of 1945. He first worked in Khibiny and later at the Maikop experimental station in Adygeya. Elena Vladimirovna recalled the varied landscapes of her childhood with fondness.

In 1952, the family moved to Estonia. Initially, Vladimir Ivanovich served as Director of the Institute of Agriculture of the Academy of Sci-

ences of the Estonian SSR (in 1956 reorganized as the Institute of Agriculture and Melioration of the Estonian Ministry of Agriculture). In 1957, he was transferred to the newly formed Institute of Experimental Biology of the Estonian Academy of Sciences, where he served as Head of the Department of Plant Physiology and Genetics. Both institutes were located in Tallinn.

A new period in Elena Vladimirovna's life began. After finishing her secondary schooling in 1958, she worked for four years in an electronic components factory in Tallinn. During this period she first enrolled in an extramural study program (*zaochnoe otdelenie*) at the Tallinn Polytechnical Institute, and then, in 1960, changed her subject and enrolled in an extramural program in the Philological Division of Leningrad University. With the factory behind her, from 1962 to 1966 Dushechkina studied full-time in the Historical-Philological Faculty of Tartu University, and was subsequently admitted to graduate study in the Department of Russian Literature. She then made a seamless transition from student to teacher; from 1972 to 1977 working as a senior lecturer in the Department.

In a February 2012 interview, speaking about her nearly forty years spent in Estonia, Elena Vladimirovna noted that "There were many mishaps, but there were also many strokes of luck. One of the most important – encountering Yury Mikhailovich Lotman" (Dushechkina 2012: s. p.). Dushechkina's study and teaching at Tartu coincided with the rise and florescence of the Tartu-Moscow (Moscow-Tartu) School. A unique atmosphere of intellectual exploration, far different from what generally prevailed at other institutions, brought together mature scholars (well-known researchers in their areas of specialization) with students in early stages of their education, many of whom went on to leave a lasting mark in scholarship. Numerous publications of Tartu University featured successful efforts to retrieve the legacy of Formalism, Prague structuralism, Bakhtin and his circle, and other marginalized or suppressed scholars, to apply new methodologies to the study of literature, other sign systems, culture as a whole, and to rediscover and interpret the rich culture of the Russian Silver Age. The years Elena Vladimirovna spent at Tartu shaped her as a scholar and a teacher.

When prompted, she would sometimes reminisce. Through her stories, at times slightly ironic yet loving, she recreated the *res gestae* of Lotman and Zara Grigor'evna Mints, of their colleagues, and of their many students.

While at Tartu, Dushechkina focused on Old Russian literature. Her early papers dealt with, among others, Tsar Aleksei Mikhailovich (two of her articles on him from the 1970s were reprinted in Aleksei Mikhailovich 2015) and the Archpriest Avvakum. The principal academic advisor on her *kandidatskaia* dissertation, "The Artistic Function of Reported Speech in Kievan Chronicle Writing," was Dmitri Sergeevich Likhachev, Russia's leading medievalist. Dushechkina eschewed the traditional approaches to the chronicles, which either treated them as sources for historians writing about the East Slavic tribes, or focused on the history of a given text, seeking to trace it back to an earlier original. Instead, she approached the chronicle genre as a "literary phenomenon, a fact of verbal art" (Dushechkina 1973: 65). In studying the functions of *chuzhaia rech'* ("reported speech"), so plentiful in the Russian chronicles, she successfully combined the results achieved by medievalists (Likhachev, I. P. Eremin) with the new analytical apparatus being developed in the writings of Lotman and Boris Andreevich Uspensky. She defended her dissertation at Tartu in 1973, with Uspensky and Lev Aleksandrovich Dmitriev, a senior specialist on the history and textual study of Old Russian monuments, serving as her opponents.

While at Tartu, Dushechkina met and married Aleksandr Fedorovich Belousov, a folklorist and literary scholar. In 1977, they moved to Tallinn with their family and, from 1977 to 1990, they both taught in the Department of Russian Literature at the E. Vilde Tallinn Pedagogical Institute. During her time there, Dushechkina was highly active as teacher and scholar. Her publications from that period, like those of Belousov, mostly appeared in small print-run collections featuring the work of both Department staff and colleagues from other institutions. Typically, these were presented as "pedagogical materials" (*uchebnyi material, metodicheskie razrabotki*). Dushechkina's experience of teaching Russian literature to students, for whom Russian is a second language, informs several articles in which she discusses individual poems. Some of these

were on texts by Tiutchev, whose work she again turned to years later. A fine example from the 1980s of her ability to interpret a poetic text in a sophisticated yet accessible manner is her discussion of Nekrasov's famous "Yesterday, at six o'clock..." ("Vcherashnii den', chasu v shestom...") (Dushechkina 1983: 28–49; reprinted: Dushechkina 1996). Her teaching experience in Estonia also stood her in good stead much later, when she found herself in classrooms in the United States facing students with varied knowledge of Russian and of Russian culture.

For both Elena Vladimirovna and Aleksandr Fedorovich, the Tallinn Institute proved an environment in which they could give free rein to their talent for the organization of science and for stimulating discourse in different disciplines. A number of conferences brought together both leading and younger scholars from Moscow, Leningrad, and other cities. At the same time, thanks to the cooperation of the Institute press, they published a number of important collections and monographs (see: Utgof 2015: 195–214).

Work on medieval Russian literature led Dushechkina to a new area of research and writing – calendar prose – with Yuletide tales (*sviatochnye rasskazy*) as a principal subset. She moved into that study in stages, starting with a concise (93 pages) publication on a 17th-century secular narrative, the "Tale of Frol Skobeev" (see: Dushechkina 1986), subtitled "Pedagogical material on Old Russian literature." The major part of the monograph is devoted to a historical-philological discussion of "Frol Skobeev." In the last part, however, Dushechkina argues for treating "Frol Skobeev" as an early example of an oral Yuletide story. She concludes with a programmatic appeal stating that "This genre of oral narrative art, at present mostly forgotten, gave birth to a persistent tradition in 18th–20th century Russian prose which still awaits someone to research it" ("eshche zhdet svoego issledovatel'ia") (Dushechkina 1986: 85).

Dushechkina herself took up the challenge, a decision that would lead her to produce a body of pioneering investigations into Russian culture. She embarked on an ambitious program of collecting examples of calendar prose and bringing them into the purview of both scholars and a broader reading public. She first published a small anthology of "pedagogical materials for a specialty course" (Dushechkina 1988) which

included both oral tales and selected stories that had appeared in print during the 18th and 19th centuries. This was followed by a selection of stories set in St. Petersburg (see: Petersburgskii 1991) published in the series “Petersburg Light Reading,” as well as another, broader anthology (see: Sviatochnye 1991). Two years later, a much larger volume, which opened with folkloric memorata and ended with texts from the Russian émigré press of the 1920s–1930s, was published by what was then a major publisher (see: Dushechkina, Baran 2013). The book found its readers. The entire print run of 50000 copies (!) was sold out, and has since become a source for pirate editions: the sincerest form of flattery.

Dushechkina’s research into the origins, evolution, poetics and historical-cultural contexts of the Yuletide story was presented in several articles and culminated in a *doktorskaia* dissertation, defended in December, 1993 at the Department of the History of Russian Literature of St. Petersburg University. Her monograph (see: Dushechkina 1995), based on the dissertation, explores the role of folk oral narratives, of 18th-century reworkings and the expansion of the genre in the early 19th century, of the influence of Charles Dickens, of the role of Yuletide tales in the popular press of the late 19th century, and of the varied uses of the genre during the Silver Age and beyond. According to one review, the author “brings to the surface enormous layers of previously untouched material” (Maiorova 1996: 411). Further on, the reviewer praises both the “specificity of the study, the detailed argumentation behind each observation” and Dushechkina’s readiness to put forward “the broadest possible generalizations,” elaborating that “She has shown convincingly – and in this, perhaps, lies her main achievement – that not only folkloric tradition, but entire strata of written culture ‘are oriented on the calendar cycle’” (Ibid: 412).

In October, 1990, the Belousov family moved from Tallinn to what just a year later would become St. Petersburg. Dushechkina initially worked as an associate professor in the N. Krupskaya Institute of Culture. In 1992, she started teaching at St. Petersburg University’s Department of the History of Russian Literature, where over the years she taught courses and specialized courses and seminars at both the graduate and undergraduate levels, and advised students on yearly papers, diploma

essays, M. A. theses and *kandidatskaia* dissertations. In 1999, she was awarded the rank of professor in the Department.

The 1990s brought Dushechkina opportunities to teach outside of Russia. During April – May of 1990 she was a visiting lecturer in the Slavic Department at the University at Albany, SUNY, returning to Albany as a Fulbright Lecturer during Spring, 1992, and again in Fall, 1994. In the fall of 1996, she was a visiting professor in the Slavic Department at the University of Kansas (Lawrence). Over the years, she also taught specialized courses and conducted seminars at Daugavpils Pedagogical University (1998, 2001), at Tallinn University (1997–, various semesters), at the University of Joensuu (Finland), and other institutions.

During the 1990s, Dushechkina, together with the author of this obituary, prepared several publications on the history of Slavistics. These were based on materials from Roman Jakobson's archive at the Massachusetts Institute of Technology and focused on his correspondence with the folklorist and literary historian Petr Grigor'evich Bogatyrev (1893–1971), the linguist Sergei Iosifovich Kartsevskii (1884–1955), and the historian Aleksandr Vasil'evich Solov'ev (1890–1971). Baran and Dushechkina did further work on Kartsevskii's biography and intellectual legacy. Two articles based on this research appeared; regrettably, a nearly-ready volume of Kartsevskii's unknown or little known literary and publicistic writings remained unpublished.

As Dushechkina noted in the preface to her next monograph, her scholarly interest in the "Russian Christmas tree" (*russkaia elka*) "arose in the mid-1980s, when I began to study the history and artistic characteristics of the Russian Yuletide story" (Dushechkina 2002: 5–6). In her new book, based on a vast body of folkloric, ethnographic, and literary materials, she described the role of the fir tree in Slavic pagan traditions, the limited impact of Peter the Great's calendar reform on the holiday tradition in Russia, the growing popularity of celebrations involving a Christmas tree and their treatments in 19th and early 20th-century literature, the assault on the Christmas tree tradition during the early Soviet years, the "rehabilitation" of the fir tree as the Soviet New Year's tree, and the spread and popularity of the holiday tradition in the later Soviet period. As always, Dushechkina's prose is both precise and

highly readable. She fully succeeds in making the book informative and interesting for both specialists and a wider readership. Not surprisingly, the first edition sold out quickly. A second, revised and expanded edition (2012) and a third, corrected and expanded, edition (2014) sold out as well.

Dushechkina had long been interested in problems of onomastics. In yet another monograph linked to her previous writings on Yuletide traditions and literature (Dushechkina 2007), she focused on the name *Svetlana*: absent from the Russian Orthodox calendar. The name is entirely artificial, purely literary, and entered Russian culture early in the 19th century thanks to Vasily Zhukovsky's famous ballad "Svetlana." In her book Dushechkina traces the fascinating cultural-historical "life" of this name, which at first (starting in the mid-19th century) was frequently given to naval vessels, industrial plants, and other objects. Subsequently, during the early Soviet period, where new "ideologically correct" names were being invented, it came into widespread use, including among members of the Soviet elite – Svetlana Allilueva, Stalin's daughter, is the most famous example of this practice. As Dushechkina shows, by the mid-20th century, Svetlana became one of the five most popular women's names; however, two decades later its popularity declined, in part, perhaps, because it was overused and too common.

A reviewer of the monograph paid the author an unusual yet very appropriate compliment stating "E. V. Dushechkina's book is, I repeat, systemically attractive, with all its contents, in addition to everything else, it poeticizes philological and culturological searches" (Dmitrienko 2008: s. p.).

While working on the Russian Yuletide story, Dushechkina had paid considerable attention to Nikolai Leskov, who was a master of the genre. In recent years, she published several articles on the writer (for example: Dushechkina 2017: 179–85). Among her new articles on other topics a study on a rhetorical formula that emphasizes the sheer size of Russia ("From the White Sea to the Black Sea") (see: Dushechkina 2015: 167–82) is particularly noteworthy.

Most recently Dushechkina returned to the text which proved the starting point of her lengthy and impressively fruitful exploration of Russian calendar prose and traditions – "The Tale of Frol Skobeev." She

published a revised, significantly expanded version of her original study (see: Dushechkina 2018). A review of the monograph acknowledges her past efforts and lauds her new accomplishment. After noting that the “Tale” had been studied by distinguished scholars of the late 19th – early 20th century, as well as by such outstanding philologists as Lotman and Aleksandr Mikhailovich Panchenko, the reviewer hypothesizes that “it undoubtedly took considerable courage for the author of the republished book to have made this unusual literary monument the subject of her scholarly interest and to have been able to say something about it, something previously unnoticed.” As for the new monograph, it “is created in the best traditions of academic scholarship and is an example of a classical historical-philological study of a monument” (Savel’eva 2019: 226).

In the last three and a half years of her life, Elena Vladimirovna, previously a tower of strength for all around her, found herself confronting various medical problems. In spite of that she continued teaching to the end, completing all the work for the spring semester in 2020. Starting in August, her health deteriorated rapidly. She passed away at home – a home which had been open to so many friends, colleagues and students – with her closest family members at her side. She is survived and mourned by her husband, Aleksandr Fedorovich Belousov, by her children, Ekaterina and Sergei, and their families, by her sisters, Tatiana Velitskaia and Irina Reyfman, and their families. Elena Vladimirovna’s many students, colleagues, friends and readers – both in Russia and abroad – share their grief.

Henryk Baran
(Albany, NY)

REFERENCES

- Aleksei Mikhailovich Romanov: Pro et contra. Lichnost' i deiatel'nost' tsaria Alekseia Mikhailovicha v vospriiatii sovremennikov i potomkov. Antologiiia.* Edited by V. G. Vovina-Lebedeva. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Russkogo Khristianskogo humanitarnogo instituta, 2015.
- Chudo rozhdestvenskoi nochi. Sviatochnye rasskazy.* Edited and annotated by Elena Dushechkina and Henryk Baran. Saint-Petersburg: "Khudozhestvennaia literatura." Sankt-Peterburgskoe otdelenie, 1993.
- Dmitrienko, S. "Knizhnaia polka." Review of *Svetlana. Kul'turnaia istoriia imeni*, by Elena Dushechkina. *Literatura* 1 (2008). Accessed November 15, 2020. <https://lit.1sept.ru/article.php?ID=200800130>.
- Dushechkina, E. V. "Khudozhestvennaia funktsiia chuzhoi rechi v russkom letopisanii." In *Trudy po russkoi i slavianskoi filologii*. Vol. 21, 65–104. Tartu: [Tartu Ülikooli Kirjastus], 1973.
- . "Stikhotvorenie N. A. Nekrasova 'Vcherashnii den', chasu v shestom..." In *Prepodavanie literaturnogo chteniia v estonskoi shkole*, 28–49. Tallinn: [Tallinna Pegagoogiline Instituut], 1983.
- . *Stilistika russkoi bytovoi povesti 17 veka (Povest' o Frole Skobeeve). Uchebnyi material po drevnerusskoi literature*. Tallinn: [Tallinna Pegagoogiline Instituut], 1986.
- . *Russkii sviatochnyi rasskaz: Stanovlenie zhanra*. Saint-Petersburg: Iazykovoi tsentr filologicheskogo fakul'teta SPbGU, 1995.
- . *Stikhotvorenie N. A. Nekrasova "Vcherashnii den', chasu v shestom..." [Uchebnoe posobie dlia abiturientov]*. Saint-Petersburg: SPbGU, 1996.
- . *Russkaia elka: Istoriia, mifologiiia, literatura*. Saint-Petersburg: Norint, 2002.
- . *Svetlana: Kul'turnaia istoriia imeni*. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2007.
- . "Elena Dushechkina: ochen' zhal', chto obychai semeinogo chteniia ischez." Interview by Tatiana Boeva. *Postimees*. February 14, 2012. Accessed November 15, 2020. <https://rus.postimees.ee/738242/elena-dushechkina-ochen-zhal-cto-obychai-semeynogo-cheniya-ischez>.
- . "Imperial'naia formula' v russkoi poezii." *Studia Slavica Hungarica* 60, no. 1 (2015): 167–82.
- . "Nikolaevkii ukaz 1827 g. v videnii N. S. Leskova (Rasskaz 'Ovtsebyk')." *Vestnik SPbGU. Iazyk i literatura* 14, 2 (2017): 179–85.
- . *Povest' o Frole Skobeeve. Istoriia teksta i ego vospriiatie v russkoi kul'ture*. Saint-Petersburg: Juolukka, 2018.

- Maiorova, O. Review of *Russkii sviatochnyi rasskaz. Stanovlenie zhanra*, by Elena Dushechkina. *Novoe literaturnoe obozrenie* 21 (1996): 411–13.
- Peterburgskii sviatochnyi rasskaz*. Edited and annotated by Elena Dushechkina. Leningrad: Petropol', 1991.
- Russkaia kalendarnaia proza: Antologiiia sviatochnogo rasskaza. Uchebnye materialy po spetskursu*. Edited and prefaced by Elena Dushechkina. Tallinn: [Tallinna Pegagoogiline Instituut], 1988.
- Savel'eva, N. V. "Frol Skobeev: Istoriia i sovremennost'." *Russkaia literatura* 4 (2019): 226–29.
- Sviatochnye rasskazy*. Edited and annotated by Elena Dushechkina. Moscow: Rudomino, 1991.
- Utgof, G. "Kafedra russkoi literatury Tallinskogo pedagogicheskogo instituta im. Eduarda Vil'de: Materialy k bibliografii (1979–1992)." *Slavica Revalensia* 2 (2015): 195–214.

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ БОГОМОЛОВ

(16.12.1950 – 20.11.2020)

Николай Алексеевич был одним из первых настоящих ученых, которых я увидел в жизни. Это был 1989 (кажется) год, когда профессиональный филолог неожиданно оказался нарасхват – журналы и издательства наперебой печатали только что разрешенную литературу, что по странной романтичности эпохи сделалось делом государственной важности. Роль ключаря при сокровищнице только добавляла внушительности его и без того впечатляющему облику, сильно, кстати, на первый взгляд контрастирующему с изящной речью и филигранной тонкости текстами. Последние я уже неплохо знал: напечатанная годом раньше статья про Ходасевича (которая стала предисловием к волюму «Библиотеки поэта») была, вероятно, не для одного меня чем-то вроде филологического откровения: вот так можно и должно писать о поэзии. Но личное знакомство добавило к этому и без того многомерному тексту новые координаты: как если бы выяснилось, что Илья Муромец в свободное от подвигов время пишет венки сонетов.

Вышедшие в год-два после этого комментированные издания Гумилева, Ходасевича, Гиппиус и Георгия Иванова смотрятся из сегодняшнего дня чем-то вроде египетских пирамид: совершенно невообразимо, как один ученый (да даже и с соавторами) мог без компьютера и интернета, не отрываясь от прочих неотложных дел, проделать культурную работу такого масштаба. Такое бывало под силу отдельным титанам и полубогам из прошлого, вроде Бартенева или Семевского – но то, что нам выпала честь быть современниками историографа сходного калибра, требовалось осознать. Между тем с годами детали этой работы поневоле приоткрывались: пишущему эти строки не раз и не два случалось, придя в тот или иной архив в одиннадцатом часу, увидеть за единственным занятым столом безошибочно узнаваемую фигуру и, подойдя поздороваться, встретить насмешливо-дружелюбный взгляд: «Опаздываете, коллега». Работоспособности он был феноменальной: шесть, восемь, десять

часов в архиве без перерыва, сперва за тетрадками, а после за ноутбуком, отвлекаясь лишь на неизбежных посетителей.

Сколько этих часов, складывающихся в дни, недели, месяцы просижено в одних и тех же библиотечных и архивных залах – уже и не сосчитать. Еще больше видено характернейших «см.» в листах использования: иногда с теплотой узнавания, а когда и с затаенным восхищением от неожиданно совпавшей замысловатой архивной догадки, только пришедшей ему в голову четвертью века раньше. В нашей профессии есть свои этические тонкости (и немало): Николай Алексеевич был в этом отношении носителем рыцарства самой высокой пробы, предпочитая лишний раз переспросить, не положил ли кто глаз на такой-то материал – и всегда с легкостью сильнеешего уступая свое неоспоримое первенство. Замечательно тактичен он был и в качестве соавтора: у нас есть несколько совместных работ, а еще одна, большая – только в планах и наметках (Н. А. собирался, сдав юбилейный двухтомник, заняться ею – но увы, увы). Работать вместе – трудно, но с ним было хорошо. «Со всеми Вашими рассуждениями (кроме собак!) согласен», – начинается его последнее письмо ко мне: речь шла о том, кого нужно, а кого не стоит включать в именной указатель.

Сейчас, конечно, думаешь: сколько всего не сказано, не сделано, не дописано. Получив от него в подарок книгу про авторскую песню, я успел (тоже при встрече в ОР РГБ – и стараясь не отвлекать от работы, не транжирить дорогого архивного времени) сказать, как мне понравилось его предисловие с замечательной мемуарной интермедией. «Может быть, напишете воспоминания? Мы издадим». Он хмыкнул и что-то сказал с непередаваемой своей интонацией в том смысле, что посмотрим, есть о чем подумать. И, кажется (а как сейчас проверить), я не постеснялся повторить пришедшее на ум – что когда он вел блог в старом еще ЖЖ (кстати сказать, рачительно сохраненный сервисом)¹, было очень интересно и приятно его читать, так сказать, вне кафедры.

¹ См.: [URL: <https://n-bogomolov.livejournal.com>].

Про кафедру, конечно, нечего и говорить. Студентом я не слышал его лекций, но на конференциях всегда заранее предвкушал удовольствие: в Петербурге, Москве, Вене, Иерусалиме – он, аккуратно ступая, с пачкой отпечатанных листов, легко поднимался на лекторское место – и проводил, фигурально выражаясь, двадцатиминутную экскурсию по местам, куда без проводника никак не попасть. Читал он без аффектированного артистизма, сверяясь с бумагой, но феноменальная логика быстрой мысли в сочетании с классически точной речью производили абсолютно завораживающее впечатление. Совершенным шоком для меня было, что Н. А., несмотря на десятки лекций ежемесячно, волнуется перед каждым докладом не меньше любого дебютанта (случайно разговорились за кулисами). Собственно, эта черта его личности, открывающаяся с годами, требовала с нашей стороны особенной рефлексии: уже давно добившись практически всех возможных для филолога почестей, он ни на градус не сбавлял требовательности к себе. Однажды, по условиям общей работы, мне понадобилось пересверить за ним полсотни страниц текста, набранного еще в докомпьютерную эпоху: на весь этот гигантский корпус не нашлось и одной опечатки. Эта требовательность не обращалась на других – в научном смысле он был в высшей степени великодушен – но само его присутствие рядом взывало к точности.

И не только: будучи сам выдающимся библиографом (профессия по степени самоумаления сочинителя почти монашеская), Н. А. хорошо понимал, чего стоят работы в этой области. И когда я, благодаря обстоятельствам личного характера, на полтора десятка лет переключился с истории литературы на библиографию, он был единственным, кто рецензировал – умно, тонко, благожелательно – все выходящие мои книги. Трудно передать, насколько мне важна была эта поддержка – и, по счастью, я успел сказать ему об этом. Щедр он был необыкновенно: никогда не расточая пустые похвалы, он находил способ подтвердить, что твой текст заинтересовал его и оказался небесполезным. Чаще всего это было какое-то а пропос, но сказанное так, что все делалось понятно: на манер

замечательной догадки в недавней истории о великоустюгском сборнике². Всего месяц назад!

Еще одна область, где мы порою встречались – книжное собирательство: Н. А. был одним из немногих ученых, хорошо понимающих азарт и пользу коллекционирования. Обладая редким даром тактильного чувствования словесности, он превосходно разбирался в предмете – и тоже, между прочим, переносил в эти грубоватые просторы свое привычное благородство: помню, как мы обсуждали одну аукционную новинку – «Если вам не надо, я бы попробовал приобрести».

Пару лет назад, в пылу многолюдных ученых обсуждений (кажется, речь шла об утверждении сметы каких-то многотомных изданий на десятилетия вперед), один из выступавших проговорил – вот петербургские будут делать то-то, а группа Богомолова – то-то (имея в виду нас с коллегами). Я сперва усмехнулся, а потом подумал: «А правда, как иначе сказать? Действительно – группа Богомолова».

А теперь мы одни.

А. Л. Соболев
(Москва)

² См.: [URL: <https://lucas-v-leyden.livejournal.com/299616.html>]; ср. реплику Н. А. Богомолова от 27 октября 2020 г.: «Еще одно соображение: а не могла ли Е. А. Глинка быть дочерью Глинки-Волжского? Глеба-то мы знаем, а вот проверить, не было ли еще детей, – было бы не лишне. Тем более, что и фонд немаленький» ([URL: <https://lucas-v-leyden.livejournal.com/299616.html?replyto=9985376>]).

ABSTRACTS

Alexandra Pakhomova

“VRAZHDEBNOE MORE” (“THE HOSTILE SEA,” 1917) BY MIKHAIL KUZMIN: THE ODE’S POETICS AND CONTEXT

The article explores Mikhail Kuzmin’s poem *The Hostile Sea* (*Vrazhdebnoe More*) in the context of the poet’s attitude to the First World War and the Russian Revolution. It brings into focus the poem’s main images and themes in their relation to the revolutionary rhetoric and Kuzmin’s poetic system. Particular attention is paid to the dialogue between Kuzmin and Vladimir Mayakovsky as reflected in this poem. In addition, the article traces the history of the poem from its creation in 1917 to the poem’s first publication in 1918.

KEYWORDS: 20th-Century Russian Literature, Mikhail Kuzmin (1872–1936), Vladimir Mayakovsky (1893–1930), *Vrazhdebnoe more* (1917), Close Reading, History of Literature.

Alexander Dolinin

ON SOME CONTEXTS AND SUBTEXTS OF NABOKOV’S *PODVIIG*

The article interprets the plot and main themes of Vladimir Nabokov’s *Podvig* (*Glory*, in an imprecise English translation) as an expression of his belief in the heroic potentialities of the modern age. Nabokov plays upon different meanings and connotations of the Russian title word that can mean “high deed” (alluding to the protagonist’s suicidal expedition to communist Russia) but also “path,” “way,” “journey,” and, ultimately, “life” (alluding to his life as a kind of quest). The subtexts of the novel are taken from Russian folklore and poetry, developing upon the motive of “stony path” that originates from Lermontov’s famous “Vykhodu odin ia na dorogu...” (1841) and its echoes in Blok and Mandel’shtam.

KEYWORDS: 20th-Century Russian Literature, Vladimir Nabokov (1899–1977), *Podvig* (1932), Subtext, History of Literature.

Marina Koreneva, Ekaterina Larionova

ANDREI KAISAROV'S "MEMOIR ON SCHLÖZER"

This is a prefaced and thoroughly annotated first publication of Andrei Kaisarov's "Memoir on Schlözer" previously attributed to Alexander Turgenev (the manuscript of the memoir came to us in the Turgenev brothers' archive). The article's first part addresses the question of how this text was created, establishes the year Andrei Kaisarov composed it (1810), and also lists some possible reasons preventing it from being published before. What the article also brings into focus is the conflict between the "Normanist" August Ludwig Schlözer and his opponent, the "anti-Normanist" Gustav Ewers (with whom Andrei Kaisarov sided).

KEYWORDS: 19th-Century Russian Literature, Andrei Kaisarov (1782–1813), August Ludwig Schlözer (1735–1809), "Memoir on Schlözer," Russian-German Relations in the Early 19th century, Russian History.

Lev Sobolev

TWO LETTERS BY PYOTR VYAZEMSKY

This is a prefaced and annotated preprint of a much larger corpus of Prince Pyotr Vyazemsky's letters (see also the previous volume of *Slavica Revalensia*) to the editor of the journal "Russkii arkhiv" ("Russian Archive") Pyotr Bartenev. In these particular two letters written in a span of a week (September 19 and 27, 1868, Old Style) the elderly poet criticizes Bartenev for publishing "Zapiska o kramolakh vragov Rossii" ("A Note on Russia's Enemies' Conspiracies") and shares his marginalia with "Russian Archive's" editor. Written 45 years prior to 1868, this note resounded in Prince Vyazemsky as an example of current (or timeless) religious obscurantism that Prince Vyazemsky loathed.

KEYWORDS: 19th-Century Russian Literature, Prince Pyotr Vyazemsky (1792–1878), Pyotr Bartenev (1829–1921), Correspondence, History of Literature.

Marina Salman

BORIS EICHENBAUM: LETTERS TO IURII NILOL'SKII

This is a prefaced and meticulously annotated publication of Boris Eichenbaum's letters to his friend, an aspiring writer and a student of St. Petersburg University Iurii Nikol'ski. The preface and annotations focus on some previously unknown data concerning Eichenbaum's life story from 1912 to 1917 with a special attention paid to the correspondents' friends. In addition, I publish the initial version of the poem that Eichenbaum dedicated to Ekaterina Malkina vis-à-vis the poem's shorter version from his *Moi Vremennik* (*My Periodical*). I also establish the fact of Eichenbaum's acquaintance with Sasha Chernyi (Alexander Glikberg, 1880–1932).

KEYWORDS: 20th-Century Russian Literature, Boris Eichenbaum (1886–1959), Iurii Nikol'skii (1893–1922), Correspondence, History of Higher Education in Russia, History of Russian Literary Theory and Criticism.

Aija Sakova

LETTERS OF IVAR IVASK TO BORIS PASTERNAK

This is a prefaced publication of three drafts of the letters that an American critic, a university professor, and a multilingual poet Ivar Ivask sent to the author of “Doctor Zhivago” during the last year of Pasternak's life (1959–1960). While Pasternak's answers to Ivask were first published half a century ago in the addressee's translation into English, the letters of Ivask, who initiated the correspondence, are published for the first time. All three letters are reproduced both in the original German, and in the Russian translation by Fedor Poljakov.

KEYWORDS: *Weltliteratur*, Ivar Ivask (1927–1992), Boris Pasternak (1890–1960), Correspondence, History of Literature.

Michail Bezrodnyj

FROM ANNOTATIONS TO “THE QUEEN OF SPADES”: 5–6

This is the second installment in the series of Michail Bezrodnyj’s annotations to Alexander Pushkin’s short story “The Queen of Spades” (see the initial part in *Unacknowledged Legislators: Studies in Russian Literary History and Poetics in Honor of Michael Wachtel*. Berlin et al.: Peter Lang, 2020). In this particular installment Michail Bezrodnyj focuses on three sentences from Chapter 3 –

Two portraits, painted in Paris by Mme. Lebrun, hung on the wall. One of them showed a man about forty years old, red-faced and portly, wearing a light green coat with a star; the other a beautiful young woman with an aquiline nose, with her hair combed back over her temples, and with a rose in her powdered locks. Every nook and corner was crowded with china shepherdesses, table clocks made by famous Leroy, little boxes, bandalores, fans, and diverse other ladies’ toys invented at the end of the last century, along with Montgolfier’s balloon and Mesmer’s magnetism (translated by Paul Debreczeny).

– revealing a list of allusions to some forgotten artifacts (e. g. the *joujou de Normandie* (‘a Norman toy’) that was in fashion in the period from 1792 to 1794) and a number of intertextual references.

KEYWORDS: 19th-Century Russian Literature, Alexander Pushkin (1799–1837), “The Queen of Spades” (1833), Annotations, History of Literature.

Roman Timenchik

FROM AN INDEX TO ANNA AKHMATOVA’S NOTEBOOKS

This article is yet another installment in the series of Roman Timenchik’s annotations to Anna Akhmatova’s *Notebooks* (see also two previous volumes of *Slavica Revalensia*). This particular installment concerns the following persons mentioned in Akhmatova’s notes: Sam N. Driver (1929–2003), Tat’iana Gndich (1907–1976), Alexander Golovin (1863–1930), Ernest Hemingway (1899–1961), and Jovan Jovanović Zmaj (1833–1904). Among other things, it includes the first publication of the surviving fragments of the very first English translation of Akhmatova’s *Poema bez geroia* (*A Poem without a Hero*) made by Tat’iana Gnedich (in whose translation most Russians read *Don Juan* by Lord Byron).

KEYWORDS: 20th-Century Russian Literature, Anna Akhmatova (1889–1966), *Notebooks* (1958–1966), Annotations, History of Literature.

Irina Belobrovtsseva, Olga Demidova

IN MEMORIAM: OLEG ANATOL'EVICH KOROSTELEV
(JANUARY 11, 1959 – MARCH 20, 2020)

This is a double portrait of a foremost expert in Russian émigré literature, a long-term *nauchnyi sotrudnik* (research fellow) of the IMLI RAN (A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences), and the founding editor of the peer-reviewed journal in Russian literature *Literaturnyi fakt*, Oleg Korostelev, a friend of both Irina Belobrovtsseva and Olga Demidova.

KEYWORDS: Oleg Korostelev (1959–2020), obituary.

Grigori Utgof

IN MEMORIAM: JAMES BAILEY (SEPTEMBER 28, 1929 – JULY 20, 2020)

This is an obituary for Prof. James Bailey of the University of Wisconsin-Madison, a distinguished expert in versification studies, an explorer of Russian folklore, and a scholar known for his coining a frequently quoted synonym for a linguo-statistical method to the study of verse: “the Russian method.”

KEYWORDS: James Bailey (1929–2020), obituary.

Henryk Baran

IN MEMORIAM: ELENA VLADIMIROVNA DUSHECHKINA
(MAY 1, 1941 – SEPTEMBER 21, 2020)

This is an obituary for Prof. Elena Dushechkina of the St. Petersburg State University (formerly an employee of E. Vilde Tallinn Pedagogical Institute), a multifaceted scholar whose fields of expertise included Russian Folklore, Old Russian Literature, 19th-century Russian literature (in particular Nikolai Leskov and Nikolai Nekrasov), and 20th-century Russian culture. Prof. Henryk Baran tells the life story of his deceased longtime friend, listing Elena Dushechkina's major

turning points in her career in the academy and her achievements as a Russian literature expert.

KEYWORDS: Elena Dushechkina (1941–2020), obituary.

Alexander Sobolev

IN MEMORIAM: NIKOLAI ALEKSEEVICH BOGOMOLOV
(DECEMBER 16, 1950 – NOVEMBER 20, 2020)

This is a slightly revised republication of the obituary for a distinguished student of the literature of Russian modernism, an editorial board member of *Slavica Revalensia*, Prof. Nikolai Bogomolov of Moscow State University, originally published by Alexander Sobolev in his blog on November 22, 2020 (see: <https://lucas-v-leyden.livejournal.com/301380.html>).

KEYWORDS: Nikolai Bogomolov (1950–2020), obituary.

KOKKUVÕTTED

Aleksandra Pahhomova

МИХАИЛ КУЗМИН ОДИ «ВРАЖДЕБНОЕ МОРЕ» („VAENULIK MERI”, 1917)
POEETIKA JA KONTEKST

Artikkel uurib Mihhail Kuzmini suhtumist Esimesse maailmasõtta ja Vene revolutsiooni luuletuse «Враждебное море» („Vaenulik meri”) põhjal. Fookuses on luuletuse peamised kujundid ja teemad ning nende vastavus revolutsioonilise retoorika ja Kuzmini poeetilise süsteemiga. Erilist tähelepanu pööratakse luuletuses peegelduval dialoogile Kuzmini ja Vladimir Majakovski vahel. Lisaks jälgitakse luuletuse tekstoloogiat alates selle loomisest 1917. aastal kuni esma-
publikatsioonini 1918. aastal.

VÕTMESÕNAD: 20. saj vene kirjandus, Mihhail Kuzmin (1872–1936), Vladimir Majakovski (1893–1930), „Vaenulik meri” (1917), *close reading*, kirjanduslugu.

Aleksandr Dolinin

NABOKOVI „KANGELASTEGU” MÕNINGATEST KONTEKSTIDEST JA
ALLTEKSTIDEST

Artikkel käsitleb Vladimir Nabokovi romaani „Kangelastegu” («Подвиг») süžeed ja põhiteemasid kui autori usu väljendust kaasaja kangelaslikku potentsiaali. Nabokov mängib sõna *подвиг* eri tähenduste ja konnotatsioonidega – see sõna võib tähendada „kõrgemat tegu” (viidates kangelase enesetapjalikule retkele kommunistlikule Venemaale), aga samuti „teed”, „teekonda”, „retke” ning viimaks ka „eluteed” (viidates kangelase elule kui omapärasele otsingule). Romaani alltekstid pärinevad vene folkloorist ja luulest, arendades „kivise tee” motiivi, mis omakorda lähtub Mihhail Lermontovi kuulsast luuletusest «Выхожу один я на дорогу...» („Lähen välja. Kaugel ees kaob uttu...”, 1841) ja selle luuletuse kajast Bloki ja Mandelštami loomingus.

VÕTMESÕNAD: 20. saj vene kirjandus, Vladimir Nabokov (1899–1977), „Kangelastegu” (1932), alltekst, kirjanduslugu.

Marina Korenjoa, Jekaterina Larionova

ANDREI KAISSAROV „MÄLESTUSED SCHLÖZERIST”

Tegu on Andrei Kaissarovi memuaaride «Воспоминание о Шлецере» („Mälestused Schlözerist”) eessõnastatud ja põhjalikult kommenteeritud esmatrükiga; varem on seda teksti omistatud Aleksandr Turgenevile (käsikiri pärineb vendade Turgenevite arhiivist). Artikli esimeses osas vaadeldakse teksti loomise küsimust, määratletakse selle kirjutamise aasta (1810) ja tuuakse esile võimalikke põhjusi, miks teksti varem ei ole avaldatud. Teises osas on fookuses „normanisti” August Ludwig Schlözeri ja tema oponendi, „antinormanisti” Gustav Ewersi (keda pooldas Kaissarov) vaheline konflikt.

VÕTMESÕNAD: 19. saj vene kirjandus, Andrei Kaissarov (1782–1813), August Ludwig Schlözer (1735–1809), „Mälestused Schlözerist” (1810), vene-saksa sidemed 19. sajandi algul, vene ajalugu.

Lev Sobolev

KAJS PJOTR VJAZEMSKI KIRJA

Publikatsioon kujutab endast vürst Pjotr Vjazemski ja ajakirja «Русский архив» (Vene Arhiiv) toimetaja Pjotr Bartenevi vahelise ulatusliku kirjavahetuse kommenteeritud ja eessõnastatud eeltrüki. Nendes nädalase vahega saadetud kahes kirjas (19. ja 27. septembril 1868 vkj) kritiseerib eakas poeet artiklit «Записки о крамолах врагов России» („Märkusi Venemaa vaenlaste vandenõudest”), jagades ajakirja toimetajaga oma ääremärkusi. Hoolimata sellest, et „Märkuste...” tekst oli kirjutatud 45 aastat tagasi, tõlgendas vürst Vjazemski seda tema jaoks põlastusväärse kaasaegse (või alalise) obskurantismi näitena.

VÕTMESÕNAD: 19. saj vene kirjandus, vürst Pjotr Vjazemski (1792–1878), Pjotr Bartenev (1829–1921), kirjavahetus, kirjanduslugu.

Marina Salman

BORISS EICHENBAUM: KIRJAD JURI NIKOLSKILE

Artiklis avaldatakse ja põhjalikult kontekstualiseeritakse Boriss Eichenbaumi kirjad tema sõbrale, noorele kirjanikule ja Peterburi Ülikooli tudengile Juri Nikolskile. Saatesõna ja kommentaarid heidavad valgust mõnele uuele eluloolisele faktile Eichenbaumi elus aastail 1912–1917, samuti käsitletakse mõlema mehe sõpruskonda. Esmakordselt avaldatakse Jekaterina Malkinale pühendatud Eichenbaumi luuletuse esmaredaktsioon koos lühiversiooniga Eichenbaumi raamatust «Мой временник» („Minu päevaraamat”). Tuvastatakse ka tõsiasia, et Eichenbaum tundis Saša Tšornõid (Aleksandr Glikberg, 1880–1932).

VÕTMESÕNAD: 20. saj vene kirjandus, Boriss Eichenbaum (1886–1959), Juri Nikolski (1893–1922), kirjavahetus, Vene hariduslugu, vene filoloogia ajalugu.

Aija Sakova

IVAR IVASKI KIRJAD BORISS PASTERNAKILE

Avaldatakse kolm kirja Boriss Pasternakile, mille Ameerika kriitik, mitmekeelne poet ja saksa kirjanduse õppejõud Ivar Ivask saatis „Doktor Živago” autorile Pasternaki viimasel eluaastal (1959–1960). Pasternaki kirjavastused avaldas Ivask ingliskeelses tõlkes juba pool sajandit tagasi; kirjavahetuse algataja ehk Ivaski enda kirjad ilmuvad siin esmakordselt. Kõik kolm kirja avaldatakse originaalis ehk saksa keeles ja venekeelses tõlkes (tlk Fjodor Poljakov).

VÕTMESÕNAD: *Weltliteratur*, Ivar Ivask (1927–1992), Boriss Pasternak (1890–1960), kirjavahetus, kirjanduslugu.

Mihhail Bezrodnõi

KOMMENTAARIST „PADAEMANDILE”: 5–6

Tegu on teise osaga Mihhail Bezrodnõi kommentaaridest Aleksandr Puškini jutustusele „Padaemand” (vt sarja algust raamatus „Unacknowledged Legislators: Studies in Russian Literary History and Poetics in Honor of Michael Wachtel”), milles käsitletakse järgnevat kolme lauset teose 3. peatükist:

Seintel rippus kaks Pariisis *m-me* Lebruni maalitud portreed. Ühel neist oli kujutatud umbes neljakümneaastane tüse ja punapõskne mees, seljas tähe-
kujulise aumärgiga heleroheline munder; teisel – noor kotkaninaga kaunitar,
juuksed meelekohtadel üles kammitud ja roosiõis puuderdatud soengus. Kõigis
nurkades võis näha portselanist karjatüdrukuid, kuulsa Leroy valmistatud
lauakelli, karbikesi, möödulinte, lehviku- ja mitmesuguseid naiste mänguasju,
mis leiutati möödunud sajandi lõpul koos Montgolfier' õhupalli ja Mesmeri
magnetismiga. (tlk Jüri Piik)

Tuuakse esile allusioone unustatud artefaktidele (nt aastatel 1792–1794 moes
olnud „Normandia mänguasjale” ehk *joujou de Normandie*’le) ning võimalikke
intertekste.

VÕTMESÕNAD: 19. saj vene kirjandus, Aleksandr Puškin (1799–1837), „Pada-
emand” (1833), kommentaarid, kirjanduslugu.

Roman Timentšik

ANNA AHMATOVA „MÄRKMİKUTE” NIMELOENDIST

Tegemist on järjekordse osaga Roman Timentšiku kommentaaridest Anna Ah-
matova „Märkmikutele” (vt ka Slavica Revalensia vols. 5 ja 6). Siinne osa puu-
dutab Ahmatova märkmetes mainitud Sam N. Driverit (1929–2003), Tatjana
Gnditšit (1907–1976), Aleksandr Golovinit (1863–1930), Ernest Hemingwayd
(1899–1961) ja Jovan Jovanović Zmajd (1833–1904). Ühtlasi avaldatakse säilinud
fragmendid Ahmatova «Поэма без реоря» („Poeem ilma kangelaseta”) tõlkest
inglise keelde, mille autoriks on Tatjana Gnditš, kelle tõlkes loevad vene lugejad
ka Byroni „Don Juani”.

VÕTMESÕNAD: 20. saj vene kirjandus, Anna Ahmatova (1889–1966), „Märkmi-
kud” (1958–1966), kommentaarid, kirjanduslugu.

Irina Belobrovtseva, Olga Demidova

IN MEMORIAM OLEG ANATOLJEVIŠ KOROSTELJOV

(11. JAANUAR 1959 – 20. MÄRTS 2020)

Järelehüüe kujutab endast rahvusvaheliselt tunnustatud vene väliskirjanduse uurija, pikaajalise Venemaa Teaduste Akadeemia Maailmakirjanduse Instituudi (Moskva) vanemteaduri, ajakirja «Литературный факт» (Kirjanduslik Fakt) peatoimetaja Oleg Anatoljevitš Korosteljovi topeletportreed lahkunu sõpradelt Irina Belobrovtsevalt ja Olga Demidovalt.

VÕTMESÕNAD: Oleg Anatoljevitš Korosteljov (1959–2020), nekroloog.

Grigori Utgof

IN MEMORIAM JAMES BAILEY (28. SEPTEMBER 1929 – 20. JUULI 2020)

See on järelehüüe Wisconsinis Ülikooli Madisonis professorile, vene värsi ja rahvaluule mainekale uurijale James Bailey, keda muu hulgas tuntakse kui palju kasutatud lingvostatistilise värsi analüüsimeetodi sünonüümi „the Russian method” ehk „vene meetodi” loojat.

VÕTMESÕNAD: James Bailey (1929–2020), nekroloog.

Henryk Baran

IN MEMORIAM JELENA VLADIMIROVNA DUŠETŠKINA

(1. MAI 1941 – 21. SEPTEMBER 2020)

See on nekroloog Peterburi Riikliku Ülikooli professorile (ja endise Eduard Vilde nimelise Tallinna Pedagoogilise Instituudi töötajale) Jelena Vladimirovna Dušetškinal, mitmekülgsel teadlasele, kelle uurimishuvide hõlmasid rahvaluulet, vene muinaskirjandust, 19. sajandi vene kirjandust (Nikolai Leskov, Nikolai Nekrassov jt) ja 20. sajandi vene kultuuri. Autor räägib lahkunu eluloost ning loetleb oma pikaajalise sõbra ja kaasautori tähtsamaid tööalaseid pöördpunkte ja saavutusi vene kirjanduse ja kultuuri uurimise vallas.

VÕTMESÕNAD: Jelena Vladimirovna Dušetškina (1941–2020), nekroloog.

Aleksandr Sobolev

IN MEMORIAM NIKOLAI ALEKSEJEVIČ BOGOMOLOV

(16. DETSEMBER 1950 – 20. NOVEMBER 2020)

Tegu on Moskva Ülikooli professori, silmapaistva vene modernistliku kirjanduse asjatundja ja Slavica Revalensia toimetuskolleegiumi liikme Nikolai Aleksejevitš Bogomolovi nekroloogi täiendatud taasavaldamisega; järelehüüde esmaversion ilmus 22. novembril 2020 Aleksandr Sobolevi blogis (vt <https://lucas-v-leyden.livejournal.com/301380.html>).

VÕTMESÕNAD: Nikolai Aleksejevitš Bogomolov (1950–2020), nekroloog.

АВТОРЫ ЭТОГО ВЫПУСКА

Хенрик Баран – доктор философии (PhD), professor emeritus Университета штата Нью-Йорк в Олбани (University at Albany–SUNY), автор книг «Поэтика русской литературы начала XX века» (М., 1993), «О Хлебникове: Контексты, источники, мифы» (М., 2002) и более 100 статей. Редактор сборников “Semiotics and Structuralism: Readings from the Soviet Union” (New York, 1976), «Чудо рождественской ночи: Святочные рассказы» (совместно с Е. В. Душечкиной; СПб., 1993), “Roman Jakobson: Texts, Documents, Studies / Тексты, документы, исследования” (совместно с С. И. Гиндиным, Е. П. Шумиловой и др.; М., 1999) и мн. др. Принимал участие в подготовке к печати «Писем и заметок Н. С. Трубецкого» (The Hague; Paris, 1975; М., 2004).

E-mail: hbaran@albany.edu

Михаил Владимирович Безродный – доктор философии (Dr. phil.) в области филологии, доцент Гейдельбергского университета. Учился в Тартуском университете (1974–1977) и Ленинградском педагогическом институте (1979–1982), защитил диссертацию в Тартуском университете (1990) под руководством З. Г. Минц. Автор книг «Конец цитаты» (1996), «Пиши пропало» (2003), «Радуга и осьминог» (2016) и «Короб третий» (2019), переводов с эстонского и немецкого и статей о творчестве И. А. Крылова, А. С. Пушкина, Ф. И. Тютчева, Н. В. Гоголя, Фридриха Ницше, Вяч. И. Иванова, А. М. Ремизова, А. А. Блока, Андрея Белого, К. И. Чуковского, В. Ф. Ходасевича, Б. Л. Пастернака, О. Э. Мандельштама, М. А. Булгакова, И. Г. Эренбурга, М. И. Цветаевой, Ю. Н. Тынянова, В. В. Набокова и др.

E-mail: bezrodnyj@gmx.net

Ирина Захаровна Белобровцева – кандидат филологических наук, доктор философии (PhD), professor emeritus Таллинского университета. Закончила историко-филологический факультет Тартуского университета. В 1990 г. защитила кандидатскую диссертацию «Художественные поиски В. Маяковского и группы “ЛЕФ”», в 1997 г. диссертацию на соискание степени PhD «Роман Михаила Булгакова “Мастер и Маргарита”: Конструктивные принципы организации текста». Автор нескольких книг, в том числе «Леонид Зуров. В тени Бунина» (М., 2020). Сфера научных интересов:

история русской литературы XX–XXI вв.; литература и культура русской эмиграции первой волны; компаративные исследования.

E-mail: venefil@tlu.ee

Ольга Ростиславовна Демидова – кандидат филологических, доктор философских наук. В 1990 г. защитила кандидатскую диссертацию «Шарлотта Бронте, Элизабет Гаскелл, Джордж Элиот в России (1850-е – 1870-е гг.)», в 2001 г. – докторскую диссертацию «Эстетика литературного быта русской эмиграции (1920-е – 1960-е гг.)». Автор книг «Метаморфозы в изгнании: эстетика литературного быта русского зарубежья» (СПб., 2003) и «Изгнание как послание: Эстезис и этос русской эмиграции» (СПб., 2015). Области научных интересов: история и философия культуры, история культуры русской эмиграции первой волны, русско-европейские и русско-американские культурные (литературные) связи, история, теория и практика перевода, философия перевода, гендерные исследования. Член Союза писателей Санкт-Петербурга и Союза российских писателей.

E-mail: ord55@mail.ru

Александр Алексеевич Долинин – кандидат филологических наук, professor emeritus Висконсинского университета в Мэдисоне (University of Wisconsin-Madison), член Санкт-Петербургского ПЕН-клуба, автор пяти книг («История, одетая в роман: Вальтер Скотт и его читатели». М., 1988; «Истинная жизнь писателя Сирина: Работы о Набокове». СПб., 2004; 2-е изд.: СПб., 2019; «Пушкин и Англия: Цикл статей». М., 2007; «Комментарий к роману Владимира Набокова “Дар”». М., 2019; «Гибель Запада и другие мемы: Из истории расхожих идей и словесных формул». М., 2020), более 200 статей и заметок, ряда научных комментариев к изданиям Пушкина, Набокова, Киплинга, Фолкнера и других русских и англоязычных писателей.

E-mail: aadolinin@yahoo.com

Марина Юрьевна Коренева – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела взаимосвязей русской и зарубежных литератур Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Сфера научных интересов – история русско-немецких культурных связей XIX–XX вв.

E-mail: marinakoreneva7@gmail.com

Екатерина Олеговна Ларионова – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела пушкиноведения Института Русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Сфера научных интересов – русская литература первой половины XIX в., история русско-европейских культурных связей, текстология.

E-mail: elari@mail.ru

Александра Сергеевна Пахомова – докторант Тартуского университета (диссертация «Писательская стратегия и литературная репутация М. А. Кузмина в раннесоветский период (1917–1923 гг.)»). Закончила Санкт-Петербургский государственный университет (2017) и Европейский университет в Санкт-Петербурге (2017). Сфера научных интересов – творчество М. А. Кузмина, творчество К. К. Вагинова, русская литература первой трети XX в., раннесоветская литература, фольклористика.

E-mail: alexandrit_94@mail.ru

Айя Сакова – доктор философии (PhD), старший научный сотрудник Эстонского культурно-исторического архива при Эстонском литературном музее (ЕКМ ЕКЛА), автор книг „Ausgraben und Erinnern : Denkbilder des Erinnerns und der moralischen Zeugenschaft im Werk von Christa Wolf und Ene Mihkelson“ (Göttingen, 2016), „Mäletamise poeetika: Ene Mihkelsoni ja Chrsita Wolfi romaanid lähivaates“ (Tartu, 2020), „Valu, mälu, kirjandus: kirjanduskriitikat ja vestlusi aastatest 2004–2017“ (Tallinn, 2017), „Elamise julgus, Kirjad Käbile“ (Tallinn, 2019). В 2020 г. вышла ее первая книга стихов „Isa suudlus“ (Tallinn, 2020). См. также: www.aijasakova.com/ru

E-mail: aija.sakova@gmail.com

Марина Григорьевна Сальман – независимый исследователь. Родилась и живет в С.-Петербурге, печатается с 1999 г. Область научных интересов – О. Э. Мандельштам, русские формалисты. Публиковалась в журналах „Wiener Slavistisches Jahrbuch“, «Вопросы литературы», „Russian Literature“, «Русская литература», „Slavica Revalensia“, «Филологические записки», а также в научных сборниках.

E-mail: fontonro@yandex.ru

Александр Львович Соболев – библиограф, историк литературы. Независимый исследователь. Автор аннотированных росписей журналов «Передел» (М., 1997), «Весы» (М., 2003), «Весна» (М., 2012); монографий «Автограф Пушкина» (М., 1998), «Летейская библиотека» (Т. 1–2; М., 2013), «Тургенев и тигры» (М., 2017); антологии «Венеция в русской поэзии: 1888–1972» (совместно с Р. Д. Тименчиком; М., 2019). Подготовил издание: «Михаил Гершензон, Мария Гершензон: Переписка. 1895–1924» (М., 2018). Автор романа «Грифоны охраняют лиру» (СПб., 2020). Научные интересы: русская литература XIX – начала XX вв.

E-mail: trirodov@gmail.com

Лев Иосифович Соболев – окончил филологический факультет МГУ, работает в школе. Публиковался в «Вопросах литературы», «Литературном обозрении», газете «Литература» и в других изданиях. Подготовил и выпустил издания А. С. Пушкина и Л. Н. Толстого для учителей; автор книг «Все начинается с урока» (М., 1980) и «Путеводитель по книге Л. Н. Толстого “Война и мир”» (М., 2012); составитель и автор комментариев к сборнику воспоминаний о Н. С. Лескове (М., 2018). Заслуженный учитель школы Российской Федерации.

E-mail: lev-sobolev@yandex.ru

Роман Давидович Тименчик – кандидат филологических наук, professor emeritus Еврейского университета в Иерусалиме. Выпускник Латвийского университета; защищал диссертацию «Художественные принципы предреволюционной поэзии А. А. Ахматовой» (Тарту, 1982). Автор книг «Печальную повесть сохранить: Об авторе и читателях “Медного всадника”» (совместно с А. Л. Осповатом; М., 1985; 2-е изд.: М., 1987), «Анна Ахматова и музыка: Исследовательские очерки» (совместно с Б. А. Кацем; Л., 1989), «Анна Ахматова в 1960-е годы» (М.; Toronto, 2008; 2-е изд.: «Последний поэт: Анна Ахматова в 1960-е годы». Т. 1–2. М.; Иерусалим, 2014), «Что вдруг: Статьи о русской литературе прошлого века» (М.; Иерусалим, 2008), «Ангелы. Люди. Вещи: В ореоле стихов и друзей» (М.; Иерусалим, 2015), «Подземные классики: Иннокентий Анненский. Николай Гумилев» (М.; Иерусалим, 2017), «История культа Гумилева» (М., 2018), «Венеция в русской поэзии: 1888–1972. Опыт антологии» (совместно с А. Л. Соболевым; М., 2019) и более 400 статей по истории русской культуры начала XX века.

E-mail: suzirom@gmail.com

Григорий Михайлович Утгоф – доктор философии (PhD), доцент Таллинского университета. Автор книги «Синтактические исследования» (Тарту, 2015); основатель и главный редактор журнала „Slavica Revalensia”.

E-mail: utgof@tlu.ee

АВТОРАМ БУДУЩИХ ВЫПУСКОВ

„Slavica Revalensia” печатает ранее не публиковавшиеся исследования и материалы, затрагивающие весь спектр славистической проблематики; решение о публикации поступивших в редакцию рукописей принимается по результатам двойного анонимного рецензирования (double-blind peer review); поиски рецензентов и утверждение рукописей к печати осуществляются редакционной коллегией.

Рукописи статей не должны превышать 1 п. л. (40000 печатных знаков); печатаются работы по-русски и по-английски; к рассмотрению принимаются рукописи, оформленные в соответствии с рекомендациями б. Института славянских языков и культур к правилам оформления, действующим в издательстве Таллинского университета.

Рукописи статей принимаются ежегодно к 1 марта по адресу –

utgof@tlu.ee

– или:

Dr. Grigori Utgof
Tallinna Ülikool
Narva mnt 29, S-331
10120 Tallinn
Eesti / Estonia

Общие рекомендации к оформлению рукописей

Статьи и заметки, печатаемые в „Slavica Revalensia”, структурируются двухчастно: собственно авторский текст (с подстрочными примечаниями) и «Библиография» (после текста). Знаки сноски в тексте статьи представляются в надстрочном индексе (вручную или в режиме “Footnote”).

В библиографическом описании сокращения сводятся к минимуму (за исключением 2-х, 3-х, 4-х и т. д., *вып.* (*выпуск, выпуски*), *избр.* (*избранное, избранные*), *кн.* (*книга, книги*), *№* (*номер, номера*), *отв.* (*ответственный, ответственные*), *пер.* (*перевел, перевела, перевод, переводы*), *полн.* (*полная, полное, полный*), *ред.* (*редактор, редакцией*), *С.* (*страница, страницы*), *собр.* (*собрание*), *сост.* (*составители, составитель, составление*), *соч.* (*сочинений*,

сочинения), *ст.* (статья), *Т.* (том) и *тт.* (томах), а также *Л.* (Ленинград), *М.* (Москва), *Пг.* (Петроград) и *СПб.* (С.-Петербург) в русском тексте и *Ed.* (*edited, editor*), *No* (*number*), *Nos* (*numbers*), *P.* (*page, pages*), *Vol.* (*volume*), а также *Cambridge, Mass.* в тексте английском; на других языках сокращения делаются по аналогии).

Пример 1

Пушкин А. С. 1948. Медный всадник: Петербургская повесть. – Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16-ти тт. Т. 5: Поэмы: 1825–1833. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР. С. 131–150.

Пример 2

Emerson, C. 1994. Переводимость. – *Slavic and East European Journal*. Vol. 38. No. 1. P. 84–89.

В авторском тексте ссылки на источники даются в скобках; ср. пример оформления ссылки на «Медный всадник» –

(Пушкин 1948, 5: 131–150)

– и на статью Кэрил Эмерсон:

(Emerson 1994: 84–89)

Перечень источников в разделе «Библиография» структурируется а) по алфавиту и б) по хронологии:

Эйхенбаум Б. 1922. Мелодика русского лирического стиха. Петербург: ОПОЯЗ.

Эйхенбаум Б. М. 1924а. Как сделана «Шинель» Гоголя. – Эйхенбаум Б. М. Сквозь литературу: Сборник статей. Л.: „Academia“. С. 171–195.

Эйхенбаум Б. М. 1924б. Проблемы поэтики Пушкина. – Эйхенбаум Б. М. Сквозь литературу: Сборник статей. Л.: „Academia“. С. 157–170.

Эйхенбаум Б. М. 1927. Проблемы кино-стилистики. – Поэтика кино / Под ред. Б. М. Эйхенбаума, с предисловием К. Шутко. М.; Л.: Кинопечать. С. 13–52.

Уточнения к порядку референции, цитации и оформления библиографического описания

а) Ссылки на источник даются в статье в круглых скобках, а в примечаниях ссылка в скобки не заключается.

Ср. в тексте статьи:

Так, например, в работе К. Ф. Тарановского «Стихосложение Осипа Мандельштама» (Тарановский 1962: 97–123) отмечалось, что...

Ср. в примечаниях к тексту статьи:

^п Об особенностях ритмики мандельштамовского Х5 см.: Тарановский 1962: 110–111.

Ср. в библиографии:

Тарановский К. 1962. Стихосложение Осипа Мандельштама (С 1908 по 1925 год). – International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. Vol. 5. 's-Gravenhage: Mouton & Co. P. 97–123.

Если в тексте примечаний есть цитата, то в этом случае ссылка на источник дается по тем же правилам, что и в основном тексте статьи – в круглых скобках.

б) Ссылка на иноязычный источник оформляется по тем же правилам, что и ссылка на русский источник (за единственным расхождением: в библиографическом описании иноязычного текста после фамилии автора ставится запятая).

Ср. в тексте статьи:

...и восходят к положениям знаменитой статьи Р. О. Якобсона 1960 г. (Jakobson 1960: 350–377; см. также: Jakobson 1981: 18–51; ср.: Якобсон 1975: 193–230), в которой...

Ср. в библиографии:

Jakobson, R. 1960. Closing Statement: Linguistics and Poetics. – Style in Language / Ed. by Thomas A. Sebeok. Cambridge, Mass.; New York; London: The Technology Press of Massachusetts Institute of Technology; John Wiley & Sons, Inc. P. 350–377.

Jakobson, R. 1981. *Linguistics and Poetics*. – Jakobson, R. *Selected Writings*. Vol. III: *Poetry of Grammar and Grammar of Poetry* / Ed., with a preface, by Stephen Rudy. The Hague; Paris; New York: Mouton. P. 18–51.

Якобсон Р. 1975. Лингвистика и поэтика. – Структурализм: „За“ и „против“: Сборник статей: Пер. с английского, французского, немецкого, чешского, польского и болгарского языков / Под ред. Е. Я. Басина и М. Я. Полякова. М.: Издательство «Прогресс». С. 192–230.

с) Если в исходном тексте есть фрагменты, которые выделены курсивом и/или разбивкой, эта черта источника сохраняется при цитации.

Ср. в тексте статьи:

...а также в следующем фрагменте:

And that obscurely corrupted soldier dit of singular genius

Nadezhda, I shall then be back

When the true batch outboys the riot . . .

and Turgenev's only memorable lyrical poem beginning

Morning so nebulous, morning gray-drawing,

Reaped fields so sorrowful under snow-coverings

and naturally the celebrated pseudo-gipsy guitar piece by Apollon Grigoriev (another friend of Uncle Ivan's)

O you, at least, do talk to me,

My seven-string companion,

Such yearning ache invades my soul,

Such moonlight fills the canyon!

"I declare we are satiated with moonlight and strawberry soufflé—the latter, I fear, has not quite 'risen' to the occasion," remarked Ada in her archest, Austen-maidenish manner (Nabokov 1969: 437).

Ср. в библиографии:

Nabokov, V. 1969. *Ada or Ardor: A Family Chronicle*. New York; Toronto: McGraw-Hill Book Company.